ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

1 9 4 0

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

10-й год издания **№ 8** Август 1940 г.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

О РАБОТЕ В. И. ЛЕНИНА «ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

(Ленинский план приступа к социалистическому строительству)

Гром пушек крейсера «Аврора» возвестил всему миру начало новой эры в истории человечества — эры Великой Октябрьской социалистической революции.

В этот памятный исторический день с докладом о задачах власти советов выступил среди боевых, торжественных ликований делегатов Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов гений революции — Владимир Ильич Ленин. При бурных криках одобрения Ленин заявил, что совершившаяся третья русская революция — наступившая новая полоса в России — должна в своем конечном итоге привести к победе социализма. Задачу возникшей в огне революции молодой советской власти Ленин в конце этого своего исторического доклада выразил так: «В России мы сейчас должны заняться постройкой пролетарского социалистического государства».

Все враждебные пролетарской диктатуре силы выступили против только что создавшейся, молодой советской власти. С оружием в руках поднялись царский генерал Краснов и бежавший из Зимнего дворца Керенский, демагогическую, подрывную работу вели меньшевики и эсеры. Саботировали Каменев и Зиновьев. Им помогали Троцкий, Рыков, Бухарин и другие, ковавшие заговоры и измены. Фабриканты и заводчики, их руководящие слуги и низшие приказчики занимались саботажем и вредительством.

Борясь с предательством и изменой, саботажем и контрреволюционными мятежами, трудящиеся массы молодой Советской России, руководимые партией Ленина—Сталина, принялись за упрочение советской власти.

«Чтобы упрочить Советскую власть, нужно было разрушить, сломать старый, буржуазный государственный аппарат и на его месте создать новый аппарат Советского государства. Нужно было, далее, разрушить остатки сословного строя и режим национального гнета, отменить привилегии церкви, ликвидировать контрреволюционную печать и контрреволюционные организации всякого рода, легальные и нелегальные, распустить буржуазное Учредительное собрание. Наконец, нужно было вслед за национализацией земли национализировать также всю крупную промышленность и затем — выйти из состояния войны, покончить с войной, которая более всего мешала делу упрочения Советской власти.

Все эти мероприятия были проведены в продолжение нескольких месяцев с конца 1917 года до середины 1918 года» («История ВКП(б)», стр. 204).

Закипела живая, настоящая, советская работа: рабочие и крестьяне, руководимые партией большевиков, занялись настоящим делом, то есть впервые в истории человечества плодотворной рубкой леса, как выражался Владимир Ильич, и корчеванием пней помещичьей и капиталистической эксплоатации.

Еще не достаточно опытные, не достаточно умелые руки трудящихся с револю-

ционной решительностью и энтузиазмом сметали со своего исторического пути забор, мешавший дотоле забитым, угнетенным массам идти вперед, к светлому будущему коммунистического общества, всеобщего благосостояния и прочного мира.

Трудящиеся массы Советской России, руководимые большевиками, в несколько дней разрушили одну из самых варварских и мощных монархий и в несколько недель свергли буржуазию, победив ее открытое вооруженное сопротивление.

Это было подлинно победное триумфальное шествие большевизма по всей Советской России, из конца в конец нашей громадной родины.

Вслед за всемирноисторическими декретами о мире и земле от 8 ноября 1917 года, 12 ноября был опубликован декрет о восьмичасовом рабочем дне, а 29 ноября было опубликовано положение о рабочем контроле. Через два с половиной месяца после победы советской власти и образования советского правительства Владимир Ильич, делая на III всероссийском с'езде советов доклад о деятельности Совета народных комиссаров, сообщил делегатам с'езда, что́ было сделано за срок, который был лишь на пять дней больше всего периода существования Парижской коммуны.

Ленин, сообщая о мерах, осуществленных советским социалистическим правительством, указал тогда, что одной из первых мер, направленных к тому, чтобы не только исчезли с лица земли русской помещики, но и для подрыва вкорне господства буржуазии и возможности гнета капитала над миллионами и десятками миллионов трудящихся, был переход к национализации банков. Этим самым был подорван важнейший источник капиталистических богатств и обеспечено правильное распределение богатств в интересах народа. Затем были аннулированы государственные займы и приступлено к конфискации, национализации заводов. Ленин при этом отметил, что образованием Высшего совета народного хозяйства, национализацией банков и железных дорог создана возможность приняться за постройку нового, социалистического общества.

В результате всей небывалой в истории человечества огромной творческой революционной работы за короткий период между ноябрем 1917 года и февралем 1918 года, названный Лениным периодом «красногвардейской атаки на капитал», советской власти удалось подорвать вкорне и сломить хозяйственную мощь буржуазии.

Что собою представляла «красногвардейская атака» на капитал? Советское правительство, проводя решительно рабочий контроль, осуществляя неуклонно диктатуру пролетариата, сокрушало насильственными методами сопротивление капиталистов: отбирались фабрики и заводы, конфисковывались капиталы. Владельцев предприятий, их инженеров-руководителей, злостно саботировавших и вредительствовавших, рабочие арестовывали и под конвоем направляли на работу. В отличие от щепетильного отношения деятелей Парижской коммуны к французскому банку, что явилось роковой ошибкой для судеб Коммуны, советское правительство, когда Государственный банк отказал в выдаче денег, направило туда отряд красногвардейцев, появление которых вынудило его воротил открыть несгораемые шкафы банка.

Буржуазия, меньшевики и эсеры злобствовали по поводу этих единственно возможных тогда методов советской власти по отношению к классовым врагам пролетариата. В ответ на это Ленин писал: «Нас часто упрекали лакеи буржуазии в том, что мы вели «красногвардейскую» атаку на капитал. Упрек нелепый, достойный именно лакеев денежного мешка. Ибо «красногвардейская» атака на капитал в с в о е в р е м я предписывалась обстоятельствами безусловно: во-первых, капитал сопротивлялся по-военному, в лице Керенского и Краснова, Савинкова и Гоца... Военное сопротивление нельзя сломать иначе, как военными средствами, и красногвардейцы делали благороднейшее и величайшее историческое дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых от гнета эксплуататоров» (Соч. Т. XXII, стр. 445).

Разрушив и сломав весь аппарат буржуазного государства, советская власть сосредоточила в руках советского государства командные высоты народного хозяйства и победоносно ликвидировала первые попытки контрреволюции опрокинуть диктатуру пролетариата, свергнуть власть советов.

Но все эти замечательные победы, одержанные трудящимися массами Советской России, несмотря на их грандиозность были только первой ступенью, которая вела от разрушения старого, буржуазного порядка к построению порядка нового, социалистического.

Весна 1918 года и явилась тем историческим поворотным пунктом, когда начался переход к новому этапу социалистического строительства, то есть начался переход от периода экспроприации экспроприаторов к периоду организационного закрепления одержанных побед, строительства советского народного хозяйства.

* * *

В статье «Главная задача наших дней», написанной 11 марта 1918 года, Владимир

Ильич сообщает о широко задуманной большевиками системе социалистических преобразований, которая должна быть осуществлена в результате установления диктатуры пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством. Этой системой социалистических преобразований большевики, полные непреклонной решимости, намечали «добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной» (там же, стр. 376).

Для победоносного достижения этой великой цели, указывал тогда Ленин, требуются дисциплина и организация, стройное сотрудничество на основе новейшей машинной индустрии, строжайший учет и контроль. Этого как раз тогда и не хватало. Ибо только эти условия могли привести молодую пролетарскую диктатуру, так победоносно ознаменовавшую свое установление, к победоносному концу.

Ленин считал, что передышка, полученная Советской Россией после заключения брестского мира, должна быть при напряжении всех сил использована для того, чтобы взяться за построение фундамента социалистической экономики. Ленин видел, что передышка эта — временная и что будет она очень короткой, он знал, что получена эта передышка благодаря тому, что на Западе империалистическая бойня между двумя группами держав еще продолжалась со всем ожесточением, а на Дальнем Востоке империалистическое соперничество разгоралось все шире и шире. Ленин называл создавшуюся передышку самой слабой веревочкой, за которую держится советская власть. Международное положение Советской России Ленин считал тогда чрезвычайно непрочным и, безусловно, критическим.

В связи со всем этим Ленин в своей программной работе «Очередные задачи советской власти» в конце марта 1918 года указывал: «Необходимо крайнее напряжение всех наших сил, чтобы использовать предоставленную нам стечением обстоятельств передышку для излечения тягчайших ран, нанесенных всему общественному организму России войной, и для экономического под'ема страны, без чего не может быть и речи о скольконибудь серьезном повышении обороноспособности» (там же, стр. 440).

В этой своей работе, поставившей вопросы социалистического строительства, создания новых, социалистических производственных отношений, дисциплины и организации труда, Ленин в качестве важнейшей, первоочередной задачи выдвинул задачу организационную. Он требовал, чтобы большевики — политические руководители народа, организаторы советской власти — раньше всех других поняли, что необходимо научиться по-новому организовать производство и управлять им.

Ленин при этом исходил из решающего, принципиального, коренного различия, которое отличает революцию буржуазную от революции социалистической.

Советское государство явилось небывалым дотоле, новым в истории человеческого общества явлением. Формы его жизни и сущность его деятельности требовали иной, принципиально отличной от буржуазного государства постановки организационных задач. Надо было, как всегда делали большевики, организационные задачи поднять на высоту политических задач, так победоносно разрешавшихся Советской Россией.

Это была новая постановка новых задач, новая ориентация Советской России в налаживании чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений. Эти организационные отношения должны были обеспечить планомерное производство и распределение продуктов, так как от этого зависело существование и дальнейшее развитие миллионов людей, только что сбросивших с себя ярмо насилия и эксплоатации.

В чем заключалась новизна этой задачи?

Раньше, до Великой Октябрьской революции, как при царизме, так и в период между февралем и октябрем 1917 года, первой задачей партии большевиков было убедить трудящиеся массы, большинство народа, в правильности ее программы и тактики. События и факты показали, что большевикам действительно удалось завоевать массы на свою сторону.

Второй задачей большевистской партии было овладение путем вооруженного восстания политической властью и подавление сопротивления эксплоататорских классов. Рабочий класс, поддержанный беднейшим крестьянством, под руководством партии Ленина — Сталина сумел создать советскую власть, которая отразила и подавила первые попытки контрреволюционной буржуазии вернуть себе вновь господствующее положение.

Третья же задача, вставшая как главная, центральная очередная задача, выдвинувшаяся к весне 1918 года, заключалась в организации управления Россией.

«Мы, партия большевиков,— писал Ленин,— Россию убедили. Мы Россию отвоевали — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией управлять» (там же, стр. 441). Задачу управле-

ния Советской Россией Ленин назвал труднейшей и благодарнейшей задачей социалистической революции. Почему это была труднейшая задача в тот период? Да потому, что речь шла об организации по-новому самых глубоких, то есть экономических, основ жизни миллионов людей. Почему эту задачу назвал Ленин самой благодарной из всех задач? Да потому, что только после того, как эта задача в основных и главных чертах решена, предвидел Ленин, можно сказать, что Россия стала не только советской, но и социалистической республикой.

Выдвинув на первый план эту труднейшую и благодарнейшую задачу, то есть задачу организации управления Советской Россией, Владимир Ильич разработал во всех подробностях, соответственно конкретному историческому моменту весны 1918 года, свой гениальный план приступа к социалистическому строительству.

Что же собой представляла, чем была тогда, весной 1918 года, Советская страна?

Ленин указывал, что в экономике, хозяйстве молодой социалистической республики имеются «элементы, частички, кусочки и капитализма, и социализма», что элементы эти составляют пять основных и притом различных общественно-экономических укладов, имеющихся налицо в России. Ленин перечисляет эти элементы: 1) патриархальное, то есть в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство, 2) мелкое товарное производство (сюда относилось большинство крестьян из тех, кто продает хлеб), 3) частнохозяйственный капитализм, 4) государственный капитализм и 5) социализм. «Россия так велика и так пестра,— говорил Ленин,— что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней».

Теперь, через двадцать два года, из всех укладов, которые переплетались в тогдашней Советской России, остался и победил только один — пятый, социалистический уклад. Великий Советский Социалистический Союз совершает постепенный переход от социализма к коммунизму. Гениальный ленинский план тогда определил дальнейшее развитие народов нашей страны по пути к коммунизму. И сегодня, как тогда, ленинские идеи о главном и основном: о производительности труда, о дисциплине труда, о соревновании, о борьбе с врагами организованного, социалистического труда — являются для нашей Советской страны сильнейшим, решающим орудием к действию.

* * *

Господство буржуазии и война оставили советской власти в наследство мучительнейшую разруху, голод, безработицу, тяжелый и непрочный мир. Возможно наиболее быстрого и решительного восстановления разрушенных производительных сил, излечения ран, нанесенных войной, экономического под'ема Советской страны, прочной охраны элементарного порядка — вот чего настоятельно требовал момент.

Поэтому Ленин, исходя из этих нужд момента, в интересах организации жизни миллионов и миллионов масс, создания необходимейших основ для построения социализма выдвинул как очередной и главный лозунг момента: «...веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде» (там же, стр. 443).

В этом видел Ленин единственное условие спасения вконец разоренной, до полусмерти истерзанной страны, а проведение этого лозунга в жизнь советской властью, ее методами, ее законами Ленин считал достаточным для победы социализма.

Ленин также видел все трудности, связанные с выполнением этого лозунга. Он предупреждал, что только путем длительных и упорных усилий лучших и сознательнейших рабочих и крестьян можно добиться перелома в настроении масс и их перехода к правильному, выдержанному, дисциплинированному труду в такой мелкокрестьянской стране, как Советская Россия того времени, которая всего только год, как свергла царизм, и менее полугода, как сбросила господство буржуазии.

Переход к выдержанному, дисциплинированному труду, на основе общенародного учета и контроля, являлся условием завершения победы пролетариев и полупролетариев города и деревни над буржуазией и в особенности над наиболее многочисленным и упорным эксплоататорским классом — кулачеством.

Таков был глубочайший смысл сформулированного Лениным главного лозунга момента.

Что должна была обозначать в тот период задача завершения победы над буржуазией?

От более простой формы борьбы с буржуазией, от «красногвардейской атаки» на буржуазию—то есть от ее экспроприирования, в результате чего она была побеждена, но далеко еще не сломлена, не вырвана с корнем, не уничтожена до конца,— предстояло перейти к новой, высшей форме борьбы с ней. На очередь дня Ленин

выдвинул задачу создания таких условий, при которых дальнейшее существование буржуазии было бы невозможно и возникновение новой буржуазии было бы исключено. Задача заключалась в том, чтобы так перепахать почву всей экономики Советской России, чтобы на ней вовсе не могла расти никакая буржуазия. От разрешения этой более высокой и более трудной задачи зависело построение социалистического общества.

Трудность новой формы борьбы заключалась в том, что от прямого наступления путем экспроприаций и атак на капитал надо было перейти к учету того, что отнято у буржуазии, к контролю за тем, что и как производится на тех предприятиях и в тех отраслях, которые вместо частнокапиталистической стали общенациональной, советской, социалистической собственностью.

Решающим условием победы в выполнении этой задачи являлась организация строжайшего и всенародного учета и контроля за производством в стране и распределением производственных материальных богатств среди населения.

Учет и контроль, указывал Ленин,— первое материальное условие введения социализма, а его второе условие, столь связанное и столь же решающее, — повышение в общенациональном масштабе производительности труда.

Это означало своего рода «приостановку» красногвардейского наступления на капитал, переход к иным, более высоким, более сложным методам борьбы с ним. Ленин об'яснял сущность этого положения примером из области военной.

«Пояснить это можно,— писал Ленин,— сравнив наше положение в войне против капитала с положением того победоносного войска, которое отняло, скажем, половину или две трети территории у неприятеля и вынуждено приостановить наступление, чтобы собраться с силами, увеличить запасы боевых средств, починить и подкрепить коммуникационную линию, построить новые склады, подвести новые резервы и т. д. Приостановка наступления победоносного войска в подобных условиях является необходимой, именно в интересах отвоевания у неприятеля остальной территории, т. е. в интересах полной победы. Кто не понял, что именно такова предписываемая нам об'ективным положением дела в настоящий момент «приостановка» наступления на капитал, тот не понял ничего в переживаемом политическом моменте» (там же, стр. 444).

Ленин при этом раз'яснял, что «приостановку» надо понимать не в буквальном смысле слова, что, в то время как на войне можно на деле приостановить наступление, в войне против капитала приостановить наступление нельзя, что, следовательно, не может быть и речи о прекращении экспроприации буржуазии. Вопрос лишь заключался в том, что, если до весны 1918 года в центре деятельности советской власти были мероприятия по экспроприации экспроприаторов, то сейчас на первый план выдвинулась другая задача: появилась необходимость изменения центра тяжести нашей экономической и политической борьбы в сторону работы по организации пролетарского учета и контроля работы, отставшей от работы непосредственной «экспроприации экспроприаторов».

От «красногвардейской атаки» на капитал, от кавалерийских налетов Ленин считал необходимым перейти к тяжелой артиллерии — побеждать не только и не столько методами подавления, сколько методами управления. Это была высшая, более сложная, более трудная задача.

Одним из элементов этой задачи было использование советской властью буржуазных специалистов. Известно напоминание товарища Сталина на XVIII с'езде ВКП(б) о том, что наиболее влиятельная и квалифицированная часть буржуазной интеллигенции откололась от всей массы старой интеллигенции, стала саботажничать и об'явила войну молодой советской власти. Другая часть старой интеллигенции, менее квалифицированная, но более многочисленная, топталась на одном месте, выжидая «лучших времен». И только третья часть старой интеллигенции, еще менее квалифицированная, главным образом ее рядовая часть, присоединилась к трудящимся и пошла за советской властью.

Те из интеллигентов, которые саботажничали, вредительствовали, боролись против диктатуры пролетариата, понесли заслуженную кару; те, кто топтался на одном месте, выжидая для себя «лучших» времен, то есть реставрации капиталистических отношений, подверглись необходимому принуждению со стороны власти советов. И среди общих мероприятий по осуществлению всей системы социалистических преобразований Ленин, исходя из того, что без руководства специалистов различных отраслей знания, техники переход к социализму невозможен, наметил также особые меры по отношению к буржуазным специалистам: Ленин предложил согласиться на очень высокую оплату «услуг» крупнейших буржуазных специалистов.

Это был известный и частичный шаг назад сравнительно с «красногвардейской атакой» на капитал, но «поход» против

капитализма, писал Ленин, оказался в миллион раз труднее всяких самых трудных военных походов.

Среди очередных задач экономической и финансовой политики, выдвинутых новой обстановкой, важнейшими были: создание советской банковской системы, монополизация внешней торговли, государственная торговля, государственный контроль за денежным обращением, введение удовлетворительного, с пролетарской точки зрения, поимущественного и подоходного налогов и установление трудовой повинности. Владимир Ильич, говоря об этих задачах, снова и снова подчеркивал, что правильно понять новую политику, при которой центр тяжести в борьбе против буржуазии передвигается на всенародный учет и контроль за производством и распределением продуктов, можно только в том случае, если ясно видеть, в какой степени такой учет и контроль отстали от работы по экспроприации экспроприаторов.

Какие же задачи ставил Ленин в области экономической и финансовой политики советской власти?

При всех случаях Ленин требовал такой организации дела, чтобы «сначала реально провести в жизнь простейшее, организовать хорошенько наличное, а затем уже подготовлять наиболее сложное».

Советская власть в период «красногвардейской атаки» на капитал национализировала банки, экспроприировала денежные вклады капиталистов и продолжала неуклонно идти к превращению банков в «узловые пункты общественного счетоводства при социализме». Но для наведения порядка в уже сделанном, для создания новых, советских условий во всей банковской системе работы Ленин требовал серьезных мероприятий. Он требовал увеличения числа местных отделений по привлечению вкладов в банки, по облегчению для граждан внесения и выдачи денег, по устранению «хвостов», по поимке и расстрелу взяточников и жуликов. В разрешении этих «простейших» (а на самом деле очень трудных и сложных) задач Ленин требовал строжайшей организованности, дисциплины, культуры, последовательного всенародного учета и контроля за производством, за работой на фабриках и заводах, на земле и в учреждениях.

Одной из командных высот, которой советская власть за три с половиной месяца своего существования прочно овладела, была и государственная монополия на хлеб, кожу и пр. На базе этих достижений подготовлялось введение такой новой решающей командной высоты, как монополизация государством всей внешней торговли. Ленин при этом отмечал, что «вся возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем-ли мы в течение известного переходного времени выплатой некоторой дани иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность».

Среди методов налета «легкой кавалерии» на буржуазию при «красногвардейской атаке» на капитал не последнее место занимало наложение денежных контрибуций на буржуазию. Эта мера встречала всяческое одобрение со стороны пролетариата. Но это был, скорее, прием отвоевания России от богатых для бедных чем прием организованного революционного управления Советской страной. Ленин требовал перехода от системы контрибуций к правильно, государственно организованной, более выгодной системе поимущественного и подоходного налогов. Именно потому, что это мероприятие предполагало бóльшую налаженность всей работы, бóльшую опытность и бóльшие знания, оно требовало более налаженного учета и контроля.

Ленин отмечал, что советы ввели с некоторым опозданием трудовую повинность, а между тем проведение этой необходимейшей меры должно было окончательно закрепить завоеванное и подготовить операцию по «окружению» капитала, с тем чтобы заставить его «сдаться».

Эта мера также требовала серьезнейшей подготовительно-организационной работы, особенно если иметь в виду, что вводить трудовую повинность надо было прежде всего для богатых, для всех буржуа, в том числе и деревенских. Введение рабочих и потребительских бюджетных книжек должно было привести к полному «окружению» буржуазии, к созданию действительно всенародного учета и контроля за производством и распределением продуктов.

Таков был новый фазис борьбы с буржуазией, намеченный Лениным в его плане приступа к строительству социализма в Советской России.

* * *

В чем, по мысли Ленина, заключалось значение борьбы за всенародный учет и контроль, которую он назвал коренным вопросом для всей социалистической революции?

Ленин снова и снова раз'ясняет, что общенародный учет и контроль являются обязательными условиями для закрепления дальнейших успехов пролетарской диктатуры. «Пройдет неизбежно известное время,— говорил Владимир Ильич,— пока массы, впервые почувствовавшие себя свободными после свержения помещиков и буржуазии, поймут — не из книжек, а из

собственного, советского опыта — поймут и почувствуют, что без всестороннего, государственного учета и контроля за производством и распределением продуктов власть трудящихся, свобода трудящихся удержаться не может, возврат под иго капитализма неизбежен» (там же, стр. 450).

Смысл борьбы за всенародный учет и контроль, по Ленину, заключался в разрыве с прошлым, которое приучало массы к индивидуализму, приучало смотреть на куплю-продажу, на добычу хлеба и одежды как на «частное» дело. Эта борьба, подчеркивал Владимир Ильич, и есть величайшая, имеющая всемирноисторическое значение борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности.

Эта социалистическая сознательность должна была стать первейшим условием развертывания всех неисчислимых плодотворных возможностей, заложенных в советском строе, поставившем себе задачу создания более высокого общественного строя сравнительно с обществом буржуазной эксплоатации. Такого строя, где народные массы могут подняться в материальном и культурном отношении на несравненно более высокую ступень,— такого строя можно добиться, учил Ленин, только при добросовестном учете производства и потребления, при экономии труда и неуклонном повышении его производительности, ибо социализм, говорил Ленин, требует сознательного и массового движения вперед к высшей производительности труда по сравнению с капитализмом.

Среди всех важнейших очередных задач советской власти, которые Ленин ставил перед партией и страной, он на первый план выдвинул самую важную, наиболее первоочередную задачу, задачу повышения производительности труда. Эту задачу Ленин определил как коренную задачу, разрешение которой только и может создать более высокий чем капитализм общественный уклад — уклад социалистический.

Эта задача была одной из наиболее трудных, решающих задач. В чем состояли ее особенности, в чем заключалось историческое значение этой задачи?

«Если центральной государственной властью, — раз'яснял Владимир Ильич, — можно овладеть в несколько дней, если подавить военное и саботажническое сопротивление эксплуататоров даже по разным углам большой страны можно в несколько недель, то прочное решение задачи поднять производительность труда требует, во всяком случае (особенно после мучительнейшей и разорительнейшей войны), нескольких лет» (там же, стр. 453).

Ленин разработал детальнейший план создания условий, необходимых для быстрейшего и наиболее эффективного повышения производительности труда.

Ленин исходил из того, что производительность труда — в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм, указывал Ленин, создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда.

Ленин неоднократно указывал, что спасение Советской страны в создании крупной социалистической индустрии. И подлинный под'ем производительности труда в стране может быть создан только на базе крупной промышленности. Вот почему Владимир Ильич особо останавливается на обеспечении материальной основы крупной социалистической индустрии.

Что такое, по Ленину, эта материальная основа? Это — топливо (лес, уголь, нефть, торф), железо, машиностроение, химическая промышленность, водные силы; их надо усиленно разрабатывать приемами новейшей техники. В этом Ленин видел основу невиданного в нашей стране прогресса производительных сил.

Но это была только одна сторона дела. Нужен был еще ряд и других обязательных условий для повышения производительности труда, за создание которых надо было взяться во что бы то ни стало.

К этой второй группе условий Ленин относил образовательный и культурный под'ем массы населения, повышение дисциплины трудящихся и их уменья работать, повышение спорости, интенсивности труда, лучшую его организацию, серьезную борьбу с проявлениями недисциплинированности, расхлябанности, дезорганизации, разгильдяйства.

Особо выделил Ленин вопрос о дисциплине труда.

6 мая 1918 года Ленин на I с'езде советов народного хозяйства развернул и обосновал свои гениальные мысли о решительной необходимости создания новой, социалистической дисциплины труда, о безотлагательной необходимости внедрить ее смысл и значение в сознание трудящихся Советской страны. Ленин назвал эту задачу самой трудной задачей, которую приходится практически разрешать. Это была гигантская задача, за разрешение которой впервые в истории человечества,

в истории России взялся пролетариат — самый передовой класс общества.

Ленин при этом рассматривал эту задачу в исторической перспективе. Раньше дисциплину создавали господствующие классы. В крепостной России общегосударственную дисциплину труда организовывали крепостники-помещики. Что это была за дисциплина? «Это был гнет, надругательство и неслыханные каторжные муки для большинства народа». При переходе от крепостного права к буржуазному хозяйству положение немногим изменилось, ибо этот переход означал, указывал Ленин, переход от старой, крепостной дисциплины палки, от дисциплины бессмысленнейшего, самого наглого и грубого надругательства и насилия над человеком, к дисциплине буржуазной, к дисциплине голода, так называемого вольного найма, которая на самом деле была дисциплиной капиталистического рабства. Это была простая смена одних рабовладельцев другими, одних эксплоататоров другими угнетателями, которые сами в своих собственных, своекорыстных интересах устанавливали необходимую им, полезную только для них одних дисциплину крепостнического, дисциплину буржуазного, каторжного труда.

После победоносной Октябрьской революции, свергнувшей диктатуру буржуазии, наша страна впервые подошла к такому поворотному пункту истории, когда миллионы трудящихся и эксплоатируемых сами в своих собственных интересах стали создавать свою, новую дисциплину — дисциплину трудовую, дисциплину товарищеской связи, дисциплину советскую.

Сознательный пролетариат, поддержанный трудовым крестьянством, стал ломать, разбивать гнусную, палочную дисциплину капиталистического общества и добровольно, по собственному почину стал заменять дисциплину, основанную на эксплоатации и рабстве трудящихся, дисциплину по указке сверху, новой дисциплиной—дисциплиной об'единенного труда, дисциплиной об'единенных рабочих и трудящихся масс крестьянства.

Этому решающему делу Ленин придавал такое грандиозное значение, что он подчеркнул, что только тогда, когда эта труднейшая и благодарнейшая задача будет решена практически, «лишь тогда будет вбит последний гвоздь в гроб погребаемого нами капиталистического общества» (Соч. Т. XXIII, стр. 44).

При этом Ленин указывал, что новая дисциплина, дисциплина трудовая, вырабатывается трудящимися в повседневной трудовой практике и что «это дело займет целую историческую эпоху».

Весь «успех социализма,— писал Ленин в брошюре «Очередные задачи советской власти»,— немыслим без победы пролетарской сознательной дисциплинированности над стихийной мелко-буржуазной анархией» (Соч. Т. XXII, стр. 454). А мелкобуржуазная стихия была самым опасным врагом пролетарской диктатуры, она угрожала существованию советской власти, ибо она, эта мелкобуржуазная стихия, являлась настоящим залогом возможной реставрации керенщины и корниловщины.

Ленин призывал об'явить крестовый поход против дезорганизаторов производства, крестовый поход для того, чтобы трудовая дисциплина распространилась по всей стране, чтобы самые широкие массы поняли, что другого выхода нет. Иначе — возврат к тем порядкам, которые устанавливают буржуа и помещики, когда они находятся у власти.

«Примером,— говорит Ленин на с'езде комиссаров труда 22 мая 1918 года,— может служить то, что мы видим на Украине и в Финляндии: неслыханные зверства и моря крови, которыми буржуазия и ее сторонники от кадетов до эсеров заливают города, побеждая их при помощи своих союзников. Все это показывает, что ждет впереди пролетариат, если он не выполнит своей исторической задачи» (Соч. Т. XXIII, стр. 35).

Ленин принимал непосредственное участие в выработке положения о трудовой дисциплине. Президиум Высшего совета народного хозяйства с участием Ленина поручил Всероссийскому совету профессиональных союзов переработать резолюцию о трудовой дисциплине в форму декрета Совета народных комиссаров.

Ленин выдвинул перед всем советским народом задачу — учиться работать—во всем ее грандиозном об'еме. Для этого он предлагал ввести сдельную плату, научиться применять все то научное и прогрессивное, что добыто капитализмом в области организации труда, решительно бороться с уравниловкой, соразмерять заработки с общими итогами работы предприятия.

Всякая крупная машинная индустрия— этот материальный и производственный фундамент социализма, указывал Ленин, требует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей.

Непременным условием создания дисциплины и порядка Ленин считал единоначалие. «Надо научиться,— писал Ленин,— соединять вместе бурный, бьющий весенним половодьем, выходящий из всех берегов, митинговый демократизм трудящихся масс с *железной* дисциплиной во время труда, с *беспрекословным* по-

вниновением — воле одного лица, советского руководителя, во время труда» (Соч. Т. XXII, стр. 464).

Так же, как в выработке основ трудовой дисциплины, Владимир Ильич принимал непосредственное участие в разработке основ, утверждающих единоначалие.

Поднять на требуемую высоту задачи повышения производительности труда и усиления трудовой дисциплины означало вместе с тем заложить основы социалистического соревнования, с одной стороны, а с другой стороны, применять методы принуждения так, чтобы «лозунг диктатуры пролетариата не осквернялся практикой киселеобразного состояния пролетарской власти».

Ленин требовал, чтобы ни один жулик, отлынивающий от работы, не гулял на свободе, а сидел бы в тюрьме или отбывал наказание на принудительных работах.

Ленин развернул грандиозный план организации социалистического соревнования. Еще в начале января 1918 года в своей работе «Как организовать соревнование?» Ленин учил, что «социализм не только не угашает соревнования, а напротив, впервые создает возможность применить его действительно широко, действительно в массовом размере, втянуть действительно большинство трудящихся на арену такой работы, где они могут проявить себя, развернуть свои способности, обнаружить таланты, которых в народе—непочатой родник и которые капитализм мял, давил, душил тысячами и миллионами» (там же, стр. 158).

Особое место при этом отводил он отчетности, гласности в производстве хлеба, одежды и других продуктов и предметов. Он указывал на решающее значение печати, которая должна служить подлинным орудием социалистического строительства, разоблачая и клеймя лодырничанье и недисциплинированность и популяризируя героев социалистической стройки. Он требовал внимания к статистике, на которой трудящиеся могли бы учиться понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать.

Дело организации трудового соревнования, как и разрешение всех новых задач, выдвинутых Владимиром Ильичем, требовали настоящих организаторов из народа, из самой толщи трудящихся масс. Ленин верил в великие творческие, организаторские способности рабочего класса, он знал, как много подняла Октябрьская революция людей, соединявших в себе беспредельную преданность социализму с уменьем без шума налаживать подлинно дружную, совместную работу больших масс людей в рамках советской организации.

«Организаторских талантов в «народе», — писал Ленин, — т.-е. среди рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян, масса; их тысячами давил, губил, выбрасывал вон капитал, их не умеем еще найти, ободрить, поставить на ноги, выдвинуть — мы. Но мы этому научимся, если примемся — со всем революционным энтузиазмом, без которого не бывает победоносных революций,— учиться этому» (там же, стр. 457). Только они, только эти организаторские таланты, при поддержке масс, говорил Ленин, могут спасти Россию и спасти дело социализма.

Особое внимание Владимир Ильич уделил центральной задаче — укреплению диктатуры пролетариата, организации советского государства. Чтобы решительно провести в жизнь намеченные мероприятия, являвшиеся переходными от капитализма к социализму, чтобы справиться с элементами разложения, хулиганства, подкупа, спекуляций, чтобы справиться с разного рода проявлениями мелкобуржуазной, анархической стихии, «нужно время, — говорил Ленин, — и нужна железная рука» (там же, стр. 459). Ленин издевался над теми, кто уверял, что создать стройную советскую организацию, повысить трудовую дисциплину возможно без принуждения. «Было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать,— говорил он,— что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму» (там же, стр. 458). Ленин требовал, чтобы диктатура пролетариата была подлинной железной властью, революционно-смелой и быстрой, беспощадной в подавлении как эксплоататоров, так и хулиганов.

Молодая Советская республика, где элементы мелкой буржуазии были многочисленны, а пролетариат был в значительном меньшинстве (что являлось минусом Октябрьской революции, как отмечал товарищ Сталин), стояла перед опасностью утонуть в мелкобуржуазной стихии.

Эта стихия сказывалась в непонимании народнохозяйственной и политической связи голода и безработицы с распущенностью в дисциплине и организации, эта стихия сказывалась в укоренившемся мелкособственническом взгляде: «Мне бы урвать побольше, а там — хоть трава не расти!»

Ленин это видел и предупреждал, что чем ближе страна подходит к полному военному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нее стихия мелкобуржуазной анархичности. Борьбу с этой стихией нельзя вести только пропагандой и агитацией, только организацией со-

ревнования: ее надо вести и принуждением.

В связи с этим Ленин требовал, чтобы только что созданные советские народные суды стали подлинными органами пролетарской диктатуры, орудиями воспитания к дисциплине.

Учет и контроль за производством и распределением, меры по организации и дисциплине труда, организация социалистического соревнования для победы социализма, для усиления обороноспособности молодой Советской республики должны быть направлены против богатых, против жуликов, тунеядцев и хулиганов, которых Ленин называл отбросами человечества, его безнадежно гнилыми и омертвевшими членами, заразой, чумой и язвой, оставленными социализму по наследству от капитализма. «Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся, — призывал Ленин, — ...богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главные разряда паразитов, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов, — требовал Ленин, — надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо расправляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно. Всякая слабость, всякие колебания, всякое сантиментальничанье в этом отношении было бы величайшим преступлением перед социализмом».

Со всей настойчивостью добивался Ленин, чтобы партия большевиков, трудящиеся массы неослабно работали над развитием организации советов и советской власти. Среди важнейших мероприятий, разработанных Лениным и в этой области, он особенно настойчиво предлагал привлекать всех членов советов, поголовно всю бедноту к практическому участию в управлении, разработать порядок бесплатного выполнения государственных функций каждым трудящимся, по завершении им его восьмичасового рабочего дня, решительно осуществлять право отзыва депутатов и вообще всякие меры действенного контроля снизу, со стороны широчайших трудящихся масс.

Контроль снизу для неустанного уничтожения сорной травы бюрократизма, для борьбы с опасностью превращения советов в некоторое подобие парламентских говорилен должен был органически сочетаться с борьбой против киселеобразного состояния власти, за решительную, революционную диктатуру.

Таковы те основные очередные задачи советской власти, которые Ленин поставил перед большевистской партией и перед всей страной в своем плане приступа к социалистическому строительству. Разрешив успешно первую задачу революции — об'единение усилий трудящихся масс против эксплоататоров для их свержения, — также и вторую задачу революции — под'ем низовых масс на поверхность общественной жизни и переход их на сторону большевиков, — партия большевиков подошла к третьему великому этапу революции, поставившему самую трудную и самую благородную задачу, разрешение которой, как выражался Владимир Ильич, должно было дать Советской России социалистические порядки. Задача эта, говорил Ленин, — «закрепить то, что мы сами отвоевали, что мы декретировали, узаконили, обсудили, наметили, — закрепить в прочные формы повседневной трудовой дисциплины» (там же, стр. 464). «Мы этому еще не научились», — говорил Ленин. Но Ленин был твердо убежден, что «мы этому научимся».

Заключая в конце апреля 1918 года свои краткие «Тезисы об очередных задачах советской власти» для заседания Всероссийского центрального исполнительного комитета, на котором Владимир Ильич делал свой доклад, он следующим образом формулировал суть своего замечательного плана приступа к строительству социализма: «Железная дисциплина и до конца проведенная диктатура пролетариата против мелкобуржуазных шатаний — таков общий и итоговый лозунг момента».

Именно в этом заключалась центральная задача момента. Здесь нашел Ленин то основное звено цепи, за которое он настойчиво требовал ухватиться, чтобы страна была в состоянии разрешить все очередные задачи, вставшие с такой силой перед ней в тот труднейший и сложнейший период. «Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунистом вообще, — писал Ленин. — Надо уметь найти в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, при чем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты, и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи» (там же, стр. 466). Это особое звено цепи Ленин гениально выдвинул в виде борьбы решительной и беспощадной за организацию труда, за его высокую производительность и железную дисциплину.

* * *

Всякого рода мелкобуржуазные течения, партии, группы крайне враждебно отнеслись к главному лозунгу момента — об

учете и контроле, о железной трудовой дисциплине,—выдвинутому Лениным. Они, эти ненавистники социализма, социальный источник которых — взбесившийся мелкий хозяйчик, — эксплуатировали чувства ненависти и недоверия масс к буржуазному государству, чтобы переносить их на советское, социалистическое государство, требовавшее учета и контроля, организованной производительной работы и дисциплины труда.

Одновременно враждебная большевистской партии группа троцкистов и бухаринцев, именовавшая себя для маскировки группой «левых коммунистов», повела против ленинского плана, как и в вопросе о брестском мире, провокаторскую политику, маскируемую левыми фразами.

«Левые коммунисты», выступая заодно с эсерами и меньшевиками, повели борьбу против Ленина и по этим вопросам. Бухарин, Осинский и другие выступали против насаждения дисциплины, против единоначалия на предприятиях, против использования специалистов в промышленности, против проведения хозяйственного расчета. Они клеветали на Ленина, утверждая, что такая политика означает возврат к буржуазным порядкам. Одновременно «левые коммунисты» проповедывали троцкистские взгляды, что социалистическое строительство и победа социализма в России невозможны.

За «левыми» фразами у «левых коммунистов» скрывалась защита кулака, лодыря, спекулянта, которые были против дисциплины и враждебно относились к государственному регулированию хозяйственной жизни, к учету и контролю» («История ВКП(б)», стр. 211—212).

Тогда еще не было известно, партия большевиков не знала, что «левые коммунисты» — это банда заговорщиков, вместе с «левыми эсерами» замышлявшая арест и убийство Ленина, Сталина и Свердлова. Ленин перед всем народом гениально вскрыл сущность «левых коммунистов» как взбесившихся мелких буржуа, как врагов коммунизма, которые в отличие от большевиков, от сознательных рабочих России не хотели вести борьбы против мелкособственнического развала, против мелкобуржуазной недисциплинированности. «Нам истерические порывы не нужны,— говорил Ленин.— Нам нужна мерная поступь железных батальонов пролетариата».

Ленин, Сталин, большевики, разоблачив перед массами контрреволюционную сущность «левого коммунизма», разгромили «левых коммунистов». Партия большевиков, руководимая Лениным и Сталиным, принялась с величайшим энтузиазмом, со всем напряжением революционных сил выполнять гениальный ленинский план приступа к социалистическому строительству. Началась мерная поступь железных батальонов пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, по пути к социализму.

Выполнению этого глубоко разработанного плана помешала начавшаяся через несколько месяцев, к лету 1918 года, иностранная военная интервенция, поддержанная контрреволюционными мятежами врагов советской власти внутри России, начавших гражданскую войну.

Но после того, как это военное нападение международного капитала на страну Советов окончилось полным крахом, партия большевиков под руководством Ленина и Сталина уже в иной, значительно более благоприятной внешней и внутренней обстановке приступила весной 1921 года к осуществлению новой экономической политики, основные черты которой были гениально предвосхищены Лениным и разработаны еще весной 1918 года в его работе «Очередные задачи Советской власти».

На основе ленинского гениального плана наша Советская страна, руководимая великим продолжателем дела Ленина — товарищем Сталиным, — построила фундамент социалистической экономики, стала великим социалистическим государством рабочих и крестьян и совершает свой всемирноисторический постепенный переход от социализма к коммунизму.

На этом величественном историческом пути, где далеко позади остались хозяйственная разруха и крайняя военная слабость Советской республики, весны 1918 года, великий Советский Союз победоносно разрешает новые грандиозные задачи.

Бессмертная работа В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти» — гениальный ленинский план приступа к социалистическому строительству, — его великие заветы учат глубокому и всестороннему пониманию тех мероприятий, которые проводятся на нынешнем историческом этапе нашего развития в нашей стране под руководством Великого Сталина и которые связаны с постановлением Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов и Указом Президиума Верховного Совета СССР о восьмичасовом рабочем дне и семидневной рабочей неделе, с борьбой за дисциплину труда и за его наивысшую производительность, с созданием максимальной обороноспособности нашей страны, с мудрой внешней сталинской политикой, с борьбой за полную победу коммунизма.

Б. ВОЛИН.

С. Гопнер

II ВСЕМИРНЫЙ КОНГРЕСС КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА

(19 июля—6 августа 1920 года)

1

II всемирный конгресс Коммунистического Интернационала занимает исключительно выдающееся место в истории мирового коммунистического движения. Громадная историческая роль этого конгресса заключается в том, что он в момент первого послевоенного мирового революционного кризиса вооружил молодые коммунистические партии основами большевистской программы, стратегии, тактики и организации и тем самым укрепил Коммунистический Интернационал как единую мировую марксистско-ленинскую партию.

Международная обстановка, в которой собрался II всемирный конгресс Коммунистического Интернационала, характеризовалась крайним обострением общего кризиса капиталистической системы.

Война, которая «захватила весь мир» и «не позволила ни одному государству оставаться нейтральным на деле» (Ленин), была окончена. Вступил в силу версальский договор, была организована Лига наций. Версальский договор и организация Лиги наций изображались торжествовавшими победу империалистами Антанты и их социал-лакеями из II интернационала, как наступление новой эры мира и демократии. А между тем версальский мир обострил как никогда раньше все внутренние и внешние противоречия капиталистической системы.

Победители торжествовали, но покрытая трупами и развалинами Европа походила больше на кладбище чем на рай. Правда, первый послевоенный мировой экономический кризис еще полностью не развернулся: он стал свирепствовать несколько позже. Но искусственное оживление промышленности, вызванное переводом ее с военных рельсов на мирные и повышенным спросом, уже не могло заслонить надвигавшуюся черную тень невиданно острого экономического кризиса. Послевоенная безработица приняла неслыханно массовый характер. Эта безработица и рост дороговизны обрушились тяжелым бременем на трудящихся.

Победители торжествовали, но в их лагере не прекращалась грызня из-за дележа добычи. Проблема репараций, которых Германия платить не могла, превращалась в проблему международных долгов, которая сталкивала лбами Францию, Англию и США.

У самой колыбели Версаля и Лиги наций их хозяева уже чувствовали, что почва уходит у них из-под ног. Не могло быть речи о мировой гегемонии империалистов, пока существовала Советская Россия. Победители, спустив с цепи панскую Польшу, самое уродливое детище Версаля, разожгли польско-советскую войну, чтобы еще раз после поражения войск интервентов в России попытаться чужими руками удушить ее и этим укрепить версальский «мир».

Советская Россия еще отбивалась от империалистической интервенции, но уже ясно видна была близкая победа Красной Армии на всех фронтах. К моменту II конгресса решающие победы Красной Армии на польском фронте, близость окончательной победы над интервентами и внутреннее укрепление Советской России были крупнейшим, международного значения итогом полутора с лишним лет, истекших со времени I конгресса.

В результате Версаля $1\frac{1}{4}$ миллиарда человек, или 70% населения земного шара, по вычислению Ленина, оказалось угнетенным в колониях и побежденных странах; не больше $\frac{1}{4}$ миллиарда осталось в странах, уцелевших на старом положении, и не больше $\frac{1}{4}$ миллиарда жителей—в странах победивших, в которых, «разумеется, лишь верхушка, лишь капиталисты» (Ленин) воспользовались плодами победы. Ленин уже тогда предвидел, что в результате войны не только страны побежденные, но и страны-победительницы окажутся в тупике и что бремя кризиса ляжет прежде всего на рабочий класс и широкие трудящиеся массы этих стран. «...Империалистская война создала также и для стран победительниц положение невозможное» (Ленин. Т. XXV, стр. 335).

Война окончилась, но трудящиеся массы во всех капиталистических странах, в

том числе в странах победивших, испытывали на своей спине ее жестокие последствия. В открытых революционных выступлениях рабочие массы выражали свою готовность последовать примеру трудящихся Советской России.

В Германии, Австрии, Болгарии и других побежденных странах не поддающиеся описанию бедствия масс, для которых ни о каких, даже самых иллюзорных «благах мира» не могло быть и речи, служили источником революционного кризиса.

Ленин на II конгрессе, указав на обострение всех противоречий империализма как на результат войны, говорил, что война, «путем Версальского договора, навязала им (побежденным.—С. Г.) такие условия, что передовые народы оказались па положении колониальной зависимости, нищеты, голода, разорения и бесправности, ибо они на многие поколения договором связаны и поставлены в такие условия, в которых ни один цивилизованный народ не жил» (там же, стр. 332).

Ленин и Сталин еще в период подготовки версальского договора разоблачили его разбойничий характер, вскрыли заложенные в нем противоречия и опасности новой войны, предсказали его неизбежный крах и повели против него непримиримую борьбу.

«Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей»,— говорил Ленин на II конгрессе (там же, стр. 338). Еще I конгресс сорвал маску с социал-демократии, которая и в странах-победительницах и в странах побежденных вместе с империалистами взяла на себя ответственность за Версаль.

Мировой революционный кризис, разразившийся под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, продолжался.

После I конгресса мировое коммунистическое движение извлекло наиболее богатые уроки из боев за советскую власть в Венгрии и Баварии. 21 марта 1919 года возникла Венгерская советская республика. Рабочий класс Венгрии временно пришел к власти. Этому предшествовали полное банкротство буржуазии и ее партий, глубоко назревший революционный кризис, переросший в революционную ситуацию. Все силы империалистов — и прежде всего империалистов стран-победительниц — были направлены к немедленному удушению нового очага пролетарской революции. Антанта послала против венгерских советов румынские белые войска и чехословацкие легионы. Несмотря на тяжелое международное положение и громадные внутренние трудности венгерские советы разоружили жандармерию и полицию, организовали

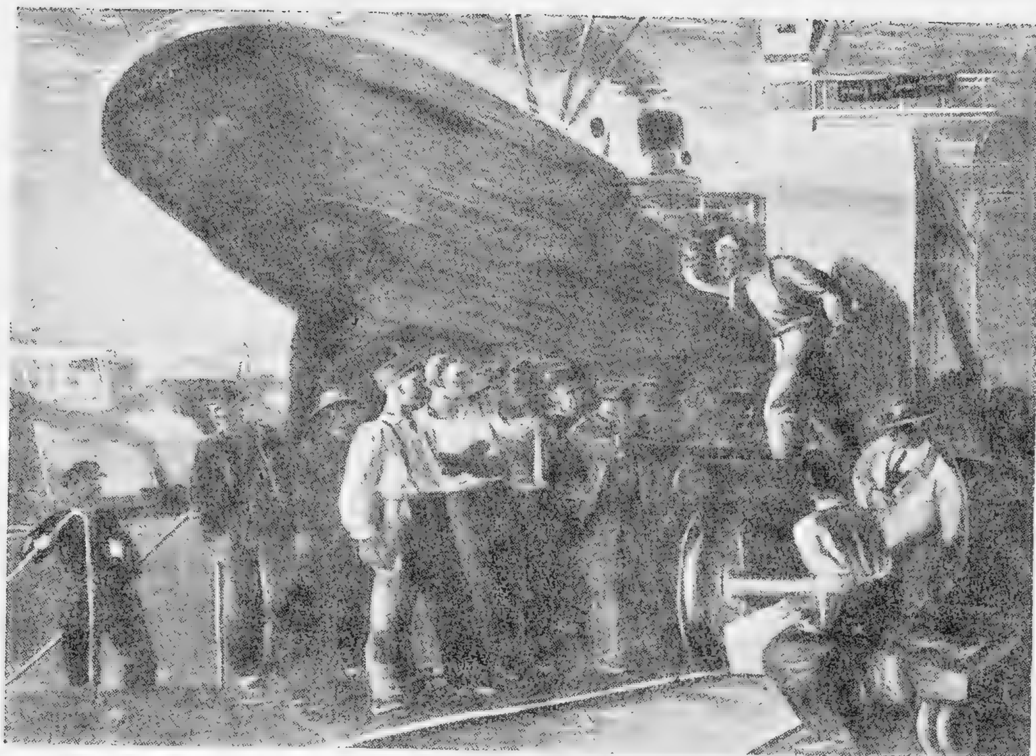

Демонстрация рабочих полков. Будапешт. 1919 год.
Музей революции СССР.

красную армию и приступили к национализации банков и крупной промышленности. В течение своего кратковременного ($4\frac{1}{2}$ месяца) существования венгерские советы вели героическую борьбу против об'единенных сил внутренней и иноземной контрреволюции. В неравном бою Венгерская советская республика была разгромлена. Но, несмотря на это, ее кратковременное существование имело крупнейшее международное значение. Советская Венгрия оказала большое влияние на развитие революционного кризиса в странах Европы. Борьба венгерской красной армии против сил интервенции, отвлекая военные силы Антанты, сыграла известную роль в деле поддержки Советской России.

Главными причинами разгрома Венгерской советской республики были, наряду с громадным перевесом сил интервентов, предательство венгерских социал-демократов и почти полное отсутствие действительно эффективной международной помощи венгерским рабочим со стороны рабочих соседних стран. Венгерские социал-демократы, заключив формальный блок с венгерскими коммунистами, за их спиной сговорились со своей буржуазией и с интервентами.

В момент революции в Венгрии и глубокого революционного кризиса в других странах Центральной Европы, когда только что родился Коммунистический Интернационал, главной задачей коммунистов в каждой стране было создание и укрепле-

Забастовка в знак солидарности с СССР в английском порту.
С картины худ. Одинцова.

Музей революции СССР.

ние самостоятельной коммунистической партии и четкая ее большевистская стратегия и тактика. А между тем венгерские коммунисты распустили свою партию, слились организационно с социал-демократами и дали им себя обмануть. Этим они облегчили социал-предателям их измену, сыгравшую решающую роль в поражении советской Венгрии.

«Ни один коммунист не должен забывать уроков Венгерской Советской республики. Об'единение венгерских коммунистов с реформистами дорого стоило венгерскому пролетариату»,—писал Ленин во введении к «Условиям приема в Коммунистический Интернационал» (там же, стр. 280).

Коммунисты Венгрии недооценили задачу привлечения в качестве союзника на сторону пролетарской революции венгерского крестьянства. Они отказались от раздела земли между крестьянами и этим способствовали полной изоляции пролетариата и ускорению его поражения.

Почти полностью те же ошибки повторили коммунисты Баварии во время кратковременного существования советской республики в Баварии. Как и в Венгрии, пролетарская революция в Баварии была предана социал-демократией.

Уроки революционных боев в Венгрии и Баварии ярко подчеркнули, что решающую роль для победы пролетариата играет подлинно коммунистическое, большевистское руководство, что без крепкой марксистско-ленинской партии победа невозможна даже, когда ряд других условий победе благоприятствует.

Несмотря на разгром пролетариата в Венгрии и Баварии буржуазия во всех странах Европы дрожала за свое господство, испытывая животный страх перед социалистической революцией.

Начало 1920 года ознаменовалось ростом движения в защиту Советского Союза. Усилилось давление рабочих на вождей реформистских профсоюзов и социал-демократических партий и на буржуазные правительства в пользу прекращения интервенции против Советской России. Английские рабочие в этот период создают «комитеты действия», требуют в печати и на митингах от правительств Англии и Франции прекращения войны Польши против Советской России, снятия с нее голодной блокады, официального признания советской власти и посылают в мае 1920 года в Москву первую рабочую делегацию. Из других революционных выступлений этого периода крупное значение имели всеобщая

забастовка в Болгарии, подавление рабочими Берлина каппювского путча (март 1920 года), всеобщая забастовка в Польше, всеобщая железнодорожная забастовка итальянских рабочих, требовавших прекращения отправки военных материалов для панской Польши и белой Венгрии. Назревали крупнейшие революционные бои в Италии.

Мировой характер революционного кризиса и его глубина проявились и в бурном под'еме национально-освободительной борьбы и демократического движения в колониях и полуколониях. На первом месте в этот период по размаху антиимпериалистической борьбы стояли Китай, Корея, Индия. В Китае ширилось возглавлявшееся гоминданом антиимпериалистическое и прежде всего антияпонское движение, центром которого стал промышленный Шанхай и в котором все больше возрастала роль рабочего класса. В Корее массовое движение против японской оккупации переплеталось с борьбой труда против капитала и с борьбой крестьянства против помещиков.

2

Ярким выражением революционного кризиса является в этот период рост коммунистического влияния в массах и распад партий II интернационала. Массовое бегство рабочих из старых социал-демократических партий являлось самой знаменательной чертой этого периода. Однако особенностью этого процесса было то, что значительные массы социал-демократических рабочих переходили к центристам.

Временный успех «независимых» об'ясняется существом центризма, как скрытого, замаскированного оппортунизма, «левыми» маневрами вождей центризма, их громадным опытом оппортунистического, беспринципного приспособления к изменившимся условиям, их искушенностью в обмане масс. Причину этого явления надо искать также в слабостях и в ошибках молодого коммунистического движения. Ленин указывал, что сектантские ошибки, допущенные I с'ездом германской коммунистической партии (отказ от участия в выборах в Национальное собрание и от работы в профсоюзах), немало способствовали успеху германских «независимых».

В Германии центристы под непосредственным давлением масс, которые после февральской революции в России быстро левели, сорганизовались в апреле 1917 года в самостоятельную «Независимую социал-демократическую партию Германии». (По поводу того, что эти ловкие социал-предатели демагогически назвали себя «независимой» партией, Ленин говорил, что

Плакат, выпущенный в честь II конгресса Коминтерна. 1920 год.
Худ. Моор. Музей революции СССР.

они «независимы от пролетариата и зависимы от буржуазии»).

Организационный разрыв «независимцев» с шейдемановцами, несомненно, поднял их начавший падать авторитет в массах. За ними пошли сотни тысяч революционных рабочих, которым «независимцы» таким образом ловко заградили путь к коммунистам.

Дальнейший путь германских «независимых» идет через их участие совместно с шейдемановцами в правительстве «народных уполномоченных» и ряд «левых» маневров (комиссия «социализации», словесное признание советов и диктатуры пролетариата). Эти маневры «независимых» облегчили шейдемановцам новый ряд гнусных предательств в ноябрьской революции.

Вскоре после основания Коммунистического Интернационала германские «независимцы» под напором революционных масс об'явили о выходе из II интернационала и даже начали переговоры с III Интернационалом о вступлении в его ряды, прислав для этого в Москву накануне II конгресса своих делегатов, которым конгресс предоставил совещательные голоса.

Во Франции центристы из французской социалистической партии во главе с Лонге (лонгетисты) пришли в 1917 году к руко-

водству, отстранив от него открытых социал-шовинистов во главе с Ренолелем. Реноделевцы, однако, не были исключены из партии и даже продолжали занимать видные посты. А коммунисты, группировавшиеся вокруг «Комитета III Интернационала», были идеологически и организационно ещё очень слабой группой. Лонгетисты, как и ренолелевцы, воспевали Версаль. Не порывая со II интернационалом, стремясь на деле лишь к реорганизации его, они заявляли в то же время о признании общих принципов III Интернационала. Несмотря на эти маневры лонгетистов процесс полевения рабочих масс и во Франции развивался быстро. Уже в феврале 1920 года дебаты на с'езде социалистов Франции в Страсбурге сосредоточились на вопросе об отношениях к III Интернационалу и привели фактически к расколу партии: большинством 4330 голосов против 337 с'езд постановил выйти из II интернационала, а резолюция о присоединении к III Интернационалу собрала 1621 голос.

Итогом этого было то, что и французская социалистическая партия прислала на II конгресс свою делегацию центристов для переговоров с III Интернационалом.

Кроме крупнейших центристских партий Германии и Франции центристские партии ряда других стран (Италии, Норвегии, Швеции, Англии, Финляндии, Испании) одна за другой выходили из II интернационала и выносили постановления либо о присоединении к III Интернационалу либо о вступлении с ним в переговоры. Даже центристская группа Мартова в марте 1920 года заявила о разрыве организационной связи со II интернационалом.

Эта картина массового бегства из II интернационала, ярко иллюстрируя его банкротство, означала крупнейший триумф коммунизма.

«Через год, немногим больше, после I конгресса Коммунистического Интернационала, — писал Ленин, — мы выступаем теперь победителями по отношению ко II Интернационалу...» (т а м ж е, стр. 345).

После I конгресса известие об основании III Интернационала и призыв I конгресса прозвучали революционным набатом для широких масс рабочих, штурмовавших твердыни капитализма. Между I и II конгрессами молодые коммунистические партии ряда стран на с'ездах и совещаниях заявляют о своем присоединении к III Интернационалу. Ранее присоединившиеся подтверждают свою принадлежность к нему. Возникают десятки новых коммунистических партий, групп и течений.

О бурном росте коммунистического движения говорил состав II конгресса. В отличие от исторического I конгресса, который был сравнительно малочислен, II конгресс по количеству участников и качественному составу был первым всемирным конгрессом. В нем наряду с многочисленными делегациями от коммунистических партий передовых капиталистических стран участвовали делегации революционных групп трудящихся от крупнейших колоний и полуколоний.

На II конгрессе было представлено 37 стран, в нем участвовало 169 делегатов с решающим голосом и 48 — с совещательным. Организации молодежи имели 12 решающих голосов, а представители ряда некоммунистических, но сочувствующих, в частности синдикалистских, организаций и течений получили 31 решающий и 23 совещательных голоса.

За прошедшие между I и II конгрессами 16 с лишним месяцев коммунистические организации получили свое первое боевое крещение. В пламени всемирноисторических классовых битв, среди которых первое место после основания Коминтерна занимают советские революции в Венгрии и Баварии, западноевропейские коммунистические партии накопили уже первый боевой опыт. На II конгрессе «сплотились уже не только передовые провозвестники пролетарской революции, а делегаты крепких и могучих организаций, связанных с массами пролетариев» (т а м ж е, стр. 370).

В этот период особенно сказалась та черта Ленина, которую подчеркнул товарищ Сталин, говоря, что «...именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным» (И. С т а л и н «О Ленине», стр. 22. Госполитиздат. 1939). Бурные успехи Коммунистического Интернационала, тот факт, что он становится «модой», особенно же словесное признание лидерами центризма лозунга диктатуры пролетариата и официальные заявления некоторых из них о готовности вступить в ряды Коммунистического Интернационала, усиливают бдительность Ленина. Разве те, кто одной рукой стучались в двери Коммунистического Интернационала, другой не предавали революцию повсюду, где она возникала?

Ленин задолго до II конгресса, в период подготовки Октября и накануне I конгресса, разоблачил в своих классических трудах «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» антимарксистский, предательский характер «левых» маневров центристов. «Самое опасное со стороны «Бернского» Интернационала, это — словесное признание диктатуры пролетариата. Эти люди способны все признать, все подписать, лишь бы остаться во главе рабочего движения», — писал Ленин (т. XXIV, стр. 397). Ленин вы-

смеял и заклеймил центристский лозунг сочетания советов и буржуазной демократии.

Задача изоляции вождей центризма и недопущения их в Коминтерн была неразрывно связана с задачей завоевания сотен тысяч революционных рабочих, еще входивших в центристские партии.

Настаивая на беспощадной борьбе против вождей оппортунизма, Ленин одновременно требует различия в приемах работы, по отношению к «вождям», с одной стороны, и к массам рядовых членов центристских партий — с другой. «...к массам надо научиться подходить особенно терпеливо и осторожно, чтобы уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы» (Ленин. Т. XXV, стр. 318).

Задачу полного разоблачения центристских маневров перед широкой массой социал-демократических рабочих и недопущения центристов в Коминтерн Ленин считал одной из главных задач II конгресса.

Если, с одной стороны, растущему коммунистическому движению грозила центристская (правая) опасность, то, с другой стороны, в этот период отчетливо вырисовалась внутри молодых коммунистических партий опасность «слева».

Из того, что история поставила в порядок дня борьбу за советскую власть, «левые», проповедуя по существу анархистские идеи, выводили требование выхода из «реакционных» (т. е. реформистских) профсоюзов и отказа коммунистов от участия в буржуазных парламентах и других органах буржуазной демократии.

«Анархизм нередко являлся своего рода наказанием за оппортунистические грехи рабочего движения. Обе уродливости взаимно пополняли друг друга», писал Ленин. (Там же, стр. 180).

Упрощенный путчизм «левых» обнаруживал непонимание и боязнь трудностей борьбы за массы. Теоретическая беспечность, незнакомство с историей большевизма были также отличительной чертой болезни «левизны». Недооценка или даже полное отрицание роли пролетарской партии и вождей в революции говорили также о неизжитых люксембургианских предрассудках.

«Левый» оппортунизм на том этапе Ленин считал болезнью роста, но болезнью настолько опасной, что он уделил борьбе с ней громадное внимание и, как известно, накануне II конгресса посвятил специально ей свою гениальную работу «О детской болезни «левизны» в коммунизме», которую назвал

В. И. Ленин и А. М. Горький у под'езда Дворца Урицкого. Петроград. 1920 год.
Музей революции СССР

«Опытом популярной беседы о марксистской стратегии и тактике»[1].

II конгресс был конгрессом острейшей борьбы на два фронта, борьбы, которая красной нитью прошла через всю работу этого исторического конгресса.

3

Конгресс открылся в атмосфере громадного под'ема, в исключительно торжественной обстановке в Петрограде. Рабочие красного Питера приветствовали II конгресс грандиозной демонстрацией. После вступительного доклада Ленина работа конгресса была перенесена в Москву.

Размах и всемирноисторическое значение последних революционных боев и их богатые уроки для молодого коммунистического движения придали задачам II конгресса поистине грандиозный характер.

Тем, что конгресс разрешил великую задачу вооружения молодых компартий исто-

[1] Подробно об этой работе Ленина см. статью тов. Зубока в № 7 «Исторического журнала».

рическим опытом большевизма, и разрешил ее с исключительным блеском, мировое коммунистическое движение обязано революционному гению Ленина.

Ленин проделал громадную теоретическую и организационно-политическую работу по подготовке II конгресса. Кроме гениального своего труда «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», вышедшего отдельной книгой в июне 1920 года, Ленин разработал внесенные на конгресс от имени делегации РКП(б) «Тезисы об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала», тезисы по вопросам национальному и колониальному и по вопросу аграрному и тезисы об условиях приема в Коммунистический Интернационал. В дни конгресса Ленин принял представителей делегаций ряда компартий и провел с ними предварительно основательную дискуссию по всем боевым вопросам конгресса. На конгрессе Ленин выступил с двумя докладами и пятью речами по важнейшим вопросам и руководил работой ряда комиссий.

Работы конгресса начались докладом Ленина «О международном положении и основных задачах Коммунистического Интернационала», давшим направление всей работе этого выдающегося конгресса. Ленинский доклад, наряду с замечательным анализом международного положения, теоретическим обоснованием диктатуры пролетариата и путей ее подготовки, заостряет внимание на вопросе о суб'ективном факторе революции, о роли коммунистической партии.

В этом докладе Ленин дал отпор антимарксистской теории автоматического крушения капитализма, теории, ведущей к недооценке суб'ективного фактора, т. е. роли в революции сознательности, организованности и боеспособности пролетариата. Указав, что революционный кризис является основой революционного действия, Ленин подчеркнул одновременно неправильность утверждения, будто этот кризис создает для буржуазии абсолютно безвыходное положение: «Абсолютно безвыходных положений не бывает... Пытаться «доказывать» наперед «абсолютную» безвыходность было бы пустым педантством или игрой в понятия и в словечки. Настоящим «доказательством» в этом и подобных вопросах может быть только практика. Буржуазный строй во всем мире переживает величайший революционный кризис. Надо «доказать» теперь практикой революционных партий, что у них достаточно сознательности, организованности, связи с эксплуатируемыми массами, решительности, уменья, чтобы использовать этот кризис для успешной, для победоносной революции» (т а м ж е, стр. 340—341).

Отвергая ренегатские теории Каутского, Отто Бауэра, Макдональда и других центристов о мирном, реформистском переходе к социализму, Ленин подчеркивает, что только насильственное свержение буржуазии, экспроприация экспроприаторов и разрушение всего буржуазного государственного аппарата в состоянии обеспечить действительную победу над эксплоататорами. Как на главную задачу Ленин указывает на сплочение раздробленных коммунистических сил и образование в каждой стране единой коммунистической партии.

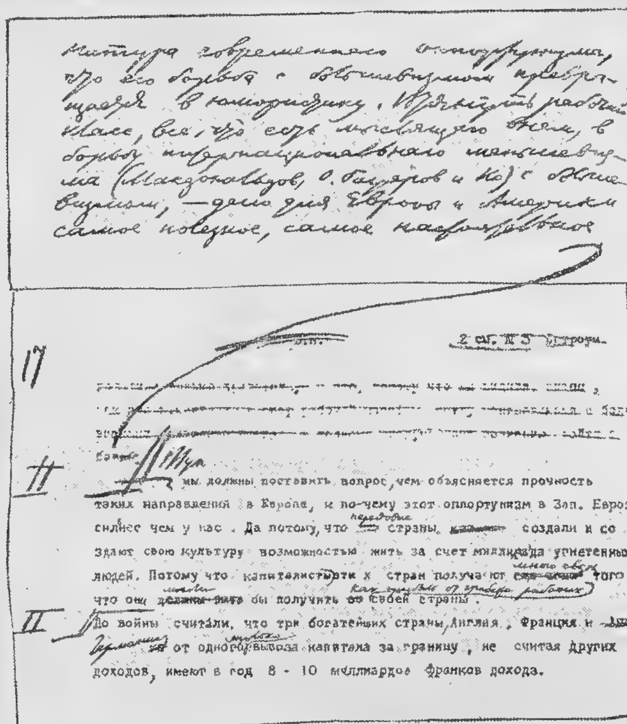
Проблемам пролетарской партии, ее тактическим и организационным принципам посвящено обсуждение вопросов о роли и структуре коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом и об уставе.

В специальном решении «Коммунистические партии и парламентаризм», а также в «21 условии» II конгресс заклеймил оппортунистический парламентаризм партий II Интернационала, основанный на политике классового сотрудничества. Вместе с тем конгресс осудил анархистский «принципиальный» антипарламентаризм «левых». Конгресс противопоставил тому и другому революционное использование парламента, образцы которого дали в период I Интернационала В. Либкнехт и А. Бебель, а позже—большевистские депутаты Государственной думы. «Смертный грех II Интернационала состоит не в том, что он проводил в свое время тактику использования парламентских форм борьбы, а в том, что он переоценивал значение этих форм, считая их чуть ли не единственными, а когда настал период открытых революционных схваток и вопрос о внепарламентских формах борьбы стал на первую очередь, партии II Интернационала отвернулись от новых задач, не приняли их»,— говорит товарищ Сталин (И. С т а л и н «Вопросы ленинизма», стр. 53. 11-е изд.).

Конгресс отверг синдикалистский принцип «независимости» профсоюзов, а также лозунг «левых» об уходе из «реакционных» профсоюзов и противопоставил тому и другому марксистско-ленинскую, большевистскую тактику сближения с профсоюзами, политического руководства ими и подчеркнул необходимость бороться за завоевание на сторону коммунизма миллионов организованных рабочих путем работы внутри профсоюзов.

4

Исключительно выдающееся место заняли на конгрессе проблемы коммунистической стратегии, проблемы пролетарского руководства борьбой всех угнетенных—вопросы о резервах мировой социалистиче-

натура современного оппортунизма, что его борьба с большевизмом превращается в контрреволюцию. [illegible] рабочий класс, все, что есть мыслящего в нем, в борьбе интернационального меньшевизма (Макдональдов, О. Бауэров и Ко) с большевизмом, — дело для Европы и Америки самое [illegible], самое неотложное

17

2 с. № 3 [illegible]

[illegible]

II

мы должны поставить вопрос, чем объясняется прочность таких направлений в Европе, и почему этот оппортунизм в Зап. Европе сильнее чем у нас. Да потому, что передовые страны создали и создают свою культуру возможностью жить за счет миллиарда угнетенных людей. Потому что капиталисты этих стран получают много свыше того, что они могли бы получить как прибыль от грабежа рабочих своей страны.

II

До войны считали, что три богатейших страны Англия, Франция и Германия от одного только вывоза капитала за границу, не считая других доходов, имеют в год 8 - 10 миллиардов франков дохода.

Страница стенограммы доклада В. И. Ленина на II конгрессе Коминтерна о международном положении, с его поправками. 1920 год.

ской революции. Им были посвящены дебаты по вопросам национальному и колониальному и по вопросу аграрному.

Актуальность национального и колониального вопросов возросла в связи с громадными изменениями, которые внесли в положение десятков и сотен народов первая мировая империалистическая война 1914—1918 годов, с одной стороны, и Великая Октябрьская социалистическая революция — с другой.

Первая мировая империалистическая война со всеми ее бедствиями, циничным насилием над народами и целыми государствами, а в особенности увенчавший ее версальский «мирный» договор и образование Лиги наций, как никогда раньше, разоблачили хищническую сущность империализма, как злейшего врага независимости и свободы народов. Однако шумная демагогическая кампания империалистов Антанты, возвестивших создание ряда «независимых» (а по существу вассальных) государств (Польши, Румынии, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Югославии), была поддержана II интернационалом и его партиями.

Требование права наций на самоопределение, демагогически использованное в годы войны центристами для защиты позиций социал-патриотизма и «своей» буржуазии, и раньше никогда не толковалось лидерами II интернационала как право на государственное отделение. По существу оно сводилось к пресловутому требованию культурно-национальной автономии.

Предательский характер этой позиции центризма был особенно разоблачен исходом войны, когда II интернационал оказался и в этом вопросе лишь подручным империализма. Что касается десятков и сотен миллионов угнетенного человечества в колониях и полуколониях империализма: в Азии, Африке и Южной Америке, — их судьба мало интересовала вождей II интернационала. А между тем именно этот вопрос стал одним из самых острых вопросов послевоенной эпохи.

В то время, когда в итоге победы Антанты чрезвычайно усилился империалистический гнет в колониях и полуколониях, Великая Октябрьская социалистическая революция освободила от национального гнета сотни народов, ранее стонавших под пятой царизма, и приобщила их к строительству социализма.

«Ленинизм доказал, а империалистическая война и революция в России подтвердили, что национальный вопрос может быть разрешен лишь в связи и на почве пролетарской революции, что путь победы революции на Западе проходит через революционный союз с освободительным движением колоний и зависимых стран против империализма. Национальный вопрос есть часть общего вопроса о пролетарской революции, часть вопроса о диктатуре пролетариата» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 47).

В подготовке ленинских тезисов II конгресса по вопросам национальному и колониальному громадную роль сыграли теоретическая разработка Лениным и Сталиным этих вопросов еще задолго до Октября, в период II с'езда Р.С.-Д.Р.П. и первой русской революции, и проверенная в огне Октябрьской революции ленинско-сталинская национальная политика советской власти.

Как известно, товарищ Сталин еще в 1904 году защитил марксистские позиции в национальном вопросе в своей статье «Как понимает социалдемократия национальный вопрос?» В конце 1912—начале 1913 года товарищ Сталин марксистски обосновал в своей работе «Марксизм и национальный вопрос» большевистскую постановку национального и колониального вопросов. В ожесточенной борьбе против предательских позиций в этом вопросе партий II интернационала, против австрийской «школы», против кавказских социал-националистов, против Бунда и всякого рода национал-уклонистов, товарищ Сталин развил учение марксизма-ленинизма в национальном вопросе, исходя из новой, ленинской теории революции.

Ленин в годы войны в ряде специальных работ в борьбе против социал-патриотизма, социал-империализма, в борьбе против великодержавного шовинизма Бухарина и его группки, против люксембургианского нигилизма в национальном вопросе обосновал коммунистическую политику в национальном и колониальном вопросах в эпоху империализма, в эпоху войн и революций как составную часть новой теории социалистической революции, как вопрос об ее великих резервах. Историческая Апрельская конференция большевиков в 1917 году по докладу товарища Сталина приняла резолюцию по национальному вопросу, легшую не только в основу программы партии и политики советской власти, но и в основу программы Коммунистического Интернационала.

Перед II конгрессом Ленин послал свои тезисы товарищу Сталину на южный фронт и успел получить ответное письмо с замечаниями товарища Сталина (см. Ленин. Т. XXV, стр. 624).

Обсуждение национального и колониального вопросов заняло два полных заседания конгресса: четвертое и пятое. По докладу Ленина высказалось больше тридцати ораторов, среди которых было большое число представителей колониальных и полуколониальных стран.

Выступления представителей Китая, Индии, Кореи, Персии, Ирландии и стран Южной Америки дали богатейший фактический материал о положении в колониях, иллюстрирующий основные моменты тезисов Ленина.

II конгресс Коммунистического Интернационала, следуя указаниям Ленина и Сталина, разоблачил предательское замалчивание центристами вопроса об освобождении колоний, об'явил беспощадную войну буржуазному национализму, социал-патриотизму, социал-шовинизму и социал-империализму.

Тезисы Ленина, утвержденные II конгрессом, кладут в основу национальной политики Коминтерна «отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплуататорских, полноправных...» (там же, стр. 286) и ставят во главу угла всей политики Коммунистического Интернационала по национальному и колониальному вопросам «сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии» (там же).

Тезисы противопоставляют словесному признанию интернационализма и подмене его на деле «мещанским национализмом и пацифизмом» (там же, стр. 288), с его расовой ненавистью, национальной травлей, антисемитизмом — интернационализм пролетарский, требующий 1) «подчинения интересов пролетарской борьбы в одной стране интересам этой борьбы во всемирном масштабе», 2) «способности и готовности со стороны нации, осуществляющей победу над буржуазией, идти на величайшие национальные жертвы ради свержения международного капитала» (там же, стр. 288—289).

В своих лекциях «Об основах ленинизма» товарищ Сталин устанавливает тесную связь между игнорированием лидерами II интернационала крестьянского вопроса и их отказом от пролетарской революции: «...кто боится революции, кто не хочет вести пролетариев к власти, тот не может интересоваться вопросом о союзниках пролетариата в революции,— для него вопрос о союзниках является вопросом безразличным, не актуальным... равнодушие к такому важному вопросу, как крестьянский вопрос, накануне пролетарской революции

является обратной стороной отрицания диктатуры пролетариата, несомненным признаком прямой измены марксизму» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 36).

Тезисы Ленина по аграрному вопросу связывают теснейшим образом коммунистическую политику в отношении крестьянства с послевоенной мировой обстановкой, с растущим процессом быстрого разорения и пауперизации деревни в условиях общего кризиса капиталистической системы. Ленин исходит из факта начавшейся социалистической революции, ставящей не только перед пролетариатом, но и перед широчайшими народными массами, особенно крестьянскими, задачи исторического масштаба.

Установив, что три группы трудящихся и эксплоатируемых масс в деревне: сельско-хозяйственный пролетариат, полупролетарии, или парцельные крестьяне, и мелкое крестьянство,—вместе взятые, составляют во всех капиталистических странах большинство деревенского населения, тезисы диференцируют тактику коммунистических партий в отношении каждого из этих слоев на разных этапах борьбы за диктатуру пролетариата. Впротивовес социал-предательским и троцкистским измышлениям о крестьянстве как о единой реакционной массе тезисы исходят из наличия громадных революционных резервов в капиталистической деревне, раздираемой классовой борьбой.

Подчеркивая необходимость и широкие возможности поддержки рабочим классом и его партией борьбы среднего и бедного крестьянства против капитала, против городской и деревенской буржуазии (кулачества), тезисы обосновывают возможность и необходимость привлечения основных масс крестьянства в качестве союзников пролетариата.

Конгресс в тезисах Ленина наносит удар тем сектантским тенденциям, которые особенно гибельно отразились на судьбе пролетарской революции в Венгрии и которые заключались в отказе коммунистов в решающий момент революции от раздела земли между крестьянами под предлогом необходимости для коммунизма сохранения крупных сельскохозяйственных предприятий.

Венгерские коммунисты не поняли того, что необходимой предпосылкой перехода неимущих слоев деревни на сторону пролетарской революции является немедленное улучшение их положения за счет эксплоататоров и мироедов. «Для передовых капиталистических стран Коммунистический Интернационал признает правильным **преимущественное** сохранение крупных сельско-хозяйственных предприятий и ведение их по типу «советских хозяйств» в России.

Было бы однако величайшей ошибкой преувеличить или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи части земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему крестьянству... Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата» (Ленин. Т. XXV, стр. 274, 275).

Тезисы далее дают широкую перспективу постепенной перестройки всей экономики и — на базе экономического переустройства — социалистического перевоспитания широких трудящихся масс деревни в условиях диктатуры пролетариата.

Ленинские тезисы II конгресса по вопросу крестьянскому, как и по национальному и колониальному вопросам (тесную связь этих двух вопросов Ленин и Сталин неоднократно подчеркивали), раскрывают гениальный ленинско-сталинский стратегический план мировой коммунистической революции. Вооружив компартии всего мира опытом Октябрьской революции — этой великой освободительницы народов,— тезисы подложили под здание мирового империализма динамит невиданной сокрушительной силы.

5

Введение к «21 условию» указывает, что в Коммунистический Интернационал обращаются партии и группы, желающие войти в III Интернационал, «но не ставшие на деле коммунистическими». «21 условие» предохраняет Коммунистический Интернационал от разжижения его элементами, «не разделавшимися еще с идеологией II Интернационала» (там же, стр. 575).

Разрабатывая эти условия, Ленин преследовал задачу создания таких организационно-политических основ III Интернационала, которые закрыли бы его двери не только для откровенных, но и для скрытых оппортунистов и обеспечили бы монолитность его рядов. Но «21 условие» перешагнуло рамки этих задач, об'единив в одном документе в самой краткой форме все важнейшие программные постановления этого исторического конгресса.

Не только словесное признание диктатуры пролетариата, но неустанная борьба за нее, в частности путем устной и печатной пропаганды ее в духе программы Коммунистического Интернационала и его решений, является первым и важнейшим условием приема в Коммунистический Интернационал (условие 1-е). В развитие этого условия конгресс требует от всех партий, из'являющих желание вступить в Коммунистический

Интернационал, пересмотра своих старых программ и выработки новых на основе принципов Коммунистического Интернационала (условие 15-е).

По этой же линии идет требование изменения официальных названий старых партий и установления названия для всех секций Коммунистического Интернационала: «Коммунистическая партия такой-то страны, секция III, Коммунистического Интернационала» (условие 17-е). Как известно, Ленин еще в Апрельских тезисах требовал изменения старого названия большевистской партии, что было осуществлено после Октябрьской революции, на VII с'езде РКП(б). Замена старого названия большевистской партии («социал-демократическая») новым названием («коммунистическая»), в строгом соответствии с программой партии, предопределила и название III Интернационала — «Коммунистический».

Красной нитью через «21 условие» проходит требование для всех партий и групп, желавших принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, полного разрыва не только с открытым оппортунизмом, но и с центризмом, который ведет, как и социал-патриотизм, политику классового сотрудничества с буржуазией.

«Коммунистический Интернационал не может мириться с тем, чтобы заведомые оппортунисты, как например, Турати, Каутский, Гильфердинг, Хилквит, Лонгэ, Макдональд, Модильяни и другие, имели право считаться членами III Интернационала. Это привело бы к тому, что III Интернационал в сильной степени уподобился бы погибшему II Интернационалу» (условие 7-е). Это открытое перечисление «громких» и «авторитетных» имен конкретных носителей центризма имело в тот момент особенно актуальное значение. Даже на самом II конгрессе колебавшийся между центризмом и коммунизмом Серрати был против исключения из своей партии итальянских реформистов во главе с Турати и другими социал-патриотами (об этом еще скажем ниже).

В тот момент уже бросался в глаза разительный контраст между оппортунистической политикой центристских лидеров и революционными устремлениями широких членских масс центристских партий. В этой связи II конгресс требует удаления со сколько-нибудь ответственных постов в рабочем движении реформистов и сторонников «центра» и замены их надежными коммунистами, «не смущаясь тем, что иногда придется вначале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими» (условие 2-е).

В борьбе против каутскианства (центризма) громадное значение имеет требование разоблачения не только откровенного социал-патриотизма, но и фальши и лицемерия социал-пацифизма (условие 6-е), сеявшего среди масс в связи с организацией Лиги наций иллюзию о возможности разоружения и освобождения от войны без низвержения капитализма.

Это условие служило на всем протяжении истории Коминтерна острейшим оружием борьбы против пацифистских иллюзий. В 1928 году, в момент, когда сильно обострилась опасность новой мировой империалистической войны и особенно опасность антисоветской войны, VI всемирный конгресс Коминтерна, прошедший под знаком борьбы против правого уклона, квалифицировал недооценку военной опасности и пацифистские иллюзии как один из отличительных признаков правого уклона. В наши дни, когда империалисты развязали новую империалистическую войну, широкие массы знают, что правду им говорили только коммунисты, которые, следуя неоднократным ленинско-сталинским предостережениям против пацифистских иллюзий, изо дня в день сигнализировали массам о военной угрозе.

Против социал-империализма направлено требование от коммунистических партий четкой и ясной линии в вопросе о колониях и об угнетенных национальностях, прежде всего коммунистов «тех стран, где буржуазия также владеет колониями и другие нации угнетает» (условие 8-е). Этот пункт является кратким программным указанием по вопросу, которому конгресс посвятил отдельный пункт порядка дня, — вопросу национально-колониальному (см. выше).

Борьба японских коммунистов в защиту китайского народа, борьба французских коммунистов во время марокканской войны в 1925 году, борьба коммунистов Италии против похода Муссолини в Абиссинию, борьба английских коммунистов в защиту независимости Индии и других зависимых от Англии стран является ярким свидетельством великой исторической роли Коммунистического Интернационала в борьбе угнетенных народов за свое раскрепощение.

«21 условие» ставит во главу требований большевистский организационный принцип — демократический централизм — (условие 12-е), против которого всегда выступали оппортунисты всех мастей. В развитие этого принципа II конгресс требует полного подчинения руководству партии всей партийной печати (условие 1-е), строгого подчинения партийному руководству парламентских фракций (условие 11-е), безусловной обязательности всех решений конгрессов Коммунистического Интернационала (условие 16-е) для входящих в него партий. Одновременно то же, 16-е условие во второй своей части требует от Коммуни-

стического Интернационала и его Исполнительного комитета учета во всей своей работе всего многообразия условий, в которых протекает борьба отдельных партий. Это требование направлено против механического перенесения опыта одной партии на другую, без учета обстоятельств времени и места.

Еще в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин писал:

«Все дело теперь в том, чтобы коммунисты каждой страны вполне сознательно учли как основные принципиальные задачи борьбы с оппортунизмом и «левым» доктринерством, так и конкретные особенности, которые эта борьба принимает и неизбежно должна принимать в каждой отдельной стране, сообразно оригинальным чертам ее экономики, политики, культуры, ее национального состава (Ирландия и т. п.), ее колоний, ее религиозных делений и т. д. и т. п.» (там же, стр. 227).

Являясь важнейшим условием в борьбе Коммунистического Интернационала за партию нового типа, в борьбе против опасности перенесения в секции Коммунистического Интернационала организационного оппортунизма, требование безусловного признания принципа демократического централизма не оставляло никакой щели для ухищрений центристов. Принцип демократического централизма стал незыблемой основой организации всех секций Коминтерна с момента его основания.

II конгресс обязал все партии, как уже принадлежавшие тогда к Коминтерну, так и те, которые лишь собирались вступить в его ряды, в кратчайший срок (не позже чем через 4 месяца после II конгресса) созвать экстренные с'езды для обсуждения «21 условия», а также принять меры к ознакомлению местных организаций с этими условиями (условие 19-е). Большое значение этого требования заключается в том, что оно не давало возможности лидерам центризма скрыть от своих партийных масс решения II конгресса, особенно «21 условие».

Исключительно велико было значение этих с'ездов также для пропаганды большевизма и для большевистского воспитания уже вступивших в Коммунистический Интернационал партий. Обсуждение решений II конгресса на партийных с'ездах сильно помогло проверке молодых партийных кадров, подняло их марксистско-ленинский уровень и оживило партийную мысль. Эти с'езды, состоявшиеся вскоре после II конгресса, сыграли крупную роль в дальнейшей истории Коммунистического Интернационала.

«21 условие» после II конгресса стало предметом острых дискуссий среди широких масс социал-демократических рабочих. В итоге борьбы за «21 условие» конец 1920 года ознаменовался крупным поворотом в истории рабочего движения в Германии, Франции и Италии.

С'езд германских «независимых» (12 октября 1920 года) в городе Галле, ставший ареной развернутой и острой борьбы за «21 условие», закончился полным поражением противников Коммунистического Интернационала: подавляющее большинство с'езда голосовало за «21 условие», и в результате этого от 300 до 350 тысяч членов «независимой» партии об'единилось с коммунистами.

Конгресс французской социалистической партии в городе Туре (25—30 декабря 1920 года), на котором от имени ИККИ выступила Клара Цеткин, постановил присоединиться к III Интернационалу.

Несколько иначе закончился с'езд итальянской социалистической партии, состоявшийся 15—21 января 1921 года в городе Ливорно. На этом с'езде сторонники Серрати (центристы, среди которых часть была близка к коммунизму) составляли громадное большинство. Они фактически решали судьбу с'езда. Имея 98 тысяч голосов (по числу представленных членов), они вместе с коммунистами составили бы подавляющее большинство, ибо реформисты во главе с Турати и Модильяни обладали лишь 14 тысячами голосов[1].

Однако предательское поведение Серрати помешало этому с'езду стать с'ездом блестящего триумфа Коминтерна. Серрати не желал подчиняться прямому требованию II конгресса об исключении Турати. После того как с'езд провалил предложение реформистов отвергнуть «21 условие», Серрати фактически пожертвовал блоком с коммунистами ради блока с кучкой реформистов. Серрати добился того, что его сторонники вместе с этой кучкой провалили предложение коммунистов о безоговорочном присоединении к Коммунистическому Интернационалу и провели решение об условном присоединении. Коммунисты после неудачной попытки добиться исключения Турати покинули с'езд и образовали коммунистическую партию Италии. ИККИ и затем III конгресс признали ее единственной секцией Коммунистического Интернационала[2].

Таким образом, если в Германии и во Франции за коммунистами пошло большинство революционных элементов центристских партий и это большинство исключило

[1] Приведенные цифры взяты из речи Ленина на III конгрессе Коминтерна (см. Ленин. Т. XXVI, стр. 439).

[2] Серрати, исключенный после II конгресса из Коминтерна, признал позже свои ошибки и был принят в коммунистическую партию. Умер коммунистом.

из партий центристское меньшинство, то в Италии коммунистическая партия была организована путем откола коммунистов от старой партии.

Таким образом «21 условие» преградило путь в Коминтерн правым и «левым» оппортунистам. Оно служило и до сих пор служит отточенным оружием укрепления секций Коминтерна, как партий нового типа, и роста Коминтерна, как единой мировой марксистско-ленинской партии.

«21 условие» наряду с «Манифестом Коммунистической партии», с программой ВКП(б) и основными теоретическими работами Ленина и Сталина легло в основу официальной программы Коммунистического Интернационала, принятой VI всемирным конгрессом в 1928 году.

«21 условие» легло в основу «5 условий», которые VII всемирный конгресс Коминтерна (в июле—августе 1935 года) разработал как основные условия политического единства, когда бурный рост движения за единство поставил в порядок дня проблему преодоления раскола рабочего класса путем создания в каждой стране единой пролетарской партии.

«21 условие» является важнейшим программным документом мирового коммунизма.

В своей всемирноисторической борьбе Коммунистический Интернационал не только до, но и после выработки своей официальной программы (1928 год) черпал в тезисах и решениях II конгресса руководящие указания Ленина.

* * *

Борьба на два фронта, ареной которой был II конгресс, стала могущественным орудием дальнейшего укрепления Коминтерна и его секций.

II конгресс отверг вступление в Коминтерн виднейших представителей центризма и центристских партий Германии, Франции, Англии и одновременно помог переходу на сторону коммунизма сотен тысяч революционных рабочих. Этим он предохранил III Интернационал от опасности оппортунистического перерождения. Борьба Коминтерна против брандлерианцев и их союзников—троцкистов и бухаринцев, — против их капитулянтских, предательских «теорий» и вредительской, контрреволюционной практики была на протяжении всей истории Коминтерна важнейшей составной частью его борьбы против империализма и его главной социальной опоры — международной социал-демократии. Превращение всех лидеров троцкизма и правого оппортунизма в злейших врагов народа и разоблачение их как прямой агентуры буржуазной контрреволюции блестяще оправдали прогнозы Ленина и Сталина и подтвердили правильность решений конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ по вопросу о борьбе с этими врагами народа.

Болезнь «левизны» — это «ликвидаторство наизнанку», — будучи идейно разгромлена Лениным в период II конгресса, в дальнейшем потеряла целиком влияние в массах, выродилась и превратилась в защитную «левую» окраску для всех злостных агентов буржуазной контрреволюции и в первую голову для контрреволюционного троцкизма. Болезнь «левизны» в форме сектантства приносила большой вред движению, грозя изолировать коммунистический авангард от масс. Одним из наиболее ярких примеров величайшего вреда для партий сектантства явилось проникновение в ряды руководства французской коммунистической партии провокаторской группы Барбе-Сейлор, которая под «левыми» лозунгами чуть не изолировала партию от масс, от чего ее спасло своевременное разоблачение и изгнание этой группы.

Подводя итоги II конгрессу, Ленин писал: «Конгресс создал такую сплоченность и дисциплину коммунистических партий всего мира, которые никогда не бывали раньше и которые позволят авангарду рабочей революции пойти вперед к своей великой цели, к свержению ига капитала, семимильными шагами» (Л е н и н. Т. XXV, стр. 371).

II конгресс действительно создал громадный поворот в деле идейного и организационного укрепления Коминтерна и его секций.

II конгресс, по существу, может быть в известном смысле назван, так же как и I конгресс, учредительным, если учесть, что вскоре после него на прочной марксистско-ленинской основе «21 условия» крупнейшие коммунистические партии подтвердили свою принадлежность к нему, а из рядов центристских партий сотни тысяч революционных рабочих перешли в коммунистические партии.

Через три с половиной месяца после II конгресса товарищ Сталин в статье «Три года пролетарской диктатуры» писал:

«Если тогда, три года назад, на Западе были у нас только маленькие сочувствующие нам группы, ...то теперь перед нами, спустя три года, выросла величайшая организация международного революционного движения — III Коммунистический Интернационал, который завоевал основные партии в Европе: германскую, французскую и итальянскую. Мы имеем теперь основное ядро международного социалистического движения в лице Коммунистического Интернационала, разбившего и положившего на обе лопатки II Интернационал» (Л е н и н и С т а л и н «Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II, стр. 331).

В. Шульгин

Энгельс в русской легальной печати в 40—70-х годах

1

В первом номере «Отечественных записок» за 1843 год была напечатана статья «Германская литература» за подписью «В. Б — н». Так подписывал свои статьи В. П. Боткин, друг Белинского и Герцена в 40-х годах. Автор рассказывал о той борьбе, которая развертывалась на берегах Шпрее (в Берлине) против младогегельянцев. Боткин писал:

«Уже в продолжение десяти лет носилась по горам Южной Германии туча, которая все грознее и гуще скоплялась против северной германской философии. В то время Шеллинг снова начал читать в Мюнхенском университете; тогда же заговорили, что новая система близится к окончанию и что она решительно разрушит всю философию Гегеля. Сам Шеллинг давно стал противником этой философии; все прочие враги ее, за неимением действительных опровержений, обыкновенно оканчивали свои нападения на нее упованием, что Шеллингу стоит только выдать свою систему, и от учения Гегеля останутся пыль и прах. Отсюда понятна радость гегельянцев, когда Шеллинг, год тому назад, прибыл в Берлин и обещал предложить на общественное суждение свою, наконец, готовую систему. Сверх того при боевом духе, которым всегда отличалась Гегелевская школа, при той самоуверенности, какую она имела,— она рада была случаю наконец померяться с знаменитым противником.

Туча шла, шла и, наконец, разразилась громом и молнией на кафедре в Берлине. Теперь этот гром умолк, молния не сверкает более. Но попал ли он в цель, разрушается ли здание гегелевской системы, — этот гордый чертог мысли? спешат ли гегельянцы спасать, что спасти пока возможно? Ничего не бывало. Дело, напротив, приняло неожиданный оборот. Гегелева философия продолжает себе жить попрежнему и на кафедре и в литературе, и в юношестве, спокойно продолжает свое внутреннее развитие, зная, что все эти угрозы, эти мнимые разрушения нисколько не коснулись ее. Шеллинг не оправдал надежд своих последователей» («Отечественные записки». Январь 1843 года. Раздел VII, стр. 2—6).

Статья Боткина произвела большое впечатление. Белинский писал автору: «Твоя статья о «Немецкой литературе» в 1 № мне чрезвычайно понравилась — умно, дельно и ловко» (В. Г. Белинский. Письма. Т. II, стр. 334. СПБ. 1914).

В статье не было ссылок на других авторов, не было ни одной фразы, поставленной в кавычки. Она могла казаться вполне оригинальной. Но ее текст, напечатанный на трех страницах в два столбца, мелким шрифтом, был почти буквальным переводом незадолго перед тем вышедшей в Лейпциге анонимной брошюры «Шеллинг и откровение». Автором брошюры был Энгельс.

Знали ли об авторстве Энгельса Белинский и Герцен?

Возможно. Энгельс отмечает в другой брошюре, под названием «Шеллинг о Гегеле», что вместе с ним слушали лекции Шеллинга в Берлине и русские (см. Маркс и Энгельс. Т. II, стр. 106). Кто были эти русские? Мы не знаем всех фамилий. Но среди них были Бакунин и Катков, то есть люди, тогда близкие к Герцену и Белинскому.

Таким образом, еще в 1843 году в русской легальной печати появились цитаты из первых брошюр Энгельса, причем передовые русские общественные деятели того времени могли знать, кто был автором этих брошюр. Энгельс был тогда еще революционным демократом, и позиция Белинского и Герцена была очень близка к его позиции.

В России 40-х годов знали и другие работы Энгельса.

В «Deutsch-Französische Jahrbücher» появились две статьи Энгельса: «Положение Англии» и «Очерки критики политической экономии». Об этой последней как гениальной отзывался в предисловии «К критике политической экономии» Маркс. В этой статье Энгельса уже встречались мысли, позднее легшие в основу научного социализма. Обе статьи были известны и кружку Белинского и кружку Герцена, а «Положение рабочего класса в Англии» — и петрашевцам. Отклики на эти работы

Энгельса появились в легальной печати того времени. В этой же легальной печати, в конце 40-х годов XIX века, мы впервые в России встречаемся с характеристикой Маркса и Энгельса как «главнейших проповедников нового германского материализма». Это говорит не только о том, что первая критика Маркса и Энгельса в России появилась в 40-х годах XIX века, но и о том, с каким вниманием изучали в России статьи Маркса и Энгельса. Переход их на материалистические позиции был тотчас же замечен.

2

В 1860 году вышел русский перевод книги Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего». В Германии она появилась еще в конце 40-х годов. Книга Гильдебранда была хорошо известна в кругах русских экономистов до ее перевода. Бабст еще в 1856 году, рецензируя «Систему народного хозяйства» Рошера, писал:

«Мы оставим в стороне и его (Рошера. — В. Ш.) программу, которой главные положения также нашли себе место в новом его труде: только отдадим ей справедливость в том отношении, что в ней впервые высказан был и новый взгляд на обработку науки и новые теории, и что ею вызвано несколько замечательных явлений в немецкой политико-экономической литературе, в числе которых первое место принадлежит труду профессора Марбургского университета Бруно Гильдебранда. До сих пор имеем мы только к сожалению первую часть его сочинений: «Die Nationaloeconomie der Gegenwart und der Zukunft», собственно только полемическую часть и введение» (Бабст «Исторический метод в политической экономии». «Русский вестник» № 5 за 1856 год, стр. 101).

Полемическая часть книги Гильдебранда была в первую очередь направлена против Энгельса. Почти половина книги посвящена борьбе против взглядов, развитых Энгельсом в статье «Очерки критики политической экономии» и в книге «Положение рабочего класса в Англии». Вот за эту борьбу против Энгельса казанский профессор Бабст и считает книгу Гильдебранда «замечательной».

Эта рецензия еще раз подтверждает, что в 50-х годах XIX века взгляды Энгельса были известны в России. Выход перевода книги Гильдебранда привлек к ним внимание более широкой аудитории.

Вокруг перевода книги Гильдебранда развернулась дискуссия. Она захватила почти все толстые журналы того времени. Расходясь в подробностях, они соглашались в одном — в правоте Гильдебранда и неправоте Энгельса. Критику Гильдебрандом Энгельса большинство русских журналов считало верной, убедительной, талантливой. «Современник», который тогда редактировали Добролюбов и Чернышевский, занял иную позицию. Он выступил против Гильдебранда, за Энгельса. В «Современнике» была напечатана статья Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции». Первая часть этой статьи была не чем иным, как сокращенным переводом книги Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

«Современник» открыто упомянул об Энгельсе во введении к статье Шелгунова. Таким образом, читатели 60-х годов ознакомились не только с многочисленными цитатами из Энгельса, приведенными у Гильдебранда, но и с несколькими печатными листами перевода самой работы Энгельса. Имя Энгельса и его мысли стали достоянием довольно широкого круга читателей в царской России.

Работа Шелгунова «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции» ходила по рукам. Энгельс в переводе Шелгунова оказывал непосредственное влияние на русских рабочих. Это подтверждает следующий факт: больной, умирающий Шелгунов получил адрес от рабочих. Приводим этот интереснейший документ в отрывках:

«Дорогой учитель Николай Васильевич!

...Вы познакомили нас с положением братьев рабочих в других странах, где их тоже эксплоатируют и давят. Картина, которую Вы нарисовали, пробудила интерес сначала не в рабочих, а в других классах; да не для рабочих Вы и писали!..»

«Никто не учит нас, как выбираться из жалкого положения, в котором мы теперь находимся. Нам твердят о терпении, о молчании, о том, чтобы мы не давали воли выражению наших страданий, и за это обещают награду в будущем. Только благодаря людям, которые, по Вашим собственным словам, имеют несчастие смотреть выше общего уровня или выше классовых интересов, научились мы понимать Ваши сочинения и узнали, как наши товарищи — рабочие в Западной Европе добились прав, борясь за них и соединяясь вместе. Мы поняли, что нам, русским рабочим, подобно рабочим Западной Европы, нечего рассчитывать на какую-нибудь внешнюю помощь, помимо самих себя, чтобы улучшить свое положение и достигнуть свободы.

Те рабочие, которые поняли это, будут бороться без устали за лучшие условия. Вы выполнили Вашу задачу, — Вы показали нам, как вести борьбу» («Былое» за 1906 год. Т. XII, стр. 120).

Фридрих Энгельс.
Музей революции СССР.

«В адресе Шелгунову,— писал Плеханов,— нас приятнее всего поразил взгляд рабочих на литературные заслуги этого писателя. О них много говорили наши «передовые» писатели. Но замечательно, что рабочие взглянули на них совсем не с той стороны, с какой смотрели корифеи публицистики. Корифеи, в своих похвалах Шелгунову, толковали преимущественно о каких-то возвышенных туманностях. Рабочие выразили ему признательность за то, что он, своими статьями о пролетариате во Франции и Англии, дал им возможность ознакомиться с положением и движением их западно-европейских братьев. Это очень существенное различие» (Г. В. Плеханов. Соч. Т. III, стр. 208).

Плеханов не знал, что первая часть упомянутой им статьи Шелгунова есть перевод Энгельса, вторая — попытка рассмотреть положение рабочего класса во Франции с позиций Энгельса.

Таким образом, благодарность рабочих тому, кто «показал им, как вести борьбу», относилась не только к Шелгунову, но и к Энгельсу.

К этой же книге Энгельса различные авторы неоднократно возвращались и позже.

Тот же Н. В. Шелгунов в том же журнале «Дело» в 1868 году поместил статью «Социально-экономический фатализм». В ней нет фамилии Энгельса, нет и названий его произведений, но в ней есть цитаты из «Положения рабочего класса в Англии». В этой статье читаем: «Если он так счастлив, что достанет себе работу, или говоря правильнее, если буржуазия желает воспользоваться пролетарием, как орудием, для своего собственного обогащения, то он получает задельную плату, едва достаточную для его существования; но если работы нет, то он может воровать или же умирать с голоду. В первом случае полиция позаботится о том, чтобы отыскать негодяя, нанесшего оскорбление праву собственности; а во втором она примет меры, чтобы бедняк умер возможно

благоприлично, не делая ни скандала, ни шума и не нарушая мирного покоя богачей».

И дальше:

«Конечно, голодают или умирают с голоду только отдельные лица. Но какую имеет гарантию любой из пролетариев, что завтра не наступит его очередь? Что обеспечивает его в том, что желания работать достаточно для получения работы, что честность, прилежание, бережливость, рекомендуемые людьми обеспеченными, как высшие человеческие добродетели, действительно пробьют ему дорогу к счастью? Ничто. Пролетарий знает только то, что он имеет сегодня; но он решительно не знает, будет ли иметь что-нибудь завтра» (Н. В. Шелгунов. Соч. Т. III, стр. 338—339. СПБ. 1872).

Это, бесспорно, цитаты из Энгельса. В этом убедиться очень легко, стоит только развернуть на соответствующей странице «Положение рабочего класса в Англии» (см. Маркс и Энгельс. Т. III, стр. 322).

В статье (также без кавычек) дан ряд и других выдержек и пересказов из той же работы Энгельса. Это один из приемов, которыми пользовались авторы в русской подцензурной печати для пропаганды работ Маркса и Энгельса. В других случаях авторы не давали в статьях цитат из Энгельса, но упоминали о его работах в перечне источников, которыми они пользовались. Михайлов в своей статье «Первоначальное образование в Англии», помещенной в 1872 году в журнале «Дело», нигде открыто не приводит цитат из Энгельса, но в перечне источников дает: «Engels: «Die Lage der Arbeitenden Klassen in England». То же делает Янжул в статье «Детский и женский фабричный труд в Англии и России» («Отечественные записки» за 1880 год. Т. I, стр. 433). Гораздо раньше, в конце 60-х годов, тот же прием применял Валькер. В статье «Всеобщее обезоружение» («Записки для чтения» за 1867 год. Т. VII) он не цитировал открыто Энгельса, но упомянул о нем в перечне источников: «Энгельс: «Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия». Эта работа Энгельса была напечатана отдельной брошюрой в 1865 году в Гамбурге (см. Маркс и Энгельс. Т. XIII. Ч. 1-я, стр. 33—76).

Таким образом, в 60-х годах в России знали не только «Положение рабочего класса в Англии» и «Очерки критики политической экономии», но и другие работы Энгельса.

В 1871 году, через десять лет после опубликования сокращенного перевода «Положения рабочего класса в Англии», в «Современнике», царская цензура запретила отдельное издание русского перевода этой книги. Цензор писал:

«Книга эта издана в 1848 г. Автор рассказывает, что он посвятил 21 месяц на изучение быта рабочего класса в Англии, и изображает его в самых черных красках, выставляя буржуазию или вообще имущие классы, как натуральных врагов и притеснителей рабочих» (Доклад цензора А. Майкова 11 августа 1871 года).

Чем ожесточеннее развертывалась в России классовая борьба, с тем большей яростью нападала цензура на книгу Энгельса. В 1909 году цензор Смирнов писал о ней:

«Теперь же, когда социалистическая проповедь из отвлеченной теории превратилась на наших глазах в социалистическое движение, сочинение Энгельса приобретает свое значение как печатное приглашение пролетариата к самой от'явленной борьбе, и не только словом, но и делом, с буржуазией, как у него называются все имущие классы, кроме рабочих. И хотя он в своей книжке трактует только об Англии и об английских классах имущих и пролетариев, но после того, как недавно прошел по всей Европе клич: «Пролетарии всех стран, об'единяйтесь!», содержание книжки сразу получает широчайшее значение чего-то вроде общепролетарского катехизиса, даже больше того — зажигательного воззвания к пролетариату ополчаться против имущих классов. Вся книга представляет сплошное обвинение буржуазии во всех неблагополучиях рабочего класса».

«...А затем он уже трактует о движении рабочих к освобождению себя от ига эксплоататоров как о совершенно естественном и неизбежном последствии их экономического положения».

«Война дворцам, мир хижинам — это боевой клич, раздающийся по нашей стране ужаса. Пусть богатые заметят это» (296, 297); «Революция должна наступить, и теперь уже поздно помышлять о мирном разрешении дела» (299, 370).

Я полагаю, что тяготеющее на этом сочинении Энгельса запрещение должно быть подтверждено Комитетом и на дальнейшее время.

В. Смирнов.

Резолюция: Запретить». (Доклад цензора В. Смирнова Центральному комитету цензуры иностранной о книге Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» 26 октября 1909 года).

И все же скрыть от читателя, в том числе и от рабочего читателя, мысли Энгельса не удалось. Об этом говорят факты. В легальной печати удавалось время от времени давать цитаты из запрещенной

книги Энгельса с упоминанием его фамилии. Так например в статье Михайлова «Погибающие детские силы» читаем:

«Каждый большой город, говорит Энгельс, имеет один или несколько «дурных кварталов», где скучивается беднейшее население. Эти дурные кварталы, устроенные в Англии во всех городах почти одинаково, состоят из плохих домов в самой плохой части города, дома состоят, по большей части, из длинных одноэтажных или двухэтажных зданий с обитаемыми подвалами неправильной архитектуры. Дома населены от подвалов до чердаков и так грязны снаружи и внутри, что кажется, здесь не может жить человек. Но дома главной улицы ничто в сравнении с помещениями на дворах и в переулках, примыкающих к этой улице. Там разрушение и грязь превосходят всякие описания. Окон почти нет, стены потрескались, двери или сколочены из гнилых досок или вовсе отсутствуют, так как в этих воровских жилищах нечего воровать. Груды грязи и золы лежат везде, а помои, выливаемые из дверей, стекают в одну вонючую лужу. Здесь живут бедняки из бедняков, плохо вознаграждаемые, обнищавшие фабричные, воры, мошенники и жертвы проституции. Тот, кто еще не погиб в грязи окружающего его нравственного падения,—с каждым днем теряет здесь все более и более силу противиться деморализующему влиянию нищеты, грязи и дурной обстановки» («Дело» № 8 за 1887 год, стр. 88—89). Это не одинокая ссылка, тонущая среди многообразного материала, взятого у других авторов. Михайлов возвращается к Марксу и Энгельсу не один раз. Ссылки на их работы мы видим и в 6, и в 7, и в 8, и в 9 номерах, в которых печаталась эта статья.

Таким образом, в течение четырех месяцев подряд читатель «Дела» знакомился с текстами Энгельса и Маркса.

3

В 1878 году, тотчас же после выхода «Анти-Дюринга» на немецком языке, перевод «Анти-Дюринга» на русский язык был запрещен царской цензурой. Цензор писал:

«Разбирая критически сочинение Е. Дюринга, автор доказывает несообразность его философских и политико-экономических учений и особенно резко осмеивает несостоятельность его воззрений на образование коммунистических обществ с целью парализования вредного влияния капиталистов на увеличение пролетариата.

Об'ясняя историческое происхождение и развитие социализма, Энгельс проводит мысль (с. 233—237), что образ производительности, практикуемый капиталистами, способствуя постепенно обращению большей части народонаселения в пролетариев, создает вместе с тем силу, которая под страхом собственной гибели должна произвести переворот в существующем строе государства; последствием этого переворота, по мнению автора, должно явиться уничтожение классов и правительства.

Далее, на страницах 265—267, автор говорит, что религия есть не что иное, как фантастическое отражение в мыслях людей тех внешних сил, от которых зависит их существование; уничтожения этого отражения, в которых земные силы являются в образе сил сверх'естественных, нельзя достичь одним сознанием,— необходимо и дело. И вот, когда это дело будет исполнено, когда общество освободится от угнетающей его власти, когда человек будет не только предполагать, но и располагать,— тогда только исчезнет последняя посторонняя сила, отражающаяся в религии, а с тем вместе исчезнет и само религиозное отражение».

Царские цензоры великолепно понимали, какая огромная сила таится в этой книге, которую Ленин назвал удивительно содержательной и поучительной (см. Ленин. Т. I, стр. 414). Книга была запрещена.

Запрет продолжался больше 25 лет. Но это не значит, что русские читатели не могли знакомиться с книгой Энгельса. Они знакомились с ней и по немецкому оригиналу и по переводу, правда, неполному.

В легальном журнале «Слово» (№ 11 за 1879 год) была напечатана статья под таким заголовком: «Диалектика в ее применении к науке». В статье нет фамилии Энгельса, нет и названия произведения («Анти-Дюринг»). Но читателю достаточно было прочесть первые строки статьи, чтобы понять, о чем идет речь:

«Диалектика в ее применении к науке.

Под этим заглавием мы предлагаем нашему читателю род извлечения из новой книги известного автора: «Lage der Arbeitenden Klassen in England», в которой он полемизирует против научно-философских теорий и воззрений Дюринга».

Кто автор «Положения рабочего класса в Англии», в то время уже было известно читателю, а как называется новая книга этого автора, нетрудно было догадаться. В научном обиходе понятие «против» обозначается греческим словом «анти». Против Дюринга — «Анти-Дюринг». Составитель извлечения из книги Энгельса скрыл свою фамилию под двумя буквами «Н. З.». Но с этими буквами читатель не раз встречался, перелистывая страницы журнала «Знание», а затем «Слова».

Этими двумя буквами подписывал свои статьи Зибер. Незадолго до этого он поместил в указанных журналах свои статьи: «Лассаль сквозь очки Чичерина», «Экономическая теория Маркса».

«Извлечения» Зибера расположены в той же последовательности, что и соответствующие места из книги Энгельса, текст «извлечений» очень близок тексту Энгельса. Из всей статьи только несколько строк принадлежат Зиберу, все же остальные 53 страницы, примерно 5 печатных листов,— не что иное, как перевод. Приведем два примера:

«Частью бок о бок с французскою философиею XVIII столетия, частью непосредственно вслед за нею возникла новейшая немецкая философия и нашла свое заключительное звено в Гегеле. Величайшая ее заслуга состояла в том, что она восстановила диалектику как высшую форму мышления. Древние греческие философы были все прирожденные, естественные диалектики, и самая универсальная голова между ними, Аристотель, успел уже подвергнуть своему исследованию существеннейшие формы диалектического мышления. Напротив того, новейшая философия, хотя и она имела в диалектике своих блестящих представителей (напр., Декарта и Спинозу), остановилась, в особенности благодаря английскому влиянию, на так называемом метафизическом образе мышления, который господствовал также почти исключительно и над французами XVIII столетия, по крайней мере, что касается написанных ими специальных философских произведений. Вне области собственно философии они также оказывались способными представлять образцовые сочинения по диалектике. Мы напомним при этом только «Племянника Рамо» Дидро и «О причинах неравенства между людьми» Руссо («Слово» за 1879 год. Т. XI, стр. 119).

Теперь откроем XIV том сочинений Маркса и Энгельса и выпишем из него соответствующее место:

«Между тем рядом с французской философией XVIII века и вслед за нею развилась новейшая философия, нашедшая свое завершение в Гегеле. Ее величайшей заслугой было возвращение к диалектике как высшей форме мышления. Древние греческие философы были все прирожденными диалектиками, и Аристотель,—самая всеобъемлющая голова между ними,— исследовал уже все существеннейшие формы диалектического мышления. Хотя и в новой философии диалектика имела блестящих представителей (Декарт и Спиноза), но она, особенно под влиянием английской философии, все более и более склонялась к так называемому метафизическому способу мышления, почти безраздельно овладевшему также французами XVIII века, по крайней мере в их специально-философских трудах. Однако вне этой области они смогли оставить нам высокие образцы диалектики; припомним только «Племянника Рамо» Дидро и сочинение Руссо «О происхождении неравенства между людьми» (Маркс и Энгельс. Т. XIV, стр. 20).

Очевидно, что эти два отрывка — два перевода одного и того же текста. Такое же соответствие нетрудно обнаружить и при дальнейшем сравнении текстов Зибера и Энгельса.

Зибер дал в отрывках перевод первого раздела «Анти-Дюринга» и первых трех глав второго раздела. На этом заканчивалась статья Зибера в 11-й книге «Слова» за 1879 год. Читателю было обещано продолжение в следующих номерах. Но продолжения нет ни в № 12 за 1879 год, ни в двенадцати номерах 1880 года. Цензура не пропустила «Анти-Дюринга» даже в сокращенном виде и без упоминания об авторе. Однако редакция «Слова» еще раз попыталась если не дать перевод «Анти-Дюринга», то, по крайней мере, напомнить о нем читателю.

В «Слове» в 1880 году была помещена статья С. Подолинского «Труд человека и его отношение к распределению энергии». В ней, на стр. 207, имеется цитата из «Анти-Дюринга». Она тщательно замаскирована. Из «Анти-Дюринга» взяты две строчки, к тому же состоящие из цифр. У Энгельса эти строчки помещены в примечании (см. Маркс и Энгельс. Т. XIV, стр. 286). Текст Энгельса дан редакцией без кавычек.

Благодаря этим предосторожностям цитата из «запрещенного» автора благополучно прошла через цензуру. Эта настойчивость в борьбе характерна для «Слова». Еще за 10 лет до этого, когда только предполагалось начать издание журнала и назвать его «Знанием» (под этим названием журнал и выходил с 1870 по 1878 год), в сентябре 1870 года, Маркс получил письмо от Слепцова с предложением сотрудничать в журнале. Это доказывает, что уже до 70-х годов имена Маркса и Энгельса были знакомы редакторам журнала. То, что редакция предложила сотрудничество Марксу, характерно для ее направления. В «Слове» из месяца в месяц печатались статьи Зибера «Экономическая теория Маркса» и др. Именно этот журнал сделал попытку вопреки царской цензуре после запрещения ею «Анти-Дюринга» напечатать отрывки из него. Это не мешало, правда, редакции в то же время печатать Спенсера и других ученых, не имевших ничего общего с марксизмом.

Дело не ограничилось, однако, ни попыткой издать книгу целиком, ни попыт-

кой напечатать ее в извлечениях. В легальной печати появился ряд рецензий на «Анти-Дюринг». Так например в № 15 «Критического обозрения» за 1879 год читаем: «Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft. Von Friedrich Engels. Leipzig. 1878». Рецензентом был тот же Н. Зибер. Рецензия очень своеобразна. Она состоит из 5 неравных частей. Первая часть вводная. Рецензент напоминает в ней о том, что один русский писатель называл диалектику страшным тараном, но имя этого писателя рецензент «забывает» назвать. Это напоминание понадобилось Зиберу для того, чтобы подчеркнуть революционность диалектики. Затем рецензент сообщает, что того же взгляда на диалектику держится Ланге в своей работе «Arbeiterfrage». Этим кончается вводная часть. Дальше Зибер указывает, что автору рецензируемого произведения (т. е. Энгельсу) принадлежит «Положение рабочего класса в Англии». После этого рецензент переходит к характеристике того, что он считает основным в «Анти-Дюринге». «Главный интерес работы Энгельса, на котором мы и сосредоточим внимание читателя,— пишет Зибер,— представляет, по нашему мнению, сделанная им попытка подвести закон диалектических противоречий под новейшую теорию эволюции и, с помощью довольно многочисленных примеров из различных отраслей знаний, придать более или менее реальное освещение этой, в глазах многих наших современников в высшей степени туманной метафизической тарабарщины». После этой общей оценки труда Энгельса начинается основная часть рецензии. Читатель, знакомый с «Анти-Дюрингом», легко обнаруживает, что рецензия состоит почти целиком из отрывков текста Энгельса, связанных между собой несколькими строками рецензента. Никаких кавычек Зибер не ставит, последовательность отрывков дана рецензентом. Для того чтобы дать представление о переводе и о том, какие отрывки взяты Зибером, приведу один из них [1].

«Каждый новый успех цивилизации есть вместе с тем новый успех неравенства. Все учреждения, которые дает себе человечество, превращаются в противоположность своей первоначальной цели. «Не подлежит сомнению и представляет основное положение всякого государственного права, что народы дали себе князей для охраны своей свободы, а не для ее уничтожения». Но, несмотря на то, что эти князья необходимо становятся угнетателями народов и доводят это угнетение до такого пункта, на котором неравенство, достигшее последней крайности, снова превращается в свою собственную противоположность, становится причиной равенства: перед деспотом все равны, а именно равны нулю.

«Тут крайняя степень неравенства, конечный пункт, который заключает круг и касается пункта, из которого мы вышли: тут все частные лица становятся равны, именно потому, что они ничто и подданные не имеют другого закона, кроме воли господина». Но господин есть деспот лишь настолько, насколько он располагает силой, и поэтому «когда его изгоняют, он не может жаловаться на насилие. Насилие поддерживало его, насилие опрокидывает его, все идет своим правильным, естественным путем». И таким образом неравенство снова превращается в равенство, но не в первоначальное, естественное равенство немых людей, а в высшее равенство общественного договора. Угнетатели угнетаются. Это отрицание отрицания» (см. Маркс и Энгельс. Т. XIV, стр. 139).

Перевод занимает больше 75% всей рецензии (примерно ¾ печатного листа). За переводом следуют 2—3 странички заключительных замечаний. Из характера рецензии очевидно, что Зибер хотел познакомить читателя в первую очередь непосредственно с самим текстом работы Энгельса.

Журнал «Критическое обозрение» в 1879 году редактировался М. М. Ковалевским. За 4 года до этого, в 1875 году, Ковалевский познакомился с Марксом в Карлсбаде. Ковалевский подружился с Марксом, и между ними впоследствии завязалась переписка. В своих воспоминаниях Ковалевский писал: «Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мною впоследствии в Москве «Критическом обозрении», частью в «Отечественных записках» («Вестник Европы» за 1909 год. Т. VII, стр. 10. М. Ковалевский «Две жизни»).

Таким образом, появление рецензии на «Анти-Дюринг» в «Критическом обозрении» не было случайностью. Ковалевский не пишет, какое на него впечатление произвел «Анти-Дюринг», зато мы знаем о впечатлении Лопатина, вероятно, из русских самого близкого Марксу и Энгельсу человека. В своем письме к Энгельсу от 17 апреля 1878 года Лопатин писал:

«Я также должен попросить Вас об одном деле. Вы недавно напечатали в «Vorwärts'e» целый ряд очень интересных

[1] Слова, поставленные в кавычки внутри энгельсовского текста, представляют собой приводимые Энгельсом цитаты из Руссо.

статей о философии и политической экономии Дюринга. Может быть, эти статьи появились уже отдельно в виде отдельного оттиска. В таком случае я буду Вам обязан, если Вы пришлете мне один или два экземпляра этого отдельного издания. Второй экземпляр я хотел бы иметь для некоторых своих друзей из русских социалистов, которые часто связывают вое̇нно исключающие друг друга вещи и делают общую смесь (правда очень революционную) из Прудона, Маркса и Дюринга, по той лишь причине, что все трое находятся в крайней оппозиции и что все трое в большей или меньшей степени находятся под запретом и преследованием у нас в России» («Летописи марксизма». Т. VII—VIII). Для борьбы против этой «смеси» Лопатин и хотел использовать «Анти-Дюринг».

Лопатин был арестован в России в апреле 1879 года. «Анти-Дюринг» вышел отдельной книгой в 1878 году. Есть все основания думать, что Лопатин, этот энергичнейший человек, так много сделавший для перевода «Капитала», самым широким образом пользовался «Анти-Дюрингом» для революционной пропаганды.

В эти же годы имя Энгельса встречается и в других журналах. В ряде статей «Вестника Европы» (1875, 1879, 1887 годы) рассказывается об Энгельсе как о друге Маркса, вместе с ним еще в 40-х годах начавшем борьбу за научный социализм. В статье, помещенной в № 1 «Вестника Европы» за 1879 год, дается обзор книги Меринга «История германской социал-демократии». В обзоре читаем:

«Программой преобразованного союза послужил «Манифест коммунистической партии», составленный Энгельсом и Марксом в 1847 году, одобренный на одном конгрессе рабочих, бывшем в Лондоне, и выпущенный незадолго до февральской революции 1848 года на шести языках.

Если сравнить программу нынешней германской социалистической (коммунистической) партии, руководимой Либкнехтом, как она была формулирована в Готе, при соединении Лассальянцев с коммунистами, то окажется, что все главные основы, то есть, как теоретические взгляды, так и практические требования современной программы, были уже выработаны в «Манифесте» 1847 года» («Вестник Европы» за 1879 год. Т. I, стр. 223).

Дальше, излагая ход борьбы за правильную линию в Интернационале, автор пишет: «Дело в том, что эти статьи, написанные в духе Лассаля, шли прямо в разрез с желаниями Маркса, Энгельса и Либкнехта — подчинить Германский Союз рабочих международному обществу» (там же стр, 231).

В этой статье читатель встречается несколько раз с именем Энгельса (см. стр. 206, 217, 219, 222, 228 и др.). Читатель знакомится с совместной борьбой Маркса и Энгельса в конце 40-х годов и их совместным участием в организации Интернационала. В газетах 70-х годов в сообщениях об Интернационале мы встречаем не только имя Маркса, но и имя Энгельса, которого знали в России как соавтора Маркса по «Манифесту Коммунистической партии».

История распространения «Манифеста» и его переводы на русский язык полностью еще не изучены. Но бесспорно, что в 60-х годах «Манифест Коммунистической партии» был переведен на русский язык (см. Бернштейн «Карл Маркс и русские революционеры». Изд. «Пролетарий». 1923). С «Манифестом» знакомились не только те, кто бывал заграницей: его ввозили в Россию. Об одной такой, правда, провалившейся, попытке мы узнаем из письма Николая — она от 30 августа 1871 года к Марксу. Николай — он писал в связи с делом Нечаева:

«В числе потерпевших суровое наказание находится некая Александровская, привезшая из Женевы в Россию несколько прокламаций. Большинство этих прокламаций были Бакунинско-Нечаевского сорта, но в числе их оказалась, однако, и такая, которая не имела с этими ничего общего, а именно русский перевод «Манифеста Коммунистической партии».

В конце 70-х — начале 80-х годов ходили по рукам многочисленные переводы «Манифеста» (Бакунина, Московской группы, затем Плеханова). Но первая легальная попытка издать полностью «Манифест», повидимому, относится к 1872 году.

На нее энергично реагировала цензура:

«Manifest der Kommunistischen Partei» Лондон 1848 г. Рассмотренный нами манифест Коммунистического союза, если и не проповедует тех ужасов разрушения, которыми ознаменовалась международная ассоциация рабочих в Париже, то тем не менее он бросил ее семена на производительную и восприимчивую для всякого беспорядка почву пролетариата, которые возросли, созрели и принесли свои плоды в последних ее проявлениях.

Мы представляем эту брошюру к запрещению для публики. А. Есипов».

Издание «Манифеста» было запрещено.

Но запрещения и кары за распространение, печатание и просто изучение работ Маркса и Энгельса оказались бессильными.

Идеи Маркса и Энгельса стали могучей силой, поднявшей миллионы трудящихся и угнетенных на борьбу за уничтожение помещичье-капиталистического строя, за социализм.

В. Гармиза

Из истории Самарской учредилки

После Великой Октябрьской социалистической революции в СССР все контрреволюционные силы страны об'единились под лозунгом передачи власти Учредительному собранию. Через Учредительное собрание буржуазия хотела добиться восстановления свергнутого буржуазно-помещичьего строя.

Учредительное собрание, выборы в которое происходили еще до Октябрьской социалистической революции, как известно, состояло в большинстве из эсеров. Оно отказалось подтвердить декреты II Всероссийского с'езда советов о мире, о земле, о переходе власти к советам. Рабочий класс и трудовое крестьянство не допустили посягательства на свои права. Учредительное собрание было распущено, не просуществовав и одного дня.

5(18) января 1918 года оно открылось и в тот же день бесславно скончалось.

Рабочие и крестьяне встретили декрет о роспуске Учредительного собрания горячим одобрением. Массы на собственном опыте убедились в правильности большевистской политики и большевистских лозунгов.

Буржуазия, однако, не отказалась от использования лозунга «Вся власть Учредительному собранию» в своей борьбе с советами. «Ход событий и развитие классовой борьбы в революции привели к тому, — писал Ленин, — что лозунг «Вся власть Учредительному собранию», не считающийся с завоеваниями рабоче-крестьянской революции, не считающийся с Советской властью, не считающийся с решением Второго Всероссийского с'езда Советов рабочих и солдатских депутатов, Второго Всероссийского с'езда крестьянских депутатов и т. д., такой лозунг стал на деле лозунгом кадетов и калединцев и их пособников» (Ленин. Т. XXII, стр. 133). Не отказалась буржуазия и от помощи эсеров и меньшевиков, которые являлись ее прямыми пособниками. Социал-соглашатели служили удобной ширмой для прикрытия истинных целей буржуазно-помещичьей контрреволюции.

В 1918 году эсеры под флагом Учредительного собрания повели контрреволюционную кровавую борьбу против Советской республики. Они участвовали в деятельности белогвардейских «Союза возрождения» и «Союза защиты родины и свободы», задачей которых было восстановление царской монархии, организовали гнусное убийство товарищей Володарского и Урицкого, два покушения на Ленина.

Вскоре после роспуска Учредительного собрания эсеры убедились в своем бессилии организовать контрреволюционные мятежи в Москве и Петрограде. В крупных промышленных центрах эсеры и меньшевики не пользовались никаким влиянием. Поэтому руководство партии эсеров решило ориентироваться на Поволжье, где оно рассчитывало получить помощь от интервентов. С конца апреля 1918 года началась переброска эсеров на Волгу и в Сибирь.

Эсеры не случайно избрали эти места центром своей контрреволюционной деятельности. В Поволжье, удаленном от центра, была слабо развита фабрично-заводская промышленность, был значителен удельный вес кустарных промыслов, чрезвычайно высок в сравнении с центральными районами процент кулацких хозяйств. Все это создавало благоприятную обстановку для работы контрреволюционных организаций. Тяжелое экономическое положение Советской республики, полученное в наследство от свергнутой буржуазии: голод, разруха в промышленности и транспорте,— облегчало эсерам и меньшевикам антисоветскую агитацию.

Подготовка контрреволюционного мятежа в Самаре началась тотчас же после роспуска Учредительного собрания. Особенно активно действовали эсеры Климушкин, Брушвит и Фортунатов. Еще в феврале 1918 года им удалось спровоцировать саперный полк на вооруженное выступление, которое было ликвидировано без кровопролития. Тогда же эсеры разложили самарский гарнизон, который пришлось, по приказу исполкома, разоружить и демобилизовать.

Об организации контрреволюционного мятежа подробно рассказывал впоследствии на собрании, посвященном истории самарского переворота, сам Климушкин. Лидер самарских эсеров публично признавался, что все попытки поднять массы против советской власти провалились, ибо «реальных сил для поддержки движения со стороны населения и рабочих не было».

Враждебные элементы внутри страны были слишком слабы для самостоятельного выступления против советской власти. Только англо-французская интервенция оживила и подкрепила силы внутренней контрреволюции. Только соединение сил иностранных империалистов Антанты и внутренней контрреволюции дало возможность врагам народа открыть поход против Советской республики.

* * *

Подготовляя интервенцию, Антанта не рассчитывала вести борьбу с Советской республикой исключительно силами своих войск. Продолжавшаяся война с Германией лишала союзников возможности снять с фронта сколько-нибудь значительное количество солдат. Поэтому свои планы свержения советской власти империалисты строили главным образом на использовании контрреволюционных сил внутри России. Они помогали создавать подпольные белогвардейские организации в городах Поволжья и других местах, снабжая их оружием и деньгами.

Весьма подходящим материалом для интервентов оказались военнопленные чехословаки.

Чехи и словаки, мобилизованные в австрийскую армию (чехословацкое население тогда входило в состав Австро-венгерской монархии) и насильно втянутые в войну с Антантой, массами сдавались в плен русским войскам. Царское правительство и буржуазное Временное правительство Керенского использовали военнопленных чехословаков в войне с Германией. Ко времени Великой Октябрьской социалистической революции из чехословацких частей был сформирован целый корпус численностью в 70—80 тысяч человек. Тотчас же после Октябрьской революции правительства союзников начали подготавливать мятеж чехословаков против советской власти, используя для этого стремление буржуазных и мелкобуржуазных чехословацких политических деятелей к созданию после разгрома австро-германской коалиции самостоятельного государства.

Командный состав чехословацких частей был подкуплен правительствами Англии и Франции. Организаторы интервенции заплатили чехословацким офицерам за мятеж против советской власти около 15 миллионов рублей, и за эти деньги была продана чехословацкая армия французским и английским империалистам.

В феврале 1918 года Франция и Англия поставили перед советским правительством вопрос о переброске чехословацких войск не через Мурманск, как предполагалось раньше, а окружным путем, через Владивосток. Союзники хотели, чтобы чехословаки под видом эвакуации заняли важнейшую Сибирскую магистраль и создали фронт на Волге, Урале и Сибири. Но тогда эти мотивы были еще не известны советскому правительству, и оно дало согласие на эвакуацию чехословаков через Владивосток.

К началу апреля чехословацкие эшелоны, продолжая движение к Владивостоку, растянулись по всей Сибирской магистрали. 4 апреля во Владивостоке высадился японский десант. Теперь есть все основания утверждать, что у Японии, Англии, Франции и чехословацких войск был единый план интервенции и чехословацкий мятеж являлся необходимой составной частью этого плана. В делах Самарского комитета членов Учредительного собрания имеется следующий документ, который, хотя и относится к более позднему времени (к августу 1918 года), но полностью подтверждает существование об'единенного плана интервенции:

«Чехословацкий национальный совет сообщает: союзники признали Чехословацкий национальный совет законным представительством в Париже Чехословацкой республики и профессора Масарика главой этого правительства.

Союзники решили одновременно поддержать чехословаков в России, и с этой целью уже высажены французские, американские, английские и японские войска под верховным командованием маршала Отани.

Чехословацкие войска владивостокской группы представляют одну группу с прибывающими к нам частями войск, действующих под верховным японским командованием» (Архив Октябрьской революции, фонд № 1405, дело № 303, лист 77).

Но уже в апреле, после высадки японского десанта, было ясно, что дальнейшее продвижение чехословаков лишь укрепит контрреволюцию и даст повод японцам занять Сибирь. Поэтому советское правительство решило изменить маршрут эвакуации чехословаков и начало переговоры с чехословацким Национальным советом о том, чтобы английские и французские власти согласились принять чехословаков на свои суда в Архангельске. Англо-французские империалисты намеренно затягивали ответ, а тем временем их агенты развернули в чехословацких эшелонах провокационную агитацию. Контрреволюционное чехословацкое офицерство вкупе с русскими белогвардейцами и эсерами лживо внушало солдатам, что советское правительство их обманывает, что оно

якобы заключило тайный договор с германским послом в Москве Мирбахом и теперь посылает чехословацкие войска через Архангельск для того, чтобы их в Северном море потопили немецкие подводные лодки.

По прямой директиве англо-французских империалистов, чехословацкие войска в конце мая 1918 года подняли мятеж.

В ночь на 26 мая они захватили Челябинск. Тогда же был захвачен и Ново-николаевск (теперь Новосибирск). Мятеж разгорелся почти одновременно по всей линии Сибирской железной дороги. 28 мая чехословаки заняли Нижнеудинск, 29 мая—Канск и Пензу, 30 мая—Сызрань, 31 мая—Петропавловск и станцию Тайгу, 2 июня—Миасс, Курган, 7 июня—Омск, 8 июня—Самару.

Чехословацкое контрреволюционное восстание подняло на борьбу против советской власти и кулаков. По России прошла волна кулацких восстаний.

Выступление интервентов подкрепило силы самарских контрреволюционеров. Брушвит отправился в Пензу договариваться с чехословацким командованием о военной помощи, а оставшиеся в Самаре эсеры тем временем лихорадочно готовились к захвату власти. Все тот же болтливый Климушкин уже на другом собрании в первых числах октября рассказывал, что за неделю до взятия Самары белыми в городе уже сложилась крупная подпольная организация с руководящим центром (Комитетом членов Учредительного собрания), со своей канцелярией и комендатурой, с военной дружиной более чем в 500 человек численностью, возглавляемой штабом.

Наряду с эсеровской в Самаре орудовала подпольная офицерская организация, связанная с эсерами.

В этих условиях оборона Самары от наступающего врага была делом исключительно трудным. Самарским большевикам приходилось бороться одновременно на двух фронтах: с чехословаками на внешнем фронте и с белогвардейской сворой на внутреннем. Тем не менее именно у Самары враг встретил наиболее упорное сопротивление. Обороной города руководил товарищ В. В. Куйбышев, бывший тогда председателем Самарского ревкома. Немедленно после выступления чехословаков он об'явил город на осадном положении.

30 мая для руководства обороной города был создан революционный штаб во главе с В. В. Куйбышевым. Штаб обратился к трудящемуся населению Самары с призывом стать на защиту города от интервентов и записываться в добровольческие дружины. Рабочие с воодушевлением откликнулись на обращение штаба. За 3—4 дня в дружины записалось более 2 тысяч человек. Одновременно была об'явлена мобилизация всех членов партии большевиков, способных носить оружие.

В эти ответственные дни Валериан Владимирович проявил изумительную энергию, непоколебимую большевистскую выдержку, настойчивость и полное презрение к опасности. Он руководил формированием и обучением дружин, лично намечал места для укреплений, выбирал позиции для установки артиллерии и пулеметов. Днем и ночью, под артиллерийским обстрелом, тов. Куйбышев с риском для жизни об'езжал передовые посты, проверяя готовность отрядов дать отпор врагу.

Революционному штабу пришлось столкнуться с чрезвычайными трудностями. Боевая подготовка отрядов была слаба. Многие добровольцы впервые держали в руках винтовки. Почти не было военных специалистов, способных руководить боевыми операциями. Город кишел предателями. Две подпольные контрреволюционные организации вели подрывную работу: портили железнодорожные пути, расклеивали контрреволюционные прокламации, снабжали чехословаков сведениями о расположении и численности советских войск.

Тем не менее принятые тов. Куйбышевым меры дали возможность советским войскам несколько дней удерживать город.

Главная линия обороны красных войск была расположена по берегу реки Татьянки, в районе станции Липяги, в 15 километрах от Самары. 4 июня чехословаки, получив от эсеров подробные сведения о расположении и численности советских войск, повели наступление на наши отряды, укрепившиеся под Липягами. Наступление велось с трех сторон: в лоб и в обход обоих флангов.

Сражение кончилось поражением наших войск, которые потеряли около 1500 человек. Несколько сот красноармейцев утонуло, пытаясь переправиться вплавь через разлившуюся речку Татьянку. В бою почти целиком погиб латышский стрелковый полк; не желая сдаваться в плен, многие латышские стрелки, расстреляв все патроны, последнюю пулю пускали в себя. Погиб смертью героя и сам командир самарских отрядов тов. Каломцев.

Несмотря на свой успех чехословаки не смогли все же немедленно возобновить наступление, так как с тыла их настигли красные отряды, подошедшие со стороны Пензы и Симбирска. Бой с этими отрядами чехословаки выиграли, но Самара получила трехдневную передышку, которая была использована для укрепления обороны города. Усилиями самарских коммунистов и прежде всего их руководителя тов. Куйбышева красные отряды были вновь пополнены. Вдоль реки Самарки были вырыты

Тов. В. В. Куйбышев. 1919 г.
Центральный музей Красной Армии.

окопы, и туда послали значительные силы красноармейцев. Железнодорожный мост с 4 по 7 июня бессменно охраняла коммунистическая дружина. На Хлебной площади штаб установил артиллерийскую батарею. К 7 июня в Самару прибыли подкрепления: отряд красноармейцев из Симбирска в 450 человек и мусульманский отряд из Уфы в 600 человек, который сменил коммунистическую дружину, охранявшую мост. Создалась уверенность, что Самару можно будет удержать.

Но чехословаки имели над защитниками Самары преимущество в численности. Они обладали лучшей военной споровкой чем наши молодые бойцы и дрались под командованием испытанных в многолетней войне офицеров. Чехословаки были снабжены военной техникой лучше чем красноармейские отряды. Вдобавок чехословаки действовали не одни, а при поддержке эсеровско-белогвардейских подпольных организаций.

8 [illegible] начался усиленный обстрел города. Орудия были отлично пристрелены и наносили огромный урон нашим частям, особенно батарее. Обстрел достиг такой силы, что удерживать подступы к городу стало невозможно. Рано утром 8 июня чехословаки захватили мост через реку Самарку и вошли в город. Одновременно эсеры подняли мятеж в самой Самаре. Тов. Куйбышев сражался в первых рядах, защищая мост и прикрывая эвакуацию остальных частей. После захвата моста он вместе с другими товарищами укрепился в штабе советских войск, который помещался в коммунистическом клубе. Штаб был окружен белогвардейцами, и каждый, кто пытался выйти из него, попадал под перекрестный огонь. Только тов. Куйбышеву с небольшой горсточкой смельчаков удалось выбраться из дома и, отстреливаясь, под жестоким огнем противника пробиться к пристани и с последним пароходом отплыть в Симбирск. Остальные попали в плен к раз'яренным белогвардейцам.

Красная Самара пала. Чехословаки передали власть «правительству» из 5 эсеров — членов распущенного Учредительного собрания. В это так называемое «правительство» вошли Вольский (председатель), Брушвит, Климушкин, Фортунатов и Нестеров. Эта пятерка приняла официальное название Комитета членов Учредительного собрания (сокращенно — Комуч).

* * *

Самарский Комуч пришел к власти с вывеской демократии. В приказе № 1, выпущенном в день взятия Самары, Комитет торжественно декларировал «восстановление» свобод. На деле же «демократия» ознаменовала свой приход к власти кровавой оргией самосудов, бессудных расстрелов, зверских избиений всех тех, кого подозревали в принадлежности к коммунистической партии или в сочувствии большевикам. Опознанных коммунистов тут же избивали до смерти, пленных красноармейцев группами отводили за город и там расстреливали. Только в первые дни господства эсеров было замучено и расстреляно более 300 человек. Пресловутая чистая «демократия», столь воспетая меньшевиками и эсерами, очень быстро показала свое подлинное лицо.

В дальнейшем белогвардейский террор вошел в систему, он принял, так сказать, «законный» характер. На территории учредилки оперировали две контрразведки (русская и чешская) и целая сеть военно-полевых судов. Военно-полевые суды были совершенно безответственны. Людей расстреливали десятками по ложным доносам или по необоснованному обвинению в коммунистической деятельности.

По селам свирепствовали карательные отряды, созданные для насильственного взимания с крестьян налогов, для защиты помещичьих усадеб и для вербовки в так называемую «народную армию» Комуча. Каратели, состоявшие преимущественно из сынков местных помещиков, кулаков и торговцев, нещадно расправлялись с революционными крестьянами, пороли и расстреливали противников власти Комуча.

Когда недовольство политикой эсеров стало прорываться наружу, появился приказ Комуча, угрожавший репрессиями за агитацию против Учредительного собрания.

«Всякие призывы к прекращению работ,— говорится в этом приказе,— агитация против Учредительного собрания и доблестных союзников чехословаков, неисполнение приказаний властей будут караться по законам военного времени» (Архив Октябрьской революции, фонд № 671, дело № 1, лист 25).

Революционная и даже оппозиционная печать была ликвидирована. Зато буржуазную печать эсеры восстановили. Кадетский «Волжский день» немедленно приступил к обработке общественного мнения в контрреволюционном духе.

Роль местных органов Комуча выполняли губернские и уездные уполномоченные, назначаемые непосредственно Комучем и подчиненные только ему. Эти провинциальные администраторы почти в точности напоминали царских губернаторов. Они являлись полновластными диктаторами в своих районах. Им предоставлялось право руководить всеми местными учреждениями и отменять по своему усмотрению распоряжения этих учреждений, арестовывать по своему произволу граждан, распускать те собрания и с'езды, которые им покажутся неугодными, и даже обращаться к содействию военных властей «для подавления беспорядков» (Сборник «4 месяца учредиловщины», стр. 12. Самара. 1919).

Как видим, обещания свобод и истерические вопли о «народовластии» были сплошным обманом. Вся эта лживая фразеология нужна была эсерам для того, чтобы скрыть классовый, буржуазно-помещичий характер своей власти.

Эсеровское правительство последовательно осуществляло буржуазно-помещичью реставраторскую программу. Эсеры восстановили обязательное преподавание «закона божия» в учебных заведениях, уволили революционных преподавателей и насадили в школы старых, черносотенных учителей. Во главе штаба так называемой «народной» армии они поставили белогвардейца, типичного старорежимного солдафона Галкина, который окружил себя монархическим офицерством.

Когда кадеты официально запросили эсеров относительно прав буржуазии на участие ее представителей в управлении, учредиловцы ответили, что восстановление финансового аппарата, промышленности и продовольственного дела будет происходить при участии «торгово-промышленных организаций» и «знатоков» финансового дела, т. е. самарской буржуазии.

Через 4 дня после своего прихода к власти эсеры издали приказ о денационализации банков. В дополнение к этому приказу они восстановили частную собственность на процентные бумаги и об'явили неприкосновенными все вклады буржуазии в банках. Вслед за тем Комуч приступил к денационализации фабрично-заводских предприятий, для чего создал особую комиссию из представителей буржуазных чиновников и меньшевистских профсоюзов.

Реставрация капиталистических отношений немедленно повлекла за собой самую бешеную эксплоатацию рабочих. Заработная плата сильно уменьшилась. Восьмичасовой рабочий день был фактически отменен. Социального страхования не было вовсе. Революционные рабочие массами увольнялись. Их выбрасывали на улицу по требованию начальников цехов без всяких формальных оснований и без всякого вознаграждения. Заявления в отдел труда не принимались во внимание. Ни один конфликт за все время господства эсеров не был разрешен в пользу рабочих.

Неправильно было бы думать, что самарские эсеры, стоявшие у власти, осуществляли реставрацию капиталистического строя лишь под давлением буржуазии, так сказать, помимо своей воли. Отнюдь нет, правительство учредиловцев принципиально стояло за восстановление капитализма и опиралось на буржуазию. Председатель Комуча Вольский говорил на с'езде городов и земств:

«Отвергая всякого рода социалистические эксперименты, Комитет считает, что капиталистический строй в настоящее время отменен быть не может. Капиталистическая промышленность должна существовать, и класс капиталистов должен иметь возможность вести промышленность».

* * *

Особый интерес представляют политика эсеровского правительства в деревне и отношение крестьянства к Самарской учредилке.

Главная причина временных успехов Комуча заключалась в том, что среднее крестьянство весной 1918 года еще колебалось между пролетариатом и буржуазией и частью шло за кулачеством. Колебания среднего крестьянства усилились вследствие разрухи и голода, которые нарушали товарообмен между городом и деревней. На Средней Волге, где кулачество было многочисленнее чем в центральных промышленных районах и где вследствие слабого развития фабрично-заводской промышленности слабее была руководящая роль рабочего класса, колебания середняков проявлялись значительно сильнее.

Ленин и Сталин неоднократно указывали на неизбежность колебаний среднего

крестьянства и раз'ясняли причину этих колебаний.

«Колебание среди крестьян,— говорил Ленин, — нас не удивляет. Крестьянская масса не прошла такой жизненной школы, какую прошел пролетариат, который привык десятилетиями видеть в капиталисте своего классового врага и который сумел сплотить свои силы для борьбы с ним. Мы знаем, что крестьяне такого университета не прошли. Одно время они шли вместе с пролетариатом, теперь у них наблюдается период колебания, когда крестьянская масса раскалывается... Там, где нет большевиков и господствуют чехо-словацкие власти, мы наблюдали такое явление: сначала чехо-словаков встречают чуть не как избавителей, но через несколько недель господства этой буржуазии замечается громадный поворот против чехо-словаков за Советскую власть, потому что крестьяне начинают понимать, что все фразы о свободе торговли и об Учредительном собрании означают только одно: власть помещиков и капиталистов» (Ленин. Т. XXIII, стр. 162—163).

Товарищ Сталин в своем докладе на XIV с'езде партии говорил:

«Середняк, это — человек высматривающий. Он глядит, чья возьмет, выжидает, и только тогда, когда ты взял верх, изгнав помещиков и буржуа, он идет с тобой на союз. На то он и середняк. Стало быть, во втором этапе нашей революции мы шли уже с лозунтом не союза рабочих совсем крестьянством, а с лозунгом союза пролетариата с беднейшим крестьянством» (И. Сталин. Политический отчет Центрального Комитета XIV с'езду ВКП(б), стр. 157. Партиздат. 1937).

Поведение среднего крестьянства в первые два месяца господства эсеров убедительно доказывает абсолютную правильность этих высказываний Ленина и Сталина.

Первое время колебания середняка на Средней Волге чаще всего проявлялись в «нейтральном» отношении к гражданской войне.

«Теперешнюю власть мы не знаем, поэтому ни хорошо, ни плохо относиться к ней не можем».

«Большевики были — хорошо, а ушли — не жалко».

«Хлебушка есть — и слава богу, а кому нужны эти гвардии, те пусть и дерутся, мы в стороне. Знамо: послушать, так эта сторона лучше», — с такими речами выступали крестьяне на сельских сходах.

Эти выступления были характерны для настроения большинства крестьян в первые дни Комуча. Крестьяне были раздражены продразверсткой, войной, бестоварьем, колебались в сторону буржуазии, но при этом они пуще огня боялись реставрации помещичьих порядков и не доверяли Комитету членов Учредительного собрания.

Однако нейтральность среднего крестьянства оказалась недолговечной. Основное требование крестьян в революции заключалось в том, чтобы получить землю, отнять ее у помещиков. Выполнила ли партия эсеров это главное требование трудового крестьянства?

Когда лидер эсеров В. М. Чернов был министром земледелия в коалиционном правительстве Керенского, эсеры, защищая интересы помещиков, ничего не сделали для того, чтобы крестьяне получили землю. После того как Октябрьская революция на деле разрешила аграрный вопрос, полностью ликвидировала помещичье землевладение и передала землю крестьянам, эсеры накануне созыва Учредительного собрания в демагогических целях состряпали свой «закон о земле». Характерно, что в этот закон они лишь под давлением депутатов-крестьян включили пункт о безвозмездной передаче помещичьей земли крестьянам. Но, принимая «закон о земле», правоэсеровское Учредительное собрание в то же время отказалось признать декрет о земле, принятый II Всероссийским с'ездом советов и проводившийся в жизнь органами советской власти. Правые эсеры на словах стояли за передачу помещичьей земли крестьянам, но отказывались от нее на деле.

Такую же политику проводил и правоэсеровский Комуч. В декларации Комуча от 24 июля 1918 года эсеры заверяли крестьян, что «вся земля бесповоротно перешла в народное достояние и никаких попыток к возврату ее комитет не допустит». Таким образом, на словах Комитет признавал национализацию земли. Но фактически дело обстояло иначе.

В приказе Комуча № 124 от 22 июля 1918 года говорилось:

«Право снятия озимых посевов, произведенных в 1917 на 1918 год как в трудовых, так и в нетрудовых хозяйствах принадлежит тому, кто их произвел».

По этому приказу, помещики имели право отобрать у крестьян конфискованную землю и собрать с нее урожай на том основании, что озимые посевы производились до закона о земле, принятого Учредительным собранием.

В дополнение к приказу № 124 сообщалось:

«1. Все затраты, произведенные на указанные посевы, должны быть возвращены собственникам посевов.

2. Все разделы озимых посевов, произведенные после 1 июня, считаются недействительными и право уборки таких посевов принадлежит их собственнику» (Архив Октябрьской революции, фонд № 1405, дело 303).

Местные власти всячески защищали помещиков от крестьян.

В циркуляре волостным земельным комитетам Комуч восстановил земельные комитеты, действовавшие при Керенском. Центральная земельная управа предписывала:

«Принять все меры к охране построек и прочее в частновладельческих имениях и собиранию расхищенного самовольно, прибегая к помощи милиции» (Архив Октябрьской революции, фонд 681, дело № 33, лист 21).

На территории, подчинявшейся Комучу, фактическая власть в деревне начала переходить к кулакам и помещикам. Даже контрреволюционные самарские газеты вынуждены были признать это. Центральный орган Комуча «Вестник Комитета членов учредительного собрания» в номере от 3 сентября сообщал: «После ухода большевиков кулаки заполнили волостное земство. Вся беднота с нетерпением ждет прихода советской власти».

Деревенская буржуазия хорошо поняла новую обстановку. Кулаки села Красноярки, Бугурусланского уезда, говорили: «Теперь наше право, мы теперь вас согнем в бараний рог».

Кулацкая программа действий нашла у эсеров полную поддержку.

В деревне Ново-Федоровке, Уфимской губернии, кулаки отобрали у крестьян землю несмотря на то, что эта земля отошла к беднякам по добровольному решению схода и была уже засеяна. Когда крестьяне оказали сопротивление, кулаки об'явили их большевиками и обратились за помощью в штаб «народной армии», после чего всех крестьян, противившихся кулацкому произволу, арестовали.

Положение крестьянской бедноты было особенно тяжелым. Комуч отменил твердые цены на хлеб. Эта мера прежде всего ударила по малоземельным крестьянам. Спекуляция хлебом приводила к тому, что беднота вынуждена была платить за пуд муки непосильные цены — 30—35 рублей.

Бузулукское уездное земство обложило налогом в 50 рублей за десятину фондовые земли, принадлежавшие главным образом малоземельным крестьянам.

Таким образом, аграрная политика Комуча фактически была рассчитана на восстановление помещичьего землевладения несмотря на демократическую одежку, в которую облекали свою политику эсеры.

Крестьяне очень скоро почувствовали, куда гнет правительство Комуча, и сделали соответствующие выводы. Уже к концу первого месяца господства учредилки отношение среднего крестьянства к эсерам стало враждебным. Даже официальные газеты помещали неутешительные известия о настроении крестьян. Про село Колывань, Самарского уезда, сообщалось, что «здешнее население настроено по-большевистски, налогов никаких платить не желает, от воинской повинности уклоняется».

Заведующий Бузулукским агитационным отделом писал в рапорте Комучу: «Уезд распропагандирован большевиками и разбежавшимися красноармейцами». Чтобы помочь делу, он просил выслать литературу и опытных агитаторов. Однако ни агитаторы, ни демагогическая эсеровская литература не действовали. Крестьяне не поддавались сладким речам учредиловцев, помещичье-кулацкий режим в деревне слишком остро давал себя чувствовать.

На сходы крестьяне собирались неохотно, а в тех случаях, когда собрание удавалось провести, угрожающее настроение крестьян заставляло агитаторов писать тревожные донесения:

«Село Матвеевка. В успехи Комитета не верят, думают, что пала только Самара, а остальное находится в руках советов. Ждут красноармейцев, с помощью которых отомстят интеллигенции и вырежут всех здравомыслящих. В этом селе без вооруженной силы нечего делать.

Село Пашкино. Сход разделился на наших друзей и врагов. Задавали вопросы: кто приказывает новобранцам явиться в город? Кто такие члены Учредительного собрания и когда их выбирали? С чьего это согласия устроена война — почему нас не спросились? Определенного решения не вынесено.

Мнаки-Толмаково. Здесь население делится на две части: в пользу Учредительного собрания более богатые и многоземельные, на стороне советов более бедные и малоземельные, а также и безземельные. Последние требуют передела. На агитаторов большая часть населения смотрит как на буржуазных деятелей. За Учредительным собранием не признают силы...

Кошай-Семеновка. Настроение было следующее: Учредительное собрание есть, но власти оно не имеет, так как хозяева теперь чехи и буржуи» (Архив Октябрьской революции, фонд 671, дело 28, листы 38 и 43; дело 30, лист 9).

Эти отчеты самих же эсеров о действительном положении учредилки в деревне как нельзя более ярко показывают обострение недовольства крестьян и прибли-

жающийся крах эсеровщины. Тем не менее в июне и даже в начале июля 1918 года позиция среднего крестьянства по отношению к советской власти в районе господства учредилки еще не вполне определилась. Нейтральность, а зачастую и прямая поддержка учредилки сменялись явной враждебностью к ней у значительной части крестьянства; но эта враждебность носила большей частью пассивный характер. Лишь в крайних случаях особенно откровенного кулацкого произвола крестьяне решались на открыто революционные действия. Характерной чертой в политическом настроении крестьянства в июне — июле являлось то, что оно не изжило еще мелкобуржуазных иллюзий. На вопросы агитаторов, нужно ли Учредительное собрание, крестьяне отвечали, что нужно, но «только не было бы там буржуев и кадетов». Крестьянство еще не понимало, что Учредительное собрание было демократической ширмой для диктатуры буржуазии.

Этот первый период колебаний среднего крестьянства—период неуверенности, выжидания, пассивной враждебности к Комучу — сменился в августе вторым периодом: подавляющая масса поволжского крестьянства перешла к открытой борьбе против Самарской учредилки, за советскую власть.

Одним из важных факторов, ускоривших перелом в настроении крестьянства, была мобилизация в учредиловскую, так называемую «народную армию».

* * *

Когда обнаружился крах попытки эсеров организовать армию на добровольческих началах, Комуч 30 июня 1918 года об'явил приказ о мобилизации. Предполагалось мобилизовать приблизительно 50 тысяч человек, удалось же набрать всего 12 тысяч. Ни в одном уезде мобилизация не прошла благополучно: крестьяне либо уклонялись от призыва либо дезертировали из частей.

Урсалинская волостная управа сообщала, что «несмотря на неоднократные распоряжения о явке призванных по мобилизации крестьян деревень Ново-Кашировой и Ново-Надыровой призываемые на сборный пункт не выезжают». Поповская волостная управа на вопрос, была ли агитация против набора в «народную армию», вынуждена была отвечать: «Тайная агитация была, набор прошел частью добровольно, частью под давлением вооруженного отряда». Мордовско-Ивановская управа докладывала, что мобилизованные из деревень Гунаевой и Ивановка-Балычи «со сборного пункта возвратились и до сего времени продолжают жить дома. Волостная управа ввиду отсутствия реальной силы не может оказать на этих солдат должного воздействия». Микулинская управа жаловалась уполномоченному Комитета членов Учредительного собрания на отказ всей волости подчиниться приказу: «Крестьяне, подлежащие мобилизации, не идут к воинскому начальнику и не обращают внимания на рассылаемые управой приказы... почему волостная земская управа ходатайствует об оказании помощи к водворению неявившихся солдат» (Архив Октябрьской революции, фонд 671, дело № 39, листы 90, 40, 11, 57).

В селе Обшаровке, Самарского уезда, сельский сход вынес постановление, согласно которому все призванные, живущие дома, не должны являться в свои части, а находящиеся в «народной армии» обязаны вернуться домой. В селе Сидоровке в ответ на приказ о призыве новобранцы устроили митинг и постановили на призывной пункт не являться. Кулаки и местный дьякон стали уговаривать крестьян подчиниться приказу. Кулаков избили, а дьякон едва не был убит и спасся бегством. Крестьяне этого села заявили, что не доверяют казакам ввиду того, что последние—преимущественно крупные земельные собственники и выступают против передачи земли народу; крестьяне заявили, что казаки служат буржуазии и до сих пор продолжают носить погоны. Общее настроение в селе было резко враждебно Комучу. Агитатор М. Бруяк, побывавший в Мало-Толкаевской волости, вынужден был признать, что среди крестьян «довольно сильное большевистское течение». Как только он заговорил о призыве, поднялся сильнейший шум. Крестьяне кричали, что не пойдут сражаться с красноармейцами и не будут являться в свои роты. На сходе грозили убить председателя и секретаря волостного правления и самого агитатора. Розданная эсеровская литература была уничтожена на месте. Крестьяне села Осоргино, Святодуховской волости, порешили не признавать членов Комитета Учредительного собрания. Они утверждали, что сыновья местных помещиков и кулаков идут с чехами, чтобы отомстить народу за разгром барских имений. Агитатору было заявлено:

«Все солдаты-фронтовики — большевики, и мы стоим за советскую власть. Большевики не сделали нам ничего дурного; другой власти мы не хотим: нам эта хороша. Мы голосовали за большевиков, и весь фронт голосовал за них; а кто выбирал этих членов Учредительного собрания, мы не знаем. Крестьяне были обмануты, социалисты этим воспользовались

и вывезли хлеб в Германию, а вы теперь валите все на большевиков. Почему нами правят чехи? Они наши пленные, а теперь они зверствуют над нами! На наших глазах расстреляли одного сельчанина» (Архив Октябрьской революции, фонд 672, дело 15, листы 13 и 15).

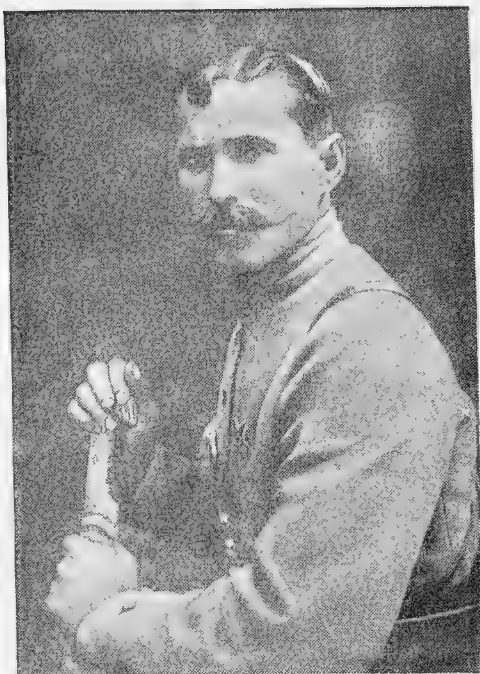
Крестьяне села Лещево, Бузулукского уезда, категорически заявили: «Убейте нас всех на месте, а буржуев защищать не пойдем!»

Особенное возмущение вызывали в деревне грабежи и насилия «народоармейцев». Проходившие через села белые отряды отнимали лошадей, резали скот и птицу, забирали под видом реквизиции теплые вещи и т. д. При малейшем ослушании или проявлении недовольства крестьян секли розгами и шомполами. Порка считалась обычной мерой воздействия на уклоняющихся от призыва и нередко сопровождалась отвратительными издевательствами. В Натальинской волости, например, где крестьяне отказались подчиняться мобилизации, «виновных» высекли, причем офицер собственноручно избил старосту и заставил стариков-крестьян маршировать.

«Народоармейцы», подражая помещикам крепостнических времен, цинично называли порки «домашними мерами». Телесные наказания применялись не только за нарушение распоряжений Комуча, но и за отказ исполнять грабительские приказания «народоармейцев». Из села Сихонкино, Уфимского уезда, 11 ноября сообщалось, что стерлитамакский отряд по приказу офицера выпорол старосту за то, что тот не смог в назначенное время выставить требуемые 415 подвод. Ему было нанесено 80 ударов. Инструктор-прапорщик Понсодухин доносил уполномоченному Комуча: «Население в высшей степени запугано и не может прийти в себя с момента набега Попова со своим отрядом. Ко многим из них применялось телесное наказание, вроде того что раскаленными шомполами били по обнаженной спине» (Архив Октябрьской революции, фонд 671, дело 32, лист 13).

Однако дикие насилия не могли заставить крестьянство драться против Красной Армии. Никакими силами нельзя было заставить деревню пойти войной против своих советов, встать под одно знамя с теми, кто, спекулируя именем народа, возвращал к власти ненавистных помещиков и капиталистов. И тогда эсеровское правительство перешло к массовым расстрелам крестьян.

1 августа управляющий военным ведомством Галкин опубликовал приказ, по которому всем начальникам пехотных дивизий и гарнизонов предлагалось немедленно

**В. И. Чапаев. 1918 год.
Центральный музей Красной Армии.**

организовать карательные отряды для борьбы с дезертирами. При каждом таком отряде создавался военно-полевой суд. К этому суду привлекали не только уклоняющихся от военной службы и дезертиров, но также и семьи бежавших солдат и даже чиновников тех волостных земств, где были отказы выдать новобранцев. Белогвардейцы тотчас же принялись за организацию кровавой расправы над мирным населением. Инспектор артиллерии «народной армии» генерал-майор Клочков представил командованию записку, в которой предлагал расстреливать из орудий те села, крестьяне которых не желали служить в белой армии.

Уполномоченный Комуча по Бузулукскому уезду Буянов опубликовал «ультиматум», в котором заявлял, что «в случае непредставления в трехдневный срок всех новобранцев, подлежащих призыву, против волости как враждебной власти Учредительного собрания будут открыты боевые действия, причем:

1) будет установлен военно-полевой суд с исполнением приговоров на месте;

2) все расходы по высылке экспедиционного отряда, вплоть до стоимости артиллерийских снарядов, будут возложены на все население равномерно».

Далее указывалось, что «отряд не выйдет из пределов волости до тех пор, пока

Бойцы 25-й Чапаевской дивизии клянутся освободить Самару от чехословаков. Сентябрь 1919 года.

Центральный музей Красной Армии.

не будет взят последний новобранец и последний рубль произведенных расходов» (Ем. Ярославский «Третья сила», стр. 107—108, Партиздат. М. 1932).

Ультиматум Буянова не являлся простой угрозой. В номере центрального органа эсеровского правительства «Вестника комитета членов учредительного собрания» от 5 сентября приводилось донесение бузулукского уездного уполномоченного о репрессиях против волостей, не пожелавших подчиниться мобилизации и выдать новобранцев. Карательные отряды обстреливали села из полевых орудий. Обстрелы вызвали пожары и приводили к полному разорению многих крестьянских хозяйств. Просьбы пострадавших о возмещении понесенных от обстрелов убытков были отвергнуты уполномоченным Комуча. По его мнению, расходы по возмещению убытков должны были понести те сельские общества, которые отказались послать новобранцев.

Эсеровский Комуч откровенно встал на путь беспощадной войны с трудовым крестьянством. Последнее приняло вызов. Крестьяне от оборонительной тактики переходили к наступательной. Все чаще в деревнях делались попытки своими силами изгнать ненавистную власть. Когда в одно село Бузулукского уезда явился видный эсер Цодиков с отрядом и потребовал выдачи новобранцев, его убили выстрелом из толпы. Обнаружить стрелявшего крестьянина не удалось.

В середине августа стали стихийно возникать крестьянские партизанские отряды, которые уже серьезно беспокоили эсеровское «правительство».

Посланный в село Сходнево и деревни Урмышлы, Софиевку и др., Бугульминского уезда, отряд милиции вернулся обратно, так как в районе укрепились значительные группы красноармейцев-партизан, которые построили себе в лесах землянки и нападали на представителей эсеровского правительства. В селе Тимошкине крестьяне разоружили явившийся отряд «народной армии». Во многих местах под защитой партизан происходила порубка казенных лесов. Крестьяне не позволяли убирать помещичий и кулацкий хлеб.

Партизанская борьба становилась все более организованной. Во многих случаях выступали совместно крестьяне нескольких сел. Одно из наиболее крупных восстаний крестьян против учредиловцев произошло в селе Старые Узели, Бугурусланского уезда, в котором отряд белогвардейцев производил грабежи и насилия над населением. Крестьяне организовались, связались с жителями соседних сел и дружной атакой выбили белых из села Старые Узели.

На территории Комуча развертывалась гражданская война.

* * *

Взятие Казани было самой крупной победой Комуча, но вместе с тем и последней его победой. Все попытки белогвардейцев продвинуться в глубь страны, на запад, терпели неудачу. Окрепшие красные войска начали теснить неприятеля по всему восточному фронту. 1-я армия готовилась к наступлению на Симбирск, 2-я армия нанесла чехословакам удар в тыл на участке Бугульма — станция Пурлат, 3-я армия двигалась на Екатеринбург (Свердловск), 4-я наступала на Хвалынск и Самару, 5-я успешно сдерживала натиск чехословаков на станции Свияжск, подготавливая решительный штурм Казани.

Крестьяне снабжали Красную Армию хлебом. Любовь крестьян к советской власти, к вождю пролетарской революции Ленину проявлялась в многочисленных решениях деревенских сходов. 200 участников митинга в селе Русское Бурящево 11 сентября 1918 года единогласно приняли резолюцию, которая заканчивалась следующими словами: «Мы, крестьяне, верим, что наш вождь товарищ Ленин будет жить на страх врагам, ведя нас к светлой, счастливой жизни. Мы всегда готовы выступить по первому зову на защиту социалистического отечества».

Как сообщалось в политической сводке штаба 4-й армии, наплыв крестьян-добровольцев в Красную Армию был настолько велик, что для многих недоставало винтовок. На сходах крестьяне выносили такие решения: «Против братьев-большевиков не идти... в ряды белой армии не вступать». Мобилизация в Красную Армию проходила с исключительным под'емом. Насильно мобилизованные в учредиловскую «народную армию» крестьяне целыми частями переходили на сторону советских войск (например на Уфимском участке, в районе Саратова, Казани и др.). Перебегали в Красную Армию и чехословаки. Многие из них заявляли, что их обманом повели на рабочих и крестьян и теперь они готовы перейти в Красную Армию.

10 сентября 1918 года войска 5-й советской армии вступили в Казань. Ожесточенные бои, продолжавшиеся в течение целого месяца, закончились решительной победой Красной Армии. В дни штурма Казани развертывалось наступление на Симбирск, который был взят 12 сентября 1918 года. Красноармейцы 24-й симбирской железной дивизии, очистившей город от белых, послали больному Ленину трогательную телеграмму:

«Дорогой Ильич! Взятие вашего родного города Симбирска — это ответ за одну вашу рану, а за другую — будет Самара».

Продолжая наступление, красные войска 3 октября заняли Сызрань. Трофеев при этом было взято так много, что пришлось создать специальную комиссию для их подсчета. Взятие Сызрани решило участь Самары. На нее наступали с запада войска 1-й армии, а с юга от Пугачева (ныне Чапаевска) войска 4-й армии с героической чапаевской кавалерией во главе.

7 октября конница Чапаева вихрем ворвалась в Самару. Через час в город вступили части 24-й симбирской дивизии Красной Армии.

Вся Волга была очищена от белогвардейских банд. Самарский Комуч прекратил свое существование еще до взятия Самары красными войсками. Правительство эсеров было смещено на так называемом «государственном совещании» в Уфе. Это совещание было созвано с целью об'единить различные контрреволюционные правительства (самарское, сибирское, уральское и др.) и создать «единое всероссийское правительство», которое могло бы сплотить силы контрреволюции для борьбы с советской властью. На уфимском совещании одержали победу сторонники открытой буржуазной диктатуры. Избранная вместо Комуча Директория должна была играть роль «Всероссийского правительства», но она оказалась совершенно бессильной. 18 ноября 1918 года она была ликвидирована в результате колчаковского переворота в Омске. Эсеры и меньшевики расчистили путь к открытой военной буржуазной диктатуре.

После взятия Самары Красной Армией белогвардейские войска, потеряв всякую устойчивость, стали стремительно катиться на восток. В течение октября 1918 года Красная Армия заняла Бугульму, Бугуруслан, Бузулук. Город за городом очищался от белых. К концу 1918 года Красная Армия окончательно разгромила остатки самарских учредиловцев.

Н. Дайри

Минин и Пожарский

1

Летом 1611 года наша родина переживала один из самых тяжелых моментов своей истории. К этому времени польско-литовские паны, которые еще в 1604 году начали интервенцию в Московское государство, добились значительных успехов.

После свержения царя Шуйского в 1610 году власть перешла в руки Боярской думы из 7 человек: Ф. Мстиславского, Ф. Шереметьева и др. Эти бояре решили с помощью польских панов подавить все возраставшее крестьянское движение и с этой целью признали русским царем Владислава — несовершеннолетнего сына польского короля Сигизмунда. Тайком от народа эти изменники впустили в Кремль и Китайгород польские войска, заперлись там вместе с ними и призывали русский народ подчиниться интервентам.

Признание Владислава московским царем польские паны использовали как предлог для дальнейшего развертывания интервенции. Теперь сам польский король Сигизмунд стал добиваться признания его московским царем. Многие из бояр и служилых людей: боярин М. Г. Салтыков, дворянин В. Сукин, дьяк Сыдавный, Ф. Андронов и др.— были подкуплены Сигизмундом и поддерживали его домогательства на московский престол. Сигизмунд продолжал осаду Смоленска, начатую 16 сентября 1610 года.

Защитники Смоленска с величайшим героизмом отбивали атаки многочисленных польских войск. В стране широко развернулось партизанское крестьянское движение против захватчиков, а в начале 1611 года к Москве для изгнания поляков подошло первое земское ополчение.

3 июня 1611 года пал Смоленск. Часть его защитников, не желая сдаваться в плен, взорвала последнее уцелевшее укрепление и погибла под его развалинами.

Сигизмунд готовился к походу на Москву, стремясь закрепиться на огромной территории, захваченной польско-литовскими отрядами. Граница этой территории проходила через Торопец, Ржев, Дмитров, Москву, Ярославец, Воротынск, Белев и западнее Брянска и Путивля.

Шведы, бывшие союзники царя Шуйского, также стали на путь открытой интервенции. 16 июля 1611 года они взяли Новгород и готовились к дальнейшему захвату русских земель. Юговосточные окраины Московского государства подверглись нападениям ногайских орд и были разорены.

Положение еще более осложнялось тем, что первое земское ополчение уже в июле 1611 года распалось. Это ополчение состояло из дворянства, главным образом рязанского, отрядов поволжских и поморских городов и казаков.

До этого казаки под предводительством атамана Заруцкого и князя Трубецкого служили в Тушине Лжедмитрию II. После распада тушинского лагеря и убийства Лжедмитрия II в Калуге 11 декабря 1610 года, широко развернулось народное движение за вооруженный отпор польской интервенции, принявшей в 1609 году открытый характер. Трубецкой и Заруцкий присоединились к первому ополчению.

Причиной распада первого ополчения была острая вражда между дворянами и казаками (среди последних были и восставшие крестьяне, которых использовали поляки и изменник Заруцкий).

22 июля 1611 года казаки выступили против дворянской части ополчения и убили ее предводителя — думного дворянина Прокопия Ляпунова. Дворяне ушли из подмосковного лагеря, где остались только казаки. Главари казаков Трубецкой и Заруцкий назначали воевод, распоряжались землей, раздавали поместья казакам, разбирали челобитные, а больше всего собирали налоги. Часть казаков Заруцкого занималась грабежом. Заруцкий сошелся с польской авантюристкой Мариной Мнишек. Она и ее малолетний сын от Лжедмитрия II, прозванный «Воренком», оказались хорошей ширмой для Заруцкого, стремившегося к власти. Заруцкий намеревался провозгласить «Воренка» царем, а Марину — правительницей.

Литературные документы того времени ярко отразили гнев и возмущение против интервентов и предателей, охватившие народные массы.

В этот грозный час, когда страна была разорена, обескровлена и поругана, когда часть ее находилась в руках иноземных завоевателей, когда в стране шла ожесточенная внутренняя борьба, когда рухнуло прежнее государственное устройство: не было ни центрального правительства, ни казны, ни войска,— в этот час на защиту своей родины поднялись широкие массы народа. Народ выдвинул и своих вождей: горячих патриотов, неподкупных, смелых, осторожных и дальновидных людей — Минина и Пожарского.

Польская интервенция 1604—1612 годов была только звеном в цепи польско-литовских попыток ослабить, сломить и подчинить Московское государство. Именно так нужно оценивать союз литовского князя Ягайла с Мамаем против Дмитрия Донского в 1380 году, систематическую помощь Литвы тверским князьям против московских, литовскую помощь Новгороду против Ивана III, польско-литовский союз 1480 года с ханом Ахматом, пытавшимся восстановить татарское иго на Руси, многолетнюю войну польского короля Стефана Батория в союзе со шведами против Ивана Грозного и т. п.

Упорная борьба польско-литовских панов против Московского государства имела глубокие причины. Польско-литовское государство было многонациональным, и около половины его составляли русские земли, входившие раньше в империю Рюриковичей. В составе Литвы они оказались лишь в XIII—XIV веках. Целый ряд исторических причин (феодальная раздробленность русских земель, их неспособность в силу этого сопротивляться татарскому нашествию, наличие сильной центральной власти в Литве) привел в это время к созданию Литовско-русского государства, где централизующим началом была сильная власть литовских князей. Нельзя забывать, что русские земли и русское население составляли более половины этого государства, русская культура, как более высокая, занимала господствующее положение, а многие княжества (Киевское, Волынское и др.) имели широкое самоуправление. Но положение резко изменилось в XV—XVI веках, когда в Литве, об'единившейся с Польшей, начали хозяйничать польские паны и католическое духовенство, когда большинство русских бояр ополячилось, а на русские народные массы обрушился ужасающий классовый, национальный и религиозный гнет.

В XV—XVI веках вокруг Москвы сложилось русское национальное государство, которое явилось могучим центром притяжения для русских, украинцев и белоруссов, проживавших в Польше (XIV—XV века явились временем формирования украинского и белорусского народов). В конце XV века в Польско-литовском государстве назрел серьезный внутренний кризис. Началась борьба русских, украинцев и белоруссов за воссоединение с Московским государством.

В 80-х и 90-х годах XV века князья пограничных удельных княжеств Белевский, Воротынский, А. Вяземский, Одоевский, Новосильский, Можайский и другие добровольно отпали от Литвы и перешли к Московскому государству. Это событие знаменовало собой первый этап распада многонационального Польско-литовского государства.

В конце XVI века на Украине уже довольно широко распространилась идея о присоединении Украины к Московскому государству. Поэтому интервенция 1604—1612 годов была вызвана не только стремлением короля Сигизмунда и магнатов Вишневецких, Сапег и других к земельным захватам: паны хотели такого разгрома, ослабления и подчинения Московского государства, при котором оно перестало бы быть центром притяжения для

Крестьянская армия Болотникова под Москвой. 1606 год.
С акварели худ. Лисснера. Гос. исторический музей.

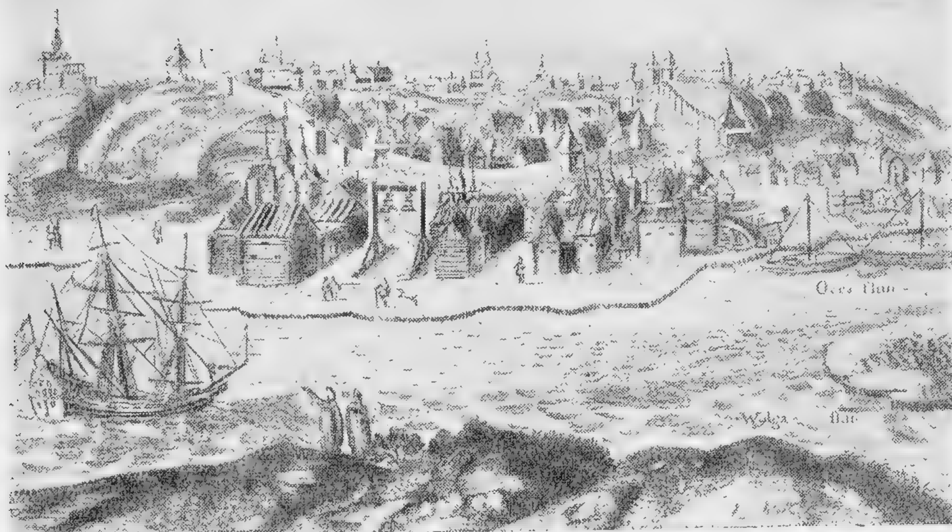
угнетенных польскими панами украинцев и белоруссов.

Ни в одной из предыдущих войн польские паны не имели таких значительных успехов, как в войне 1605—1612 годов. Эти успехи об'ясняются тем, что в это время Московское государство было ослаблено внутренней борьбой.

Эта борьба была подготовлена всем ходом событий в XVI веке. За это время Московское княжество превратилось в русское национальное государство, а во второй половине века стало государством многонациональным. Сложилась сильная центральная власть, политической опорой которой стала новая социальная группа—выросшее и окрепшее дворянство. Между дворянством и боярством, которое сопротивлялось исторически прогрессивной централизации власти, развернулась жестокая борьба. Опричнина Ивана Грозного выдвинула на первый план дворянство; она разгромила боярство, но не сломила его полностью—бояре продолжали борьбу с дворянами. Особенно ожесточенный характер приняла борьба как между дворянами и боярами, так и между различными боярскими группами после смерти Ивана Грозного. Эта борьба является важнейшим фактором всего исторического развития в тот период: она об'ясняет и переход бояр на сторону Лжедмитрия I с целью свалить Годуновых, и своеобразное «избрание» боярского царя Шуйского, и борьбу против Шуйского некоторых бояр: Телятевского, Шаховского (которые даже поддерживали Болотникова против Шуйского), Романовых, Трубецкого (которые перебежали на сторону Лжедмитрия II). Антидворянская политика Шуйского вызвала выступление части дворян, ставших даже временными попутчиками Болотникова.

Но основное классовое противоречие выражалось в борьбе крестьян и городских низов против угнетателей: бояр, дворян и городских верхов. Небывалая острота этой борьбы об'ясняется быстрым ростом товарно-денежных отношений, закрепощением крестьян и чрезвычайным ростом их эксплоатации. Голод 1601—1603 годов, бедствия народа, увеличенные бесчеловечным отношением к голодающим со стороны бояр, монастырей и дворян, положили начало антифеодальной борьбе крестьян. Наивысшего своего развития она достигла в крестьянской войне Болотникова — событии общенационального масштаба.

С движением крестьян было тесно связано, но не совпадало движение донского казачества. Казачество не было однородным по составу: его зажиточная верхушка примыкала к дворянству, а низы пополнялись из беглых крестьян и ненавидели бояр и дворян. Казацкие низы Дона вместе с крестьянством были движущей силой крестьянского восстания, возглавлявшегося Болотниковым. После разгрома Болотникова многочисленные крестьянские и казачьи

Нижний Новгород.

С гравюры Олеария. XVII век. Гос. исторический музей.

отряды собрались вокруг Лжедмитрия II. Но Лжедмитрий II, как и Лжедмитрий I, не был крестьянским царем: эти самозванцы, агенты польского панства, лишь умело использовали в своих целях ненависть крестьян и казачества к феодальному гнету, олицетворяемому московским царским правительством.

Таким образом, события 1604—1612 годов представляют собой сложный переплет интервенции и обостренной классовой борьбы, причем для польских интервентов чрезвычайно характерно стремление всемерно разжигать внутреннюю борьбу в Московском государстве с целью еще большего его ослабления.

Историческая ответственность за серьезные успехи польских интервентов в 1610 году целиком лежит на господствующих классах Московского государства и прежде всего на боярстве, которое подло предало свою родину и народ во имя своих узко классовых, эксплоататорских и даже групповых интересов. Польские войска после признания Владислава московским царем повернули против Лжедмитрия II, начали громить его казацкие и крестьянские отряды: договор Боярской думы и польских панов был направлен острием против угнетенных классов, против крестьянства.

В этих условиях коренной интерес не только посадских и служилых людей, но и городских низов и крестьян заключался в разгроме интервентов и освобождении родины. Интервенция принесла угнетенным классам Московского государства рост эксплоатации, дикий произвол, религиозный и национальный гнет и т. д. Вот почему второе ополчение, защищавшее коренные интересы народа, освобождавшее его от иноземного порабощения, пользовалось всенародным сочувствием и поддержкой, вооруженной помощью партизанских крестьянских отрядов. По составу ополчение было народным, а не дворянско-купеческим, каким его изображает Покровский. Кроме дворян в него входили пушкари, стрельцы, казаки, служилые люди из татар, посадские и крестьяне. Нет возможности определить число крестьян в ополчении, но их было много, возможно 2—3 тысячи, ибо Пожарский собирал даточных людей по 44 человека с сохи[1].

Лучшая часть казачества из подмосковного лагеря, постепенно освобождаясь от влияния авантюриста Заруцкого, перешла на сторону народного ополчения. Что касается самого Заруцкого и его немногочисленных сторонников, то их действия в конце концов превратились в разбой.

---

[1] Даточные люди — ратники из тяглых людей (крестьян и посадских), призываемые в случае нехватки людей служилых. Соха—единица обложения.

Было бы неправильно не видеть внутри второго ополчения известных противоречий между различными социальными группами. Такие противоречия были. Но борьба против интервентов властно требовала об'единения всех сил русского народа. Руководители второго ополчения сумели найти такую линию поведения, при которой они об'единили различные социальные группы в борьбе за независимость родины. Руководители второго ополчения не проводили дворянской, крепостнической политики и в то же время сумели правильно решить вопрос о материальном обеспечении освободительного похода.

Покровский и его историческая «школа», грубейшим образом искажая историю, всячески умаляли роль польской интервенции в событиях 1604—1612 годов и изображали Лжедмитрия I и Лжедмитрия II вождями крестьянского движения.

Революционером изображает Покровский даже изменника Заруцкого, называя его отряды «восставшей массой». В то же время деятельность народного ополчения у Покровского выглядит реакционной: по его мнению, Минин и Пожарский шли к Москве не для борьбы против интервентов, а для разгрома Заруцкого, т. е. «восставшей массы». Покровский изображает деятельность Минина и Пожарского как «наем дворянского ополчения буржуазией» (М. Н. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. II, стр. 69. Соцэкгиз. 1933).

Марксистская историческая наука на основании подлинных исторических фактов и документов рассматривает Лжедмитриев I и II как агентов польских интервентов, а Минина и Пожарского—как национальных героев, руководивших народным движением за изгнание польских и шведских интервентов.

Могучее народное движение за изгнание интервентов и освобождение Москвы родилось и созрело в городах Верхней и Средней Волги. На Волге и на Северной Двине были расположены основные торговые центры Московского государства. По многочисленности населения и богатству такие города, как Ярославль (более 2 тысяч дворов), Вологда (1600—1700 дворов), Нижний Новгород (около 2 тысяч дворов), уступали только Москве. В этих городах были широко развиты ремесла и торговля, имелись многочисленные посады, связанные с крестьянским населением.

Вторжения войск интервентов, походы самозванцев, многочисленные поборы и грабежи нанесли жестокий удар экономике и торговой деятельности поволжских городов и вызвали резкое недовольство населения.

Уже в 1608—1609 годах в Поволжье начались первые восстания против тушинцев. Отряды тушинцев захватывали скот, хлеб, деньги и имущество жителей, разрушали или сжигали жилища, церкви, портили колодцы. За малейшее сопротивление избивали, увечили или убивали. Женщины подвергались гнусным насилиям, многие из них, не стерпев позора, кончали жизнь самоубийством. Против тушинских разбойников восставали как города, так и крестьяне целыми селами. В Решме восстанием против тушинцев руководил крестьянин Григорий Лапша, в Гороховце — Федор Наговицын, в Балахнинском районе — Иван Кувшинников и т. д.

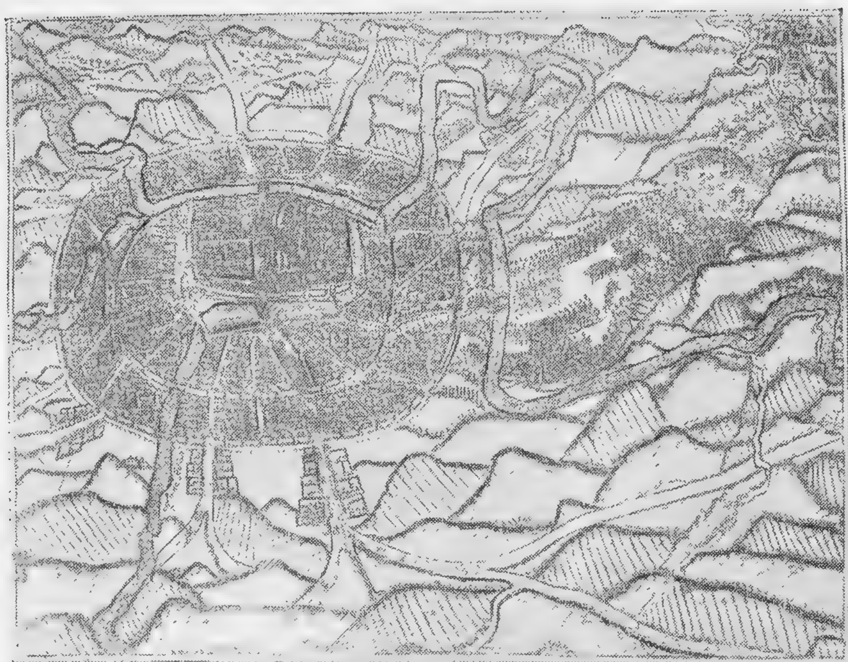
Центром движения на Средней Волге был Нижний Новгород. 2 декабря 1608 года нижегородцы поручили второму воеводе Алябьеву начать поход против «воров». Уже в январе 1609 года Алябьев подошел к Мурому, в середине марта взял его, а в конце марта взял и Владимир. Пути к этим городам и их окрестности были очищены от врагов, в боях было разбито несколько тушинских отрядов.

И Ярославль и Нижний Новгород играли очень важную роль в организации первого ополчения. Они вели обширную переписку с Рязанью и другими городами, с патриархом Гермогеном в Москве и одни из первых выслали к Москве рать. По их призывам послали отряды Галич, Углич, Суздаль, Вологда, Кострома и другие города Поволжья и Поморья.

Когда 22 июня 1611 года был убит Прокопий Ляпунов и первое ополчение распалось, поволжские города стали вырабатывать общую программу действий.

Долгое время — до 70-х годов прошлого столетия — начало нижегородского ополчения связывали с получением грамоты из Троице-Сергиева монастыря, призывавшей идти на освобождение Москвы. Теперь доказано, что движение в Нижнем Новгороде началось в первой половине сентября 1611 года, до получения троицкой грамоты. Известную роль в создании нижегородского ополчения сыграло августовское послание патриарха Гермогена [1]. Но, в лучшем случае, грамота Гермогена была только толчком, который в некоторой мере помог развернуться давно начавшемуся народному движению против интервентов.

[1] Гермоген, захваченный поляками в плен в Кремле, категорически отказался поддержать кандидатуру Сигизмунда или Владислава в цари и неоднократно призывал «идти на польских и литовских людей походом к Москве», а также выступить против Марины и «Воренка». С нижегородцами патриарх поддерживал связь через Родиона Мосеева и Романа Пахомова, «бесстрашных людей», как называет их летопись.

План Москвы с в'ездом Марины Мнишек. 1606 год.

Гос. исторический музей.

2

Во главе движения стал нижегородец Кузьма Минин. Он был «говядарем», т. е. торговцем мясом. Не отличался он большим богатством: в торговом товариществе его средства составляли 300 рублей.

Посадские люди хорошо знали и уважали Минина, «мужа от рода неславна, но смыслом мудра» (Андрей Попов «Изборник славянских и русских сочинений и статей», стр. 202. М. 1899). Они выбрали его земским старостой.

В первой половине сентября Минин выступил в Нижнем Новгороде с горячим призывом освободить родную землю от захватчиков и не пощадить для этого ничего: ни себя, ни имущества, ни жен, ни детей.

Минин предложил собрать средства для большой рати, и первый показал пример: «Мало себе нечто в дому своем оставив, а то все житие свое положив перед всеми на строение ратных людей» (Симон Азарьин «Книга о чудесах Сергия», стр. 35. СПБ. 1888).

Выступление Минина соответствовало чаяньям народным и вызывало всеобщее воодушевление, великий порыв патриотизма. Тут же начался сбор средств: Минину несли деньги, драгоценности, вещи.

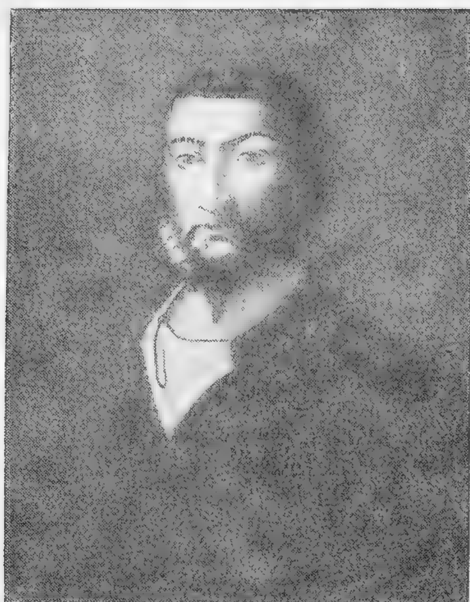
После размышления о том, кому вручить ответственное дело руководства народным ополчением, «кто был в таком деле искусен и который во измене не явился» («Новый летописец», стр. 145), нижегородцы, по предложению Минина, остановились на кандидатуре князя Дмитрия Михайловича Пожарского.

Пожарский родился в 1578 году. Он происходил из старинного, но «захудавшего» рода князей Стародубских. Дед его при Иване Грозном был в ссылке в Казани и соседних городах, где служил губным старостой. Другие его родственники также долгое время находились в опале.

Свою службу Пожарский начал при царе Федоре Ивановиче в чине стольника. При Годунове Пожарский выполнял обязанности «стряпчего с платьем», то есть подавал и принимал царское платье. При Лжедмитрии I Пожарский исполнял должность дворецкого за посольским столом. При Шуйском он уже служил воеводой в полках и завоевал известность как талантливый и храбрый военачальник, горячо преданный родине.

Первую прославившую его победу над врагами он одержал в 1608 году, когда Шуйский послал его первым воеводой в Коломну, на которую двигались с востока значительные силы тушинцев. Пожарский не стал дожидаться неприятеля, а пошел ему навстречу. Разведав расположение врага, Пожарский ночью подвел к нему свои войска, а на рассвете ударил на тушинцев, разбил их и захватил большой обоз.

Вместе с Шуйским Пожарский остался в Москве, осажденной тушинцами. В то

Козьма Минин.
Старинный портрет неизвестного художника.

время как многие служилые люди и бояре бежали от голода или в поисках чинов, наград и пожалований перелетали из Москвы в Тушино и обратно, Пожарский стойко оборонял столицу.

Награждая Пожарского за службу вотчиной, правительство Шуйского отметило в грамоте: «Пожаловали за его прямую службу, что будучи в Москве в осаде в нужное и в прискорбное время, против врагов он стоял крепко и мужественно и многую службу и дородство показал, голод и во все оскудение и всякую осадную нужду терпел многое время, а на воровскую прелесть и смуту ни на которую не покусился, стоял в твердости разума своего крепко и непоколебимо, без всякие шатости».

С февраля 1610 года Пожарский стал воеводой в Зарайске.

С исключительным мужеством боролся Пожарский в Зарайске против тушинского самозванца. С опасностью для жизни он удержал жителей Зарайска от присяги Лжедмитрию II и даже добился того, что жители соседней Коломны отказались от присяги самозванцу и перешли на сторону Шуйского.

Когда московские бояре признали царем Владислава и впустили польские войска в Кремль, среди рязанского дворянства развернулось широкое движение за создание ополчения и изгнание поляков из Москвы. Во главе этого движения стоял Прокопий Ляпунов. Польские паны направили против рязанцев «черкасс», то есть украинских казаков, к которым примкнули русские изменники во главе с Исаей Сунбуловым. Казаки успели захватить несколько рязанских городов и осадили Ляпунова в Пронске. Положение было критическое. Но в этот момент к рязанцам подоспела неожиданная помощь—это был Пожарский. Освободив Ляпунова, Пожарский поспешил обратно: он опасался нападения казаков на Зарайск. Опасения его оправдались: Сунбулов пришел ночью, взял Зарайский острог. Пожарский с небольшим отрядом еще раз разбил казаков и отогнал их от города.

Пожарский показал высокое мужество и отвагу и во время восстания московского населения 19 марта 1611 года. Опасаясь прихода ополчения Ляпунова, польский военачальник пан Гонсевский решил сжечь ту часть города, которую польские войска не могли закрепить за собой. 19 марта из Китайгорода вышел польский отряд и направился к тверским воротам, но был задержан стрельцами. Польский отряд повернул к Сретенке, но тут его встретил Пожарский, об'единившийся с пушкарями, «учини с ними бой, и многих от них побили, оставших в Китайград прогна, и учини тамо острог» («Новый летописец», стр. 132). Поляки все же подожгли Москву, и в пылающем городе с новым ожесточением начался бой. Интервенты избивали в Китайгороде и торговых рядах всех русских, казавшихся им подозрительными. Убежавшие оттуда рассказывали, «яко в рядах и по улицам мертвых тел лежало выше человека» («Новый летописец»).

День и ночь бились москвичи против польских шаек. Наутро, не выдержав натиска поляков, несколько отрядов москвичей отступило. «Побегоша вспять» и передовой отряд ляпуновского ополчения во главе с Иваном Плещеевым. А у Острожка Пожарский во главе маленького отряда целый день сдерживал натиск поляков. Изнемогая от ран, он, как рассказывает летописец, упал, горько плача.

Раненого Пожарского отвезли в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда он отправился в свою вотчину в 120 верстах от Нижнего, где и лечился от ран.

3

К Пожарскому было прислано посольство с предложением возглавить народное освободительное движение. Пожарский согласился стать во главе народного

Призыв Минина к нижегородцам.
Фрагмент картины художника Маковского.

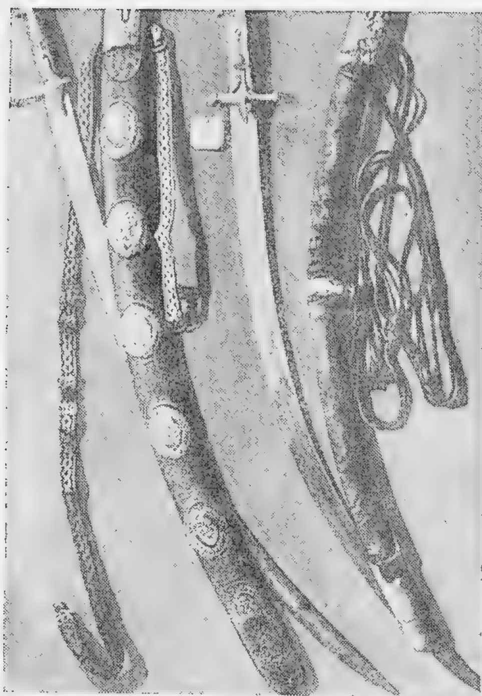
ополчения и потребовал, чтобы для сбора казны и снабжения ратных людей был назначен особый человек,— и нижегородцы избрали Минина.

С этого времени Минин взял в свои крепкие руки организацию материального обеспечения великого народного похода. Опираясь на специальный приговор нижегородцев, «выборный человек», как зовет летописец Минина, собрал пятую и третью деньгу (т. е. третью и пятую часть имущества), окладывая нижегородцев по достатку. По словам самого Пожарского, нижегородцы охотно жертвовали деньги, «не щадили живота своего». В случае отказа платить Минин действовал принудительно. Современники высоко оценили деятельность Минина. Летописцы отзываются о нем так: «изыскует во граде людей воинских... и жаждущая сердца их утоляет и наготу их прикрывает и сими делы собирает воинство не малое» (Андрей Попов «Изборник», стр. 310).

Услышав о создании народного ополчения, в Нижний со всех сторон начали собираться ратные люди. Первыми пришли служилые люди из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, прогнанные поляками со своих земель. Это был двухтысячный отряд опытных бойцов. Их охотно приняли на службу и поверстали: первой статье дали 50 рублей, второй — 45 рублей, третьей — 40 рублей, а меньше 30 рублей не было.

Следует отметить, что в это время мы не встречаем в Нижнем Новгороде испомещения[1] служилых людей на землю: этим и об'ясняется очень высокий размер денежного жалования. Это — не случайное явление. Пожарский и Минин хорошо понимали, что испомещение на землю должно было неизбежно вызвать недовольство и сопротивление крестьян, недовольство и соперничество внутри служилых людей. За примером ходить было недалеко. Смольняне перед приходом их в Нижний Новгород были, по распоряжению руководителей первого ополчения, помещены на дворцовых землях в Арзамасе. Но «дворцовые мужики делить себя не дали». У смольнян «бои с мужиками были», «только мужиков не осилили: помогали мужикам арзамасские стрельцы 300 человек».

[1] Испомещение — наделение служилого человека землей ввиде жалования за службу.

Оружие Минина и Пожарского. XVII век. Хранится в Гос. оружейной палате.

В апреле 1612 года Пожарский обратился с грамотой к поволжским и поморским городам. Грамота звала собирать и присылать ратных людей и казну, а также представителей «для земского совету» («Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией императорской Академии наук». Т. II, стр. 256. СПБ. 1836.).

Узнав о грамоте Пожарского, Заруцкий решил отрезать Нижний от поморских и верхневолжских городов.

В начале марта в Нижний примчался гонец с тревожной вестью о том, что казаки под начальством братьев Просовецких двинулись на Ярославль.

Это известие вынудило руководителей народного ополчения быстро изменить весь план действий. Минин и Пожарский отказались от первоначального плана немедленного похода на Москву через Суздаль. Этот первоначальный план исходил из той обстановки, какая сложилась в конце 1611 года. Тогда голод заставил бо́льшую часть польских войск уйти из Кремля на поиски продовольствия. Отряд гетмана Ходкевича в несколько тысяч человек в начале ноября расположился в селе Рогачеве—недалеко от города Дмитрова. Отряд литовского пана Сапеги в 4—5 тысяч человек овладел Гавриловской волостью, Суздальского края, а потом, в декабре, и городом Ростовом. В Кремле остался малочисленный — не более 3—4 тысяч — гарнизон, истощенный голодом. В этих условиях можно было рассчитывать при содействии Трубецкого и Заруцкого разбить польские отряды порознь, отрезать их от Кремля, взять поляков в Кремле измором или неожиданным нападением.

Когда стала очевидной враждебность Заруцкого ополчению, а поляки в Кремле получили продовольствие, руководители ополчения должны были принять другой план: двинуться вверх по Волге, занять Ярославль и, действуя оттуда, об'единить и организовать под знаменем народной войны против интервентов весь северо-восток Московского государства.

Пожарский спешно отправил в Ярославль отряд войск во главе с родственником своим Дмитрием Петровичем Пожарским-Лопатой. Ополченцы, придя в Ярославль, взяли в плен казачий авангард, а братья Просовецкие, узнав об этом, с главными силами к Ярославлю не пошли.

Вслед за первым отрядом, отправленным Пожарским, двинулась в поход вся его рать. Шла она по правому берегу Волги через Балахну, Юрьевец и Решму. С каждым днем она возрастала численно и укреплялась морально. Народное ополчение всюду встречали с честью и радостью, снабжали деньгами.

В Решме стало известно, что подмосковный казачий лагерь присягнул новому самозванцу Сидорке, Марине и «Воренку». Сидорка был дьяконом одной из московских церквей, он обосновался в Пскове и выдавал себя за Лжедмитрия II, будто бы спасшегося.

С горечью и злобой писал об этом Пожарский из Ярославля: «При них (т. е. Заруцком, Трубецком и казаках.— Н. Д.) Колужской их царь убит и безглавлен лежал всем на видение шесть недель, и о том, они из Колуги к Москве и по всем городом писали, что их царь убит, и про то всем православным християном ведомо» («Акты археографической экспедиции». Т. II, стр. 256). А теперь, оказывается, Лжедмитрий II воскрес.

Через Кинешму рать Пожарского подошла к Костроме. Костромской воевода Иван Шереметьев решил не пустить Пожарского в город. Но так велика была сила народного движения, что сами костромичи прогнали своего воеводу и едва его не убили.

Вступление ополчения в Ярославль было настоящим триумфом. Многие жители вышли встречать народное войско далеко за город, а в самом Ярославле его встретил с ликованием весь народ.

В Ярославле ополчение простояло около 4 месяцев—апрель—июль 1612 года. За это время было завершено собирание сил и средств для похода на Москву. Пожарский послал князя Черкасского и Пожарского-Лопату против поляков и казаков, захвативших Углич и Пошехонье. Эти города были очищены от врагов. Были посланы войска и воеводы в Суздаль (еще из Костромы), Владимир, Переяславль, Ростов, Кашин, Тверь, Троице-Сергиев монастырь, Касимов и другие города.

Территория, на которую распространялась власть Пожарского, сильно увеличилась.

В Ярославле был созван Земский собор. От имени Пожарского и «всей земли» рассылались грамоты в Поморье, Поволжье, города Сибири и Северной земли. Создавались приказы, которые брали в свои руки управление соответствующими делами: Разрядный, Поместный, Дворцовый и др. Со всех сторон собиралось оружие, причем большое внимание уделялось артиллерии. В Ярославль приходили новые отряды ратников. Накапливая средства для борьбы, предводители ополчения начали усиленно собирать налоги, которых население некоторых мест уже несколько лет не платило. Всеми доходами распоряжался Минин. Так как средств все же не хватало, то в Ярославле и други- городах производилось обложение, началось «испомещение» на земле части служилых людей. Первыми были «испомещены» смольняне. Ополчение не стеснялось применять меры наказания к ослушникам. Так, в грамоте, посланной в Белоозеро, указывается, что «вся земля» приговорила посалить в тюрьму на месяц трех крестьян, отказавшихся работать по укреплению города (там же, стр. 261).

Д. Пожарский.
С раскрашенной гравюры.
Выставка «Русская историческая живопись» в Гос. Третьяковской галерее.

Подпись князя Пожарского. XVII век.

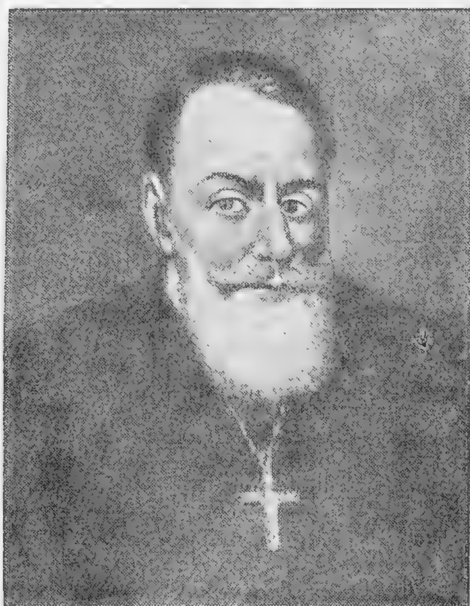
Не обошлось в Ярославле без ссор и столкновений между начальниками отдельных отрядов, а также между ними и Пожарским. Авторитет Пожарского, опиравшегося на народные массы, стоял так высоко, что никакие местнические и иные счеты и интриги не могли его поколебать. По свидетельству всех современников, войско в Ярославле было сыто и одето, хорошо вооружено и дисциплинировано.

Жизнь в Поволжье и Поморье стала налаживаться. Развивалась торговля: так, уже в 1612 году сбор нижегородской таможни составил 6500 рублей против 3800 рублей в 1611 году.

Особую тревогу вызывала у Пожарского шведская интервенция. Шведы под руководством Делагарди заняли территорию до Тихвина, Новгорода, Старой Руссы, Порхова, Нарвы и пытались продвигаться на Псков и Торопец. Под нажимом интервентов новгородцы об'явили о создании особого, Новгородского государства и «избрали» царем шведского королевича Карла-Филиппа. В середине июня 1612 года они прислали делегацию в Ярославль с предложением признать Карла-Филиппа царем Московского государства.

26 июня ополчение дало новгородцам довольно двусмысленный ответ: ополчение признало бы московским царем Карла-Филиппа, если бы он приехал в Новгород и принял православие. Это был не более чем ловкий дипломатический ход Пожарского, имевший целью обеспечить нейтралитет шведов и избежать одновременной борьбы на два фронта. Совершенно неправы историки, которые принимают это решение всерьез, а самого Пожарского считают главой шведской партии, например Любомиров в книге «Очерки истории Нижегородского ополчения».

Мнение Любомирова опровергается многими документами и фактами. «Новый летописец» говорит о решении Пожарского: «Тако сотвориша, да не учинят им немцы помешения идти под Москву». Весь смысл речей Пожарского при переговорах

Ян-Карл Ходкевич. Литовский гетман. Со старинного портрета. XVII век.

с новгородскими делегатами сводился к тому, чтобы, не отказываясь формально от кандидатуры Филиппа, подчеркнуть ее неприемлемость, пристыдить новгородцев.

До 26 июля, ведя со шведами и новгородцами переговоры, Пожарский готовился к вооруженной борьбе против шведов: в соседние с Тихвином города, в частности в Устюжну Железнопольскую и Белоозеро, были посланы войска, порох, в Белоозере были восстановлены укрепления и т. д. Пожарский продолжал готовиться к борьбе со шведами и после 26 июля. Уже по пути в Москву из Ростова он послал в Белоозеро отряд во главе с воеводой Образцовым. Когда в конце 1612 года Делагарди известил, что Карл-Филипп уже едет в Новгород, то ему очень выразительно ответили: «Аще ли ж вы не оставите Московские земли, еже взясте ратию, хощем вооружатись против вас» («Новый летописец», стр. 160).

5

Патриотический под'ем в стране все более нарастал. Широчайшие народные массы поднялись против польских интервентов. Партизанские отряды крестьян всюду нападали на чужеземных захватчиков. Народные герои, имена которых не сохранила история, показывали величайшие образцы патриотизма. Вот поступок одного из безвестных героев в изложении поляка Маскевича: «В деревне Вишенце мы поймали старого крестьянина и взяли его в проводники, чтобы не заблудиться и не набресть на Волоколамский, где стоял неприятель. Он вел нас в одной миле от Волока, ночью же нарочно повернул к сему месту. Уж мы были от него в одной только версте. К счастью, попался нам пан Руцкий, и от него мы узнали, что сами идем в руки неприятелю, и поспешили вернуться. Проводнику отсекли голову» («Сказания современников о Димитрии Самозванце». V, стр. 118).

Чем больше укреплялось народное ополчение, тем более шатким становилось положение Заруцкого. Почти треть казаков ушла из подмосковного лагеря к Пожарскому. Уже при борьбе за Углич на сторону народного ополчения перешла часть стоявших там казаков. Из подмосковного лагеря приезжали к Пожарскому казаки — то как посланцы Трубецкого и Заруцкого, то по собственному почину, — и каждый раз их встречали дружески, одаривали деньгами и сукнами. Начался прямой переход казаков на службу к Пожарскому. К июлю в народном ополчении уже насчитывалось до 3 тысяч казаков. Среди них были люди, подосланные Заруцким, который решил Пожарского убить.

Однажды, когда Пожарский стоял в дверях с'езжей избы, казак Стёнька бросился на него с ножом, пытаясь ударить в живот, но промахнулся и ранил в ногу казака Романа, стоявшего рядом с Пожарским. «Всею ратию и посадские люди» допрашивали Стеньку. Он подробно рассказал о замыслах Заруцкого и назвал всех своих сообщников. Их разослали по тюрьмам в разные города, некоторых взяли под Москву как свидетелей против Заруцкого, «а убити не единого не дал» Пожарский.

Заруцкий не отказался от своих замыслов. В конце июля казаки Заруцкого разгромили отряды ратных людей, прибывшие к Пожарскому под Москву с Северной Украины. Тогда же Заруцкий начал переговоры с поляками в Кремле. Это была уже явная измена, и значительная часть казаков возмутилась против своего атамана. 28 июля Заруцкий бежал из лагеря вместе со своими многочисленными сторонниками, остальные казаки, 2½—3 тысячи, остались с Трубецким под Москвой. В Коломне Заруцкий об'единился с Мариной, разграбил город и двинулся на юг[1].

Получив известие о походе Ходкевича на Москву, Пожарский направил к столице передовой отряд. Первым отправился Дмитриев, который 24 июля построил острожек у Петровских ворот. 2 августа прибыл Пожарский-Лопата с 700 всадни-

[1] Заруцкий занялся прямым разбоем, был пойман в 1614 году и казнен.

Битва князя Пожарского с Ходкевичем под Москвой.
Рисунок худ. Коверзнева.

ков и построил острожек у Тверских ворот. А 27 июля, то есть на следующий же день после окончания переговоров со шведами и новгородцами, двинулась из Ярославля и вся рать Пожарского. 14 августа она уже прибыла к Троице-Сергиевскому монастырю. Здесь Пожарский предполагал остановиться на некоторое время, чтобы договориться с казаками Трубецкого о совместных действиях, но из Москвы прибыли гонцы и сообщили о приближении польского полководца Ходкевича с его отрядом. Пожарский был вынужден спешить. 19 августа его войско ночевало уже под Москвой. Трубецкой приглашал Пожарского в свой лагерь, но Пожарский отказался от приглашения, так как подозревал в казаках вероломство. Кроме того казачий лагерь находился у Яузских ворот, то есть в стороне от Смоленской дороги, по которой шел Ходкевич. Пожарский расположился лагерем как раз на этой дороге — у Арбатских ворот.

Вечером 21 августа отряды Ходкевича показались на Поклонной горе. Приближались решающие бои, от успеха которых во многом зависел исход всей народной освободительной войны.

Гетман Ян-Карл Ходкевич принадлежал к числу наиболее опытных и способных польских полководцев. Воспитанник иезуитской Виленской академии, он обучался военному делу у испанцев во время их войн против революционных Нидерландов. В Польше он прославился кровавым подавлением казацко-крестьянского восстания Наливайко, походом в Валахию вместе с Замойским и разгромом шведского короля Карла IX в 1605 году под Кирхгольмом. Ходкевич отличался уменьем использовать опытную польскую конницу.

Целью Ходкевича было пробраться к Москве, укрепить ее польский гарнизон, а главное, снабдить его продовольствием, чтобы дать ему возможность продержаться до прихода в Москву короля Сигизмунда с большим войском. Силы Ходкевича определились в 12 тысяч человек, в том числе 2½—3 тысячи отборной конницы. Кроме того в Кремле находилось еще 3—4 тысячи поляков.

Перед Пожарским стояла очень трудная задача. Возможности маневрирования были крайне ограничены: нельзя было пропустить в Кремль никаких запасов, никаких подкреплений; в тылу у Пожарского находился значительный кремлевский польский гарнизон; на фланге войска Пожарского стояли казаки, которым нельзя было доверять. Между тем силы народного

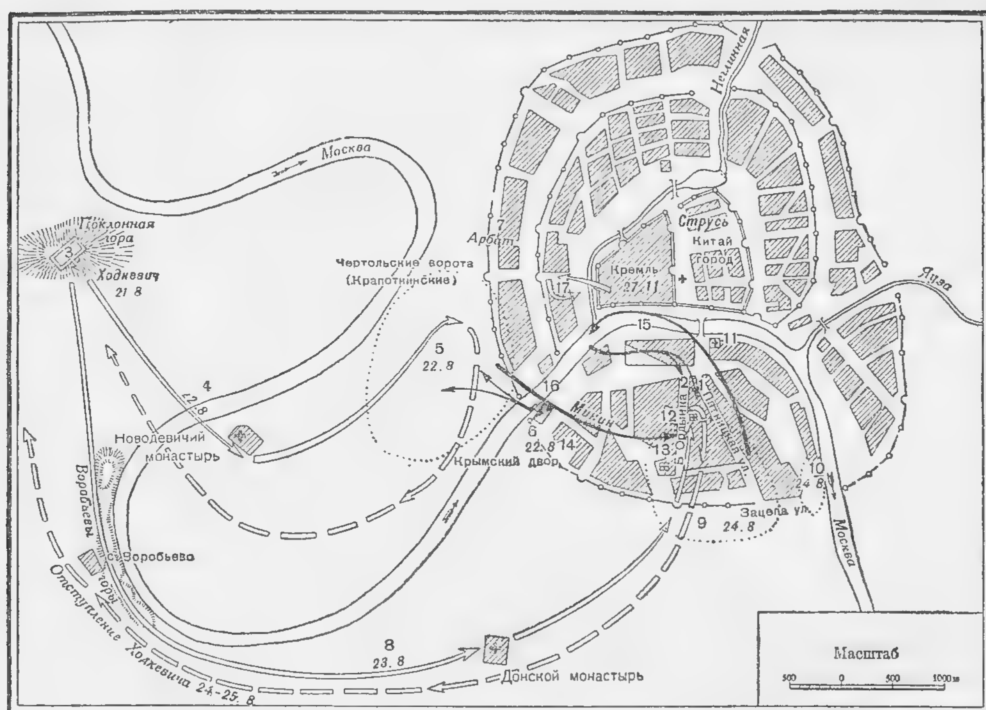

Схема разгрома Ходкевича в Москве 22—24 августа 1612 года.

ОБ'ЯСНЕНИЕ К СХЕМЕ.

Белые стрелы означают движение польских войск. Черные стрелы означают движение войск Пожарского и Трубецкого.

1. Пятницкая улица. 2. Большая Ордынская улица. 3. Ходкевич 21 августа. 4. Ходкевич 22 августа. 5. Район сражения Пожарского с Ходкевичем 22 августа. 6. Расположение Трубецкого 22 августа. 7. Арбатская улица. 8. Ходкевич 23 августа. 9. Район сражения Пожарского с Ходкевичем 24 августа. 10. Расположение Трубецкого 24 августа. 11. Георгиевская церковь на Яндове, занятая поляками из Кремля. 12. Климентовский острожек. 13. Екатерининская церковь — район расположения обоза Ходкевича 24 августа. 14. Крымский двор. 15. Черная стрела — отступление и наступление войск Пожарского 24 августа. 16. Черная стрела — наступление Минина в тыл полякам 24 августа. 17. Вылазка поляков из Кремля 22 августа.

ополчения были не так уже велики. Ни в одном из источников нет прямого указания на их численность (как и на численность войск у Ходкевича), но можно предполагать, что в народном ополчении под Москвой было 11—15 тысяч человек, то есть примерно столько же, сколько у Ходкевича.

Бой начался 22 августа. Ходкевич переправился через Москву-реку, устроил лагерь у Новодевичьего монастыря и в час дня напал на Пожарского. Основной удар поляки направили на Чертольские (после Пречистенские, ныне Кропоткинские) ворота.

Семь часов кипела битва. Нижегородская конница не могла устоять против более опытной польской и венгерской. Тогда Пожарский и воеводы приказали конникам спешиться. «И бывшу бою крепку зело, имаяся бо за руки сечахуся, и мнози от обоих стран падоху» («Новый летописец», стр. 155).

В этот момент поляки произвели вылазку из Кремля. Начался бой в тылу у русских — у Алексеевской башни и Чертольских ворот. Однако Пожарский предусмотрел возможность вылазки и укрепил здесь свои позиции. Отряд костромичей отбил вылазку.

Трубецкой стоял с казаками на правом берегу Москвы-реки, у Крымского брода. Его решительное наступление во фланг полякам могло бы привести к полному поражению Ходкевича. Пожарский рассчитывал на Трубецкого, ибо накануне по его просьбе послал к нему на помощь пять сотен лучших людей. Но Трубецкой бездействовал; его казаки «яко псы лающи поношаху, глаголюще: богати пришли из Ярославля и сами едины могут отбитися от гетмана» («Новый летописец», стр. 155). Более того, Трубецкой удерживал при себе и 5 сотен Пожарского.

Однако в разгар боя эти сотни, не спросясь Трубецкого, переправились через Крымский брод и ударили на поляков. За ними последовали четыре казачьих атамана, крикнув Трубецкому: «Из-за ваших воеводских раздоров Московскому государству

и ратным только пагуба творится!» Это были Филат Межеков, Афанасий Коломна, Дружина Романов и Марк Козлов со своими дружинами — всего 400—600 человек.

Гетман был разбит и отступил.

В ночь с 22 на 23 августа Ходкевич, очевидно, потеряв уверенность в исходе битвы, попытался перебросить в Кремль подкрепление. Русский дворянин Григорий Орлов, изменивший своей родине, сумел провести через район расположения Трубецкого 600 гайдуков. Они расположились у церкви святого Георгия на Яндове, в Заречье. Ходкевич изменил план действий. «...Гетман, видя, что с этой стороны трудно подать осажденным помощь и доставить продовольствие, потому что русские хорошо укрепили Белый город и заслонили своим табором, передвинулся на другую сторону реки Москвы, где русские не столь хорошо укрепились и имели лишь два городка...» («Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею». Т. I, стр. 321. СПБ. 1812, «Дневник событий, относящихся к Смутному времени». Автор дневника—поляк). Ходкевич перенес лагерь к Донскому монастырю, рассчитывая прорваться в Кремль через Заречье. Переправился в Заречье и Пожарский со «многими сотнями». Трубецкой расположился недалеко от своего лагеря — в Заречье, на берегу реки, в районе Лужников.

Ходкевич начал атаку против Пожарского. Завязался жестокий пятичасовой бой. Трубецкой же, как и накануне, бездействовал, а потом ушел с казаками в свой лагерь. Это дало возможность Ходкевичу сосредоточить войска, ввести в бой резерв — отборную конницу — и всеми силами ударить на Пожарского. Стремительная атака удалась: русские войска начали поспешно отступать к Москве-реке и переправляться из Заречья на левый берег. В этот критический момент Пожарский снова показал свое исключительное мужество: он сдержал поляков и прикрыл отступление. Летописец говорит так: «Аще не устоял бы князь Дмитрий Пожарский со своим полком, побил бы многих» («Новый летописец», стр. 155).

Отступление Трубецкого позволило полякам продвинуть свой обоз: они расположили его у Екатерининской церкви; захватили они и Климентовский острожек.

Ходкевич, конечно, добился значительного успеха, но это была своего рода «пиррова победа», за которую ему тут же пришлось дорого поплатиться. Поляки подошли с обозом к Москве-реке на расстояние километра, но тотчас двинуться дальше не могли: «гетман рад был бы птицей перелететь в крепость, с продовольствием, но так как ему мешали поделанные русскими частые рвы, ямы и печи, то наши войска стали отдыхать, приказав купцам ровнять рвы» («Русская историческая библиотека». Т. I, стр. 323). Кроме того еще предстояла переправа через реку на виду у русских.

Таким образом, успех Ходкевича сводился к тому, что гетман выбил русских из их позиций и подвинул свой лагерь ближе к Кремлю. Но потери гетмана были велики («многие ранены и изнурены»), тыл и фланг обнажены, а лагерь укреплен плохо.

По просьбе Пожарского и Минина к казакам направился келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын, который издавна был союзником подмосковного казачьего лагеря и пользовался там значительным авторитетом. В горячей и яркой речи он призвал казаков совместно с ополчением разбить гетмана и обещал отдать на это всю монастырскую казну.

Казаки взялись за оружие и переправились в Заречье. Соединившись с полком Пожарского, они ударили на поляков и захватили Климентовский острожек. Там было уничтожено одних венгерцев до 700 человек. Пехотные части расположились в ямах, за развалинами домов. Путь к Москве-реке был прочно прегражден. Исход боя стал для поляков еще более неопределенным. Наступил вечер.

В этот момент к Пожарскому обратился Козьма Минин: он попросил у него людей, чтобы самому повести их в бой. «Выборный человек», инициатор и организатор ополчения, в трудную и решительную минуту снова выступил вперед.

Минин взял «малых людей» — всего три сотни дворян — и решил ударить в тыл врагу. Он направился к Крымскому двору (у Крымского брода), где стояли две польских роты — пешая и конная. Переправившись через реку, он стремительно напал на них. Враги не выдержали натиска и отступили в свой лагерь, причем их конная рота потоптала пешую. Минин преследовал бегущих. Тогда русские воины «вси во един час, от всех мест, иде же скрышася», поднялись и бросились на штурм гетманского лагеря.

Как сомнительны были предыдущие успехи поляков, видно из того, что Ходкевич заранее приказал обозу отойти в далекий тыл. Значит, он не рассчитывал отразить русскую атаку. Некоторое время поляки дрались, прикрывая отступление обоза. Но вот с фланга подошла русская конница, и знаменитый пан полководец бежал, бросив все свои запасы. Ночь Ход-

кевич простоял у Донского монастыря, а на рассвете «побеже прочь, и срама ради и малолюдства пройде прямо восвояси, нигде не являяся» («Новый летописец», стр. 157).

Борьба, однако, еще не кончилась. Ходкевич собирался провезти в Кремль запасы «изгоном»—неожиданно, хитростью. Воеводы окружили Кремль и Китайгород валом и рвом и тщательно их охраняли. Узнав об этом, Ходкевич ушел в Польшу.

В ходе борьбы против интервентов установился, наконец, хотя и не без трений и осложнений, контакт между казаками и народным ополчением и их руководителями. По взаимному соглашению, образовалось правительство в составе Пожарского, Минина и Трубецкого.

22 октября ополчение штурмом взяло Китайгород, а 26 октября кремлевский гарнизон, истощенный голодом, сдался.

В это время к Москве спешил сам Сигизмунд: он все еще не отказался от мысли подчинить себе Московское государство. Но при безуспешной осаде Волоколамска войско поляков понесло большой урон; наступили морозы; из Москвы шли вести о подготовке русских к упорной борьбе — и Сигизмунд поспешно отступил.

Так закончилась попытка польско-литовских панов покорить Московское государство.

6

За освобождение Москвы Козьма Минин получил от царя Михаила Романова звание думного дворянина. Поселился он в Москве. О его дальнейшей деятельности известно немного: в 1615 году, во время от'езда царя, ему было поручено «береженье» Москвы, а в 1616 году он был послан в Казань по государственному делу и умер на обратном пути в Москву.

Пожарский получил звание думного боярина и бо́льшую часть времени жил в Москве. Несколько раз ему поручалось «береженье» Москвы при от'ездах царя. Пожарский неоднократно вел дипломатические переговоры с иностранными послами. В 1618 году он руководил укреплением Калуги и Можайска; в 1627—1628 годах управлял Ямским, а потом Судным приказом; затем был воеводой в Новгороде и снова управлял Судным приказом; в 1637 году руководил постройкой вала на Яузе, а потом охранял Рязань от татарского нападения.

За 30 лет службы у Романова народный герой, выдающийся воевода, выполнял второстепенные поручения и ни разу не командовал большим войском, хотя время правления Михаила было богато войнами и бедно талантливыми воеводами. Великие заслуги Пожарского не могли обеспечить ему равного положения среди бояр, у которых были родственные связи с царем и которые стояли выше Пожарского по местническим счетам.

После 1612 года Пожарский не раз показывал в борьбе с врагами образцы высокого героизма. Когда в 1615 году в Северскую землю вторглись шайки пана Лисовского, известные быстротой передвижения и неуловимостью, правительство царя Михаила послало на борьбу с ними именно Пожарского. В товарищи дали ему воеводу Исленьева да дьяка Заборского. Встреча произошла у Орла. У Лисовского были 2 тысячи отчаянных головорезов. «Воевода же Исленьев и дьяк Заборский и ратные люди с ними мало не все убояшася побегоша, а боярин остася с малыми людьми» — с 600 человек («Новый летописец», стр. 169—171).

Начался жестокий бой. Пожарский, видя превосходство сил неприятеля, приказал устроить лагерь из телег. Ратные люди предлагали ему отступить. «Он же рече им: лучше желаю на месте умрети, нежели вспять возвратитися». Ободренные стойкостью воеводы, ратники Пожарского «многих люде у Лисовского побиша, множайших же язвленных учиниша, и живых в плен взяша 30 человек шляхты. Лисовский же не мог в то время ни единого взяти жива».

В 1618 году, во время похода Владислава на Москву, когда многие царские воеводы покрыли себя позором (воевода Аладуров сдал Владиславу Дорогобуж, князь Пронский бежал из Вязьмы в Москву, за что был бит кнутом и сослан в Сибирь, Бутурлин отступил от Смоленска), народ показал еще раз, как высоко он ценит Пожарского: «Присылаша к Москве калужские люди и от прочих градов, к царю бити челом, чтоб их избавил от насилия королевичевых людей и прошаху именно, чтоб послал к ним с ратными людьми князя боярина Д. М. Пожарского» («Новый летописец», стр. 187).

Пожарский был послан в Калугу и опять показал себя мужественным и умелым защитником интересов русского народа.

Умер Пожарский в 1642 году, 64 лет.

* *
*

Народы Советского Союза с благодарностью вспоминают отважных русских патриотов Минина и Пожарского, отстоявших свыше трехсот лет назад в исключительно трудных условиях независимость и честь нашей родины. Их подвиг учит советских людей еще больше любить нашу родину, крепить ее мощь и быть готовыми к разгрому всех врагов Советской страны.

Г. Богуславский

Битва при Ренгаме

(27 июля 1720 года)

Блистательные победы при Гангуте и Гренгаме вписаны золотыми буквами в историю флота нашего отечества.

(«Правда» от 17 января 1938 года).

1

Внутреннее и внешнее положение Русского государства во второй половине XVII века, накануне царствования Петра I, было крайне тяжелым. Русская торговля и промышленность находились на чрезвычайно низком уровне; русские купцы не могли вывозить ценнейшие продукты своей страны (например корабельный лес), так как Россия не имела выходов ни к Черному, ни к Балтийскому морям. Лишь Белое море, неудобное для судоходства, расположенное далеко на севере и замерзающее на бо́льшую часть года, прилегало к владениям русского царя. В силу этого иностранцы крепко держали в своих руках русскую торговлю. Иноземные купцы покупали в России товары за бесценок и продавали их заграницей с огромной прибылью. Развитию в России внутреннего рынка мешали крайняя бедность и малая покупательная способность народных масс.

Слабое развитие русской торговли задерживало рост промышленности. В XVII веке более или менее развиты были лишь отрасли военной промышленности.

Экономическая отсталость Московского государства обусловливала его политическую и военную отсталость. Государственное устройство Московской Руси с его Боярской думой, приказами и воеводами было мало упорядочено. Русское войско было плохо организовано и обучено. Военного флота в России совсем не было. Влияние России в Европе все более и более уменьшалось. Между тем несколько веков назад Россия была сильным государством, державшим в своих руках выходы к Черному и Балтийскому морям. Эти исконные русские земли в XV—XVI веках были от нее отторгнуты ее соседями — шведами на севере и турками на юге.

Московские цари XVI—XVII веков прекрасно понимали, что именно на берегах морей решается задача хозяйственного и политического под'ема страны. Морская проблема многие десятилетия была гвоздем московской политики. Но войны, которые вели русские цари за выходы к морю, не приводили к желаемым результатам, кончались невыгодными для России мирными договорами и ухудшали и без того тяжелое положение народа.

К моменту вступления на престол Петра I выход к морю стал условием существования России как независимого государства. К этому времени государства Западной Европы далеко обогнали Россию в

Петр I.
Со старинной иностранной гравюры.

экономическом, политическом и культурном отношениях. Перед Россией встала дилемма — или окончательно подпасть под власть иностранцев и стать колонией (или полуколонией) более сильных европейских стран или же, создав армию и флот, вступить в решительную борьбу за выход к морю, в борьбу за возвращение утерянных ею некогда морских побережий.

Для возвращения России берегов Черного моря Петр I начал в 1695 году войну с Турцией. Ему удалось захватить в 1696 году крепость Азов. Однако, чувствуя себя еще недостаточно сильным для длительной войны с Турцией, Петр прекратил ее и в 1697—1698 годах предпринял поездку в Западную Европу, чтобы ознакомиться с более передовыми странами и создать антитурецкую коалицию.

Русское «Великое посольство» в Европу, в состав которого входили Петр, Лефорт, Головин и другие, посетило Пруссию, Голландию (где Петр, как известно, несколько месяцев работал на верфи, строя корабли), Англию и Австрию. Антитурецкую коалицию Петру составить, однако, не удалось. Западноевропейские страны, в том числе Австрия, на которую Петр возлагал особые надежды, были заняты подготовкой к общеевропейской войне за испанское наследство. Тогда Петр решил временно отказаться от борьбы за Черноморское побережье, обладание которым к тому же не дало бы еще России возможности общаться с крупнейшими европейскими торговыми державами.

Петр обратил свои взоры на Балтийское море, водные пути которого соединяли между собой крупнейшие торговые державы Европы. Балтийское море в то время представляло собою фактически внутреннее море Швеции, особенно усилившейся в результате удачной внешней политики шведского короля Густава-Адольфа. Швеция обладала первоклассной армией и сильнейшим флотом. России предстояло отвоевать у этой мощной военной державы берега Финского залива, которые раньше входили в состав Новгородской земли под названием Водской пятины.

Международные отношения в Западной Европе, занятой подготовкой к войне, были весьма благоприятны для войны России со Швецией. Получив весть о крупном восстании стрельцов, Петр выехал в Москву. Проезжая через владения польского короля и саксонского курфюрста Августа II, Петр встретился с ним в местечке Раве и договорился о совместной борьбе со шведами. Заручившись оборонительно-наступательным союзом с Данией и Саксонией (который оказался очень непрочным и недолговечным), Петр в 1700 году начал знаменитую войну со Швецией, известную под названием Великой северной войны. Эта война была продиктована стремлением России выйти из состояния отсталости, складывавшегося в течение многих веков. Преодолеть эту отсталость Петру было необходимо для укрепления дворянско-купеческого строя. Маркс писал, что «Петр Великий, решившийся действовать с помощью Запада, вынужден был цивилизовать Россию. Захватив прибалтийские провинции, он немедленно же воспользовался необходимыми для этого процесса средствами» (К. Маркс «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века»).

«Таким образом война со Швецией, длившаяся в течение двадцати одного года, почти целиком заполняет военную биографию Петра Великого... Мы с полным правом можем назвать ее войной Петра Великого. Вся его творческая деятельность связана с завоеванием прибалтийского побережья» (там же). История Великой северной войны богата не только интереснейшими военными операциями, но и яркими эпизодами героической борьбы народных масс против шведских захватчиков. Северная война учила великий русский народ бороться с врагами за свою независимость и самостоятельность. Эта война закалила русские армию и флот, созданные в ходе боевых действий. Война со шведами вписала в историю героического прошлого нашей родины такие яркие страницы, как Лесная, Полтава, Гангут и Гренгам.

Искусная внешняя политика Петра во время Северной войны и крупнейшие победы, одержанные русским народом и рус-

ской армией над врагами, положили конец не только могуществу шведской армии, но и всей огромной Шведской империи. Маркс писал по этому поводу, что «именно с раздела шведской империи начинается современная эра международной политики» (там же).

2

Начало Северной войны было неудачно для России. Втрое меньшая армия 18-летнего шведского короля Карла XII наголову разбила под Нарвой русское войско, наспех собранное перед началом войны. Но эта неудача не сломила Петра. Он с удвоенной энергией принялся за реорганизацию войска, и уже с конца 1701 года русские начали одерживать победы над шведами. В 1702 году была взята шведская крепость Нотебург (Шлиссельбург). В 1703—1704 годах были заложены Петропавловская крепость, Санкт-Петербург и крепость Кронштадт. «Петр основал свою будущую столицу на первом отвоеванном им куске балтийского побережья»,— писал Маркс (там же).

Ведение войны требовало многочисленного регулярного войска. С 1705 года начались систематические рекрутские наборы. Война требовала также очень больших материально-денежных затрат. Для того чтобы обеспечить финансовую базу для ведения войны и создания военных промышленных предприятий, Петр вводил новые подати, прямые и косвенные налоги и т. д. Все это ухудшало и без того тяжелое положение народных масс и приводило к многочисленным народным восстаниям. Так, в 1705 году произошло восстание в Астрахани, в 1707 году — крупное восстание башкир. В 1707—1708 годах на Дону происходило большое народное движение под руководством Кондратия. Все эти восстания очень жестоко подавлялись Петром.

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом дал исчерпывающую характеристику всей деятельности Петра и причин народных восстаний в его царствование. «...Петр Великий, — сказал товарищ Сталин, — сделал много для возвышения класса помещиков и развития нарождающегося купеческого класса. Петр сделал очень много для создания и укрепления национального государства помещиков и торговцев. Надо сказать также, что возвышение класса помещиков, содействие нарождавшемуся классу торговцев и укрепление национального государства этих классов происходило за счет крепостного крестьянства, с которого драли три шкуры» (И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 6—7. Партиздат. 1937).

Карл XII.
Со старинной гравюры.

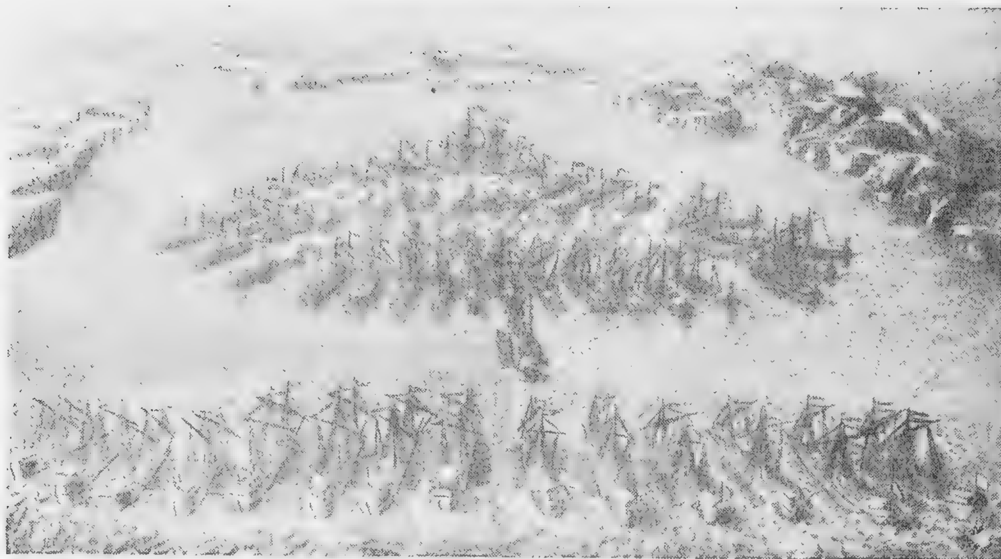
Петру удалось, применяя самые разнообразные меры, в том числе и самые варварские, в очень короткий срок создать и обучить регулярное русское войско.

В 1708 году молодая армия одержала крупную победу над шведами при деревне Лесной, а 27 июня 1709 года — знаменитую победу под Полтавой, которая открыла Западной Европе глаза на новую Россию. На полях Полтавы был положен конец могуществу шведского государства. Карл XII после Полтавской битвы бежал с изменником Мазепой и несколькими приближенными в Турцию.

27 июля 1714 года русский флот, созданный Петром, одержал первую большую морскую победу над шведами в Балтийском море у финляндского полуострова Гангута. С этого времени начинается целый ряд замечательных побед русского флота над шведским.

В ноябре 1714 года Карл XII, уехавший из Турции, неожиданно появился в Штральзунде. Заняв некоторые прусские города, он потребовал сдачи Штеттина. Прусский король Фридрих I соединился с Россией, Саксонией, Данией и Англией и осадил Штральзунд, который был взят в декабре 1714 года. После этого Фридрих вторгся в соседнее шведское владение Вольмар. Союзники собирались высадиться в Шонии, и Карл XII готовился встретить их там с тридцатитысячным войском.

Однако раздоры между командующими союзными армиями помешали их дальнейшим совместным успешным действиям. Петр в 1717 году вывел свои войска из Пруссии и открыл переговоры с Карлом XII на Аландских островах. Петр потре-

Бой у Гангута. 1714 год.

Со старинной гравюры.

бовал у Швеции Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Финляндии с Выборгом и часть Карелии с Кексгольмом и предложил Карлу XII свою помощь для возвращения Швеции потерянных ею в войне областей в Норвегии, Пруссии и Ганновере. Переговоры между Россией и Швецией шли довольно успешно и уже приближались к концу, когда 30 декабря 1718 года при осаде норвежской крепости Фредериксгальда Карл XII был убит. У него не было детей, и после его смерти шведский престол перешел к его младшей сестре Ульрике-Элеоноре. Последняя отказалась заключить с Россией мир, охотно в то же время согласившись на мир со странами Западной Европы.

После смерти Карла XII страх, внушаемый Европе этим северным воином, рассеялся. Распад шведской армии, изнуренной долгими и тяжелыми походами в чужих землях, и экономический упадок страны, вызванный огромными военными расходами, стали особенно заметны после смерти Карла. Пока западноевропейские государства вели войну за испанское наследство, Россия развила свою промышленность и торговлю и даже осмелилась построить рядом с границей новую столицу, которая одновременно служила и прекрасной гаванью, привлекавшей иностранных купцов. Вернуть Россию к ее прежнему состоянию слабости и зависимости от могущественных соседей — к этому стремились западноевропейские государства.

Петр I, покинутый всеми союзниками, видя, что против России создается коалиция сильнейших европейских держав, все же решил продолжать войну до полной победы над Швецией.

1719 год ознаменовался серьезными действиями русских сухопутных и морских сил. 24 мая между островами Эзелем и Готска-Сандё произошел морской бой нескольких русских кораблей со шведскими, который закончился первой победой русского флота в открытом море. Петр «за столь добрый почин флота российского» произвел капитана Сенявина, руководившего боем, в капитан-командоры и выдал на матросов и офицеров его эскадры 11 тысяч рублей призовых денег.

К лету 1719 года Петр собрал у полуострова Гангута русский корабельный флот под своим начальством и галерный[1] флот под начальством адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Под прикрытием корабельного флота флотилия Апраксина (132 галеры и 100 лодок, на которых было 26 тысяч сухопутного войска) прошла Аландский пролив, 11 июля вошла в шхеры у берегов Швеции и стала разорять все шведское побережье от города Гефле на севере до города Норрчёпинга на юге. Русские войска не дошли до Стокгольма всего 10 верст. В результате этого набега были выжжены и опустошены 10 шведских городов, 135 селений, 40 мельниц, 8 заводов, 2 рудника и множество усадеб. Скот был уведен или убит. Русские получили добычи на один миллион рублей, а шведы потерпели убытку на 12 миллионов рублей; 20 тысяч шведских семей остались без крова. Русские распространяли среди шведского населения прокламации,

[1] Галера — большое гребное судно.

где говорилось, что Петр хочет мира, но королева Ульрика-Элеонора стремится продолжать войну. Шведское население роптало на свое правительство, не хотевшее заключать мира с русским царем.

Необходимо отметить одну особенность кампании 1719—1720 годов — стремление Петра перенести войну на территорию противника, чтобы принудить его к миру. Именно с этой целью и посылались в Швецию все крупные русские десанты.

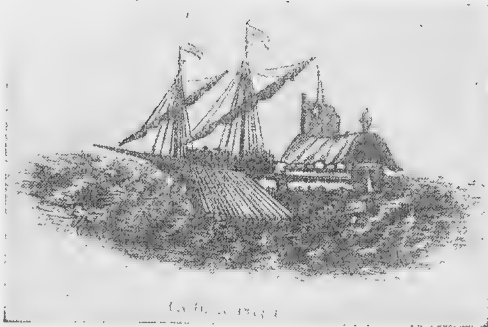
Летом 1719 года Петр I послал к Стокгольм к королеве Ульрике-Элеоноре своего посла Остермана с предложением мира. Проект мирного трактата, врученный Остерману 26 августа, был тщательно просмотрен и в некоторых местах исправлен самим Петром. Ульрика-Элеонора назначила для ведения переговоров Карла Гюлленборга и Даниила Хепкина. Остерман заявил им, что Россия должна получить Эстляндию, Выборг, Кексгольм, Ингерманландию. Русское правительство требовало, чтобы Швеция либо продала Лифляндию России либо уступила ей на 40 лет эту область. Русский царь обещал освободить Финляндию в месячный срок. Кроме того Остерман предложил шведам союз с Петром.

3

Но мир со Швецией не был заключен. В значительной степени в этом была виновна Англия.

Маркс в своем письме к Энгельсу от 12 февраля 1856 года (Маркс и Энгельс. Т. XXII, стр. 112) отмечал, что во всей борьбе между Петром и Карлом XII Англия играла решающую роль. И действительно, эта сильнейшая морская и торговая держава, боясь возрастающего торгового и морского могущества России, не желала победоносного для России окончания долголетней войны со Швецией и всеми силами старалась удержать Ульрику-Элеонору от заключения мира с Петром. Англия обещала Швеции свою поддержку в борьбе против России. Английское правительство рассчитывало, что, столкнувшись не с одной ослабевшей в войне Швецией, а с коалицией сильных держав Западной Европы, Россия должна будет лишиться своих завоеваний. 20 ноября 1719 года Англия заключила в Стокгольме с Ульрикой-Элеонорой договор о дружбе и ненападении «на вечные времена». По этому договору, герцогства Бременское и Верденское переходили за особое вознаграждение к Англии «в полное владение со всеми правами и преимуществами».

Одновременно с этим договором при ближайшем участии Англии была заключена тайная конвенция между шведским двором

Галера петровской эпохи.

и польским королем Августом II. Шестая статья этой конвенции гласила:

«Обе стороны соединятся, дабы привести в надлежащие пределы могущество царя Российского».

21 января 1720 года в Стокгольме был заключен договор о взаимопомощи между Швецией и Англией сроком на 18 лет. В этом договоре было много скрытых намеков на московского царя. А в статье 17 открыто было сказано, что «в доказательство своей дружбы к шведской королеве английский король несмотря на его войну с Испанией все же даст Швеции помощь на всем продолжении войны до заключения мира, т. е. денежными пособиями и эскадрой военных кораблей». Особенно многозначителен конец статьи. «Поелику для протестантской религии, для обоюдного купечеств королевств шведского и великобританского и для всего христианского мира весьма нужно, чтобы Балтийское море не досталось во власть царя московского, то, по сей причине, ежели бы царь московский отрекся заключить мир со Швецией и возвратить ей все то, что принадлежит к безопасности сего государства, равно как и к восстановлению свободной торговли на море Балтийском, каковою пользовались обе державы прежде настоящей войны, в таком случае его священное величество король великобританский обязуется не только подать помощь, о которой сказано в настоящем договоре..., но еще обещает употребить всякое старание и всевозможное домогательство у своих союзников, дабы и они подали Швеции всякое вспоможение и тем доставили бы короне шведской средства к укрощению царя» (Д. Бутурлин «Военная история походов Россиян в XVIII столетии». Т. III. Документы Северной войны, стр. 267. СПБ. 1821).

В тот же день, 21 января 1720 года, в Стокгольме при активном содействии английских дипломатов был подписан мир между Швецией и Пруссией, по которому

Ф. Апраксин.
Со старинной гравюры.

Пруссия получала за 2 миллиона рублей Штеттин, Западную Померанию и острова Узедом и Воллин. Прусский король обязывался не поддерживать царя московского в войне и не способствовать ему «ни намерением, ни предприятием» (там же, стр. 299).

Несколько позднее, 3 июля 1720 года, между Данией и Швецией в Фридериксбурге был заключен мир, по которому Дания отказалась от всех захваченных ею провинций (т. е. от Богюса с Марстрандом и Рюгена с Померанией), а Швеция отказывалась от беспошлинного прохода своих судов через Зунд и уплачивала Дании миллион рублей контрибуции. В этом договоре содержалось обещание датского короля «ни прямым, ни окольным образом, ни советами, ни действием не помогать царю московскому в его предприятиях против короны Шведской» (там же, стр. 327).

В заключении всех этих договоров ближайшее участие принимала Англия. Все упоминания о России, приведенные выше, свидетельствуют о том, что Англия хотела использовать все возможные средства «к укрощению царя».

Чрезвычайно ярко показана политика Англии по отношению к России в это время в одном анонимном памфлете, написанном в 1719 году. Автор этого памфлета — англичанин, в течение долгого времени прикомандированный к британскому посольству в России. В этом интереснейшем документе говорится: «Торговля стала подлинной жизненной необходимостью нашего государства, и как пища необходима для жизни, так судостроительные материалы необходимы для флота... Северная торговля в высшей степени необходима и, с полным правом, может быть названа sacra emboIIa Великобритании, будучи ее главнейшим выходом заграницу... Подобно тому, как шерстяные изделия и минералы являются основными товарами Великобритании, так и судостроительные материалы являются главнейшими товарами Московии, как, впрочем, и тех прибалтийских провинций, которые царь недавно отнял у шведской короны... Швеция никогда не имела возможности захватить торговлю у наших подданных вследствие того, что эти морские порты в ее руках были лишь транзитными пунктами, где продавались товары, тогда как места добычи и обработки этих товаров находились за пределами этих портов во владениях царя. Однако, если оставить эти прибалтийские порты царю, то они не будут больше транзитными пунктами, а станут своеобразными складами внутренних областей царских владений... Оставить ему какой-нибудь порт на Балтике — это значит отдать в его руки два ключа от главных складов судостроительных материалов во всей Европе, ибо он уже владеет на Белом море Архангельском...» (К. Маркс «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII века»).

Автор памфлета считал наилучшей политической линией возвращение к Столбовскому договору и старание не допускать более русских «гнездиться на Балтике». Памфлет заканчивался словами: «Во всех отношениях наши интересы состоят в том, чтобы Швеции были возвращены те провинции на Балтике, которые отняли у этой короны московиты. Великобритания не в состоянии больше поддерживать равновесия на Балтийском море», с тех пор как она «помогла московитам стать там морской державой» (там же).

Несмотря на большой успех русского оружия в борьбе со Швецией последняя, воодушевленная поддержкой Англии, не только не намеревалась прекратить войну с Россией, а, наоборот, начала действовать более активно чем раньше.

4

Петр превосходно учитывал все тонкости английской политики. В письме к Апраксину (январь 1720 года) он блестяще определил задачи России в предстоящей кампании. Петр писал: «Нынешние кон-

юнктуры двух дел требуют: чтобы какой возможно убыток неприятелю учинить, дабы тем обнадеживание английское отвергнуть; другое — азардовать (входить в азарт.— *Г. Б.*), не допускать, дабы ежели проиграем более неприятелей, самим на себя не подвигнуть» (А. Соколов «Действия русского флота в 1715—1721 гг.». «Морской сборник» № 4 за 1851 год, стр. 301). Петр тут же приступил к подготовке решающей борьбы с неприятелем. Он писал в указе Сенату от 7 января 1720 года: «Понеже настоит ныне время к воинскому приуготовлению против шведов и их союзников, того ради, дабы все служилые чины прежних служеб всего российского государства и подданный наш, войска запорожского обеих сторон Днепра гетман Скоропадский со всеми малороссийскими войски и слободские казаки также донские, гребенские, яицкие, терские, казаки, чугуевские калмыки и Аюка хан калмыцкий были к походу, когда, куда впредь указом повелено будет, во всякой готовности» (Полное собрание законов Российской империи. Т. VI. № 3482. СПБ. 1830).

Кроме того Петр указом от 15 января 1720 года велел Меншикову поправить на Украине конное войско (там же, № 3486).

В то же время русские войска усиливались и на берегах Эстляндии и Курляндии. Петр писал в Копенгаген к послу князю Долгорукову (А. Соколов. Цит. соч., стр. 300), чтобы тот заранее проведал, какой английский флот будет в Балтийском море, и уведомил о том его, Петра, и графа Апраксина и, когда тот флот будет приближаться к Зунду, чтобы Долгоруков послал с известием об этом нарочного в Россию. Были также приняты меры к усилению русских крепостей на берегу Финского залива. Губернаторам Ревеля, Кронштадта и Архангельска был отдан приказ укрепить, насколько возможно, гарнизоны и артиллерию этих крепостей.

Петр велел губернатору Ревеля Петру Михайловичу Голицыну приготовить к посадке на галеры оба гвардейских полка, находившиеся в Ревеле, снабдить их провиантом на 4 недели и сразу по очистке залива от льда послать этот галерный флот под командой майора в залив. Самому Голицыну предписывалось остаться в Ревеле и принять все возможные меры для защиты города и крепости от врагов. Для извещения о подходе неприятельского флота Петр приказал вдоль всего южного берега Финского залива и на острове Готланд расставить 8 судов. По всему южному берегу Финского залива, от Дагор-Орта до Ревеля и от Ревеля до Каспервека, Петр распорядился поставить пирамиды из сухих деревьев. Приставленные к ним офицеры обязаны были зажечь их в случае появления на горизонте неприятельской эскадры.

М. Голицын.
Со старинной гравюры.

Важнее всего было как можно лучше укрепить Кронштадт. Об этом Петр писал шаутбенахту (контр-адмиралу) Сиверсу: «Оборону флота и сего места иметь до последней силы живота, яко наиглавнейшее дело» (там же).

В начале весны 1720 года Англия выслала в море свой флот из 20 линейных кораблей и многих мелких судов под командой адмирала Норриса. В начале апреля 1720 года Петр получил известие о том, что этот сильный английский флот надо ожидать в Балтийском море к середине апреля.

В то же время Петр получил известие о том, что английский король Георг I послал в помощь Швеции корпус сухопутных войск в 20 тысяч человек, которому предписывалось совместно с двадцатичетырехтысячным шведским корпусом напасть на Финляндию. Петр в письме от 11 апреля к главнокомандующему русскими войсками в Финляндии князю Михаилу Михайловичу Голицыну приказал ему принять все меры предосторожности на случай нападения и постараться учинить возможный вред английским войскам. Меншикову Петр писал, что хочет поставить корпус кавалерии у берегов Рижского залива, как только выглянет первая травка.

Вооружение ревельского флота было закончено еще в конце марта, а кронштадтского — в конце апреля, но Петр прика-

зал суда этих флотов в залив не выводить, а отдельные суда, посылаемые для чего-нибудь в море, получили приказ немедленно возвращаться к своим портам, как только увидят неприятеля.

Во время всех этих приготовлений английский флот под командой адмирала Норриса шел по направлению к Балтийскому морю на соединение со шведским флотом. Пройдя в апреле через Зунд, английский флот в последних числах мая соединился у Готска-Сандё со шведской эскадрой графа Шпарре, состоявшей из 11 линейных кораблей, 8 фрегатов, 11 мелких судов и 13 галер. Об'единенный англо-шведский флот представлял собой внушительную силу, состоящую из 34 судов. Однако трения и разногласия между Норрисом и Шпарре ослабляли его.

Оставив для защиты Стокгольма небольшую флотилию из 6 кораблей, англо-шведский флот направился к Ревелю и стал 30 мая на якорь у острова Наргеи. Русский флот, стоявший в Ревельской гавани, состоял из 7 линейных кораблей и 20 галер. Несмотря на то что русский флот был количественно слабее английского, Норрис все же не решился атаковать его. Английский адмирал учел, что русский флот стоял во внутренней Ревельской гавани под защитой крепостных батарей и за боновым[1] заграждением.

На следующий день после прибытия неприятельского флота к Ревелю ревельский комендант П. М. Голицын послал Норрису заранее заготовленное письмо от имени адмирала Апраксина с вопросом о цели прибытия англичан к русским берегам.

Норрис в ответ послал на имя Апраксина конверт, в который, кроме письма русскому адмиралу, было вложено и письмо Петру. Голицын отказался передать письмо русскому императору, так как оно было послано не самим английским королем. Письмо было возвращено Норрису. Английский адмирал рассердился, стал показывать гонцу свои ордена и доказывать, что он имеет от своего короля все полномочия на ведение переговоров, но все же письмо обратно принял. В письме на имя Апраксина Норрис сообщал, что прислан своим королем для мирного посредничества между Россией и Швецией. Возвращая Норрису его письмо на имя Петра, Апраксин подчеркивал категорический отказ России от вооруженного «посредничества» Англии.

Не дождаясь ответа Апраксина, Норрис неожиданно 2 июня со всем англо-шведским флотом снялся с якоря и поспешно направился к стокгольмским шхерам.

[1] Бон (голландское слово) — плот, служащий для запирания входа в гавань.

5

Русский галерный флот в полной боевой готовности стоял в Або, намереваясь, как только совсем разойдется лед, осуществить намеченную еще в 1719 году высадку десанта на шведский берег. В начале апреля 1720 года командующий галерным флотом Михаил Михайлович Голицын получил приказ Петра двинуться к аландским шхерам. В конце апреля Голицын покинул Або и направил флот к Лемланду (один из островов Аландского архипелага). В составе флота Голицына было 105 галер, из которых 19 конных (для перевозки лошадей), 3 бригантины[2] и 110 лодок; на всех этих судах было в общей сложности около 24 тысяч человек конного и пешего войска («Материалы для истории русского флота». Т. II, стр. 478. СПБ. 1876).

Одновременно с флотом Голицына в плавании в Балтийском море находилась русская эскадра под командованием шаутбенахта Яна Фангофта, состоявшая из 7 линейных кораблей и 1 фрегата. Перед Фангофтом стояли следующие задачи: 1) произвести разведку с целью обнаружить шведские силы, вышедшие в море, 2) нападать на отдельные корабли неприятеля в районе между островами Даго и Готландом. Кроме того Апраксин приказал Фангофту в случае, если он не обнаружит противника, идти к Аланду, чтобы прикрыть переход галерного флота Голицына через Аландсгаф к шведскому берегу. Фангофт шведов в море не встретил, но, установив близость английского флота, к Аланду не пошел, а вернулся в Ревель. Голицын, который ждал его у Аландских островов, вынужден был поэтому отказаться от общего десанта на шведский берег. Однако часть войск, тем не менее, была высажена.

Еще по пути в Лемланд Голицын послал в Ботнический залив бригадира Менгдена с 35 галерами, на которых было 6282 человека конного и пешего войска. Менгден беспрепятственно высадился на шведский берег, пошел со своим войском в глубь страны и подверг ее разорению и опустошению на протяжении 40 верст. Были разорены два города — Новый и Старый Умео, 41 окрестная деревня и

[2] Бригантина — судно, похожее на галеру по вооружению и парусам, но меньших размеров. В XVIII веке употреблялись восьми- и шестнадцативесельные беспалубные бригантины. Они имели помост ниже ватерлинии, под которым хранились боеприпасы и провиант. Команда бригантины была вооружена мушкетами и могла действовать в случае надобности как сухопутный отряд.

Военные корабли шведов XVIII века.

более тысячи жилых дворов. Кроме того Менгден захватил несколько шведских каботажных судов и 900 голов крупного и мелкого скота. С этой добычей он направился в Вазу, куда прибыл 8 мая.

Отойдя от Ревеля, английский флот остановился у внешних стокгольмских шхер. Норрис выполнял данную ему правительством инструкцию: «охранять шведские берега, но избежать всякого столкновения с русскими судами». Английское правительство, несмотря на все свое желание уничтожить морское могущество России, было не очень расположено посылать свой флот на бой с русскими кораблями. Верное своим традициям, оно предпочитало воевать с Россией не своими, а чужими вооруженными силами.

Видя, что пребывание галерного флота у Аландских островов бесполезно, Петр приказал Голицыну отвести его к Гельсингфорсу. Оттянув галерный флот к финляндскому берегу, Голицын стал лагерем у Кирхе-поэ, между Гельсингфорсом и Або.

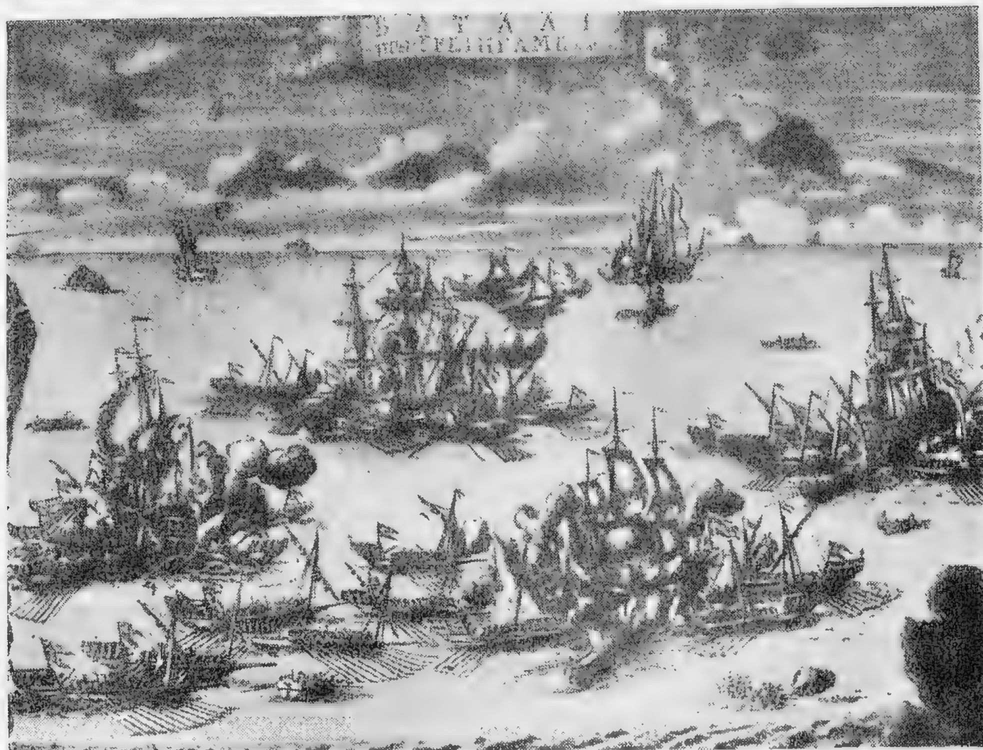
Уходя из аландских шхер, Голицын оставил близ Лемланда 7 русских лодок для наблюдения. 3 июля, во время разведки, эти лодки неожиданно натолкнулись у Ледсунда на стоявший здесь 3-галерный отряд шведского вице-адмирала Шеблада, который занял аландские шхеры сразу после ухода оттуда галер Голицына. Русские лодки поспешно отступили, но одна из них села на мель около острова Детерэ и была взята шведами. Петр был крайне этим недоволен и писал Голицыну: «Зело удивительно в отдалении галерного флота такой азартный раз'езд иметь». Петр приказал немедленно выслать на место событий 15 галер и, если там будут шведские галеры, захватить их.

Получив этот приказ Петра, Голицын вышел из Гельсингфорса с 61 галерой и 29 лодками, на которых было около 10 тысяч сухопутного войска. Вечером 24 июля эскадра прибыла к острову Беркесер (в восточной части Аландского архипелага). По пути Голицын узнал, что шведские суда за несколько дней до него были в Корпостремах. Чтобы выяснить, нет ли в шхерах неприятельских судов, он утром 25 июля послал полковника Стрекалова с отрядом сухопутных войск на 9 галерах и 15 лодках до кирки Карпо по Абовскому курсу, а сам с остальным флотом двинулся к острову Лемланду (на юговостоке Аландского архипелага). Около острова Мотлке Голицын выслал разведку, которая обнаружила шведскую дозорную галеру у острова Риза-Еран. Голицын поспешил к неприятельскому судну, но наступившая ночь заставила его остановиться, а шведская галера, заметив русский флот, отошла к своей эскадре.

Утром 26 июля Голицын со своим флотом пошел дальше. Подойдя ближе к острову Риза-Еран, он обнаружил около него две дозорных шведских галеры. При виде русского флота галеры отошли к остальным кораблям своего флота.

Шведский флот под командой вице-адмирала Шеблада стоял у острова Флисеберг (между островами Флиселандет и Брэнде). По свидетельству Голицына, этот флот состоял из линейного корабля «Поммерн» (52 орудия), 4 фрегатов: «Шторфеникс» (34 орудия), «Венкер» (30 орудий), «Кискен» (22 орудия) и «Данскерн» (18 орудий), — 3 галер, 1 шнявы [1], 1 галиота, 3

[1] Шнява — небольшое военное парусное судно, вооруженное 6—20 чугунными пушками.

Сражение при Ренгаме. 1720 год.

Со старинной гравюры.

шхерботов и 1 бригантины — итого 14 судов. Слабый югозападный ветер не позволял Голицыну атаковать шведские суда, и он вынужден был стать недалеко от Флисеберга. В ночь с 26 на 27 июля Шеблад отошел со своим флотом к Лемланду и стал там.

Утро 27 июля застало русский флот у Флисеберга, а шведский — у Лемланда.

6

В это утро дул очень слабый югозападный ветер, который заставлял Голицына стоять в бездействии.

Голицын созвал военный совет, на котором было решено выйти в покойную гавань у острова Гренгама (в 3 километрах к югу от Флисеберга, за островом Грэнэ), где переждать неблагоприятную погоду. Совет решил атаковать шведов, когда направление ветра это позволит. Но, как только русский флот начал продвигаться к Гренгаму, шведы двинулись на всех парусах по направлению к русским, намереваясь атаковать их в открытом море. Заметив это и понимая, что в открытом море шведский парусный флот имеет много преимуществ над русским гребным, Голицын изменил курс и пошел обратно к Флисебергу.

Шеблад, увлекшись преследованием русских, не принял во внимание, что Флисебергский пролив мелок и полон рифов и мелей и что проход в нем для парусного флота чрезвычайно тесен. Шеблад продолжал на всех парусах преследовать русские суда. Голицын вовремя заметил этот промах Шеблада. Он еще быстрее пошел к Флисебергскому проливу и вошел в него, увлекая за собой шведскую эскадру. Легкие русские галеры свободно прошли через узкий проход между рифами и камнями пролива, а парусные суда шведов вынуждены были остановиться. Тут только Шеблад обнаружил свою ошибку, но было уже поздно: Голицын оказался в более выгодном положении, чем шведы, и в любую минуту мог атаковать Шеблада.

Шведский вице-адмирал, не желая терять времени, начал разворачивать свои суда для отражения атаки русских кораблей, но поставить шведские парусные суда в боевой порядок в узком проливе было неимоверно трудной задачей. В то время как Шеблад безрезультатно пробовал вывести свои суда на ветер, Голицын двинул свои галеры по направлению к шведским судам, чтобы подойти к ним вплотную и взять их на абордаж. Легкие гребные русские суда двигались по проливу легко и свободно по сравнению со шведскими фре-

гатами. Приближаясь к шведским кораблям, русские галеры открыли по ним стрельбу, на которую шведские фрегаты не в состоянии были открыть ответный огонь, так как для этого им надо было повернуться в узком проходе (вся артиллерия на фрегатах была повернута в сторону судов шведского флота). Шведский вице-адмирал решил сделать еще одну попытку повернуть свои суда, но при этом два фрегата — «Венкер» и «Шторфениксе» — сели на мель. Русские галеры подошли к ним вплотную и взяли их на абордаж. На «Венкере» экипаж не хотел сдаваться несмотря на полную безвыходность своего положения, и фрегат был взят лишь после упорного боя, в котором было убито 59 шведов. Бой на «Шторфениксе» был менее ожесточенным: лишь 7 шведских солдат нашли в нем свою смерть. Борта шведских судов и абордажные сетки на них были выше чем на русских галерах, что затрудняло абордаж, но это не остановило русских солдат и моряков.

Шеблад видел, что северный выход из прохода загражден русскими галерами. Воспользовавшись тем, что для овладения севшими на мель шведскими фрегатами русские потратили время, Шеблад начал лавировать между подводными рифами пролива к югу, чтобы выбраться на свободную воду к Лемланду. При этом его корабль не мог повернуть против ветра, так как его отнесло бы на мель, а теснота пролива и близость русских не позволяли ему поворачивать по ветру. Но медлить было невозможно. Шеблад поставил корабль против ветра и, не убирая парусов, отдал якорь. Затем он наполнил паруса на другой галс [1], обрубил якорный канат и, благополучно выйдя из тесного прохода, направился в открытое море. Этот сложный маневр был проведен мастерски. Интересно замечание по этому поводу русского адмирала Алексея Ивановича Нагаева: «Если бы он стал наполнять паруса на прежний галс, то сел бы на мель, если бы вздумал поворачивать через фордевинд [2], то стал бы жертвой русского галерного флота» (В. Берх «Исторические известия о морской Гренгамской баталии». «Славянин» № 5 за 1828 год, стр. 155).

Но маневры Шеблада преградили путь для выхода из пролива двум остальным фрегатам — «Кискен» и «Данскерн», — находившимся сзади его корабля. Поэтому русские галеры, овладев «Венкером» и «Шторфениксом», бросились в погоню за оставшимися в проливе фрегатами, догнали их и взяли на абордаж. Кораблю Шеблада и остальным 9 мелким шведским судам удалось уйти. Русские галеры гнались за ними. Они подошли к линейному кораблю так близко, что видели в воде доски от его кормы, отскочившие при повороте, но догнать его все же не могли. Дальнейшее преследование было бесполезно, так как парусные суда шведов оказались уже в открытом море, где русские гребные суда не могли соперничать с ними в скорости. Кроме того погода ухудшилась, и в море появились еще два шведских фрегата. Русские галеры, оставив преследование, возвратились к своему флоту.

Так окончилась эта битва, одна из замечательнейших побед русского флота.

На всех 4 шведских фрегатах русскими было взято 104 орудия калибром от 3 до 6 фунтов [3] и много пороху, ядер и бомб. Кроме того на этих фрегатах было убито и взято в плен 510 человек экипажа.

Но эта победа обошлась русскому флоту весьма дорого. Вот список потерь русского флота в этой битве.

Всего морских чинов убито — 4, ранено — 6, опалено — 1, итого — 11. Всего сухопутных чинов убито — 78, ранено — 197, опалено — 42, итого — 317. Итого морских и сухопутных чинов: убито — 82, ранено — 203, опалено — 43, итого — 328 [4].

Из 61 русской галеры, участвовавшей в сражении, 43 были сильно повреждены.

Через несколько дней после битвы Голицын отправил бригадира Барятинского с 15 галерами, 15 лодками и 15 шлюпками в Або, а сам с остальными галерами и лодками пошел к Кирхе-поэ (около Гельсингфорса).

7

4 августа Голицын отправил к Петру майора Шипова с известием о счастливой победе. Петр, получив это известие, послал 8 августа своим представителям при иностранных дворах срочные депеши с собственноручной надписью: «Сии ведомости как возможно потщитеся разгласить, напечатав в газетах». Депеши эти гласили: «Об'являем вам, что пред несколькими временем услышали мы, что неприятельские корабли и галеры появились в Ламеландской гавани, по которым ведомостям писали мы, дабы генерал Голицын, взяв добрую часть галер, или сам шел, или послал для

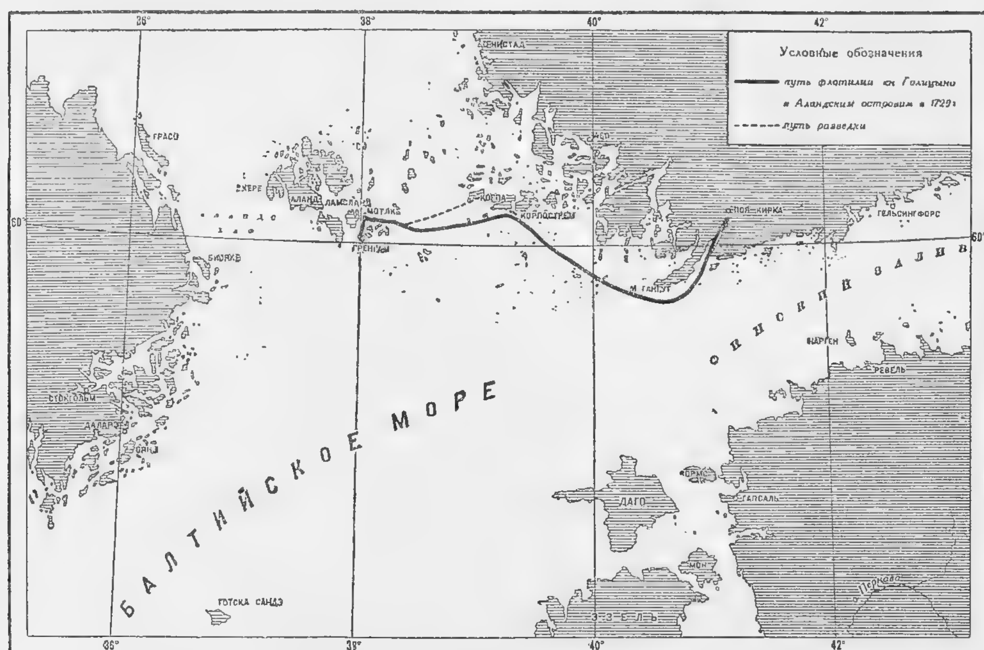
---

[1] Галс (голландское слово) — курс корабля относительно ветра.

[2] Фордевинд (голландское слово) — движение судна по направлению ветра.

[3] В старину калибр артиллерийского орудия определялся по весу снаряда, которым орудие заряжалось.

[4] См. «Журнал, или поденная записка императора Петра Великого». Ч. 2-я, стр. 138—142. Издан М. Щербатовым. СПБ. 1772.

Карта военных действий русского флота против шведов. 1720 год.

поиску над оными. И сего месяца, в 6-ой день получили от него через майора Шипова зело радостную ведомость, что он неприятелей в вышеописанном месте застал и дал с ними бой, и с помощью божией, 4 фрегата их взял, из которых два взяты абордажем на полном ходу» («Материалы для истории русского флота». Т. II, стр. 512).

В письме князю Михаилу Михайловичу Голицыну от 7 августа Петр писал: «Вчерашнего числа от вас с радостною вестью прибыл майор Шипов, что с божьей помощью, а вашей доброй командой и трудами прочих офицеров и солдат, такой знатный поиск на неприятеля учинили, за что зело вам и с вами трудившимся благодарствую и будем платить за труды» (В. Берх «Собственноручные письма императора Петра Великого к разным лицам с ответами на оные». Т. III, стр. 264. СПБ. 1830).

Петр необычайно щедро наградил всех участников Гренгамской битвы за их мужество в борьбе с врагом.

Генерал князь Михаил Михайлович Голицын получил в «знак великого труда» шпагу, а «за добрую команду — трость, усыпанную бриллиантами» (Берх «Исторические известия», стр. 150).

Генерал-майору Дупрею, бригадирам Менгдену и Барятинскому и всему полковому штабу, бывшему в сражении, пожалованы были золотые медали на цепях. Все другие обер-офицеры, участвовавшие в битве, получили золотые медали без цепей. Унтер-офицеры и урядники получили серебряные медали; всем остальным участникам сражения за взятие 104 пушек Петр велел выдать 8960 рублей.

Было повелено сделать модели взятых в битве фрегатов, а сами фрегаты хранить вечно. Придворному граверу Алексею Зубову Петр приказал вырезать изображение битвы на меди (А. Соколов. Цит. соч., стр. 304).

Было повелено также выпустить специальные медали, посвященные победе. На одной стороне медали портрет Петра, на другой—изображение сражения с надписью вверху: «Прилежание и храбрость превосходит силу»,— а внизу надпись: «При Гренгаме 1720 иуля 27 дня». Указ о производстве этих медалей был отправлен за подписью кабинет-секретаря Петра Алексея Макарова к президенту Берг-Коллегии Якову Брюсу 3 сентября 1720 года.

Кроме того Петр произвел майора Шипова, первого сообщившего ему о победе, через чин в полковники, что вообще делал в исключительных случаях, а участвовавшего в битве генерал-майора Петра Ласси произвел в генерал-лейтенанты.

8 сентября 1720 года состоялся триумфальный ввод шведских фрегатов в Неву. На Троицкой площади, на берегу Невы, была устроена триумфальная пирамида. Процессия двигалась по реке в следующем порядке: 3 русских галеры; шведские фрегаты «Данскерн», «Кискен», «Венкер», «Штюрфеникс»; шествие замыкалось тремя русскими галерами. На берегу Невы были

выстроены войска, приветствовавшие победителей. В момент, когда процессия вошла в Неву, с батарей Петропавловской и Адмиралтейской крепостей было сделано 104 выстрела — по количеству пушек на всех взятых шведских фрегатах. Вечером на Троицкой площади был устроен великолепный фейерверк со множеством ракет, а в остальных частях города — иллюминация, которая продолжалась 3 дня. Так была отпразднована эта блестящая победа русского флота.

Гренгамское сражение окончило кампанию 1720 года. Голицын с русским флотом ушел к берегам Финляндии, английская эскадра поспешила к своим берегам, а шведский флот, еще несколько времени простояв у северной части аландских шхер, вернулся к себе домой.

* * *

Победа при Гренгаме произвела сильное впечатление на страны Европы и в первую очередь на Англию. Это сражение продемонстрировало еще раз могущество молодого русского флота в его борьбе с врагами. Сам Петр в письме к Меншикову отметил значение победы в следующих словах: «Правда, не малая виктория может почесться, потому что при очах господ англичан, которые равно шведов оборонили, как их земли, так и флот» (там же, стр. 304).

Сами английские дипломатические представители при иностранных дворах впоследствии не раз говорили, «что им флотов своих посылать нельзя, ибо видят, что делать им нечего».

Правда, после этого английский флот еще не раз появлялся в Балтийском море, но приведенные выше слова английских дипломатов необычайно ярко характеризуют впечатление, произведенное на Англию победой при Гренгаме.

Гренгамская победа была особым торжеством для русского народа потому, что она была одержана в тот же день (27 июля), что и знаменитая гангутская победа 1714 года. Шведское правительство после гренгамского сражения вынуждено было выбросить из головы всякие мысли о переброске своих войск в Финляндию и Лифляндию и отказаться от надежд на помощь союзников.

Договоры о взаимопомощи, которые в таком большом количестве были заключены шведским правительством при самом ближайшем участии ловких английских дипломатов, после гренгамской битвы были фактически аннулированы.

В этой битве русский галерный флот показал инициативу и смелость. Он вопреки всем положениям тактики того времени напал на парусные корабли шведов. Эта решительность в борьбе с сильным врагом обеспечила русским победу.

Гренгамская битва произошла за год до окончания Северной войны. Достаточно было еще двух — трех ударов со стороны России, чтобы и без того слабые силы Швеции совсем надломились. Швеция окончательно стала на путь поисков мира с Россией. Вскоре королева Ульрика-Элеонора предложила Петру начать мирные переговоры, которые окончились подписанием мирного договора 30 августа 1721 года в финляндском городке Ништадте. По Ништадтскому миру за Россией были закреплены Лифляндия с Ригой, Эстляндия, Ингерманландия (область вокруг Петербурга), часть Финляндии с Выборгом и часть Карелии с Кексгольмом.

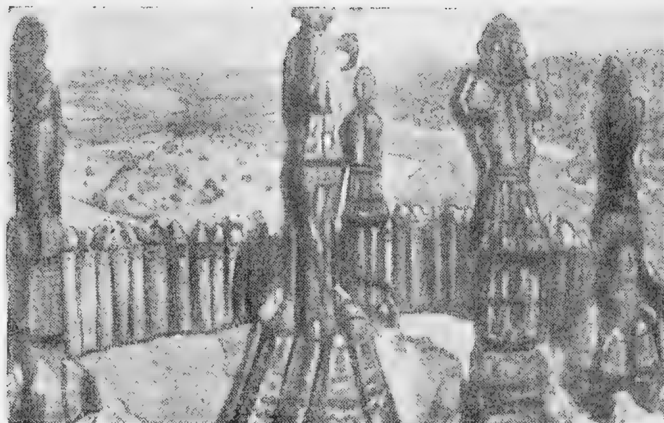
В день празднования Ништадтского мира, 22 октября 1721 года, Сенат поднес Петру титулы императора, отца отечества и Великого.

Россия в результате Северной войны превратилась в могущественную империю. Петр добился осуществления всех тех задач, которые стояли перед Россией до войны. Он «захватил то, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны» (К. Маркс «Разоблачения относительно дипломатической истории XVIII в.»).

Крупнейшим стратегическим результатом войны было решительное обеспечение за Россией выхода в Балтийское море. «Перенос столицы означал эту сознательную перемену политики, а завоевание прибалтийских провинций дало средства ее успешного проведения, тем что сразу же обеспечило за Россией преобладание среди соседних северных государств; тем что Россия получила возможность постоянных сношений со всеми пунктами Европы; тем что была заложена основа материальной связи с морскими державами, оказавшимися, в силу этого завоевания, зависимыми от России в деле снабжения необходимыми им судостроительными материалами» (там же).

Таковы были результаты Великой северной войны, длившейся 21 год и выдвинувшей Россию в ряд передовых и могущественных держав мира,— войны, давшей русскому народу замечательные победы над врагами при Лесной, Полтаве, Гангуте и Гренгаме.

В. Прокофьев

Религия восточных славян

Исходным определяющим моментом при анализе всякой религии, в том числе и религии славян, должно служить марксистско-ленинское учение об устройстве общества и общественно-экономической жизни людей.

Марксизм-ленинизм учит, что «источник формирования духовной жизни общества, источник происхождения общественных идей, общественных теорий, политических взглядов, политических учреждений нужно искать не в самих идеях, теориях, взглядах, политических учреждениях, а в условиях материальной жизни общества, в общественном бытии, отражением которого являются эти идеи, теории, взгляды и т. п.» («История ВКП(б)», стр. 110).

Основой жизни людей является общественный труд, который определяет всю историческую жизнь человека. В труде совершенствовались физические и умственные способности человека, развивались мышление, речь, накоплялись знания людей.

Действуя в процессе труда на внешнюю природу и изменяя ее, человек «в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в последней способности и подчиняет игру этих сил своей собственной власти» (Маркс «Капитал». Т. I, стр. 170. 1937).

Человек не всегда умел подчинять себе природу, и теперь это далеко не в полной мере ему удается, а в отдаленные времена наши предки были слабы, беспомощны в борьбе с природой и находились в полной зависимости от ее стихийных сил. Окруженный со всех сторон грозными опасностями, древний человек представлял себе силы природы как разумные существа, такие же, как он сам, только гораздо более сильные.

В сознании первобытного человека, бессильного в борьбе с природой, преисполненного страха перед ней, складывалось представление об особом сверх'естественном мире, которому подчинены люди. Этот мир состоял из духов и душ, которых, смотря по их свойству, человек уважает, любит или страшится. Были духи добрые и злые, дружественные и враждебные. Этими неземными существами человек заселял воздух, воду, землю, леса, поля и жилища. Преклоняясь перед ними, он старался приобрести их расположение и охрану.

Первобытный человек не задумывался о связи и причинах явлений внешнего мира. Он принимал эти явления, как раз навсегда данные. Создание своего воображения принимал за реальность, и оно становилось для него предметом религиозного верования.

Религия первобытных людей являлась неправильным, фантастическим отражением в общественном сознании людей их отношений к природе. «...каждая религия, — писал Ф. Энгельс, — является не

чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни, отражением, в котором земные силы принимают форму неземных» (Ф. Энгельс «Анти-Дюринг», стр. 260. 1938).

Если в доклассовом обществе корни религии нужно искать в бессилии людей в борьбе с природой, то в обществе классовом «бессилие эксплуатируемых классов в борьбе с эксплуататорами так же неизбежно порождает веру в лучшую загробную жизнь, как бессилие дикаря в борьбе с природой порождает веру в богов, чертей, в чудеса и т. п.» (Ленин. Т. VIII, стр. 419).

1

Древнеславянская языческая религия покоилась на основах патриархально-родовых отношений первобытно-общинного строя. Славяне, как и все известные в истории народы, прошли через стадию родового строя и приблизительно до V—VI веков дробились на родовые союзы, во главе которых находились родовые старейшины.

Родовая община представляла древнейшую форму славянского быта. Каждый род сообща владел землей, обрабатывал ее, сообща охотился на крупного зверя и ловил рыбу, сообща выжигал лес под пашню, сообща боролся против врагов. Род защищал своих членов. Члены рода были об'единены между собой обязанностью родовой кровной мести, почитанием общих предков и празднествами, связанными с культом этих предков.

Роды, которые селились вблизи друг от друга, чаще всего в бассейне одной реки, составляли племя. На берегах Днепра жили поляне, северяне и другие племена; на берегах Припяти — притока Днепра—жили древляне, на Оке — вятичи, в верховьях Днепра и на Западной Двине — кривичи, на озере Ильмень—ильменские или новгородские славяне.

Деление на племена накануне установления феодальных отношений было связано с сохранением производственных отношений доклассового общества. Верования были так же примитивны, как и весь уклад жизни племени. Религия славян этой поры слагалась из обоготворения непонятных человеку сил природы и поклонения душам умерших предков—создателей рода.

Основные черты культа предков встречаются у многих современных наименее культурных народов, у которых сохранились пережитки родового строя. Кафры Южной Африки, например, чтобы расположить к себе умерших предков, приносят им в жертву молодого быка, обращаясь при этом к ним со словами: «Дорогой отец, ты видишь быка, возьми его у меня в пищу себе. Зато дай мне здоровое тело, чтобы впредь я не испытывал никаких недугов. И ты, мой дед, будь благорасположен ко мне и позаботься о том, чтобы мои стада буйволов умножались».

Дикари из племени банкун обращаются к духам предков, когда делают им приношения, со следующими словами: «О вы, наши старые отцы и матери, почему вы говорите, что мы вас лишаем пищи? Вот бык, которого вы желаете, с'ешьте его вместе с нашими предками, умершими до и после вас, с теми, кого мы знаем и кого не знаем. Дайте нам жизнь, подайте всяких благ нам и детям нашим, ибо вы оставляли нас на земле, и, очевидно, что мы оставим наших детей на земле. Поче-

Стоянка родовой общины.

С картины Е. Васнецова.

му вы гневаетесь на нас? Почему вы презираете это селение, которое является вашим? Ведь это вы дали нам его. Прогоните, мы молим вас, всех злых духов, заставляющих нас страдать, все дурные простуды и болезни. Вот приношение, которое мы вам делаем и с которым мы воссылаем нашу молитву» (цит. по антирелигиозному учебнику, стр. 234. 1938).

В этом обращении ярко выражены и страх дикарей перед умершими предками и надежда на них. Каждый род считал добрыми богами-покровителями всех своих умерших сородичей, могилы которых якобы охраняли родовую землю. Этими представлениями определялись воззрения на загробную жизнь и культ предков.

Славяне думали, что души усопших продолжают жить ввиде грозного духа и вести такой же образ жизни, какой они вели на земле среди живых.

До совершения похоронного обряда душа скитается по земле и, если не было выполнено правильного обряда похорон, обречена на вечное скитание. Грозный дух живет в какой-то отдаленной стране, на конце света, там, где заходит солнце. В эту страну надо снаряжать покойника, как в далекий путь. Поэтому вместе с телом покойника хоронили многие вещи, которые были ему необходимы при жизни. В могилу клали оружие, пищу, даже жену и рабов покойника убивали и хоронили вместе с ним, чтобы они служили ему и на «том свете». Если не соблюсти всех этих требований, то покойник будет приходить за тем, что ему необходимо, к оставшимся в живых; в гневе расстроит хозяйство их, уведет с собой на «тот свет» сыновей, внуков, племянников и других родственников.

Чтобы облегчить покойнику путешествие в «царство мертвых», славяне прибегали к сожжению: они полагали, что огонь погребального костра моментально отделяет душу от тела и помогает ей попасть в потусторонний мир, где вечное блаженство. Над могилой устраивали тризну, в которой, по мнению славян, принимала участие и душа умершего.

Начальная летопись, говоря об языческих обрядах северян и других славян, так описывает обряд погребения: «Аще кто умряше, творяху тризну над ним и по сем творяху кладу велику и возложат на кладу мертвеца и сожигаху и по сем собраше кости вложаху в сосуд так и поставляху на столпе на путях, иже творят вятичи и ныне; си же обычаи творяху и кривичи и прочии...» (Ипатьевская летопись. Издание Императорского архивного комитета. Т. II, стр. 10).

Наиболее ранними способами добывания средств к существованию у славян были звероловство, ловля рыбы, сбор плодов и меда диких пчел. Позже стали обрабатывать землю. Земледелие современем стало главным занятием древних славян. Академик Б. Греков указывает, что о земледелии как хозяйственной основе древнеславянского общества, помимо памятников материальной культуры и других источников, свидетельствует славянский календарь, возникший еще в период родового строя, во время господства огневой подсечной системы земледелия. «Славяне делили время на отрезки, соответствующие чередованию сельскохозяйственных работ, и определяли эти отрезки по луне. Первый месяц — месяц, когда секут деревья для сжигания, — называется сечень; второй, когда срубленные деревья подсыхают — сухой; третий, когда сожженные деревья превращаются в золу, — березол; четвертый — травень; дальше идут: кветень, серпень, вресень (от врещи—молотить). Совершенно очевидно, в какой хозяйственной обстановке вырос этот календарь» (Б. Греков «Феодальные отношения в Киевском государстве», стр. 51—52. 1936).

Успешные занятия земледелием всецело зависели от таинственных сил природы (солнца, огня и воды, земли, гор, деревьев и т. д.), которым приносили жертвы. Древним славянам вся природа казалась одушевленной.

Древнейшей ступенью религии славян был, повидимому, аниматизм. Аниматизм еще не есть религия, это только примитивная форма мировоззрения первобытного человека, по которому вся природа наделена особой самостоятельной силой. Каждое отдельное явление природы человеку казалось сверх'естественным существом, требующим поклонения.

Энгельс указывает: «Религия возникла в самые первобытные времена из самых невежественных, темных, первобытных представлений людей о своей собственной и об окружающей их внешней природе» (Энгельс «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», стр. 48. 1939).

Вода, от которой зависело плодородие земли, занимала большое место в мифологии славян. Засуха губит посевы, вода дает им жизнь. Вечно движущаяся река, эта живая дорога, не только переносит человека из края в край на многие сотни верст, но и кормит его. Во время разливов река становится враждебной силой, которая может разрушить дом и все хозяйство. Чтобы умилостивить эту грозную силу, «священным» водам приносились жертвы: славяне бросали в реку венки, яства, монеты и т. д.

Тризна.

С рисунка В. Васнецова.

Солнце, этот могучий источник жизни на земле, от которого зависело благосостояние человека, пользовалось особым вниманием восточных славян. «Правильный инстинкт первобытного человека указал ему на ту важную роль, которую в нашей жизни играет солнце; человек угадал связь, существующую между появлением солнца на небосклоне и процветанием органической жизни на земле; он понял свою зависимость от климатических изменений, обусловливающихся действием солнца; впечатлительный как ребенок, он упал на колени перед источником жизни и наслаждения; он заговорил с ним своим языком, он думал умилостивить его мольбами и жертвами, а солнце обливало его попрежнему своим безучастным светом и согревало его так же бессознательно и непроизвольно, как согревало какую-нибудь полевую мышь или бесчувственный камень» (Д. И. Писарев. Т. II, стр. 361, 1909).

Огонь как проявление тайной силы природы был также предметом обоготворения славян. Он имел в глазах славян какую-то особую живительную и очистительную силу. Огонь считали посланником небесных богов, проявлением солнечного света на земле, способствующим очищению душ покойников. Современем он превратился в символ души предка. По мере разложения родового быта огонь под именем дедушки домового становится домашним богом—охранителем семьи и рода.

Таинственная мрачная тишина леса, или шум расходившейся бури, или весеннее пробуждение леса, оглашаемого пением только что прилетевших птиц,—все это вызывало поклонение славянина. Это свое поклонение славяне выражали в том, что вешали дары на ветви деревьев, клали их на камни или у корня старого дерева.

Если приносимые жертвы не достигали своей цели и силы природы продолжали действовать в невыгодном для человека направлении, например долго не было дождей или они были слишком обильны, то славяне пытались покорить эти силы словом, колдовством. Колдовству приписывалась большая сила. Не каждый человек обладал этой силой; существовали особые люди, волхвы, или кудесники, знавшие тайну колдовства. Они пользовались сильным влиянием у древних славян.

Славяне верили, что волхвы, или кудесники, умели вступать в общение с богами и духами, что они находились в таинственной связи с природой; им приписывалась способность превращать людей в различные предметы и самим менять свой образ, повелевать ветрами, дождями, бурями, производить засухи или нагонять на скот и людей болезни. В народной песне рассказывается, как кудесница Ма-

ринка превратила богатыря Добрыню в тура с золотыми рогами. В русских сказках, полных описаний «оборотней», очень ярко отразилось языческое мировоззрение народа.

Вера в «оборотней» живет, как известно, до сих пор среди многих народов.

2

С развитием производительных сил первобытно-общинный строй славян приблизительно в V—VI веках стал распадаться. Особенно большое влияние на общественные отношения оказал переход к плужному земледелию и распашке земли при помощи рабочего скота. Родовая община, распадаясь, перерастала в патриархальную семейную общину, из которой в дальнейшем образовалась сельская территориальная община. Энгельс по этому поводу в своей работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» замечает: «...с патриархальной семьей мы вступаем в область писанной истории и вместе с тем в ту область, где сравнительное правоведение может оказать нам значительную помощь. И действительно, оно привело здесь к значительному шагу вперед. Мы обязаны Максиму Ковалевскому... доказательством того, что патриархальная большая семья... какую мы теперь еще встречаем в Сербии и Болгарии под названием «задруга» (означает примерно содружество) или «братство» и в видоизмененной форме у восточных народов, явилась переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира... Юго-славянская задруга представляет собою наилучший живой образец такой семейной общины. Она охватывает несколько поколений потомков одного отца вместе с их женами, причем все они живут в одном дворе, сообща обрабатывают свои поля, питаются и одеваются из общих запасов и сообща владеют излишком дохода. Община находится под высшим управлением домохозяина...» (Партиздат. 1937, стр. 76—77).

В период распада родовой общины у славян, как и у других народов, начался процесс обобщения религиозных верований, началось отвлечение идеи от предмета и олицетворение этой идеи в духе божества. Славяне поклонялись теперь не самому предмету или явлению, но духу последнего.

Этот второй этап в развитии религиозных верований славян называется анимизмом. Сущность анимизма заключается в том, что человек начинает делить предметы и явления на две группы: явления материальные (телесные) и духовные.

На этом этапе древние славяне полагали, что душа есть не только у человека, но и у всякого животного, растения и даже у всякого предмета. Они считали окружавшую их природу одушевленной и наделяли ее человеческими свойствами. В этот период у них зародилось понятие о божестве, возник вопрос о происхождении вселенной, земли и о причинах замеченных ими в природе явлений.

«Уже с того весьма отдаленного времени, — говорит Энгельс, — когда люди, еще не имея никакого понятия о строении своего тела и не умея об'яснить сновидений, пришли к тому представлению, что их мышление и ощущения не есть деятельность их тела, а какого-то особого начала души, обитающей в этом теле и покидающей его при смерти, — уже с этого времени они должны были задумываться об отношении этой души к внешнему миру» (Ф. Энгельс «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», стр. 16—17. Партиздат. 1939).

Это указание Ф. Энгельса в полной мере относится и к религии славян.

В период анимизма появилась вера в таких духов, которые уже не связаны с определенными предметами окружающей природы, а существуют независимо от них, сами по себе.

Так как религия славян состояла в поклонении различным явлениям природы, то всякая перемена времени года тщательно отмечалась ими и сопровождалась особыми праздничными обрядами.

Вообще в земледельческой религии славян главное место занимали народные обряды, которые были связаны с различными моментами земледельческого производства. Народные обряды сложились в целый календарный цикл и распределялись на весь год.

Цикл славянских празднеств обычно начинался зимой, в конце декабря, во время зимнего солнцестояния, когда начинает прибывать день. Древним славянам-земледельцам казалось, что солнце, дающее свет и тепло для всей живой природы, как бы рождалось вновь.

Не зная истинной причины смены времен года, славянин-язычник об'яснял себе ее анимистически: у Даждьбога, бога света и тепла, есть враг — бог тьмы и холода; между обоими богами происходит борьба, в которой периодически одерживает верх то один бог, то другой. В этой борьбе особенное внимание славянина-язычника привлекали два основных момента: зимнее солнцестояние и летнее солнцестояние. Зимнее солнцестояние бы-

Колядки на Украине.

С картины худ. К. Трутовского.

ло моментом наивысшего торжества бога мрака, холода, зла. Летнее солнцестояние — это момент наивысшего развития сил Даждьбога, его торжество над богом тьмы.

Рождение Даждьбога и момент наивысшего развития его творческих сил отмечались рядом праздников, сопровождавшихся обрядами, заклинаниями, играми и песнями.

К этому времени относится древнеславянский праздник, называемый Колядой. Другое название этого праздества было овсянь, таусень, или усень.

Коляда — первый зимний праздник в честь Даждьбога, отмечающий и начало года, когда после долгих ночей начинает прибывать день. Празднование сопровождалось обрядами, играми и гаданиями, которые распадались на 2 части: 1) похороны зимы и 2) рождение солнца.

В народном творчестве об этом празднике сохранилось много данных. Этот праздник, как известно, описан Гоголем (см. «Ночь под Рождество»), который, создавая свои произведения, часто обращался к фольклору.

Профессор Н. М. Никольский пишет: «Цель зимнего обрядного цикла как нельзя лучше выражена в белорусском магическо-драматическом обряде рождественской коляды.

Хозяин берет горшок с кутьей, обходит с ним три раза кругом двора и три раза стучит в окно. Хозяйка спрашивает: «кто там стукае?» — на что хозяин отвечает: «сам бот стукае с цеплою мокрою весною, с горячим не бурливым летом, с сухою и корыстною (прибыльной) осенью»; хозяйка в ответ: «просим же до хаты». Другими словами, обряд хочет обеспечить благоприятный хозяйственный год для земледельца» (Н. М. Никольский «История русской церкви», стр. 29. Изд. «Атеист». 1930).

Когда зима проходит и начинает чувствоваться первое дыхание весны и весенние лучи солнца пробуждают природу от зимнего оцепенения, у земледельца появляются новые надежды и заботы.

У славян существовали весенние праздники, справлявшиеся перед началом сельскохозяйственных работ. Славяне приносили в честь богов и духов предков жертвы, подарки, производили различные заклинания для того, чтобы боги обеспечили хороший урожай, приплод скота и т. п.

Обряды, посвященные встрече весны, были самыми богатыми и разнообразными. Круговое движение — хороводы, которые водились на этих празднествах,—должно было знаменовать возраставшую силу солнца, появление растительности и распускание деревьев.

Источник всех сил, действующих на земле, источник всякой деятельности, проявляющейся на нашей планете, заклю-

чается в лучах солнца. Вот почему славянин-язычник с громадной радостью и надеждой на будущее ежегодно встречал рождение солнца, время, когда начинали прибавляться дни и солнце согревало его кормилицу — мать сырую землю.

Одно из самых обыкновенных явлений природы — таяние снега и льда весной — народная фантазия представляла в замечательно поэтическом образе, который лег в основу «Снегурочки».

К этому времени года относится празднование русалий, «русальной недели», посвященной чествованию деревьев, трав, цветов и соединенному с ним представлению о русалках.

Русалки считались девами плодоносной природы, главным образом жизненной влаги, и покровительницами растительности. Русалками оборачивались души умерших женщин и детей, погибших преждевременно, главным образом неестественной смертью, особенно утопленниц.

Славяне полагали, что русалки живут в реках, озерах и болотах, но весной лунной ночью выходят из воды. Они бегают по полям и рощам, качаются на деревьях, расчесывают свои длинные зеленые волосы, играют в тростниках, пляшут на лугах. Своим пленительным пением и чарами они старались заманить человека в воду, чтобы защекотать его до смерти.

Случаи смерти в воде славяне приписывали действиям русалок. Поэтому над гробом утонувших детей родители причитали:

«Русалка-царица,
Красная девица!
Не загуби душки,
Не дай удавиться!
А мы тебе кланяемся».

Чтобы угодить русалкам, крестьяне во время празднеств развешивали в лесу по деревьям куски ткани, украшали свои жилища деревьями и цветами. «Очевидно, — говорит проф. Н. М. Никольский, — это были обряды привлечения и увеселения духов; цель заключалась в том, чтобы русалок, т. е. мертвых, заманить в колосящуюся рожь и обеспечить с их помощью ее рост и налив. Обрывок древних заклинаний сохранился в белорусской русальной песне:

«Приведу русалок
В зеленое жито.
Там русалки в жите
Зеленом сидели.
А мой колосочек,
Як яворочек,
А мои житинки,
Як проскурочки:
В печке пирожком,
На столе калачом».

(там же, стр. 38).

В июне, когда творящая сила солнца достигала наибольшего напряжения, а светлые теплые продолжительные дни вызывали в природе усиленную деятельность, когда дозревала рожь и приближалась пора жатвы, происходили празднества и обряды в честь Купалы и Ярилы. Этот праздник летнего солнцестояния имел, как и Коляда, два смысла, по противоположных: 1) обоготворение наивысшего развития производительных сил природы и 2) похороны лета.

Купала, бог вод в первоначальном своем значении, становится богом обилия и урожая. Это влечет за собой обычай собирать травы в летний праздник солнца и приписывать им чудодейственную силу.

Но солнце сильно влияет не только на все существующее, но также и на воду — отсюда вера в целительность купания во время летнего солнцестояния. Поэтому на заре в день Купалы славяне имели обычай купаться, чтобы встретить в чистоте восходящее светило — божество. Девушки заплетали венки и бросали их в воду. В этот день, совершая обряд, скатывали зажженное колесо под горку, — видимо, как знак уходящего на зиму солнца.

Составитель Густынской летописи принимал Купалу за бога земного плодородия: «Купало, якоже мню, бяше бог обилия, якоже у еллин Церес, ему же безумные за обилие благодарение приносят в то время, когда имяше настати жатва... с вечера собираются простая челядь обоего полу и сплетают себе венцы из ядомого зелия или корения и препоясавшеся былием возгнетают огнь; потом оный огнь прескают».

Ярило изображался сначала ввиде коня или конской головы, потом ввиде красивого молодого всадника и, наконец, прекрасным юношей, дающим растительную силу хлебам, травам и деревьям. «Любезного бога чествовали, носили процессией, пели во хвалу его песни и в заключение с причитаниями, плачем и завыванием хоронили. В ярилиных игрищах воспроизводится в драматической, хотя, разумеется, более первобытно-деревенской форме, чем в древней Греции, та же самая идея кончины представителя весеннего плодородия, возвратившего всю природу к новой жизни после зимнего сна, а затем с наступлением высшего солнцестояния, удаляющегося, умирающего, уступая место возвращающейся зиме» (А. С. Фаминцын «Божества древних славян», стр. 222).

Погребение Ярилы в некоторых местах состояло в том, что старик в лохмотьях нес в небольшом гробике куклу, представляющую мужчину с естественными его принадлежностями. Гробик провожали до могилы, где заколачивали его с разными

причитаниями. Видимо, этот обряд был не чем иным, как магическим вызыванием усиленной производительности земли, в которую хоронится мужское оплодотворяющее начало.

Обоим этим божествам: Купале и Яриле — в начале жатвы приносились жертвы.

Более ясным рисовались славянину образы домового, лешего и водяного. В честь их совершались особые жертвоприношения.

Домовой считался духом домашнего очага, или домашним богом, предком — покровителем семьи. В этом образе олицетворялись жизнь дома и совокупность всех желаний и стремлений хозяина.

Славяне считали, что у каждой семьи был свой домовой — главный хозяин дома; лошадь или другую скотину, которую полюбит, холит и откармливает, а что не пришлось по сердцу (или, как говорил народ, «не пришлось ко двору»), задушит или заездит.

Домовой представлялся ввиде мохнатого, обросшего мягкой шерстью старика, живущего под печкой, т. е. под очагом, составлявшим главную часть древнего жилища. Отсюда ясно, что домовой в некотором смысле представлял домашний огонь, очаг.

Славянин, переезжая в другую избу, совершал особый обряд, чтобы заставить домового переселиться в новое жилище. Обычно хозяйка в последний раз топила печку в старом жилище, затем горящие угли переносила в новую печку со словами: «Милости просим, дедушка, на новое жилье». Таким образом происходило водворение домового в новое жилище.

В образе лешего олицетворялись жизнь леса и преклонение славян перед ним.

Леший представлялся в образе мохнатого старика. Волосы у него на голове и бороде длинные, косматые, он остроголовый.

Люди думали, что всякий лесной зверь и всякая лесная птица находятся под его покровительством. Леший считался покровителем охоты. Охотники приносили ему жертвы.

Леший слыл существом злым и коварным, любившим сбить с дороги путника и завести в непроходимые трущобы и болота. Если ему это удавалось, он заливался злобным громким хохотом.

Водяной воплощал в себе жизнь воды и водяную стихию. Он представлялся в образе косматого старика, с бородой по колени. Днем он сидел на дне рек, озер и болот, а вечером начиналась его жизнь. Он производил бури, топил людей и скот. Рыбаки приносили ему жертвы. Перед уловом они топили лошадь и приговаривали: «На тебе, дедушка, гостинец, люби да жалуй нашу семью».

В эпических сказаниях русского народа встречаются живые олицетворения рек и озер. Особенно показательны былины о новгородском купце Садко.

Кроме духов предметов и явлений природы: русалок, леших, водяных — в представлении людей существовали и другие духи: житный дед, полевик. Из духов родовой религии — чур, лель, ладо и пр. Из вредных человеку демонов надо отметить упырей, вампиров, волканов, злыдней. Впоследствии они претерпели метаморфозу и стали всякого рода чертями и ведьмами.

3

По мере дальнейшего развития земледелия у славян на первый план начинает выступать поклонение духам земли и солнца, от которых зависел урожай.

Поклонение духам лесов и вод отступает на задний план.

В этот период у славян начинает складываться политеистическая форма религиозных воззрений. Их фантазия приводит к представлению, что над мелкими духами господствуют боги стихии.

Самыми могучими из этих богов считались бог неба — Сварог, солнца — Даждьбог, грома и молнии — Перун, ветра — Стрибог, бог плодородия, покровительствующий скотоводству, — Волос, или Велес.

Особенно полно представлен бог солнца. Он носил различные названия и представлялся в различных видах. Солнце в одно и то же время называлось «Сварожичем», т. е. сыном Сварога, и «Даждьбогом».

Появление политеистической формы религиозных воззрений относится к периоду появления и развития частной собственности и складывания в классы феодального общества. Родовой строй, разлагаясь, уступает место классовому обществу, основанному на экономическом неравенстве. В области религии это получает отражение в создании пантеона богов господствующих классов. Перун, Даждьбог, Хорс, Велес и т. д. — божества крупных землевладельцев, княжеской дружины, а не боги широких народных масс. Народная религия остается на прежнем уровне анимистических верований.

Сварог, вероятно, был верховным божеством славян и олицетворял собой небо,

блеск, свет. Его можно считать родоначальником светлых богов — Даждьбога и Перуна.

Перун — бог грома и молнии, властитель стихий, главное и старейшее божество славян. В весенней грозе славяне видели источник жизни, начало мирового творчества.

По верованию славян, Перун в теплые весенние дни являлся со своими молниями и метал огненные стрелы в злых духов. Он лил обильные дожди, пробуждая к жизни природу и как бы вновь создавая мир. Славяне считали Перуна и карающим божеством.

Перун изображался наподобие человека, у которого в руках был многоцветный камень, словно огонь. Ему приносились жертвы при заключении военных и торговых договоров. Во многих городах были воздвигнуты изображения этого бога, особенно многочисленны они были в Киеве и Новгороде. Так например в Киеве, на холме, стоял идол Перуна, перед которым Игорь в 945 году приносил клятву в соблюдении заключенного с греками договора. Князь Владимир в 980 году поставил деревянного Перуна с серебряной головой, а усы и уши золотые, ноги железные. Перед ним горел неугасимый огонь. Перед Перуном совершались некоторые обряды и приносились требы, т. е. жертвы.

Даждьбог — бог солнца и изобилия, сын бога неба — Сварога, — был предметом особого почитания славян.

Славяне верили, что Даждьбог живет на небе в золотом дворце и стоит ему лишь выглянуть из окошка своего дворца, и тучи немедленно рассеются. В «Слове о полку Игореве» русские называются внуками Даждьбога.

Другим его названием было Хорс, упоминаемое также в «Слове». О Всеславе, князе полоцком, говорится:

«Всеслав-князь
Людей судил,
Князьям города рядил,
А сам в ночи
Волком рыскал;
Из Киева дорыскивал
В Тмутаркань —
До петухов:
Великому Хорсу
Волком
Путь перерыскивал»:

Это должно означать, что князь просыпался задолго до восхода солнца.

Летом, когда наступали самые долгие дни, славяне в честь Даждьбога устраивали большой праздник с пением и музыкой и топили девушку. Позднее стали топить куклу.

Велес, или Волос, — это «скотий бог», бог облаков, туч, «небесных» стад, но он же покровитель стад земных, пастухов и земледелия. Его считали также покровителем певцов. Изображался с воловьей головой. По всей вероятности, Велес был также одним из названий солнца, но так как скотоводство было одним из главных богатств славян, в их религии появился бог скотоводства.

В «Слове о полку Игореве» певец Боян называется «Велесовым внуком»:

«О вещий Боян,
О Велесов внук».

Стрибог считался божеством ветра и холода, а также бури, вихря и вьюги. В «Слове о полку Игореве» ветры называются «внуками Стрибога»:

«И ветры,
Стрибожьи внуки,
Стрелами с моря веют
На храбрые полки
Игоревы».

Земледельческий труд народом опоэтизирован в сказаниях и былинах. В образе богатыря-пахаря Микулы русский народ олицетворял мощь земледельческого труда. В былине «Вольга и Микула», передаваемой в разных вариантах, крестьянский труд противопоставлен силе дружинников. Особенно замечателен эпизод с сохой, которую не в силах поднять целая дружина Вольги, но легко поднимает Микула Селянинович. В былине «Святогор и тяга земная» богатырь Святогор погибает лишь потому, что решил потягаться силой с силой земли.

Хроника Дитмара говорит, что «славяне при утверждении мирных договоров подавали пучок сорванной травы или клок обрезанных волос; трава, как волосы матери земли, и волосы, как метафора травы, употреблялись здесь как символические знамения богини в удостоверение того, что мир будет соблюден свято и границы чужих владений останутся неприкосновенными».

У восточных славян дофеодального периода отсутствовала единая религия: у каждого рода и племени были свои, местные боги, и поклонялись им по-разному. Верования были так же примитивны, как и весь уклад жизни племени.

К концу X века, когда шло складывание феодальных отношений на Руси, племенная знать — киевские князья и их дружинники — пыталась приспособить племенную религию к новым социальным отношениям. Но их попытки об'единить разные языческие верования в одну религию не дали результатов. Языческая вера с ее множеством богов не могла быть при-

способлена к требованиям классового общества.

В 998 году киевский князь Владимир вместе с дружинниками принял христианство и женился на сестре византийского императора. Владимир считал, что принятие христианства и родство с императором Византии еще более укрепят его княжескую власть. Тогда же он решил обратить в христианство всех своих подданных. Христианская церковь укрепляла в населении мысль о божественном происхождении власти. Распространение христианства в Киевской Руси ускорило процесс ликвидации остатков родового строя, в значительной степени способствовало развитию феодальных отношений в Приднепровье. Феодализм, как новая система хозяйства, был, несомненно, более прогрессивным строем по сравнению с разлагавшимся родовым; христианство по сравнению с язычеством было также шагом вперед в развитии Руси. Вместе с христианством среди славян распространялась греческая культура и образованность.

Христианизация произошла не сразу, а растянулась на ряд десятилетий. Хотя официально славяне назывались уже христианами, но в условиях их материальной жизни произошло сравнительно мало изменений, поэтому главного в земледельческой религии славян христианство не в состоянии было вытеснить.

Масса населения оставалась языческой еще в XI веке и продолжала верить в Перуна, леших, водяных и домовых. Изменения в верованиях происходили, но медленно, причем новые религиозные представления и образы лишь внешне замещали древних, исконных богов.

Роль языческого бога Перуна перешла к пророку Илье, место прежнего «житного деда» занял Николай-чудотворец, а покровитель стад святой Власий тесно сплетался в древнем народном сознании с образом бога Велеса (Волоса). В народе долго сохранялось такое обращение: «Святый Власий, дай счастье на гладких телушек, на толстых бычков, чтоб со двора шли — играли, а с поля шли — скакали».

Прежние обрядовые традиции оказались весьма живучи в сознании славян, в их языке, в их быту, многие из них неразрывно переплетались с христианскими обрядами и праздниками. Празднование «рождества христова», например, сохраняло остатки прежнего земледельческого праздника в честь бога солнца и плодородия; сохранялась вера в колдовство. В царской России были широко распространены такие «святочные», языческие по происхождению обычаи, как гадание, ряжение; сохранялся обычай в «вербное воскресенье» запастись зацветающей вербой, которая, по верованию славян, должна отгонять злых духов и производимые ими болезни, и, ударяя вербой, приговаривать: «Здоровье в хате, хвороба — в лес».

Главный весенний древнеславянский праздник сопровождался обильными жертвоприношениями богам-предкам, совершавшимися на могилах умерших родичей. Элементы этих языческих обычаев также сохранились в обычаях, связанных с пасхой. В дни пасхи и «красной горки» происходили «разговенье» и «поминовение родителей»; родственники умерших приходили на кладбище и раскладывали на могиле всякую праздничную снедь и поливали могилы медом и водой.

В «троицу», седьмой день языческой «русальной недели», справлявшейся древними славянами в честь весеннего цветения природы, каждая христианская церковь украшалась зеленью, а молящиеся стояли с живыми цветами в руках. В совсем недавние годы (а кое-где и теперь) в четверг перед «троицыным днем» молодежь отправлялась в лес «завивать венки» из берез, девушки гурьбой отправлялись в лес, где ставили под зеленой березкой яичницу и пироги и пели песни, сложенные в незапамятные времена:

«Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые».

Явным отголоском древних поверий являлась вера в способность кукушки предсказывать человеку, сколько лет ему осталось жить, или обычай выпекать хлебных «жаворонков». Те же отголоски слышны были в таких поговорках: «Мельтешится, что водяной у мельницы», «В тихом омуте черти водятся». Долго сохранялась вера в чудесные свойства некоторых трав (обычай собирать травы в день Ивана-Купалы и купаться в этот день, так как это купанье якобы «убивает засуху» и «очищает от всякой заразы»).

Примеров таких языческих пережитков в христианских обычаях можно привести много. Попы, монахи, князья, бояре свирепо боролись против этих пережитков, а ко многим из них, наоборот, приспосабливались, освящали их, включали в христианские обряды, стремясь быстрее и глубже внедрить «правую веру» в быт наших предков.

А. Манусевич

История захвата Бессарабии Румынией

В начале 1918 года Румыния с согласия своих хозяев — держав Антанты — вопреки воле народа, вопреки праву и взятым на себя обязательствам захватила часть территории Советской страны — Бессарабию. Громкими фразами о справедливости, о международном праве, о верности обязательствам румынские искатели наживы пытались прикрыть акт грубой агрессии. Но весь этот оглушительный звон выдавал неуверенность захватчиков в правоте и прочности своего дела.

«Говорят о международном праве, о международных обязательствах,— сказал товарищ Сталин.— Но на основании какого международного права отсекли господа «союзники» от СССР Бессарабию и отдали ее в рабство румынским боярам?» (И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 359. 10-е изд.).

Теперь, когда действительное право и справедливость восторжествовали, когда Бессарабия вновь воссоединилась со всей советской землей, естественно, возрастает интерес к вопросу о том, как и при каких условиях смог произойти захват Бессарабии Румынией.

1

Румынские правящие круги издавна лелеяли мечту о распространении своего господства на богатую Бессарабию. В течение многих лет и даже десятилетий румынская печать и официальная наука развивали «теорию» о том, что извечное тяготение Бессарабии к России и более чем вековое вхождение ее в состав Российского государства противоречат исторической справедливости, которая якобы состоит в том, чтобы передать Бессарабию Румынии. Особенно развязно и громко румынское боярство пред'являло свои претензии на Бессарабию в периоды кризисов, временно ослаблявших Россию и лишавших ее возможности сопротивляться захватчикам.

Так, в 1859 году, по окончании неудачной для России Крымской войны, только что создавшаяся Румыния при прямой поддержке и по указанию Англии и Франции включила в свой состав южную часть Бессарабии, прилегающую к Дунаю (уезды Измаильский, Кагульский и Болградский). Передавая эти уезды Румынии, Англия и Франция стремились отдалить Россию от устья Дуная и максимально ослабить ее влияние на Балканах. Правда, после русско-турецкой войны 1877—1878 годов, полностью восстановившей положение России на Черном море, Румыния вынуждена была возвратить России захваченные ею части Бессарабии. Но мечты о захвате последней боярская Румыния не оставляла ни на час, нетерпеливо выжидая другого удобного момента. Такой удобный момент настал в период империалистической войны. Чрезвычайно благоприятствовало осуществлению захватнических планов Румынии то, что обе воюющие стороны были исключительно заинтересованы как в привлечении на свою сторону свежих сил, так и в закрытии для противников рынков сбыта и сырья в нейтральных европейских государствах.

Румыния долго колебалась в выборе ориентации, выжидая перевеса одной из воюющих сторон и надеясь обеспечить свое вступление в войну наибольшими гарантиями и обязательствами со стороны того или другого лагеря. В конечном счете ценой обещания территорий Трансильвании, Баната и Буковины Антанта побудила Румынию вступить 27 августа 1916 года в войну против Четверного союза. Англо-французские империалисты не обманывались насчет сил и боеспособности Румынии, стремились в первую очередь с помощью румынских армий добиться временного ослабления германского нажима на Западном фронте.

Русское командование, отдавая себе отчет в том, что, кроме кратковременного и преходящего эффекта, вступление Румынии в войну ничего дать не может, что оно неминуемо закончится разгромом румынской армии, противилось политике втягивания Румынии в войну. Опасения русского командования полностью оправдались: в двух сражениях—у Германштадта (26—29 сентября 1916 года) и у Кронштадта (7—9 октября) — румынская армия потерпела полное поражение. Австро-германские войска проникли в страну и 6 декабря 1916 года без боя заняли столицу государства—Бухарест. Румынское правительство позорно бежало к самой русской границе, в город Яссы, и русской армии пришлось взять

на себя прикрытие почти 600-километрового румынского фронта.

На румынском фронте с течением времени сосредоточились три русские армии (9, 4 и 6), примерно несколько меньше одной четверти всех вооруженных сил России. Только опираясь на русские силы, румынское правительство сохранило незначительную часть территории и остатки власти.

Казалось бы, то незавидное положение, в котором оказалась Румыния, втянутая в борьбу великих держав, должно было отрезвить румынское правительство и отбить у него апетит к агрессии. Но беспринципные и продажные румынские бояре умели извлекать выгоду даже из факта своего полного и абсолютного бессилия. После Февральской буржуазно-демократической революции в России румынские правители настойчивее чем когда бы то ни было стали домогаться «компенсации» за счет России, шантажируя своих союзников и недвусмысленно угрожая им выходом из войны и возможным переходом в лагерь противника.

Одновременно румынские агенты Халиппа, Инкулец, Ерхан и другие развернули усиленную подрывную деятельность в Бессарабии. При деятельном участии Инкулеца, которого правительство Керенского назначило помощником губернского комиссара, румынские шпионы сколотили особый «военно-молдавский союз», а 20 октября 1917 года даже созвали в Кишиневе «военно-молдавский конгресс», являвшийся кучкой никем не избранных темных дельцов и специально прибывших в Бессарабию румынских агентов. Этот «конгресс» принял решение о создании бессарабского краевого совета (Сфатул-Церия) и выделил для этой цели специальное организационное бюро.

Конечно, столь откровенно развертывавшаяся подрывная деятельность румынских агентов в Бессарабии могла иметь место лишь потому, что она встретила поддержку и сочувствие некоторых местных элементов. Бессарабские буржуазно-помещичьи круги, а также церковники, со страхом и трепетом следившие за неудержимым нарастанием социалистической революции в России, решительно предпочитали румынское господство власти Советов.

Что касается командования русской армии, то оно, естественно, усматривало в боярской Румынии союзника против русских рабочих и крестьян и соглашалось уступить румынским боярам Бессарабию и другие земли в уплату за румынскую помощь против русской революции. Различные украинские националисты, подвизавшиеся на югозападе России, также не смели перечить румынским правителям, понимая, что в их лице они при определенных условиях найдут деятельных сотрудников в борьбе за сохранение буржуазно-помещичьего строя.

Так к моменту Октябрьской социалистической революции сложился союз русско-украинских и бессарабских контрреволюционеров с румынскими боярами и капиталистами. Этот союз, направленный против социалистической революции, опирался на поддержку антантовских империалистов.

2

Великая Октябрьская социалистическая революция грозным эхом отозвалась в Румынии и на Румынском фронте. Солдаты русских воинских частей, заражая своим примером румынских солдат и трудящихся, сбрасывали власть контрреволюционного офицерства, избирали свои комитеты, выражали полную солидарность с решениями II Всероссийского с'езда советов и готовность бороться и умереть за их осуществление.

Влияние большевиков в русских войсках росло со дня на день и постепенно охватывало румынских солдат и трудящихся. Деятельность большевиков особенно усилилась с приездом назначенного советским правительством комиссара румынского фронта тов. Рошаля. Фронтовой комитет вскоре стал большевистским; он переехал из Ясс, где русских частей не было, на станцию Соколы — крупный железнодорожный узел, важный стратегический пункт.

Рабочие и крестьяне Румынии самым внимательным образом прислушивались к событиям за Прутом и подымались на борьбу со своими капиталистами и помещиками, следуя примеру русских рабочих и крестьян.

Революционное движение охватило всю неоккупированную румынскую территорию. «Огонь перекинулся на Румынию», — писал Ленин.

В стремлении затушить пожар революции и сохранить свою власть об'единились румынские господствующие классы, русские белогвардейцы, украинские, молдавские и другие националисты. Они принялись разоружать революционные части русской армии, расстреливать солдат-активистов, захватывать склады, базы, питательные пункты и т. д.

Особенно активную поддержку югозападная контрреволюция получила со стороны французских империалистов. В планы последних входило не только стремление любой ценой помешать выходу России из вой-

ны и тем самым поставить советскую власть под удар кайзеровских армий, но и овладение господствующими позициями на юге России. Тотчас после установления власти Советов в России империалисты Антанты поспешили договориться между собой о борьбе с социалистической революцией и дележе России на зоны влияния. Этот дележ России нашел свое дипломатическое выражение в известных англо-французских соглашениях, подписанных 23 декабря 1917 года и предусматривавших превращение во «французскую зону» всего юга России, к западу от Дона и Царицына. Следовательно, наряду с другими землями Бессарабии была предназначена печальная участь стать французской колонией. Для того чтобы проложить себе дорогу на юг России и наложить руку на северное Причерноморье, Франция использовала и активно поддерживала силы юго-западной контрреволюции в их борьбе против Советской России. Франция была заинтересована поэтому в укреплении «дружбы» между Румынией и Антантой, в создании условий, благоприятствовавших развязыванию сил контрреволюции на юго-западе России. Следовательно, в интересах Франции было и быстрейшее прекращение военных действий между Румынией и Германией, ибо оно создавало возможность использования румынских войск против Страны советов.

Командование русскими войсками Румынского фронта, возглавляемое генералом Щербачевым, всецело находилось на стороне Антанты и готово было любым способом служить ей в борьбе с русской революцией. В первые же дни Октября Поклевский Козелл, посланник царского, а затем Временного правительства в Румынии, телеграфировал в Ставку, что в Яссах выработан «план образования из войск здешнего фронта отборной воинской части, которая могла бы быть послана на помощь Временному правительству и служила бы для поддержания порядка на фронте и в тылу» (Бюллетень общеармейского комитета при Ставке, № 4 от 31 октября (старого стиля) 1917 года. Могилев).

На формирование русской добровольческой ударной части французская и другие военные миссии в Румынии отпустили до 5 миллионов рублей. Во главе формирования был поставлен стяжавший впоследствии жуткую славу полковник Дроздовский. Но ожидания белогвардейцев и союзников не оправдались: в добровольческую часть вступило менее 2½ тысяч человек.

Одновременно с созданием отборных контрреволюционных частей предполагалось сделать генерала Щербачева главнокомандующим всей русской армией. В свое время велись об этом переговоры с Духониным, и некоторые французские газеты уже поспешили оповестить о том, что Духонин передал исполнение своих функций Щербачеву. Разгром контрреволюционной Ставки в Могилеве и убийство Духонина солдатами воспрепятствовали осуществлению этой комбинации и послужили предостережением ее инициаторам. Это же событие положило конец колебаниям в Яссах. Чтобы не доводить дело до взрыва солдатского гнева, генерал Щербачев в ночь на 4 декабря с согласия румынского правительства и союзнических представителей предложил командованию неприятельских армий вступить в переговоры о перемирии. 9 декабря в Фокшанах было подписано соглашение о перемирии на румынском фронте.

К этому времени агентура румынских бояр инсценировала созыв Сфатул-Церия. И хотя яркой иллюстрацией ничтожности румынского влияния на население Бессарабии служил исход выборов в российское Учредительное собрание, во время которых из 600 тысяч человек, принимавших участие в голосовании по всей Бессарабии, лишь 14 тысяч отдало свои голоса «молдавской национальной партии» Инкулеца—Халиппы, румынские агенты, нимало не смущаясь, 21 ноября 1917 года поспешили открыть Сфатул-Церий.

Маскируясь революционными фразами, этот подтасованный и бутафорский парламент 2 декабря 1917 года провозгласил Бессарабию Молдавской демократической республикой, входящей в состав РСФСР. Но одновременно с этим под руководством румынского контрразведчика прапорщика Криггана было приступлено к созданию «национальных» вооруженных сил, которые, как уверял некий французский «ученый» Антонис Бабель, апологет аннексий и насилий, имели своей задачей остановить «бандитствующих русских солдат».

3

Заключение перемирия на Румынском фронте, сохранив живую силу румынской и части русской армии, находившейся под командованием контрреволюционных генералов, по сути дела сводилось к повороту фронта против Советской России. Поэтому перемирие на Румынском фронте не вызвало возражений Антанты, крайне враждебно встретившей известие о перемирии между Россией и Германией. Кроме того румынское правительство довольно прозрачно давало понять, что в случае противодействия его намерению выйти из войны и тем самым предотвратить полный и окончательный военный разгром Румынии и революцию внутри страны оно не без выгоды для

себя переметнется на сторону противника и тем окончательно спутает союзнические карты на юге России. Так, во второй половине ноября одесские газеты облетело сообщение о том, что между Румынией с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией — с другой, ведутся переговоры, сводящиеся к тому, что Румыния в обмен на предоставление ей Бессарабии и всей Южной России до Днепра вступит в союз с центральными державами и поддержит наступление австрийцев на Киев. Из Ясс поспешили категорически опровергнуть это сообщение, но заключавшийся в нем намек был слишком ясен, и французский президент Пуанкаре в гласной телеграмме румынскому королю заверил его в полной готовности Франции считаться с румынскими интересами. Это означало согласие Франции на захват Румынией Бессарабии. Хотя тем самым существенно уменьшалась предназначавшаяся для французов доля в дележе России, так называемая «французская зона», но зато создавалась возможность с помощью удовлетворенной Румынии тем легче овладеть остальной частью этой доли.

Французские проекты использования Румынии усиленно разрабатывала влиятельная газета «Le Matin», которая в одной из статей после сумбурного и довольно неверного описания прилегающей к Румынии с Востока «этнографической среды» развивала такой план: «Разве невозможно заставить русские предприятия Одессы и Крыма работать на румынскую армию?.. Железные дороги этого района не могут ли быть взяты под союзнический контроль?.. Нельзя ли на берегу Черного моря реконструировать ядро сопротивления?..

Вопросы эти просты. Французским офицерам, восстанавливавшим румынскую армию, предстоит дать на них ответ».

Ответ, которого добивалась «Le Matin», не заставил себя долго ждать.

Для успеха белогвардейско-румынско-французских замыслов было необходимо истребление руководящего большевистского состава румынского фронтового комитета (военно-революционного комитета), который, несомненно, поднял бы голос протеста и увлек бы за собой русские воинские части, как только стало бы ясным намерение контрреволюционного командования направить их в наступление на Советскую Россию.

Под благовидным предлогом «ликвидации недоразумений» Щербачев коварно заманил фронтовой комитет из Сокола в Яссы и во время совещания 19 декабря 1917 года арестовал тов. Рошаля и других членов комитета. Тов. Рошаль был выдан румынским властям и ими замучен.

Одновременно по всему фронту начались аресты и расстрелы выборного командного состава и разоружение революционных частей. Штабы были захвачены действовавшими в полном контакте русскими белогвардейцами и войсками Украинской Рады. В то же время некоторые румынские части перешли русскую границу и оккупировали местечко Леово.

Французские представители играли в этих событиях роль не только инсценировщиков, но и непосредственных оперативных руководителей. Об их активной помощи белорумынам рассказывал сын генерала Щербачева, служивший адъютантом при своем отце. После того как генерал Щербачев захватил Рошаля, пишет молодой Щербачев, к генералу «было прикомандировано 4 французских офицера и автомобиль. Ночью же к папе прибыл начальник штаба генерал Бертелло, полковник Петен, было командировано два офицера французского генерального штаба, говорящие по-русски. Тем временем в Соколы был послан румынский полк для полной ликвидации там большевизма и для выселения оттуда большевиков за пределы Румынии...» («Летопись революции» № 1 (10) за январь—февраль 1925 года, стр. 108). К утру 22 декабря «все более или менее уладилось при помощи союзников, которые сейчас же выразили полную готовность помогать папе...» (там же).

Событиями 19—22 декабря начались планомерные военные действия Румынии против Советской России.

4

Отсутствие нормальной связи с югом России привело к тому, что Советское правительство получило достаточно исчерпывающие сведения о белорумынском нападении только 28 декабря. На следующий день НКИД обратился в румынское посольство с нотой, излагавшей сведения, поступившие из Бессарабии, и требовавшей сообщить «в течение сегодняшнего дня все, что известно румынскому посольству по этому поводу, а равно, какие меры приняло румынское правительство до настоящего дня для того, чтобы наказать преступные элементы из румынского офицерства и румынской бюрократии, осмелившиеся поднять руку на российскую революцию. Мы считаем необходимым здесь же предупредить румынское посольство,— говорилось далее в ноте,— что на территории российской революции мы не потерпим более никаких репрессий не только против русских, но и против румынских революционеров и социалистов. Всякий румынский солдат, рабочий и крестьль-

янин найдет поддержку русской советской власти против произвола реакционной румынской бюрократии. Вместе с тем мы считаем нужным через ваше посольство поставить на вид всем румынским властям, что советская власть не остановится перед самыми суровыми мерами против контрреволюционных румынских заговорщиков, сообщников Каледина, Щербачева и Рады, совершенно независимо от того, какие посты занимают эти заговорщики в румынской иерархии» («Известия ВЦИК» от 19 декабря (старого стиля) 1917 года).

Несомненно, румынское посольство в Петрограде было осведомлено лучше чем Советское правительство как о событиях в Бессарабии, так и о ясских планах. Между Диаманти, румынским посланником в России, и румынской военной миссией, обосновавшейся под покровительством Украинской Рады в Киеве и оттуда поддерживавшей постоянную связь с Яссами, происходил непрерывный обмен информацией. Исключительно тесные отношения существовали у Диаманти с союзническими представителями в Петрограде. С их помощью, предугадывая дальнейший ход событий, Диаманти попытался увезти хранившийся в Москве румынский золотой фонд. Для осуществления этой операции в распоряжение Диаманти были предоставлены прибывшие из Могилева агенты Интеллидженс-сервис — полковник Бойль и капитан Хилл. Воспользовавшись доверчивостью ряда советских людей, эти английские контрразведчики обманным путем сумели добиться выдачи им части румынского фонда и доставить его из Москвы в Яссы. За услуги, оказанные ими румынской олигархии, Бойль и Хилл получили румынские ордена. Заблаговременный увоз румынского фонда лишний раз подчеркивает сугубую планомерность в действиях Румынии и абсолютную согласованность этих действий с англо-французскими кругами.

В ответной ноте Наркоминделу румынское посольство писало, что ввиду своевременно принятых румынскими властями мер события, о которых говорилось в советской ноте, не получили дальнейшего развития. Выражая сожаление о происшедшем, румынское посольство обращало внимание на поведение русских войск в Румынии и, не отрицая связей Румынии с Радой и Калединым, об'ясняло их продовольственными претензиями Румынии к югу России. НКИД счел необходимым заявить о неудовлетворительном характере румынского ответа.

В то время как в Петрограде происходил обмен нотами между Советским правительством и румынским посольством, в Одессе, отделенной от остальной Советской России территориями, захваченными Радой, собрался II с'езд советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчерода). В начале работ с'езда относительное (а затем после ухода украинских эсеров и меньшевиков абсолютное) большинство было у большевиков. Руководящее участие в работах с'езда принимал представитель ВЦИК тов. Володарский.

Крупнейшими событиями во время работы с'езда были, с одной стороны, проведенное Щербачевым и Радой слияние Румынского и Югозападного фронтов в единый Украинский фронт под командованием Щербачева и — с другой, расширявшееся вторжение румын в Бессарабию. Убедившись в невозможности договориться со ставкой Щербачева, с'езд потребовал от Рады и румынского правительства безотлагательного прекращения насилий и репрессий и решил отправить в Яссы и Киев полномочные делегации. Между тем усиление румынской интервенции и вопиющие насилия над революционными частями русской армии поставили перед Советским правительством вопрос о необходимости прибегнуть к ответным репрессивным мерам. Возможность их учитывалась империалистами. Французское телеграфное агентство Гавас еще 5 января сообщало из Петрограда, что в случае, «если Румыния не даст удовлетворительного ответа на требования Петрограда, правительство Ленина примет крайне энергичные меры по отношению к Румынии...»

Получив 12 января 1918 года сведения о нападении румын на 4-ю революционную дивизию и 194-й и 195-й полки, Совет народных комиссаров, «чтобы предотвратить войну между русскими солдатами и румынскими, которых несправедливо было бы наказывать за бесчинства их властей», отдал распоряжение об аресте румынской дипломатической и военной миссий и по радио отправил румынскому правительству ультиматум. В ультиматуме румынскому правительству предлагалось наказать виновных и дать гарантии, что подобные действия не повторятся. Срок ответа устанавливался в 24 часа, причем указывалось, что в случае неполучения ответа будут приняты «военные меры вплоть до самых решительных» («Правда» от 16 января 1918 года).

13 января, около 8 часов вечера, в румынское посольство в Петрограде явились представители Советской власти и, пред'явив ордер, арестовали Диаманти, а также лейтенанта Крайю, секретаря военного атташе; позднее в отеле «Астория» были арестованы румынский военный атташе полковник Олада и член румынской военной миссии комендант Драгонеско.

Поведение союзных дипломатов в связи с этим актом советской власти лишний раз свидетельствует о том, что несмотря на перемирие Румынии с Германией державы Антанты продолжали считать Румынию своей союзницей и принимали ее интересы близко к сердцу. В полдень 14 января у американского посла в Петрограде Френсиса, ставшего главой дипломатического корпуса после последовавшего в январе от'езда английского посла Бьюкенена в Лондон, собрались послы и поверенные в делах всех держав, представленных в Петрограде. Они решили заявить протест против ареста Диаманти. Френсис от имени дипломатического корпуса по телефону обратился к В. И. Ленину с просьбой принять дипломатов. В. И. Ленин выразил согласие и назначил время приема.

В указанный час иностранные дипломаты собрались в Смольном. Это был первый и единственный случай, когда главе советского правительства В. И. Ленину пришлось принимать дипломатических представителей империалистических государств.

На этом первом приеме дипломатического корпуса присутствовал ближайший сподвижник В. И. Ленина И. В. Сталин.

Посол США Френсис представил поочередно всех дипломатов, и в 16 часов 16 минут началась беседа, продолжавшаяся до 16 часов 45 минут. Тот же Френсис зачитал коллективный протест представителей США, Японии, Франции, Швеции, Норвегии, Швейцарии, Бельгии, Дании, Сиама, Китая, Сербии, Португалии, Аргентины, Греции, Бразилии, Испании, Нидерландов, Италии и Великобритании по поводу ареста Диаманти. Уклоняясь от обсуждения причин, вызвавших этот арест, дипломаты в устных выступлениях настоятельно просили освободить румынского посланника. В корректной по тону беседе раздраженно и вызывающе звучали лишь слова французского дипломата Нуланса, которому В. И. Ленин должен был раз'яснить, что, с советской точки зрения, «жизнь тысяч солдат дороже спокойствия одного дипломата» («Правда» от 16 января 1918 года). В конце приема Ленин обещал, что ходатайство дипломатического корпуса будет обсуждено на заседании Совета народных комиссаров.

Вечером 14 января состоялось заседание Совета народных комиссаров. В силу ряда соображений, главным образом потому, что советские вооруженные силы были заняты борьбой с Радой и только еще приближались к югу России, СНК счел возможным удовлетворить просьбу иностранных дипломатов и освободить Диаманти из-под ареста; СНК потребовал в то же время освобождения в трехдневный срок арестованных в Румынии русских солдат.

Демонстрируя единодушие французского правительства с румынским, Нуланс сам отправился в Петропавловскую крепость за Диаманти и доставил его во французское посольство, где их поджидал Френсис.

Несмотря на меры, принятые Советской властью, румынское правительство продолжало ускоренно готовиться к полному захвату Бессарабии. В целях отвода глаз различные телеграфные агентства и в первую очередь известное своей лживостью французское агентство Гавас распространяли сообщения о том, что на советский ультиматум дан якобы успокаивающий ответ, признанный Лениным вполне удовлетворительным. Особенно много усилий прилагалось к тому, чтобы создать впечатление, будто бы население Бессарабии, выразившее якобы свою волю через посредство Сфатул-Церия, жаждет прихода румын. Чтобы придать Сфатул-Церию вид авторитетного и полноправного учреждения, французское правительство поспешило заявить о признании Молдавской республики (правда, пока еще как составной части Российской федерации) и о назначении консула в Кишиневе Сарре дипломатическим представителем Франции при этой республике.

Сарре вручил «молдавскому правительству» письмо французского посланника в Румынии Сент-Олера от 15 января, официально подтверждавшее, что действия румынской армии одобрены союзниками. В своем письме Сент-Олер от имени послов всех союзных держав извещал «правительство» Бессарабии о том, что вступление румын в Бессарабию соответствует пожеланию, выраженному всеми союзническими державами. «Молдавское правительство» временно воздержалось от обнародования столь любезно сообщенного ему признания союзников в том, что они являются руководителями и организаторами румынской интервенции в России.

Румынские власти, устами генерала Презана хвастливо утверждавшие, что их не страшат кровавые столкновения с русской армией, опасались все же расширять зону оккупации. Согласно их планам, решающий удар по центру Бессарабии — городу Кишиневу — должен был быть нанесен с русской стороны образовавшегося румынско-русского фронта трансильванскими и румынскими военнопленными, части которых с помощью Рады ускоренно комплектовала румынская военная миссия в Киеве.

19 января находившийся под командованием румынских офицеров эшелон трансильванцев прибыл из Киева в Кишинев и сделал попытку захватить городской вокзал. К великому конфузу «мол-

давського правительства» и его румынских хозяев, воинские части Сфатул-Церия незамедлительно выступили против трансильванцев и с боем изгнали их. Заправилам Сфатул-Церия пришлось тогда начать усиленную кампанию за «приглашение» румынских войск и опубликовать 24 января письмо Сент-Олера.

Узнав о решении заправил Сфатул-Церия пригласить румынские войска, ЦИК Румчерода 21 января постановил вооруженной силой вытеснить румын за пределы Бессарабии и потребовать от Рады, Сфатул-Церия и консульского корпуса Одессы поддержки требования Румчерода к Румынии о немедленном уводе румынских войск. В самой Одессе были произведены многочисленные аресты румынских политических деятелей, был закрыт ряд румынских учреждений, а перед румынским консульством происходили почти непрерывные демонстрации протеста против румынской агрессии. Иностранные консулы, пытаясь прикрыть действия Румынии, обратились в Румчерод с заверением, что Румыния не собирается воевать и что в Бессарабии имело место лишь «печальное недоразумение».

25 января румыны начали захват Кишинева. В приказе, отданном «правительством» по войскам Молдавской республики, прямо говорилось: «Сегодня в город (Кишинев.— А. М.) вступает соединенный отряд союзников для борьбы с большевиками». Кроме утверждения, что в Кишинев вступает соединенный отряд союзников — на самом деле вступали лишь румыны,— в этом приказе все было правдой: румынская оккупация не только удовлетворяла хищнические апетиты второразрядной империалистической державы, но и была актом вооруженной интервенции Антанты против Страны советов. Инкулец 26 января говорил в Сфатул-Церии: «Вопрос о вводе румынских войск решен совместно с союзниками, ибо они обращались к нашему разуму и говорили, что раз железные дороги заняты большевиками, которые ничего не пропускают в Румынию, то их обязанность и инстинкт самосохранения толкают уничтожить гнездо большевизма». А в официальном «правительственном» сообщении, которое должно было подвести базу законности под румынскую агрессию, особо выделялась роль Франции: «Вопрос о вступлении румынских войск в Бессарабию решен русским, украинским и румынским командованиями и союзниками. Во внутренние дела румыны вмешиваться не будут, причем невмешательство гарантировано Францией и другими союзниками». Спустя несколько дней в декларации Сфатул-Церия по поводу провозглашения «независимости» оккупированной Бессарабии фарисейски заявлялось: «Гарантией того, что румынские войска не угрожают нашей самостоятельности, нашей свободе и правам, завоеванным революцией (!!! —А. М.), служит поручительство Франции в согласии с Англией и Америкой, а также заявление представителей Румынии».

Могло казаться, что французский план соединения румынских вооруженных сил, армии Щербачева, войск Рады, признавшей захват Бессарабии, и казачье-добровольческих контрреволюционных отрядов осуществляется успешно. Очевидно, в ознаменование верности Румынии Антанте, верности, купленной ценой предоставления румынским боярам Бессарабии на поток и разграбление, французский премьер-министр Клемансо, французский министр иностранных дел Пишон, председатель французской палаты депутатов Дешанель и председатель французского сената Дюбост в торжественной обстановке приняли румынскую парламентскую делегацию.

Но торжествовать было преждевременно: Рада находилась в критическом положении и явно доживала последние дни, а советское правительство оказалось несклонным мириться с империалистическим насилием и произволом.

27 января 1918 года был опубликован декрет Совета народных комиссаров о разрыве дипломатических отношений с Румынией, о задержании румынского золотого фонда и об об'явлении генерала Щербачева врагом народа и вне закона («Правда» от 27 января 1918 года). 28 января в 2 часа дня Диаманти и всем румынским представителям было предложено в 10-часовой срок покинуть Петроград. Не заставив себя вторично просить, Диаманти и члены румынского посольства спешно выехали в Стокгольм через Финляндию.

Вызванное этими обстоятельствами резкое ухудшение международного положения Румынии привело к политическому кризису, выразившемуся в отставке 29 января антантофильского правительства Братиану. Образование нового кабинета означало, что, бессильная вести самостоятельную политику и неуверенная в англо-французских гарантиях, правящая румынская олигархия, испуганная последствиями спровоцированной ею войны с Советской Россией, склонялась к переориентации в пользу Четверного союза.

В то же время, не довольствуясь фактически осуществленным захватом Заднестровья, румыны сделали попытку переправиться через Днестр. Румчерод, а также образованная Советом народных комиссаров Верховная коллегия по русско-румынским делам, сосредоточившая в своих

руках руководство всеми вопросами, касавшимися взаимоотношений с Румынией, провели мобилизацию всех рабочих в советские войска и стали подготовлять изгнание румын. Успешное приближение советских войск с севера и исключительный революционный под'ем в Черноморском флоте доказывали, что румынам предстоит иметь дело не с «анархией», а с сильным, организованным противником. 5 февраля румыны были вытеснены из Бендер показавшим чудеса храбрости отрядом Григория Котовского.

Представители иностранной консульской коллегии в Одессе и член французской военной миссии Понино, чтобы дать возможность румынам подтянуть свои силы и оправиться, предложили свои услуги по «улаживанию конфликта». 7 февраля представители румынского командования при активном участии представителя французской военной миссии капитана Рейхтзаммер подписали с делегацией, выделенной Румчеродом, соглашение о перемирии на 48 часов. Однако румыны очень своеобразно понимали взятые на себя по перемирию обязательства. Румынские войска исправно соблюдали их на участке фронта у Бендер, где превосходство советских сил было совершенно явно, а у Аккермана, где перевес был на стороне румын, они коварно напали на советские части и крестьянские партизанские отряды. Эта провокация сорвала перемирие и вызвала возобновление войны на всем фронте.

Опасаясь плохого для Румынии исхода вооруженной борьбы, румынское правительство и союзнические дипломаты решили стать на путь переговоров с советскими органами. 11 февраля консульский корпус Одессы передал Румчероду ноту, присланную старшиной дипломатического корпуса в Яссах итальянским послом Фасчиоти. Нота Фасчиоти уведомляла о том, что румынское правительство выразило в принципе согласие на предложение союзнических послов об образовании смешанной комиссии из представителей Румынии, союзников и Румчерода для «рассмотрения и определения сообщений относительно фактов на румынской территории. Что же касается событий на территории Бессарабии, то выехала комиссия-микст, которой поручено расследовать события и установить соглашение со «Сфатул-Церием» по вопросам о взаимоотношениях». Таким образом, вмешиваясь в советско-румынские отношения, иностранные дипломаты пытались из'ять вопрос о Бессарабии из компетенции советского правительства.

Не отказываясь от переговоров, но вовсе не собираясь исключать из них вопроса об оккупации Бессарабии, Румчерод выделил специальную комиссию, поручив ей требовать эвакуации румынских войск, возвращения захваченного и увезенного имущества, выдачи Щербачева, предания суду убийц тов. Рошаля, освобождения арестованных русских солдат и т. д. Продолжавшиеся военные операции протекали вполне удовлетворительно для советских войск и вселяли уверенность, что с прибытием подкреплений с севера румыны будут разбиты и вытеснены из Бессарабии.

Очевидно, в этом были уверены и сами румыны: 14 февраля в Одессу явились представители румынского генерального штаба полковник Родалеску и капитан Кадерн. По их словам, представитель французской военной миссии капитан Рейхтзаммер должен был представить условия мира. В ожидании этих условий румыны просили о заключении перемирия на 48 часов. Румчерод выразил согласие — было заключено соглашение о прекращении военных действий до 5 часов утра 16 февраля.

Эти проволочки вовсе не соответствовали интересам Советской России. Ленин 14 февраля в телеграмме военному командованию требовал, чтобы на румынском фронте действовали «как можно энергичнее».

Тогда же выяснилось, что представители румынского генерального штаба ввели в заблуждение Верховную коллегию, так как капитан Рейхтзаммер, согласно его собственному заявлению, был уполномочен лишь предложить создание советско-румынской смешанной комиссии, то есть, по сути дела, повторить предложения, содержавшиеся в ноте Фасчиоти, полученной в Одессе 11 февраля. Было очевидно, что, учитывая тяжелое положение, в каком оказалась Советская страна из-за провокационного поведения врага народа Троцкого в Брест-Литовске, румынские правители и их французские руководители и советчики стремились оттянуть решение вопроса о Бессарабии и выиграть время. 15 февраля Верховная коллегия и Румчерод, оповестив по радио о нечистоплотных и мошеннических проделках румынско-французских представителей, пред'явили Румынии ультиматум и предупредили о возобновлении военных действий с 5 часов утра 16 февраля, с момента окончания срока действия установленного обманным путем перемирия.

17 февраля Ленин отдал распоряжение о передаче армии, победоносно завершившей операции против Рады, в распоряжение румынской Верховной коллегии. В уведомляющей об этом распоряжении телеграмме Ленин писал: «Мы ни на минуту не сомневаемся, что доблестные герои освобождения Киева исполнят свой революционный долг» (Ленин, Т. XXIX, стр. 482).

На следующий день в Одессу стали прибывать из Киева советские войска. Красное командование разработало обширный план войны, предусматривавший освобождение Бессарабии и перенесение боевых действий в Румынию. Вдоль Днестра сосредоточивались предназначенные для наступления войска. Боевые операции начались и на море, и группа кораблей Черноморского флота под командованием легендарного героя матроса Железнякова потопила в устье Дуная румынский монитор.

Не о фантастических планах об'единения вокруг румын всей южнорусской контрреволюции, а о спасении самой румынской олигархии приходилось отныне заботиться французским империалистам.

21 февраля в длинной телеграмме, отражавшей близкое к истерии состояние ее составителей, итальянский посланник в Яссах Фасчиоти как глава дипломатического корпуса предлагал союзным консулам в Одессе добиваться возобновления переговоров между представителями союзников, Румынии и Румчерода. Далее, Фасчиоти напоминал, что проведенное с одобрения союзников вторжение румын в Бессарабию «является военной операцией без какого-либо политического характера, предпринятой... с очевидно гуманной (!?! — А. М.) целью — гарантировать снабжение как русских и румынских войск, так и гражданского населения» (цит. по сборнику «Гражданская война». Т. II, стр. 66. М. 1933).

Не добившись ответа на свое новое представление, англо-французские империалисты направили в Верховную коллегию специальную делегацию в составе английского полковника Бойля, обласканного в Яссах, после того как он с капитаном Хиллом доставил туда часть румынского золотого фонда, обманным путем вывезенного из Москвы, и французского консула в Одессе полковника Аркье. Англо-французские представители снова предложили создать смешанную комиссию. Не отвергая в принципе этого предложения, советские органы 24 февраля выставили в качестве условий для создания смешанной комиссии формальную декларацию румынского правительства об уводе румынских войск из Бессарабии, немедленном начале эвакуации, отказе от вмешательства во внутреннюю жизнь Бессарабии и др.

Между тем 24 февраля началась переправа советских войск через Днестр, а 28 февраля — 1 марта румынская армия была разбита в бою под Рыбницей.

Председатель совета министров и министр иностранных дел Румынии генерал Авереску поспешил уведомить советские органы о том, что за исключением второстепенных деталей условия, поставленные англо-французским посредникам Аркье и Бойлю, Румынией принимаются.

5 марта 1918 года в Одессе советская сторона подписала протокол об урегулировании русско-румынского конфликта, а 9 марта 1918 года глава румынского правительства генерал Авереску подписал в Яссах тот же протокол, составленный на базе условий, выдвинутых советскими органами и предусматривавших в первую очередь очищение румынами Бессарабии в двухмесячный срок. В тот же день подписанный Авереску протокол был доставлен на самолете полковником Бойлем в Одессу.

5

Заключение советско-румынского соглашения о ликвидации конфликта и уводе румынских войск из Бессарабии совпало с резким изменением международного положения Советской России. Враг народа Троцкий, спровоцировав разрыв переговоров между Россией и Четверным союзом в угоду англо-французскому империализму, поставил социалистическую революцию под удар кайзеровских армий. К середине марта немецкие и австрийские войска заняли почти всю Украину, и между Советской Россией и Бессарабией оказалась обширная зона германской оккупации. Это обстоятельство румынские правители считали достаточным для того, чтобы вероломно саботировать выполнение взятых на себя обязательств.

Терроризируя население, расстреливая людей, протестовавших против румынского вторжения, румыны нуждались в каких-то «правовых» основаниях, которые оправдывали бы захват Бессарабии. 27 марта 1918 года, после арестов и расстрелов ряда оппозиционно настроенных депутатов, было созвано заседание Сфатул-Церия, состоявшееся в угрожающей и зловещей обстановке: прилегающие улицы и здание, где происходили заседания Сфатул-Церия, были наводнены румынскими войсками. В зал заседаний были введены группы вооруженных солдат и офицеров, следивших за каждым словом, каждым жестом депутатов. При огромном количестве воздержавшихся, справедливо утверждавших, что Сфатул-Церий неправомочен решать подобный вопрос, была принята резолюция о присоединении Бессарабии к Румынии на началах «широкой местной автономии». Таким способом Румыния пыталась создать видимость «свободного волеиз'явления» населения Бессарабии.

Действительное же волеиз'явление населения проявилось в многочисленных, непрестанных, но разрозненных, а потому более или менее легко подавляемых вос-

станиях и в развертывании партизанской борьбы против румынских захватчиков.

К концу 1918 года, после поражения Четверного союза, международное положение снова резко изменилось. Опасаясь, что восстановление власти Советов на Украине неминуемо приведет к возбуждению вопроса о Бессарабии, румынское правительство в ночь на 26 ноября 1918 года собрало горстку наиболее угодливых и продажных депутатов Сфатул-Церия — всего 46 человек из общего количества 162 — и несмотря на отдельные возражения провело постановление о полном присоединении Бессарабии к Румынии и об отказе от бессарабской автономии. Тотчас же после принятия соответствующей резолюции Сфатул-Церий был об'явлен распущенным и в Бессарабии установилась неприкрытая диктатура румынских оккупантов.

Англо-французские империалисты вовсе не собирались карать Румынию за интриги с Германией. Более того: они продолжали рассматривать ее в качестве опорной базы своего влияния в Восточной Европе. Стремясь ущемить побежденных и сломить их волю к сопротивлению, они поощряли стремления Румынии к новым захватам и толкнули ее на оккупацию Буковины (население которой на народном вече приняло постановление о вхождении в Советскую Украину), Добруджи, Трансильвании и других иноземных областей.

Так волей Англии и Франции маленькая Румыния превратилась в многонациональное лоскутное государство, выполнявшее функцию стража интересов Антанты на Балканах и на Черном море. Система мирных договоров, завершивших первую мировую империалистическую войну, закрепила за Румынией огромные территории, входившие раньше в состав Болгарии и распавшегося Австро-венгерского государства.

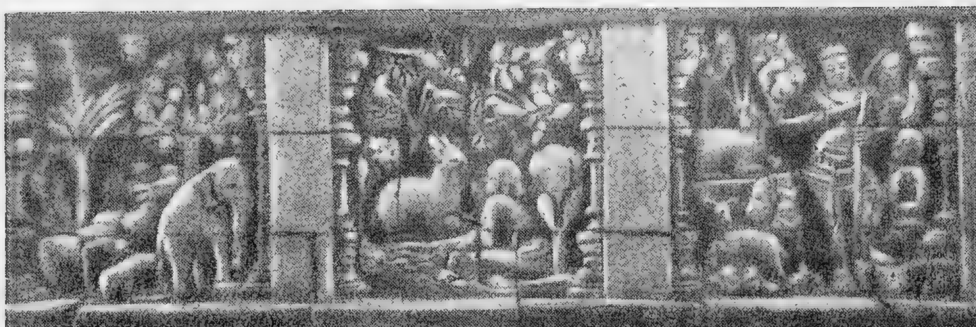
В марте 1920 года, игнорируя разбившую своих врагов Советскую Россию, Антанта особой декларацией, к которой отказались примкнуть США, признала «право» Румынии на Бессарабию. А 28 октября 1920 года в Париже между Румынией, Францией, Англией, Италией и Японией состоялось подписание особого протокола о присоединении Бессарабии к Румынии. Следует отметить, что Италия и Япония многократно подчеркивали условный характер своего участия в парижском соглашении, а Япония его не ратифицировала, что, согласно статье, обусловливающей вступление соглашения в силу лишь после ратификации всеми подписавшими его державами, и вовсе лишает парижский протокол какого-либо даже формального значения.

Декларации советского правительства по этому поводу известны всему миру.

6

22 тяжелых и мучительных года томилось население Бессарабии под игом румынских бояр. День за днем все более тяжелым и опустошительным становился режим, установленный иностранными захватчиками. Богатая страна с ужасающей быстротой превращалась в край неописуемой народной нищеты и беспредельных страданий. Огнем и мечом, с помощью церкви и румынизированной школы подлые и трусливые временные хозяева Бессарабии пытались продлить свое господство и принудить бессарабский народ к покорности. Но, ненавидя и презирая гнусных оккупантов, трудящиеся Бессарабии свято хранили мечту о свободе, в непрестанной героической борьбе пытались сбросить ярмо румынского гнета и войти в дружную семью народов Советской страны.

Советский Союз никогда не мирился с фактом насильственного отторжения Бессарабии и порабощения бессарабского народа. В течение многих лет румынское правительство отклоняло советские предложения о справедливом разрешении бессарабского вопроса. Не желая прибегать к силе оружия, Советский Союз, давно ликвидировавший свое временное военное ослабление, которое только и позволило Румынии в 1918 году посягнуть на неприкосновенность наших границ, неизменно сохранял свои позиции в бессарабском вопросе. Об этом с исчерпывающей ясностью заявил 29 марта 1940 года на VI сессии Верховного Совета СССР глава советского правительства тов. В. М. Молотов. Наконец, 26—28 июня 1940 года было достигнуто соглашение о мирном разрешении конфликта, и части Красной Армии, перейдя через искусственно превращенный в границу Днестр, принесли освобождение народам Бессарабии и томившемуся вместе с ними в румынском застенке украинскому населению Северной Буковины.

С. Тюляев

Государство Гупта

(Из истории средневековой Индии)

Период истории Индии от IV тысячелетия до нашей эры (когда, по данным раскопок, в долине Инда уже существовала развитая городская цивилизация) по IV век до нашей эры, отражен в великих произведениях индийской литературы религиозно-бытового и эпического характера.

Достоверная история Индии открывается вторжением в нее Александра Македонского в 327 году до нашей эры.

После изгнания греков Индия, впервые об'единенная в огромную империю династией Мауриев [1], достигла высшего могущества, а ее культура — небывалого расцвета, особенно пышного в III веке до нашей эры, при императоре Ашоке. О следующем периоде истории Индии — нашествии кочевников-скифов — вплоть до конца древней эпохи (III век нашей эры) имеется мало достоверных сведений.

Новый под'ем могущества и культуры Индии произошел в начале средних веков в государстве Гупта.

Родоначальник династии Гупта, один из мелких раджей, женился на княжне из могущественного клана Личхави. Усилившись союзом с Личхави, этот раджа покорил Магадху, Ауд и другие земли в долине Ганга и, приняв имя Чандрагупты, короновался в 320 году. Чандрагупта основал империю, включившую при его преемниках Самудрагупте и Чандрагупте II Викрамадитье весь бассейн Ганга. На юге империя Гупта граничила с рекой Нарбадой, на севере — с Кашмиром и Гималайскими горами, на востоке — с рекой Брахмапутрой. На западе территория Гупта раздваивалась: один конец ее тянулся на северозапад, до Ченаба (приток Инда), другой — на югозапад, включая полуостров Катхиавар. Между этими двумя выступами находился независимый Раджастан [2], охваченный с трех сторон территорией империи Гупта.

Пять пограничных государств на северовостоке платили империи дань. Раджи всей остальной Индии, Цейлона и Кушанские властители [3], сохранившие земли за Индом, признавали власть императоров Гупта.

Эпоха империи Гупта, существовавшей с 320 по 480 год, считается «золотым веком» индийской культуры, достигшей расцвета, невиданного со времени Мауриев. Правители династии Гупта видели в империи Мауриев идеал могущества и культуры. Стремясь подражать Мауриям, императоры Гупта избрали своей столицей древ-

[1] Династия Мауриев была основана Чандрагуптой в 321—322 году до нашей эры.

[2] Раджастан — современная Раджпутана—туземное княжество на юговостоке от левого берега Инда.

[3] Кушаны возглавляли индо-скифскую империю, распавшуюся в III веке нашей эры.

нюю резиденцию Мауриев—Паталипутру[1]. Культурными центрами были преимущественно двор Гупта и резиденции крупных феодальных раджей.

Централизация государственной власти способствовала большему развитию внутренней и внешней торговли. По территории Гупта почти на всем протяжении проходили два великих торговых пути: один шел по Гангу и его долине, направляясь к «воротам» Индии, ведущим в современный Афганистан, другой путь соединял побережье Аравийского моря с долиной Ганга.

Однако внешне блестящее, государство Гупта не было внутренно прочным и долговечным. Громадные расходы на сооружение храмов и императорских дворцов, содержание огромной армии и административного аппарата и небывалая роскошь господствующих классов ложились все более тяжелым бременем на массы крестьян. Император взимал с крестьян от ⅙ до ⅓ валового урожая и заставлял их работать на строительстве оросительных каналов и дорог. Крестьяне кормили всю многочисленную феодальную иерархию: рыцарей (каста кшатриев), баронов-наиков и князей-раджей.

Феодальная эксплоатация крестьянских масс и кастовый гнет жрецов — брахманов — вызывали большие крестьянские восстания, поддерживаемые рабами и низшими кастами. Феодалы прилагали все усилия к подавлению крестьянских движений. В законах этого периода часто упоминается о жестоких наказаниях, налагаемых «за упорные восстания» против власти. В «Кодексе законов Ману», написанном жрецами-брахманами, повидимому, около IV—VI веков по гораздо более древним устным традициям, говорится, что обязанность царя — охранять собственность, налагая наказания, иначе «низшие захватили бы место высших» («Законы Ману», раздел «Царь»). Брахманы предают проклятию страны, где власть захватила восставшая каста рабов-шудр. Эти страны приравниваются брахманами к числу самых низших и презренных. Брахман «не должен жить в стране, где правят шудры, ни в обитаемой людьми нечестивыми, ни в покоренной еретиками, ни в изобилующей людьми низших каст» («Законы Ману»).

Империя Гупта, просуществовав около 160 лет, погибла под сокрушительным ударом вторгшихся в Индию кочевников. Это были так называемые белые гунны, или эфталиты, — кочевники монгольского происхождения. Вместе с гуннами шли гурджары и другие племена. Изнеженная феодальная аристократия, ослабленная острой внутренней борьбой и недовольством широких масс, не могла долго сопротивляться натиску конных полчищ варваров-гуннов, вторгшихся через исторические «Ворота» — горные проходы в северозападной Индии.

Первое нападение гуннов, в 455 году, было отбито, но, сломив сопротивление Ирана, их орды во главе с Тораманой около 484 года нанесли поражение императору Скандагупте и утвердились в Мальве в 499 — 500 годах. Династия Гупта еще не была окончательно свергнута и сохранила до 535 года владения в Магадхе. Владычество гуннов в Индии сопровождалось большими жестокостями, массовым истреблением населения и 75-летним грабежом. Индийские летописи, сравнительно терпимо относившиеся к скифам, проклинают гуннов.

В VI веке против гуннов образовался союз раджей. В 528 году гуннский император Михирагула был разбит при Кахаре индийскими раджами и бежал в Кашмир. В 540 году гунны были окончательно побеждены в Индии.

После гуннского нашествия в истории северной и западной Индии наступил новый период. Вся политическая система империи Гупта, об'единявшая много княжеств, была разрушена. За исключением краткого периода существования государства Харши-вардханы, с 606 по 647 год, страна в течение нескольких веков находилась в состоянии феодальной раздробленности.

После смерти Харши голод, поразивший страну, завершил развал его империи на мелкие владения, история которых остается неизвестной. В течение нескольких веков в Индии возникали и исчезали многочисленные феодальные княжества, постоянно враждовавшие между собой.

Непрерывные мусульманские вторжения в Индию начинаются с конца X века (завоевание арабами территории по нижнему течению Инда в VIII веке было местным эпизодом, не игравшим большой роли в истории Индии). Образование в стране мусульманских государств относится к периоду позднего феодализма.

На протяжении III—VII веков усилился процесс феодализации Индии.

Основной социально-экономической ячейкой индийского феодального общества являлась сельская община. Способы владения землей в общине были различны, в зависимости от места и времени. Характеристику наиболее древней и простой по структуре общины дает Маркс: «Так, напр.,

[1] Паталипутра—современная Патна на Ганге. Позже столицей Гупта была Айодхия, современный город Ауд, между реками Гумти и Гогрой.

первобытные мелкие индийские общины, сохранившиеся частью и до сих пор, покоятся на общинном владении землей, на непосредственном соединении земледелия с ремеслом и на упрочившемся разделении труда, которое при основании каждой новой общины дает готовый план и схему производства» (Маркс и Энгельс. Т. XVII, стр. 393). И далее: «В различных частях Индии встречаются различные формы общин. В общинах наиболее простого типа обработка земли производится совместно, причем продукт разделяется между отдельными членами, тогда как прядением, ткачеством и т. д. занимается каждая семья самостоятельно как домашним побочным промыслом» (там же, стр. 394).

Анализируя процесс возникновения сельской общины в Индии, Маркс писал:

«В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению соседних народов, и, наконец, ведомство публичных работ. Условия климата и почвы, особенно огромные пространства пустыни, тянущейся от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию до возвышенностей Азиатского плоскогорья, сделали систему искусственных орошений при помощи каналов и водных сооружений основой восточного земледелия... Эта элементарная необходимость экономного и совместного использования воды, которая на Западе толкнула частную предприимчивость соединяться в добровольные ассоциации, как во Фландрии и в Италии, на Востоке, где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации, повелительно требовала вмешательства централизующей силы правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации публичных работ» (Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 347, 348). И далее: «Оба эти обстоятельства,—с одной стороны, то, что индусы, подобно всем восточным народам, предоставляют центральному правительству заботу о крупных общественных сооружениях, являющихся основными условиями их земледелия и торговли, с другой—то, что население Индии, рассеянное по всей поверхности страны, образует маленькие центры, существующие на основе домашней связи между земледельческим и промышленным трудом,— эти два обстоятельства вызвали к жизни с незапамятных времен социальную систему, обладающую оригинальными чертами,—так называемую общинную систему (Village system), сообщавшую каждому из этих маленьких союзов независимую организацию и отдельную своеобразную жизнь» (там же, стр. 349).

Помимо более простой общины, коллективно владевшей землей и совместно ее обрабатывавшей, к эпохе Гупта уже появилась община с индивидуальной земельной собственностью. В такой общине каждая семья владела на правах наследственной собственности участком пахотной земли. Выгоны, леса и оросительные сооружения принадлежали всему селению.

Община в хозяйственном отношении была вполне самодовлеющей единицей и пользовалась весьма значительной свободой в своих внутренних делах. Кроме земледельцев в нее входили все наследственные ремесленники. У общины были свои кузнецы, плотники, гончары, кожевники, цирюльники, золотых дел мастера, делатели венков и гирлянд, музыканты, учителя и врачи. Все они работали только на свою общину и получали от нее определенную долю урожая, но не имели голоса при распределении общинных земель. Те из них, кто пытался работать на сторону, считались нарушителями закона и «разорителями» деревни. Их судило собрание членов общины.

Внешние и внутренние политические события и перемены: войны, гибель и возникновение государств, смена правящих династий — не затрагивали хозяйственных основ этой общины и не разрушали ее замкнутого натурально-хозяйственного уклада.

Ремесло было сосредоточено главным образом в деревне, но наиболее сложные отрасли художественного производства процветали в городских ремесленных мастерских и при дворах крупных раджей. Ремесленники, как и торговцы, нередко об'единялись в особые корпорации, сходные с европейскими гильдиями. Крупные корпорации обладали большим экономическим могуществом и участвовали в общественной жизни страны. Профессии в них были наследственными.

Ремесло и торговля, хотя и были довольно широко развиты в известные периоды, не меняли чисто аграрного характера индийской экономики и играли лишь подсобную роль при основном занятии — земледелии.

Феодальный строй в Индии, развившийся на этом экономическом базисе, отличался своеобразной кастовой иерархией. В древней Индии было четыре сословия, впоследствии обычно называемых кастами:

Женщины у деревенского колодца. Каменный барельеф. Боробудур. Остров Ява. VIII век.

брахманы (жрецы), кшатрии (воины), вайшии (земледельцы, ремесленники, торговцы) и шудры (рабы). Впоследствии кастовая система чрезвычайно усложнилась. Основные касты, особенно вайшии, раздробились на множество более мелких каст. Кастовая иерархия была освящена религиями брахманизма и индуизма, проповедывавшими идею «дхармы», т. е. религиозного долга, налагаемого на человека его принадлежностью к касте, в которой он родился. Брахманы в своих законодательных трактатах выдвигали себя на первое место, но фактически власть принадлежала представителям касты светских феодалов — кшатриев, из которых состояли вся феодальная иерархия землевладельцев и основное ядро армии. Кшатриями были все цари, раджи и средневековые рыцари, а также народ воинов — раджпуты.

Господствующей формой собственности была государственная феодальная собственность на землю. В законодательных трактатах, называемых «Дхарма-шастры», к которым относится и «Кодекс законов Ману», устанавливается, что государство в лице правителя является верховным собственником всей земли и на этом основании взимает с обрабатывающих ее земледельцев ренту. Эта рента-налог была обычно равна в эпоху Гупта и позднее — до мусульман — одной шестой валового урожая.

В главном юридическом документе, сохранившемся от эпохи Гупта — в «Кодексе законов Ману»,— царь прямо называется «владетелем земли».

«Пятидесятая часть (приращения) скота и золота может быть взята царем, и восьмая, шестая или двенадцатая часть жатвы.

Он может также брать шестую часть деревьев, мяса, меду, очищенного масла, духов, (лекарственных) трав, приправ, цветов, кореньев и плодов.

Листьев, огородных овощей, трав, изделий из тростника, кож, глиняных сосудов и всяких (предметов), сделанных из камня». И далее:

«Кшатрий (царь), который в крайней необходимости взимает даже четвертую часть (жатвы), свободен от греха, если он охраняет своих подданных наилучшим способом».

Были и другие сборы помимо указанных. «Те (предметы), которые ежедневно поселяне обязаны доставлять царю, как например, пища, питье, дрова, должны быть взимаемы сельским старостой».

Кроме натуральной, продуктовой ренты с крестьян взималась отработочная рента, главным образом по постройке и поддержанию в порядке каналов и дорог, но обрабатывать господскую землю крестьяне не были обязаны.

Хотя преобладала натуральная форма ренты-налога, с садов и пригородных земель плата взималась деньгами.

Далее в «Законах Ману» говорится: «Царь должен заставить простой народ, живущий мелочной торговлей, платить ежегодно кое-что, что называется податью...»

«Механиков и ремесленников, равно как и шудр, которые существуют ручным тру-

дом, он может заставить работать (на себя) один (день) каждый месяц».

Крестьянин, не уплативший государству задолженности по налогу, мог быть согнан с земли. Из письменных источников южной Индии, более поздних чем «Законы Ману», известно, что царь уполномочил сельскую общину продать те земельные участки, собственники которых — крестьяне — не платили государственного налога два полных года. Земли должников переходили в собственность сельской общины, отвечавшей перед правительством за уплату налога, взимавшегося со всех ее земельных участков.

Часть земель в государстве Гупта (преимущественно леса) принадлежала лично царю. На эти земли, называемые «кхальса», царская власть распространялась непосредственно, и весь доход с них поступал лично царю.

Помимо верховной собственности феодального государства на землю, существовала частно-феодальная собственность князей-раджей, их баронов — наиков и тхакуров — и рыцарства — кшатриев и раджпутов. Это была «классическая» форма феодализма, развившаяся во времена Гупта. Все земли государства, кроме лично царских (кхальса), были поделены между представителями феодальной иерархии.

Однако подобное положение не существовало во всей стране ни в период Гупта, ни позже. В Индии в одну и ту же эпоху встречались самые разнообразные формы феодального землевладения. В Раджастане до XVII—XVIII веков сохранились не вполне развитые формы феодальных отношений, при которых доходы от крестьян поступали не к отдельному феодалу, а к целому роду или даже касте феодалов, делившей эти доходы между своими членами.

Феодальные князья-раджи были обязаны в случае войны выставлять царю ополчения. При переходе наследственного феодального надела от отца к сыну раджа должен был уплачивать царю дань. Он был обязан присутствовать в назначенное время при дворе своего сюзерена и в определенные праздники подносить подарки. Если у раджи не было наследника, его владение поступало в опеку царю.

С другой стороны, в «Кодексе законов Ману» мы находим указания на то, что земля была частной собственностью тех, кто ее обрабатывал, т. е. крестьян.

Расчистивший лес или впервые проведший воду на поле становился полным собственником земли, которую он сделал пригодной для обработки («Законы Ману»). На эту землю не распространялась власть собрания членов сельской общины.

Земля в отдельных местах была предметом купли-продажи. Она упоминается в «Законах Ману» в числе об'ектов залога.

Сельская община, эта социально-экономическая основа индийского общества, будучи очень устойчивой, обусловила застойность экономики и классовых отношений в Индии. Она была основой и восточного деспотизма.

* * *

Древнейший литературный памятник Индии — «Ригведа» — отразил почитание земледелия индусами, населявшими долину Инда в эпоху родового строя.

Из вещественных памятников древности наиболее важны указы на столбах императора Ашоки и медная табличка из Сохгаура (IV век до нашей эры). Во вторую половину средневековья, когда ученые наставления о земледелии, написанные на санскрите[1], стали забываться, сохранялась устная традиция «кхана» — афоризмы о земледелии.

Сельскохозяйственные науки были на значительной высоте уже в империи Маурьев, когда было тщательно разработано учение о земледелии и скотоводстве. Соблюдались правила классификации почв, смены сельскохозяйственных работ в зависимости от времен года, севооборота, обработки семян, удобрения и ухода за скотом. Были известны климатология и физиология растений.

Главным орудием обработки почвы с древних времен служил «павира» — плуг с металлическими частями, впервые упоминаемый в «Яджурведе»[2]. В «Законах Ману» говорится о «деревянном снаряде с железным наконечником», разрезающем землю.

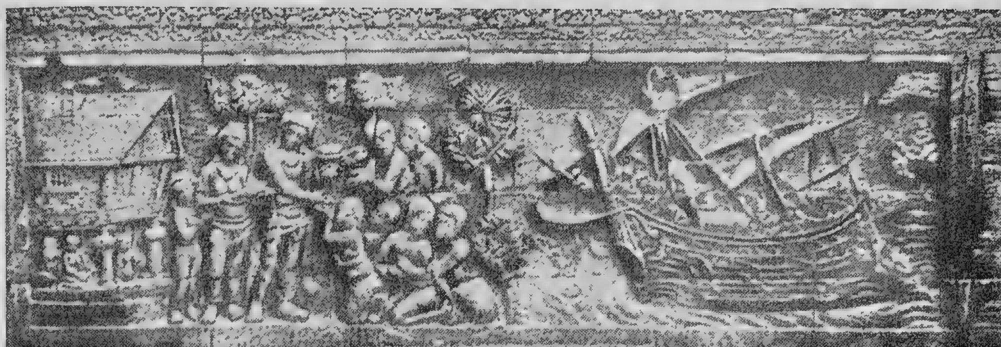
Другими орудиями были серп, мотыга, или гребок, борона и большой инструмент с 21 зубцом, служивший, повидимому, для прополки. Кроме того в сельском хозяйстве применялись веялка, корзина для веяния, мельница, приводимая в движение силой животных, грохот и ступка с пестиком; из построек упоминаются хлебные амбары.

Рабочим скотом на пашне были быки и волы.

Всех земледельческих операций насчитывалось двенадцать. Они начинались с

[1] Санскрит—древнейший литературный язык Индии. На нем были сложены произведения древнеиндийского эпоса «Рамаяна» и «Махабхарата» и древнейшие индийские религиозно-бытовые памятники — «Веды». Впоследствии санскрит сделался книжным, жреческим языком.

[2] «Яджурведа» («Веда жертвоприношений») — одна из четырех «Вед». Другие три «Веды»: древнейшая—«Ригведа» («Веда гимнов»), «Самаведа» («Веда мелодий»), «Атхарваведа» («Веда заклинаний»).

Встреча мореплавателей. Барельеф. Боробудур. Остров Ява. VIII век.

классификации и выбора почвы. Различались земли, орошаемые рекой и дождем. Плодородные почвы делились на разряды по их пригодности для того или иного злака: ячменя, риса, кунжута, мунго и др. Из неплодородных почв различались солончаки и пустыни. Песчаные почвы считались пригодными для посадки риса, глинистые — для джута, песчанисто-аллювиальные — для патола.

Искусственное орошение, без которого в Индии невозможно земледелие, применялось уже во времена «Вед» (III—II тысячелетие до нашей эры). В «Ригведе» говорится о «каналах, по которым проводится вода», В «Махабхарате»[1] один из героев поэмы спрашивает раджу Юдиштиру, копал ли он пруды с должными промежутками, чтобы земледелец не зависел от случайного дождя.

В эпоху феодализма, как и в древности, существовали все основные виды искусственного орошения: каналы, колодцы и пруды.

Во всех сборниках правил и законов Индии восхваляется копанье водных резервуаров. Государь должен снабжать лесом и другими строительными материалами того, кто сам строит себе водохранилище. С того, кто соорудил новый водоем или починил старый, налог не взимался.

Наука об удобрении почвы была развита с древности. «Ригведа» признает ценность удобрения. Рецепты удобрений даются и в более поздних произведениях. Для удобрения применялись различные растительные и животные продукты: кости, мясо, рыбьи очистки, навоз.

Снятая жатва молотилась, веялась и убиралась в житницу. Борьба с вредителями хлеба, например с крысами, велась еще в глубокой древности. В «Атхарваведе» говорится об уничтожении крыс.

Разведение скота играло огромную роль в сельском хозяйстве. Главное значение имел рогатый скот: он давал пищу и служил основной тяговой силой. Быки, волы, буйволы и зебу не только пахали, но возили повозки и носили караванные вьюки. Корова, почитавшаяся уже в самые древние времена, стала священным животным в эпоху брахманизма. Кроме того разводили лошадей, мулов, верблюдов, ослов, коз, овец и свиней. Ловля и разведение слонов были монополией правительства, так как слон применялся в армии и вообще считался ценнейшим животным.

В древних индийских селениях дома располагались обычно по три, вниде буквы «П». С четвертой, незастроенной стороны делалась ограда. На ночь и в случае опасности скот загоняли во внутренний двор через ворота, называвшиеся «гопура»— «коровий форт».

За скотом ухаживали очень тщательно. В более поздние времена для коров стали строить особый хлев. Навоз из него постоянно убирался. В коровнике запрещалось держать испорченный корм, шелуху, хлопок, а также палки от метел и пестики. Хлев иногда дезинфицировался окуриванием. Для этого применялись корни шпажника, ассафетида, горчица и другие растения. При окуривании произносились молитвы божествам о сохранении скота.

В научных трактатах указываются лекарства для скота, например от болезни рогов, ушей, от катарра желудка и зубной боли. Для увеличения удоя трактат «Агнипурана» советует давать корове специальные корма.

Климатические условия и погода, от которых сильно зависел урожай, были предметом тщательного изучения. Сложилась

[1] «Махабхарата»—один из замечательнейших памятников индийского эпоса. Она начала создаваться в глубокой древности и разрасталась долгими веками. В своем современном виде большая часть «Махабхараты» относится к рубежу II и III веков нашей эры.

целая система примет, предсказывающих погоду.

Лесное хозяйство тоже велось по древним традициям. Было известно, что лес предохраняет от речных наводнений. Раньше Индия была покрыта густыми лесами. Даже в Пенджабе, представляющем сейчас плодородную степь, во времена Александра Македонского рос прекрасный строевой лес. Лесонасаждению придавалось большое значение. Каутилья, например, говорит, что властитель должен не только охранять, но и насаждать леса. «Шастры» (сборники законов) содержат правила лесного хозяйства.

* * *

Государства феодальной Индии были централизованными восточными деспотиями, базировавшимися на замкнутых сельских общинах. Устойчивость общин обусловливала застойность классовых отношений и форм государственного строя. Постройка и совместное использование сложной оросительной сети и различные крупные государственные сооружения, интересы торговли и необходимость подавления эксплоатируемого крестьянства требовали от феодальных государств сильного централизованного аппарата. Такой аппарат был создан в государстве Гупта.

В древний период истории Индии существовала теория о том, что власть монарха основана на «договоре» народа с властителем, который правит якобы с согласия народа. По этой теории, подданные были вынуждены заключить договор с правителем из-за своего «порочного состояния». Монарх считался исполнителем воли народа и его защитником, получающим от народа плату за свою службу.

В средние века господствующим классам понадобилась новая теория для оправдания феодальной эксплоатации крестьян и деспотической власти монарха.

Эту теорию создали жрецы-брахманы, роль которых в феодальном государстве значительно усилилась. По их учению, монарх сотворен волей божества и является воплощением самого Вишну (одного из божеств брахманистской «троицы»). Он управляет народом по божественному предназначению. Это учение записано в «Махабхарате» и повторяется в «Законах Ману».

Понятие государственного суверенитета и верховной власти заимствовано авторами «Законов Ману» и «Махабхараты» из «Артхашастры» Каутильи и слагается из семи элементов: «Царь и министр, столица, территория, казна, войско и союзник суть семь составных частей (суверенного государства), поэтому государство называется «саптанга» (состоящее из семи частей). Но да будет известно (что), из этих семи составных частей государства (которые были перечислены) в надлежащем порядке, каждая раньше (поименованная) есть более важная, и (его гибель) — величайшее бедствие» («Законы Ману»). О народе здесь не упоминается вовсе.

Централизация власти требовала огромного аппарата чиновников. Эдикт в Бхагальпуре, выгравированный на бронзе и посвященный Шиве, дает перечень правительственных чиновников пятого короля династии Нарайяна Пала (около 1000—1017 годов) в Бенгалии:

«...вассальным королям (раджаранака), принцам (раджапутра), первому министру, военному министру, министру правосудия, главнокомандующему, военачальникам, главному хранителю, руководителю публичных работ, главному гражданскому судье, главному судье наказаний, домашнему министру престолонаследия, вице-королям, следователям, главе тайной полиции, телохранителям, хранителю орудий наказания, таможенным сборщикам, провинциальным наместникам, надзирателям земледелия, охранителям границ, казначеям, главным начальникам караула, надзирателям стражи, личным управляющим, главному надзирателю слонов, лошадей, верблюдов и военных кораблей, главным надзирателям кобыл, жеребят, коров, быков, овец и коз, начальнику гонцов, послам, гонцам, уполномоченным провинций, главным чиновникам деревень, главным надзирателям кораблей... всем чиновникам и всем прочим, представленным здесь не в единственном числе, всем собравшимся здесь, в деревне Мукутика провинции Кукша, на берегу реки, как и жителям соседних деревень, живущим королевской службой, от наиболее почитаемых брахманов до самых низких... всем им он (царь) посылает свое соответствующее приветствие...»

Эдикт дает картину централизованного аппарата с многочисленным штатом высших чиновников, напоминающего государственное устройство империи Маурия по трактату Каутильи[1].

Правила судопроизводства подробно рассматриваются в «Законах Ману».

Законы перечисляют восемнадцать об'ектов судебных дел:

«Из этих (отделов) первый — неуплата долгов, 2) залог и заклад, 3) продажа чужого, 4) дела между членами товарищества и 5) отобрание даров,

6) неуплата жалованья, 7) нарушение договоров, 8) отмена продажи и купли,

[1] Каутилья — главный министр Чандрагупты Маурия (IV век до нашей эры). Оставил знаменитый трактат о государственном строе и политике «Артхашастра».

9) споры между собственником (скота) и слугами,

10) споры о границах, 11) нападение, 12) клевета, 13) кража, 14) разбой и насилие, 15) прелюбодеяние,

16) обязанности мужа и жены, 17) дележ (наследства), 18) игра и битье об заклад; в этом мире — восемнадцать предметов, которые подают повод к судебным делам».

«Законы Ману» тщательно охраняют право частной собственности при куплепродаже, закладе, залоге, кредите и при всех других коммерческих операциях.

Во внешней политике особое внимание уделяется войне. Она высшее дело для царей. В «Махабхарате» восхваляется храбрость правителя.

«Законы Ману» считают храбрость главной добродетелью царя. Законы подробно регламентируют ведение войны.

«Он (царь) постоянно должен думать о шести мерах царской политики: о союзе, войне, походе, стоянке, разделении войска и приискании помощи...»

«Он должен знать, что союз, приносящий выгоды в настоящем и в будущем, бывает двух видов: когда (царь) действует вместе (с союзниками) и напротив (когда союзники действуют отдельно).

Война бывает двоякая: предпринятая в благоприятное или неблагоприятное время, по своему почину и для своих собственных выгод, или из-за обиды, причиненной союзнику...

(Царь) может (однако) стараться покорить своих врагов переговорами, дарами, разрывом, всем этим вместе или порознь, никогда сражением (если возможно избежать этого).

Ибо пока два (государя) сражаются, то победа или поражение в сражении, как показывает опыт, неизвестны, поэтому он должен избегать битвы.

(Но) если три вышеупомянутые средства безуспешны, тогда он, надлежаще вооружившись, должен сражаться так, чтобы быть в состоянии вполне победить своих врагов...

Заполучив золото и территорию, царь должен не столько увеличивать свои средства, сколько приобретать верного друга (который), хотя и слаб, может в будущем сделаться могущественным...

Очень рекомендуется (даже) слабый союзник, честный (и) благодарный, подданные которого довольны, привязанный и твердый в своих предприятиях...

Или (государь, близкий к победе), считая друга, золото и территорию тройным результатом (похода), может, приложив тщательные (усилия), заключить союз с (неприятелем) и возвратиться (в свои владения)» («Законы Ману»).

* * *

В условиях развитого кастового строя, при усилившейся власти жрецов-брахманов древние семейные и междукастовые отношения сильно изменились. Хотя сила и формы религиозного гнета и семейный быт у разных классов и народов Индии были неодинаковы, но в эту эпоху во всей Индии семейные отношения и быт были строго регламентированы. Брахманы ввели суровую кастовую дисциплину. В «Законах Ману» нашла свое яркое выражение кастовая нетерпимость.

По «Законам Ману», семейные отношения основаны на учении о религиозном долге («Дхарма»).

«В детстве женщина должна подчиняться своему отцу, в молодости — своему мужу, по смерти мужа — своим сыновьям[1]. Женщина никогда не должна быть предоставлена самой себе» («Законы Ману»).

Охраняя замкнутость каст, особенно высших, брахманы предписывали для знатных женщин жесточайшие наказания за измену:

«Если женщина, гордая знатностью своих родственников и (своим собственным) превосходством, изменяет своему мужу, то царь должен приказать затравить ее собаками на многолюдном месте» («Законы Ману»).

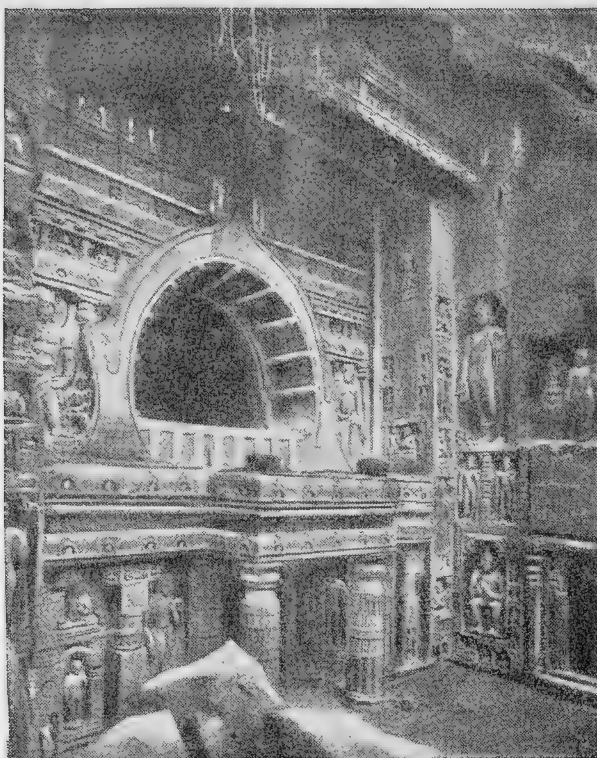
Особенно жестоким проявлением религиозно-кастовых традиций был обычай сожжения вдов («сутти»). Этот обычай приводил в ужас наблюдавших его иностранцев.

Сожжение вдов санкционировалось индуистской религией. Оно поощрялось брахманами, стремившимися религиозным террором усилить свою власть. «Сутти» было для брахманов экономически выгодным: они захватывали имущество своих жертв и получали плату за совершение обряда.

В эпоху индуизма обычай сожжения вдов не был всеобщим и распространялся не на все касты и не на всех вдов. Среди низших каст «сутти» не было принято. Главными очагами этого варварского обычая были долина Ганга, Пенджаб и Раджастан. В южной Индии сожжение было введено вместе с брахманской религией и преобладало в государстве Виджайянагар и позже в Мадуре. Этот обычай был распространенным и в Центральной Индии, о чем свидетельствуют многочисленные камни с изображением женской руки — знак «сати», т. е. сожженной вдовы. «Сутти» для вдов брахманов неко-

[1] Обычай сожжения вдов не отразился в «Законах Ману», так как они написаны по древним устным традициям той эпохи, когда «сутти» не было широко распространено.

7*

Фасад буддийского пещерного храма в Аджанте. VI век.

торыми трактатами запрещалось, но в Бенгалии оно широко применялось, хотя не было безусловно обязательным. Обычай «сутти» процветал в касте кшатриев и был обязателен для княгинь.

Женщине с детства внушали, что погребальный костер ее господина — слава и венец ее жизни. После смерти муж берет с собой в загробную жизнь самое ценное — жену. Массовое сожжение увеличивало пышность похорон властителя. Чем он был знатнее, тем больше требовалось жертв для его прославления. Сотни рабынь, наложниц и жены должны были идти на костер после смерти крупного раджи. Спасшихся от костра убивали кинжалом.

Религиозные наставления чрезвычайно подробно регламентируют жизнь высшей касты. По учению индуизма, брахман должен быть в своей жизни сперва учеником, потом домохозяином-мирянином, затем отшельником и, наконец, аскетом.

В каждом из четырех «религиозных возрастов» нужно вести соответствующий образ жизни.

Жизнь низших каст очень скудно освещена в сохранившихся до нашего времени литературных памятниках.

В «Законах Ману» говорится об обязанности шудр:

«Для благосостояния миров он (Брахма.—С. Т.) создал из своих уст, рук, бедер и ног брахмана, кшатрия, вайшия и шудру...

Одно только занятие владыка предписал шудре — безропотно служить этим (другим) трем кастам.

Если шудра (не имеющий возможности существовать услужением брахманам) ищет средства к жизни, он может служить кшатриям или он может также добывать себе средства услужением богатому вайшию.

Услужение брахманам считается делом самым важным для шудры, ибо всякое другое, кроме этого, которое он может исполнить, не принесет ему плода.

Шудра не должен собирать богатства, хотя бы даже он имел возможность (для этого), ибо шудра, приобретая богатство, причиняет огорчение брахманам».

Шудры были домашними рабами брахманов. Их труд применялся в сельских работах и в королевских городских мастерских.

Наука и образование были достоянием преимущественно касты жрецов. Брахманская ученость была связана религиозными предрассудками и идеалистической философией индуизма. Однако нужды производства, строительства, торговли, море-

плавания и управления государственным аппаратом стимулировали развитие науки. Кроме того брахманы монополизировали не все области знания. Например врачи не принадлежали к высшей касте.

В эпоху государства Гупта и кратковременной империи Харши-варддханы, в первой половине VII века, индийская средневековая культура и наука достигли высшего расцвета. Особенно были развиты математика, астрономия и грамматика.

Арабы, познакомившие Европу с десятичной системой счисления, заимствовали ее из Индии. Они называли математику индийской наукой.

Извлечение квадратных и кубических корней считалось элементарным математическим действием. Развивалась и высшая математика. При планировке городов и строительстве зданий производились точные математические расчеты.

Математика была тесно связана с астрономией. В древности Пифагор и Демокрит изучали математику и астрономию в Индии. Раннее средневековье дало трех крупных математиков-астрономов: Ариябхата (родился в 476 году), Варахамихира (505—587) и Брахмагупта (родился в 598 году). Эти ученые были хорошо знакомы с греческой наукой.

Сохранились сведения об алгебре. Знаменитый астроном и математик Бхаскара Ачария, живший в XII—XIII веках, написал санскритский трактат об алгебре— «Биджа Ганита». Бхаскара называет себя не изобретателем алгебры, но только компилятором древних математических работ. Его трактат является частью труда по астрономии. «Было бы так же нелепо для человека, не знающего алгебры, писать об астрономии, как незнакомому с грамматикой сочинять стихи»,—писал Бхаскара.

Астрономия была необходима для мореплавателей. В земледелии ею пользовались для предсказаний погоды. Вплоть до конца средневековья она была связана с астрологией.

Наблюдения над светилами требовали точных инструментов. Сохранились замечательно искусно устроенные обсерватории в Дели, Бенаресе, Джайпуре и Удджайне. Огромные приборы этих обсерваторий сделаны из камня. В обсерваториях был составлен звездный каталог.

В Музее восточных культур в Москве хранится бронзовый астрономический прибор очень точной работы. Надписи гласят, что он сделан в Лахоре в 1588 году нашей эры и является копией с другого, более древнего инструмента.

Индусы представляли себе землю как неподвижный шар, вокруг которого вращаются по круговым орбитам солнце, луна, планеты и звезды. Кругооборот планет завершается в 60 «надика», образующих один звездный день; 30 звездных дней составляют звездный месяц. Год состоит из 12 солнечных месяцев и делится на шесть времен, по два месяца в каждом: весну, лето, дождливое время, осень, зиму, холодное время. Эти времена олицетворяются в индийской мифологии шестью юношами-девственниками — Кумара.

Лунные и солнечные затмения вычислялись достаточно точно. Наблюдения производились над многими звездами и планетами: Меркурием, Марсом, Венерой, Юпитером и Сатурном.

Размеры земного глобуса определялись различно. Ариябхата (около 500 года) считал его диаметр равным 1050 п о д ж а н а (15 330 километров), что соответствует вычислениям Эратосфена (по современным данным, диаметр земли в приближенных числах равен 12 700 километрам).

Солнечный год равнялся 365 дням, 6 часам, 12 минутам и 30 секундам; в сочинении «Романа-сиддханта» продолжительность года исчисляется в 365 дней, 5 часов и 55 минут, как считали Гиппарх и Птоломей [1].

Медицина на ранней стадии развития была тесно связана с суевериями и колдовством.

Подробный перечень болезней и их симптомов дается в «Атхарваведе». В начале нашей эры известным автором медицинских трудов был Чарака.

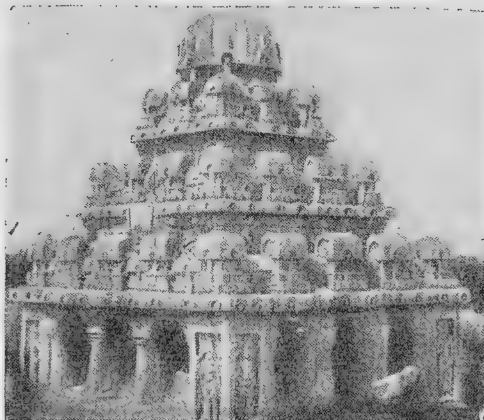
Лечение ртутью упоминается уже около V века. Позднейшие медицинские школы очень ценили ртуть и иногда даже считали ее «элексиром жизни».

В хирургии серьезные операции были редким явлением ввиду недостаточного знания анатомии. Однако с древности было известно 127 хирургических инструментов. Болезни кожи лечили прижиганием поташом, раскаленным железом, кипящими жидкостями или горячим коровьим пометом. Для кровопускания применяли пиявки или ставили банки из рога или тыквы с горящим светильником внутри. Применялось открывание вен. При трудных родах иногда делалось кесарево сечение. К более тонким операциям относилось снимание катаракта.

Географические познания индусов были примерно на уровне древнегреческих: в них преобладали фантастические и религиозные представления брахманизма.

---

[1] Г и п п а р х—древнегреческий астроном из Никеи (II век до нашей эры). П т о л о м е й—знаменитый александрийский астроном, математик и географ (II век нашей эры).

Монолитный храм «ратха» культа Шивы. Мамаллапурам. Около 670 года.

Древней религией в Индии был брахманизм, развившийся во II тысячелетии до нашей эры из ведизма (системы первобытных верований, изложенной в четырех «Ведах»). Брахманизму пришлось выдержать упорную борьбу с буддизмом (религией, возникшей в Индии в VI—V веках до нашей эры и распространившейся впоследствии в значительной части Азии).

С установлением феодального строя в Индии брахманизм получил преобладание над буддизмом. Брахманизм с течением веков значительно изменился, восприняв много дравидских[1] и монгольских верований и раздробившись на множество культов. Философское и этическое учение брахманизма подверглось сильному влиянию буддизма. Из видоизмененного брахманизма возникла новая религия — индуизм. К VIII веку индуизм окончательно восторжествовал над буддизмом и сделался господствующей религией в Индии.

Питательной социальной средой индуизма были сельские общины с их примитивным, замкнутым, зависящим от сил природы хозяйством. «...мы все же не должны забывать,— писал Маркс,— что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию. Мы не должны забывать эгоизма варваров, которые, сконцентрировавшись на ничтожном клочке земли, спокойно наблюдали, как разрушались большие империи, как совершались несказанные жестокости, как вырезывалось массами население больших городов,— спокойно наблюдали все это, не уделяя этому большего внимания, чем явлениям природы, и сами становились беспомощной добычей любого насильника, удостоившего их своим вниманием. Мы не должны забывать, что эта презренная, застойная и растительная жизнь, что эта пассивная форма существования вызывала, с другой стороны, в противовес себе дикие, слепые и необузданные силы разрушения и сделала самое убийство религиозным ритуалом в Индостане. Мы не должны забывать, что эти маленькие общины были осквернены кастовыми различиями и рабством, что они подчиняли человека внешним обстоятельствам, вместо того, чтобы возвысить его до роли владыки этих обстоятельств, что они превратили саморазвивающееся социальное состояние в неизменный, предопределенный природой рок и тем создали грубый культ природы, унизительность которого сказывается в том факте, что человек, этот владыка природы, благоговейно падает на колени перед обезьяной Гануманом и перед коровой Сабалой» (Маркс и Энгельс. Т. IX, стр. 351).

Индуизм основан на застойном кастовом строе, принявшем в средние века чрезвычайно сложный, дробный и реакционный характер. Индуизм отвечал идеологии кастового строя, разделявшего народ бесчисленными непреодолимыми перегородками.

Влияние буддизма на брахманизм было глубоким, и Будда вошел в пантеон главнейших божеств индуизма. Основы буддизма: Будда (божество), Дхарма (закон) и Сангха (община) — были восприняты индуизмом. Буддийские общины и монастыри перешли в индуистские братства вроде монашеских домов. Под влиянием буддизма в IX веке была возрождена и глубоко разработана практическая сторона религии «Вед», так называемая «Веданта» («Конечная цель «Вед»).

Переход от брахманизма к индуизму намечается уже в эпических поэмах «Махабхарате» и «Рамаяне» (около III века до нашей эры). В «Махабхарате» говорится о воплощении божества в разные формы. Так, Кришна, сделавшийся наиболее почитаемым божеством индуизма, считается воплощением Вишну, являющегося в «Ригведе» олицетворением солнца. В «Рамаяне», составленной позже древнейших частей «Махабхараты», тоже заметен переход от брахманизма к индуизму.

В индуизме сохраняется брахманистская троица богов («Тримурти»)—Брахма, Вишну и Шива.

[1] Дравиды — древнее население Индии, покоренное пришедшими с севера племенами. Дравидские племена сохранились в Индии до нашего времени.

Высшим божеством считается Брахма-творец. Он изображается едущим на гусе, его спутнике или проводнике. Супруга творца — Сарасвати — богиня мудрости и науки.

Второе божество — Вишну, или охранитель. Он почитается сектой вишнуитов, считающих его выше Брахмы.

Супруга Вишну—Лакшми (или Шри)—богиня красоты, богатства, плодородия и счастья, олицетворение «матери-природы» и идеал женственности. Она изображается с лотосом и попугаем.

Третье божество — Шива—разрушитель. Его жена Ума имеет много воплощений: Парвати, Дурга, Кали и др. Кали заимствована индуизмом из культа древних местных племен, связанного с человеческими жертвоприношениями. Атрибуты Шивы: газель, раковина, павлин, змея-кобра и другие.

Сыновья Шивы: бог войны Карттикейя и Ганеша (Ганапати)—популярнейший божок мирской мудрости и успеха в делах. Ганеша изображается с туловищем ребенка и головой слона, со спутником — крысой. Ему молятся купцы и школьники. Ганеша заботится о дорогах и домашних делах.

Менее значительных божеств, пользующихся большой популярностью, в индуизме множество.

Господствующий класс и особенно каста брахманов использовали индуизм в целом и его практическую философию — учение «Веданты»—в своих интересах и, в частности, для оправдания кастовой организации. Индуизм культивировал презрение к материальной жизни, фатализм, равнодушие к страданиям, к своей и чужой участи. Индуизм освящал религиозным авторитетом «дхарму», т. е. долг, налагаемый на человека принадлежностью к определенной касте. Индуистская религия служила для брахманов могучим средством укрепления феодально-кастового строя, усиления кастово-религиозного гнета, оправдания холодной жестокости по отношению к низшим кастам, париям[1] и женщинам.

* * *

В эпоху Гупта индийская поэзия на санскритском языке вступила в свой классический период, длившийся до IX века. Ее форма достигла утонченного совершенства. В ее тематике сохранялись традиционные черты: драма черпала содержание из «Вед» и мистерий Кришны, лирика — из гимнов «Ригведы».

Величайшим поэтом и драматургом Индии был Калидаса, состоявший, повидимому, при дворе Чандрагупты II Викрамадитьи (конец IV — начало V века нашей эры). Двор Чандрагупты II был средоточием целой плеяды блестящих мастеров искусства.

Наиболее знаменитая драма Калидасы, доставившая ему мировую славу,— «Потерянное кольцо Шакунталы». Другая из наиболее известных его драм—«Урваши, покоренная доблестью» («Викраморваши»). Из четырех поэм Калидасы наиболее прославлена лирическая поэма «Облако-вестник» («Мегхадута»). В ней заметно влияние знаменитого поэта древности Вальмики, автора «Рамаяны». Другая лирическая поэма Калидасы — «Цикл времен года».

Знаменитейшим романистом классической санскритской литературы был Дандин, живший в VII веке нашей эры и написавший авантюрный роман «Приключения десяти принцев» («Дашаку-марачарита»), в котором некоторые главы принадлежат перу других авторов.

Лирическая и эротическая поэзия имеет многих крупных представителей, воспевавших Кришну и его любовь к пастушке Радхе. Наиболее известны поэты Амару (VI — VII века), Шанкара (VIII — IX века), Бильхана (X век) и многие другие.

Самая популярная поэма о любви Кришны, последнее крупное произведение санскритской литературы — «Гитаговинда»,— написано в VII веке Джайядэвой.

Упадок классической поэзии привел к созданию риторической школы. Поэзия утрачивает жизненность и гармонию формы и содержания, она становится все более формалистически причудливой и изощренной.

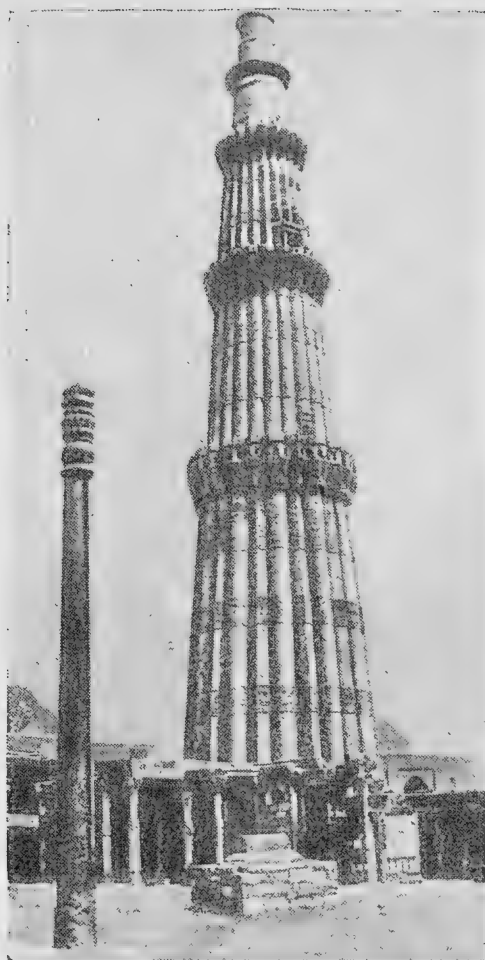
Освежающей струей в литературе явилась обработка народных сказок, составивших два сборника на санскрите.

В литературе низших каст санскрит с VII века все более вытесняется народными языками — пракритами. Поэт Хала, живший в I или II веке нашей эры, обработал народные песни и описал жизнь крестьян в произведении «Сатсая».

Памятники изобразительного искусства времен Гупта представлены архитектурой, монументальной скульптурой и живописью.

В архитектуре эпохи Гупта важное место занимают пещерные буддийские храмы и монастыри, высеченные в скалах. На севере Гайдерабада, близ Аджанты, расположены 28 знаменитых пещер, высеченных в отвесной скале берега реки Вагхор. Древнейшие из них относятся к III веку

[1] Парии — наиболее униженная и бесправная часть населения Индии, стоящая вне остальных, «чистых» каст. Члены всех каст избегают общения с париями. Брахман считает себя «оскверненным», если на него упадет тень от парии. По происхождению парии считаются потомками тамильских племен. В настоящее время парии не являются социально однородной массой и сами дробятся на касты.

Железная колонна литой техники. Старый Дели. 415 год.
Справа пучкообразный минарет Кутб-Минар. 1231 год.

до нашей эры, а самые поздние — к VII веку нашей эры. Целое полутысячелетие до Гупта здесь жили буддийские монахи и процветал своеобразный храм-университет, где помимо религиозной философии изучались науки и искусства. Культурное влияние североиндийских «университетов», подобных Аджанте, было огромно и выходило за пределы Индии. В середине VII века вследствие политических перемен в Центральной Индии и упадка буддизма, общины буддийских монахов больше не могли предпринимать подобные гигантские работы.

Пещеры эпохи Гупта богато украшены пластикой и росписями. Перегруженность орнаментом необычайно сложной, тонкой и изящной формы характерна для утонченного искусства Гупта, достигшего расцвета в V веке. Аджантские пещеры особенно знамениты своими фресками. Стены и потолки этих пещер расписаны картинами на сюжеты буддийской литературы. В живописном и скульптурном орнаменте индийское искусство стремилось не к копированию форм природы, но к простоте и благородству символа, являющегося художественным воплощением форм природы.

На юге Индии древнейшие из сохранившихся памятников относятся к VII—IX векам, когда на юге впервые возникло каменное зодчество. Это семь известных «ратха», или шиваитских храмов, в Мамаллапурам. Небольшие здания, высеченные из цельных скал, повторяют формы обычных построек. Пять «ратха» стоят отдельно и носят имена героев «Махабхараты».

Индуистская пещерная и скальная архитектура существовала всего два — три века. К ее наиболее значительным памятникам относится пещерный комплекс храмов VI — VIII веков на острове Элефанты, близ современного Бомбея. Главный храм Шивы интересен не столько архитектурой, сколько замечательной скульптурой. Здесь находится лучший памятник индийской средневековой монументальной пластики— огромный бюст трехликого Шивы.

Иного типа скальное монолитное сооружение этого времени — знаменитый храм Кайласанатха в Элуре (VIII век), тоже посвященный Шиве.

Другой древний вид архитектурных построек, существовавший в эпоху Гупта, называется «ступа». Это буддийский памятник, служивший для хранения реликвий. В Сарнатхе сохранился «ступа» VI века. Он имеет форму полусферы на высоком цилиндрическом основании.

Монолитные столбы ставились как при Гупта, так и в более древние времена, в память событий и для обнародования государственных указов. В Дели стоит колонна 415 года, целиком отлитая из железа,— замечательный памятник строительной техники.

При Гупта сложилось два основных типа наземной храмовой архитектуры: северный—«шикхара» и южный—«вимана». В типе «шикхара» над главной частью храма возвышается башнеподобная надстройка, круто суживающаяся наверху и увенчанная лотосом. У «вимана» покрытие идет убывающими вверх уступами, четко отделенными друг от друга. Обе формы произошли от народной деревянной архитектуры и развились в храмовых постройках, причем различие между ними появилось с применением камня. Тип «шикхара» получил наибольшее применение в XI — XIV веках. Прекрасным образцом этого типа служит храм Кандария Махадэва в Кхаджурахо (X — начало XI века). Типичными

«вимана» являются семь «ратха» в Мамаллапурам.

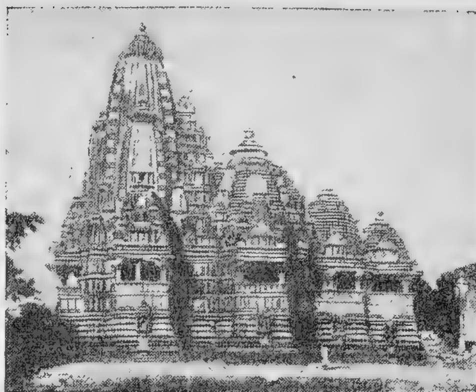
На юге Индии в X — XI веках развился своеобразный тип храмов, окруженных огромными концентрическими прямоугольными оградами. В каждой ограде имеются ворота с массивными высокими надвратными башнями «гопурам» в виде четырехгранных усеченных пирамид, сплошь покрытых скульптурой. Все ворота расположены на одной оси оград и повышаются или понижаются к центру. Богатство пластического оформления и разнообразная тематика скульптуры, отражающая все богатство народного мифотворчества Индии, резко отличают индусские храмы от мусульманских мечетей. Древнейший храм этого типа сохранился в Танжоре. Он сооружен около 1000-го года нашей эры.

Бесконечные войны и стихийные бедствия уничтожили большинство памятников раннего средневековья. Между тем Индия славилась своей архитектурой с древних времен. Наряду с религиозным процветало светское зодчество. Трактат по архитектуре «Манасара Шильпашастра», написанный около V — VI веков нашей эры по более древним традициям, дает классификацию разнообразнейших типов городов, фортов, деревень и отдельных зданий. Строились дворцы, дома для путников, мосты, укрепления и т. п. Ученый ал-Бируни, уроженец Хорезма, хорошо знавший архитектуру Средней Азии, был изумлен величием оросительных сооружений Индии с их монументальными каменными постройками. Хотя от времен, предшествовавших XVI веку, сохранилась почти исключительно религиозная архитектура, но по ней можно судить и о светском зодчестве.

Скульптура в Индии была чрезвычайно развита и тесно связана с архитектурой. Отдельных скульптурных произведений, имеющих самостоятельное значение, не существовало. Материалом буддийской скульптуры эпохи Гупта служили камень и металл. На северозападе, в Гандхаре, под влиянием греко-бактрийского искусства сложился индо-эллинистический стиль скульптуры. Там впервые появилось изображение Будды, прототипом которого послужили статуи Аполлона, римских императоров и философов.

В большей части Индии пластика продолжала чисто индийские древние традиции. Она отличается смелостью и мастерством сложных композиций, драматизмом и глубиной содержания. Так, излюбленный мотив танца божества разрушения — Шивы — символизирует вечность движения вселенной.

Древнеиндийская живопись была монументальной. Стенные и потолочные росписи в пещерах Аджанты (II век до нашей

Храм Кандария-Махадэва. Кхаджурахо. X — XI века.

эры — VII век нашей эры) свидетельствуют о существовании великой школы живописи с развитыми и твердо установившимися традициями. Тематика росписей — буддийская, но в них много места отведено сценам из жизни народа, проникнутым любовью к природе и человеку.

От XI—XIV веков сохранилась своеобразная миниатюрная живопись на рукописях Бенгалии, Непала и Гуджерата.

Произведения различных отраслей художественного ремесла, процветавшего в Индии, уцелели только от позднего периода, главным образом со времени Великих Моголов [1].

Распространение мусульманских завоеваний в первых веках второго тысячелетия ознаменовалось усилением роли индийского рыцарства и рыцарской культуры, в особенности раджпутов, оказавших наибольшее сопротивление завоевателям. Постепенно в большей части Индии образовались государства, управляемые мусульманскими династиями.

Синтез культуры Индии и народов-завоевателей, пришедших из мусульманских стран Передней и Средней Азии, привел к созданию так называемой индо-мусульманской культуры, принесшей наибольшие плоды в эпоху империи Великих Моголов, в XVI и XVII веках, когда подавляющая часть Индии была объединена под властью этих последних крупных мусульманских завоевателей Индии.

В XVIII веке, с разложением феодализма и постепенным превращением Индии в английскую колонию, происходит упадок во всех областях старой индийской культуры.

---

[1] Великими Моголами европейцы называли властителей-мусульман тюркской династии Бабуридов, правивших в Индии в XVI—XVIII веках.

К. Ползикова-Рубец

Урарту

(Материал к уроку по истории народов СССР в 8-м классе)

Урок по истории Урарту в 8-м классе — один из самых трудных и ответственных. Материал по этому вопросу преподавателю мало знаком, особенно преподавателю старших классов, который обычно не ведет в младших классах курса истории древнего мира и не всегда достаточно знаком с этим курсом. Для подготовки к этому уроку учитель пользуется I томом «Истории Древнего мира» (Соцэкгиз. 1936. Текст академика В. В. Струве), или кратким курсом «Истории Древнего Востока» академика В. В. Струве, или соответствующими страницами в «Истории Древнего Востока» Б. А. Тураева. Но всего этого материала недостаточно, чтобы урок получился красочным, интересным и связал в одно целое историю Закавказья до завоевания урартами с историей государства Урарту.

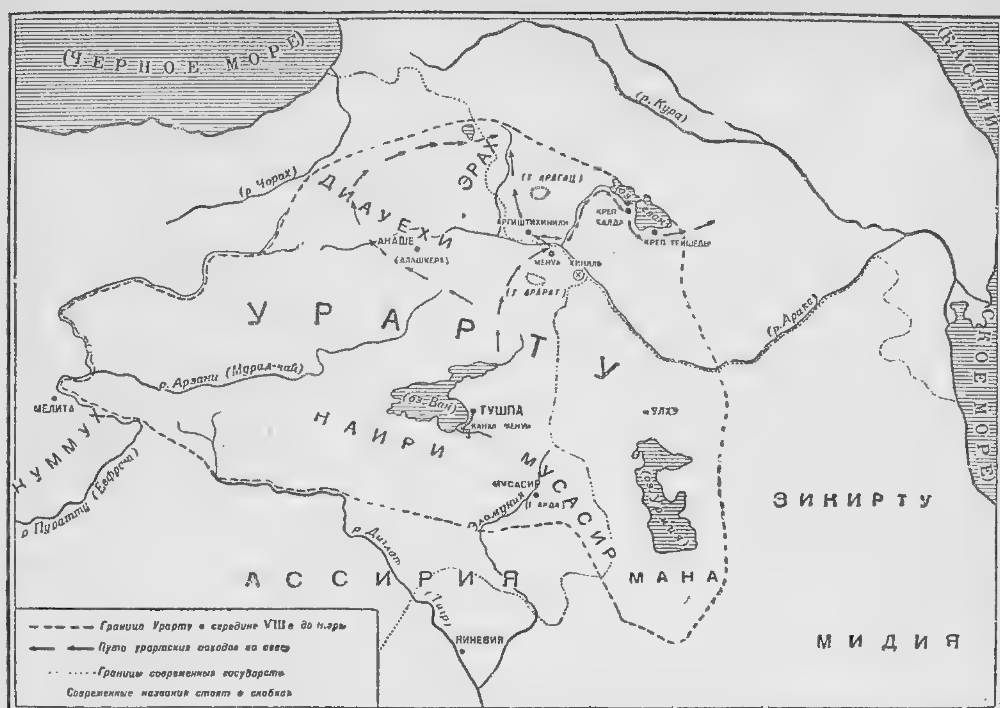
Специальная работа об Урарту Б. Б. Пиотровского, изданная в 1939 году Государственным Эрмитажем, разошлась в очень короткий срок и не для всех учителей доступна.

Предлагаемая статья ставит себе целью дать преподавателю сводный материал для урока об Урарту. Автор считает целесообразным начинать урок не с государства Урарту, а с истории народов, населявших Закавказье, учитывая, что в курс истории народов СССР Урарту включается лишь потому, что власть этого государства распространялась на территорию, входящую в наш Союз.

Статья дает материал и для следующих тем, указанных программой 8-го класса: источники для изучения древнейшего прошлого нашей страны, успехи советской археологии, ранние металлические культуры, зарождение классов.

Конечно, урок по Урарту никогда не будет полноценен без специальной карты и наглядных пособий. Карта дается в статье, и для ее использования в классе нужно ее лишь увеличить. Дать все иллюстрации в журнальной статье не представляется возможным, но все нужные для лекции по Урарту диапозитивы изготовлены Эрмитажем.

Раскопки на территории Закавказья освещены подробно; преподаватели хорошо знают, как интересно и живо проходят уроки по теме «Народы Причерноморских степей до III века нашей эры», когда использованы рассказы о раскопках Чертомлыцкого кургана и Куль-Обы и показаны вещи из этих курганов. Сложные вопросы о стадиях развития скифского общества становятся ясными и понятными. Матери-

Карта Урарту.

ал раскопок в Закавказье позволит сопоставить скифское общество с народами, населявшими Закавказье.

1

Государство Урарту в период своего наивысшего могущества включало почти всю территорию современной Армянской ССР, все армянское нагорие Передней Азии (современная Турецкая республика) и северо-западные части современного Ирана.

Достаточно бросить взгляд на карту, чтобы убедиться, что это высокогорная страна. Горные хребты высотой до 3000—4000 метров пересекают страну в разных направлениях. Многие из них вулканического происхождения. Некоторые из этих вулканов, ныне потухших, высятся громадными конусами (например гора Арагац (Алагез) достигает 4095 метров высоты). Двумя вулканами, имеющими общее основание, является и знаменитый Арарат (по-армянски Масис). Название Арарат, несомненно, восходит своими корнями к древнему названию страны — Урарту. Гора эта находится на правом берегу реки Аракса, в пределах Турции, совсем близко от нашей границы. Вершина Арарата (5156 метров) покрыта вечными снегами. Глубокая расщелина, окаймленная черными зубцами скал, прорезывает с северной стороны сверху донизу эту белоснежную шапку. Ледники спускаются по диким и пустынным склонам Арарата. Насколько велик Арарат, можно судить по тому, что в окружности гора имеет 130 километров и занимает площадь в 970 квадратных километров.

В высокогорных котловинах меж хребтов много озер. Озера эти настолько велики, что ассирийцы их называли морями (Б. Пиотровский «Урарту», стр. 10. Издание Государственного Эрмитажа. 1939), а самое «маленькое» из них — Севан,— находящееся на территории Армянской ССР, занимает площадь в 1413 квадратных километров, то есть в 6 раз больше знаменитого Женевского озера.

Все эти озера принадлежат к числу высокогорных. Отсюда необычайная окраска и прозрачность их вод.

Еще Страбон, римский писатель I века, считал, что название современного озера Ван значит «глубоко синее». Этот же писатель указал и на особое свойство воды озера Ван: одежда, в нем смытая, становится чистой, но вода его негодна для питья. Путешественник XIX века рассказывает: «Сообщение, сделанное Страбоном, относительно очищающего свойства воды озера... получило блестящее подтверждение. Стоит проплыть... немного, чтобы выйти из воды таким чистым, как будто вы натерли себе все тело мылом, но мылом чрезвычайно приятного качества, которое оставляет на коже ощущение бархата. Большая легкость, с которой держишься на воде, еще более увеличивает

удовольствие купанья в прозрачных и пенистых волнах этого озера; но вода на вкус очень неприятна. Цвет воды во всей ее массе не может быть определен одним словом... Наиболее нормальная окраска его напоминает цвет чрезвычайно блестящего кобальта, но в ней редко совершенно отсутствует известная молочная бледность, которая утром и вечером принимает бесконечное множество нежных тонов» (Линч «Армения». Т. II, стр. 58. Тифлис. 1910).

Свойства воды озера Ван об'ясняются примесью в ней большого количества соды.

На восточном берегу этого озера, на неприступной скале, высилась крепость столицы государства Урарту—Тушпа (современный Ван).

Озеро Урмия, расположенное в пределах нынешнего Ирана, ярколазоревого цвета. Вода его солонее воды океана.

Вода озера Севан годна для питья, и это озеро, единственное из трех, изобилует рыбой. Расцветка его необычайно прозрачной воды не уступает по красоте Вану и Урмии: она синяя, с изумрудно-зелеными переливами. Суровые желтые и серые скалы, поросшие красной дикой гвоздикой, еще больше оттеняют необычайную голубизну воды. Впрочем, в древности ландшафт вокруг Севана был совсем другой: здесь росли густые леса. Это подтверждают исследования почвы геоботаниками, находки в озере костей зубров и оленей и наличие черепа куницы в одной из гробниц.

В Закавказье раньше чем в других местах нашей родины сложилось классовое общество, так как Закавказье раньше других было втянуто в круг древнейших культур человечества — культур стран Древнего Востока.

Однако урартские надписи не проливают достаточно света на древнейшие страницы истории народов Закавказья. Наш основной источник — памятники материальной культуры. Археологическое изучение древних поселений и могильников в последние годы значительно опередило изучение аналогичного материала к югу от Закавказья, в областях, лежащих за нашими рубежами.

Какими же вещественными памятниками мы располагаем? По количеству памятников на первое место должны быть поставлены древние погребения, относящиеся к эпохе меди и бронзы. Их находят в Закавказье буквально тысячами. Самое обилие могил свидетельствует о древности культуры в Закавказье. Могильники как исторический источник очень ценны. На древнейших ступенях развития человечества загробная жизнь представлялась в форме существования на земле. Поэтому покойника снабжали всем тем инвентарем, который был в его распоряжении при жизни. Погребали обычно в могилах, сложенных из каменных плит. Часто сверху насыпался курган. На вершине кургана или у его основания сооружали иногда круглое ограждение из камней, наподобие кромлеха. Диаметр такого ограждения достигал 3 метров, сама же могила бывала разной величины, но иногда достигала 3—5 метров. Раскопки обнаружили в этих могилах как одиночные мужские или женские скелеты, так и парное захоронение мужчины и женщины. Инвентарь могил: глиняная посуда, бронзовое оружие, орудия и украшения, кости крупного и мелкого скота (остатки мясной пищи, положенной покойнику), скелеты лошадей, верблюдов и собак. Инвентарь мужских могил обычно богаче женских. Очевидно, мы имеем здесь дело с обществом патриархальным, где мужчина главенствовал и где жена, наравне с конем, верблюдом и собакой, должна была сопровождать своего мужа в могилу.

На выставке в Государственном Эрмитаже в смежных витринах, помещены вещи, добытые из могил на территории Грузии и Армении. Одинаковые формы орудий, добытых из погребений однородного типа, убедительно говорят о том, что в первом тысячелетии все народы Закавказья находились на одной стадии общественного развития. Изображения на керамике животных, служивших об'ектами охоты, и бронзовый пояс с изображениями охотников в масках животных (а может быть, божеств с головой животного и телом человека) говорят об охоте, но она уже не являлась основным занятием человека (см. рисунок 35 в книге Б. Пиотровского «Урарту»). Бронзовые серпы или кремневые и обсидиановые зубья от серпов, вставлявшиеся в костяную или деревянную основу, каменные ручные зернотерки указывают на занятия земледелием. В одной из могил горных районов Армении скелет лежал на деревянных досках, и тут же, рядом, были рассыпаны небольшие острые камни неправильной формы. Оказалось, что это остатки молотилки, на которую при погребении был положен покойник. Этнографический материал позволил археологу дать точную реконструкцию этого погребения (см. рисунки 30 и 31 в книге Б. Пиотровского «Урарту»). О развитии ирригационного земледелия свидетельствуют и каналы, русла которых в долине реки Аракса сохранились и до нашего времени.

В горных областях, конечно, преобладало скотоводство. В районе Кировабада А. А. Ивановский (А. А. Ивановский «По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа». Вып. 6-й. М. 1911) раско-

пал 5 курганов в группе из 22 курганов. Один из них дал необычайно ценный материал: под небольшой сравнительно насыпью находилась могила, имевшая в длину 10 метров, а в ширину и глубину — по 2 метра, перекрытая тремя рядами огромных балок. Могила прекрасно сохранилась, она не пострадала ни от влаги, ни от грабителей.

В могиле, с двух ее краев, лежали скелеты двух верблюдов. У северозападной стены были найдены три человеческих скелета. Два были прислонены спинами к стене, третий находился между ними в лежачем положении. Рядом со скелетами стояло 16 сосудов. В них были найдены кости птицы, животных, бараний череп и два кабаньих клыка. У скелетов лежали бронзовые булавы, наконечники стрел прекрасной кованой работы, стрелы из обсидиана и яшмы, бронзовый плоский топор, кинжалы, нож и много костяных вещей. Возле скелетов верблюдов оказались предметы из бронзы с перламутровыми вставками, гвозди со шляпками из накладного золота, костяные предметы с золотыми колечками. Повидимому, это были остатки богатого убора верблюдов. А. А. Ивановский пишет об этом погребении: «Эта могила оказалась наиболее богатой по количеству и разнообразию найденных в ней предметов; посреди последних были и такие экземпляры (сосуды, кинжалы, браслеты и стрелы), какие неоднократно были находимы и в прежде разрытых могилах. Поэтому нет оснований не отнести и этот курган со всем его могильным инвентарем к той же культурной стадии, к какой относятся все ранее добытые предметы. В данном кургане нам посчастливилось только напасть на такое богатое погребение, на какое до этого раза не наталкивались».

Такое заключение археолога, производившего раскопку кургана в 1896 году, для нас крайне важно: оно доказывает, что тогда уже существовала имущественная диференциация общества. Имущественное неравенство неизбежно должно было привести к образованию классового общества в Закавказье.

В Армении, на югозападном берегу озера Севан, в 1910 году был раскопан курган, в котором был открыт склеп, сложенный из крупных неотесанных камней. Его длина — 3,20 метра при ширине в 2,50 метра. Сверху он был перекрыт тремя огромными каменными плитами. В склепе нашли деревянную повозку, богато украшенную резьбой. На ней лежал мужской скелет, у пояса которого было два бронзовых кинжала, а у правой руки — большие бронзовые вилы. Вокруг повозки в полном беспорядке лежало 13 скелетов, повидимому, военнопленных или рабов, убитых при погребении вождя. На повозке и вокруг нее стояло 18 сосудов разнообразных форм. Перед повозкой лежали кости и черепа четырех быков и при них ярмо, украшенное погремушкой в виде фигурки козла. Около ярма, лицом к земле, лежал скелет человека, вероятно, погонщика, также убитого при погребении. У колеса повозки найдены кости и череп кабана (Б. Пиотровский «Урарту», стр. 51—52).

Обе могилы, очевидно,— могилы вождей. Итак, перед нами общество на последней стадии разложения доклассовых отношений. Рабство уже существовало. Его источником, очевидно, была война. Но на этой стадии развития (речь идет о первом тысячелетии до нашей эры) рабство еще носило патриархальный характер и рабов не могло быть особенно много.

Имеются и раскопки поселений первого тысячелетия до нашей эры. Обычно древние поселения устраивались на естественно защищенном холме. Надземным признаком такого сооружения служат развалины крепостной стены, так называемой циклопической кладки, то есть без применения цемента. На самых древних постройках стены являются простым нагромождением колоссальных каменных глыб, иногда высотой от 1 до 2 метров каждая. Поселение находилось вокруг холма и состояло из отдельных прямоугольных или овальных построек из кирпича-сырца или камня. Среди этих построек находят остатки керамики, кремневое и бронзовое оружие, зерновые ямы и зерна пшеницы.

Особенно ценными являются комплексные раскопки (когда изучают одновременно крепостные сооружения, могильники и поселения), начатые лишь советской археологией. Они позволяют с большей полнотой воссоздать жизнь народов Закавказья в те отдаленные времена.

Что обусловило диференциацию общества, населявшего Закавказье? Дальнейшее развитие земледелия и скотоводства и разведение главным образом мелких пород скота (овцы, козы). Можно предполагать, что частная собственность на скот была в этих районах первой формой частной собственности вообще. Скотоводство требовало освоения высокогорных районов, так как для многочисленных стад нужны были в летние месяцы пастбища на альпийских лугах. Между земледельцами долин и скотоводами гор возникали обмен и военные столкновения. Последние вызывались борьбой между племенами за скот и за пастбища. Эта борьба привела к возникновению укрепленных поселений сравнительно очень небольших размеров.

Бронзовый барельеф с Балаватских ворот.

Но в районах Закавказья был еще один могучий фактор, оказавший влияние на развитие высокоразвитой культуры меди и бронзы и, несомненно, способствовавший накоплению богатств в руках вождей: это — рудное богатство этих областей и широкое развитие местной металлургии. Доказывается это не только находками форм из глины и камня для литья металлических предметов, но и обнаружением самых мест добычи меди. Обычно такие места засвидетельствованы находками бронзовых вещей начала первого тысячелетия до нашей эры в рудниках более позднего времени.

2

На юге от Закавказья, в районе озера Ван, в конце второго тысячелетия до нашей эры находилась страна Уруатри (Урарту), которая, судя по надписям ассирийских царей, еще не представляла собой государства, а являлась союзом племен.

В первый раз упомянута эта страна царем Ассирии Салманассаром I (1280—1261 годы до нашей эры): «Возмутились против меня страны Уруатри. К Ашуру и великим богам, моим владыкам, поднял я руки. К скалам их гор могучих я поднялся, страны Химме, Машгун, Салуа, Халила, Луха, Нилипархи и Зингун, восемь стран с их воинством покорил я. 51 поселение я разрушил, сжег, увел их пленных и имущество. Всю страну Уруатри склонил я в три дня к ногам Ашура, моего владыки. Их детей я выбрал, взял себе для услужения и для почитания назначил. Тяжелую подать я навеки возложил на них».

Из этой надписи ясно, что Урарту не было тогда единым государством, а «восемь стран» входили, очевидно, в состав племенного союза, называвшегося Уруатри — по имени одного из племен этого союза. Находилась эта страна в районе озера Ван и отделялась от Ассирии страной Наири. Представление о стране Наири дает надпись на глиняных призмах конца XII века до нашей эры. Найдены эти призмы в фундаменте храма, построенного Тиглатпаласаром I. Ассирийский царь в этой надписи рассказывает: «Ашур, владыка, послал меня на страны дальних царей, что на берегу Верхнего моря, не знающих подчинения, и я пошел. Трудными тропами, тяжелыми перевалами, чьей середины прежде не знал ни единый царь, закрытыми путями, непроложенными стезями я провел мои войска... 23 царя стран Наири велели собрать в своих странах колесницы и войска и поднялись против меня на войну и на битву. Я надвинулся на них в ярости моего

грозного оружия, я, как наводнение Адада[1] учинил истребление их многочисленного войска... 60 царей стран Наири и тех, что пришли к ним на помощь, я прогнал дротиками до Верхнего моря. Их большие города я завоевал, их добычу, их имущество, их богатство я вывез, их поселения я спалил огнем... Всех царей стран Наири я захватил живыми. Этих царей я помиловал и спас им жизнь перед Шамашем[2], моим владыкой, я освободил их от плена и уз. Я заставил их присягнуть моим великим богам в службе мне на будущее время, на вечные времена. Сыновей их, царственных отпрысков, я взял в заложники. Я наложил на них дань — 1200 коней, 2000 голов крупного рогатого скота (и) отпустил их в их страны».

Надпись эта дает яркое представление о природе Наири и ее социальном строе: «цари» — это племенные вожди, а «большие города» — укрепленные поселения. Вспомним то, что мы знаем о Закавказье в первом тысячелетии до нашей эры, и сопоставим жизнь этих двух районов. Несомненно, она была в стране Наири XII века на той же стадии общественного развития, что в Закавказье два века спустя.

Весь поход был грабительским набегом в целях добычи скота, и вряд ли «вечные времена» подчинения беспокойных горных племен длились долго. Мягкое обращение с «царями», то есть вождями племен, было вызвано, очевидно, желанием предотвратить возможное об'единение Наири с Урарту.

Особенно ценный материал об урартах середины IX века до нашей эры дает памятник, найденный на территории Ассирии.

В 1878 году недалеко от Ниневии при раскопках холма, известного под названием Балават, было найдено несколько фрагментов бронзовой обшивки ворот, покрытых плоским рельефом. Самые ворота, очевидно, деревянные, не сохранились. Эти высокие двустворчатые ворота, возможно, были у входа во дворец Салманассара III: рельефы на них прославляли военные подвиги первых лет его правления (царствовал с 860 по 825 год до нашей эры). На одном из рельефов изображено взятие ассирийцами урартской крепости Сугунии. Нас здесь интересуют не ассирийские воины, столь хорошо известные по ряду памятников, а урарты и самая крепость Сугуния. Она окружена высокими стенами с башнями. Урарты сражаются, стоя на стенах. Ясно видно их вооружение: большой лук и длинные копья. Воины стоят парами: лучник впереди, копейщик сзади. Очевидно, копьеносец был помощником лучника и защищал его своим длинным копьем. На головах у воинов шлемы.

На другом рельефе ворот воины изображены сражающимися с овальными щитами в руках, которые по форме отличаются от больших прямоугольных щитов ассирийцев. В Британском музее находится бронзовый круглый декоративный щит, найденный в Топрах-кале, около Вана, в 1879 году. Щит украшен изображениями львов и быков, расположенными в концентрических кругах. На рельефе дворца Саргона Ассирийского в Дуршаррукине изображены в храме бога Халда такие же щиты.

Балаватские ворота, подобно летописи, излагают события в их последовательности: после взятия крепости воинов уводят в плен. Они шагают друг за другом со связанными за спиной руками и колодками на шее. Видим мы и расправу с ними врагов: трое урартов посажены на кол, головы других, сложенные у стен крепости, свидетельствуют о казни ее защитников.

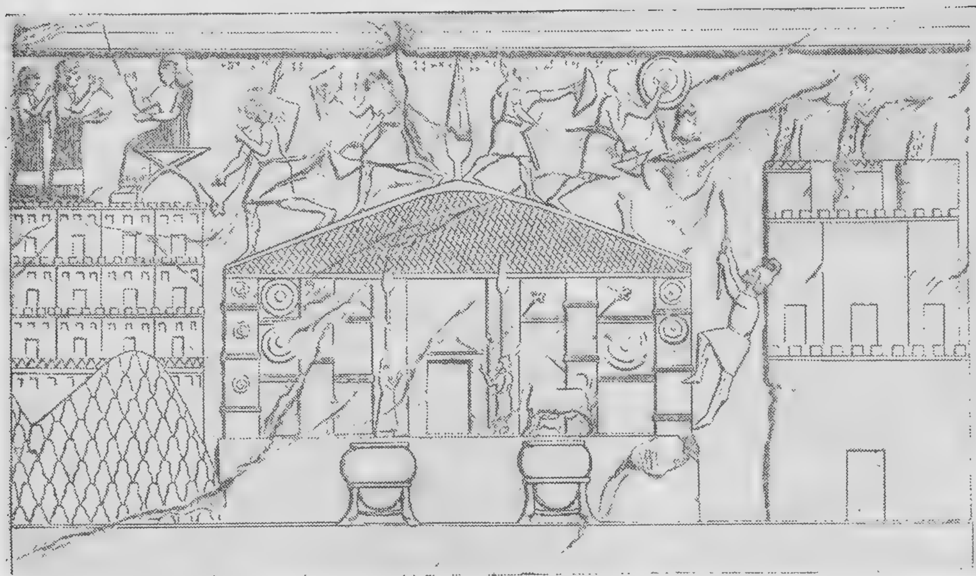
Тут же видны и обычные в те времена методы ведения войны: ассирийские воины топорами рубят деревья; в огромном сосуде, на повозке, в которую запряжены люди, увозят награбленные ценности, рядом гонят захваченный скот; уцелевшие урарты отступают в горы.

На других частях Балаватских ворот изображены битва в горах Аддури и взятие урартской крепости Арзашку. Текст ассирийской летописи прекрасно комментирует изображения:

«К Арзашку, царскому городу Арама урарта, я приблизился. Урарт Арам испугался горечи моего сильного оружия и сильной битвы и оставил свой город. В горы Аддури он поднялся, за ним поднялся и я. Сильную битву устроил я в горах, 3400 воинов поверг я своим оружием, как Адад тучу над ним пролил я дождем, их кровью окрасил я (гору) как шерсть, его лагерь я захватил, его колесницы, всадников, коней, мулов, телят, имущество и богатую добычу привел я с гор. Арам, свою жизнь спасая, убежал на недоступную гору. В моей могучей силе как тур раздавил я его страну, поселения превратил в развалины и сжег огнем. Кучи из голов устроил я напротив городских ворот. Одних (из людей) живыми свалил я в кучи, а других вокруг куч посадил на кол...». (Б. Пиотровский «Урарту», стр. 12).

Можно подумать, что государство Урарту подверглось полному разгрому, но успехи ассирийцев вовсе не были так блестящи, как это может показаться по

[1] Адад—бог бури и грома у ассирийцев.
[2] Шамаш—бог солнца.

Барельеф из дворца Саргона с изображением Мусасирского храма.

рельефам и надписям, и походы приходилось повторять.

Цитадель города Тушпы, расположенного на восточном берегу озера Ван, можно действительно назвать «недоступной горой». Как гигантская платформа с отвесными стенами, высится скала над озером. Человек с незапамятных времен обитал в этой, созданной самой природой крепости. Здесь был центр древнего поселения, обиталище живых и мертвых правителей страны. В вырубленных в скалах пещерах, к которым ведут лестницы с высокими ступенями, вероятно, погребались цари. А многочисленные клинообразные надписи на отвесных скалах повествуют об их деяниях. «Отвесные бока ее представляют настоящую библиотеку надписей, вырезанных на их поверхности, сглаженной рукою человека»,— говорит один путешественник XIX века (Линч «Армения». Т. II, стр. 6—9).

К сожалению, персы и турки в средние века уничтожили ту крепость, которая существовала в древности. Но по своему плану новая крепость повторяет старую урартскую, так как остатки древних стен были использованы как нижние части более поздних оборонительных сооружений. В Ванской стене сохранились остатки циклопической стены, местами достигающей 14 метров высоты. На камнях стены, у подножья скалы, высечены три надписи на ассирийском языке, которые связывают ее постройку с именем урартского царя Сардура, «царя великого, царя могучего, царя вселенной, царя стран Наири, царя (который) равного себе не имеет, пастыря (достойного) удивления, не боящегося сражений, царя, склонившего непокорных ему. Сардур, сын Лутипра, царя царей; (от) всех царей подать я принял...»

Б. Б. Пиотровский считает Сардура современником ассирийского царя Салманассара III. Под влиянием столкновений с таким грозным соседом, как Ассирия, процесс создания государства Урарту был ускорен.

Трудно, конечно, судить о размерах Тушпы в те времена, но топография города сохранилась и в современном Ване: укрепление находится на скале, а у подножия скалы расположено поселение, в свою очередь обнесенное стеною. От построек сохранились лишь камни с надписями, и из них мы узнаем о существовании в Тушпе храма. Какому божеству был посвящен храм: Халду ли— богу неба и главному божеству урартов— или какому-нибудь другому богу, точно не установлено. Вообще мы о религии урартов знаем очень мало. Ассирийские источники упоминают женское божество, супругу Халда — Багбарту, а клинообразные урартские надписи — Тейшеба, бога ветра и войны. Тушпа — местное племенное божество — дало название городу. Ни религиозные тексты, ни достоверные изображения урартских божеств до нас не дошли. Все, что можно сказать на основании письменных источников и изображений,—это то, что религия урартов близка к переднеазиатским религиям и что, на-

чав с культа животных, она перешла к обожествлению сил природы, то есть проделала тот путь, который проделывали все религии племен, переходивших от охоты к земледелию[1]. Несомненно, культ бога бури связан с особенностью горных озер, где неоднократно налетающие шквалы превращают гладкое зеркало воды в кипящую пучину.

Храм в Мусасире был разрушен в 714 году до нашей эры ассирийским царем Саргоном, но изображение этого храма на каменном рельефе из дворца Дур-Шаррикин, близ Ниневии, дает нам представление о том, как выглядели урартские храмы[2].

Эти материалы можно сопоставить с археологическим материалом из Топрах-кале, около города Вана (иллюстрация № 16 в книге Б. Пиотровского «Урарту»). Топрах-кале — крутой крайний утес хребта Зымзым-даг. Урартский правитель Руса (середина VIII века) перенес на этот утес свою столицу после разгрома ассирийцами поселения у цитадели Тушпы.

Размеры храма в Мусасире, так же как и храма в Топрах-кале, были небольшими. Стены были сложены из камней. Крыша, судя по рельефу, была двускатная, и фасад храма был украшен чем-то вроде пилястров, между которыми были повешены на стены вотивные щиты, у входа стояли скульптуры, изображавшие людей и животных.

Храм являлся святилищем бога Халда[3]. Здесь, повидимому, хранилась урартская казна, так как Мусасир, расположенный в естественно защищенной горной местности, был местом надежным и казался недоступным для врага.

Перечисление в надписи Саргона добычи, награбленной при разрушении храма, в еще большей степени подтверждает это предположение. Помимо золота (цифра в надписи не поддается чтению) и серебра (5 тысяч килограммов) в храме было взято много меди, бронзы, олова, сердолика, ляпис-лазули и других драгоценных камней, статуй царей и богов. Статуи снабжались богатым инвентарем: одеждами из льна и шерсти голубого и пурпурового цветов, кроватями для «отдохновения божества», драгоценностями, мебелью, жезлами из слоновой кости и дорогих пород дерева с украшениями из драгоценных металлов, тронами, роскошным оружием, опахалами и сосудами всех размеров и всевозможного назначения («для возлияний», «для омовений») из золота, алебастра, бронзы и железа.

В тексте Саргона о многих предметах упоминается, что они из «стран Урарту», следовательно, мы вправе говорить и о развитии ремесла в Урарту. Выделка тканей из шерсти всегда связана со скотоводством, которое составляло основное богатство страны, но в Урарту особенного развития достигла металлургия. Многие историки Древнего Востока считают, что в государстве Урарту при высокоразвитой бронзовой металлургии железо вошло в употребление раньше чем в других странах Передней Азии.

Некоторые вещи Государственного Эрмитажа позволяют нам хорошо представить себе великолепные образцы урартского искусства, подобные тем, о которых идет речь в тексте Саргона. Такова, например, бронзовая фигурка фантастического существа с туловищем крылатого льва. Статуэтка еще сохранила следы листового золота, которым она была покрыта; лицо фигурки сделано из белого камня, брови и глаза инкрустированы темным камнем.

Но вернемся к городу Тушпе. Там, как и в Топрах-кале, были дворцы правителей. В Эрмитаже, на выставке Урарту, имеется фрагмент пола дворца с характерной для урартских зданий мозаикой: в круглые лунки в полу вставлены концентрические кольца из красного и белого камня. Там же и кусок мрамора красного цвета с вырезанным на нем изображением быка. Вещи эти относятся к VII веку до нашей эры. Они попали в Эрмитаж из раскопок 1911—1912 года, произведенных академиком И. А. Орбели.

Повидимому, дворцы были многоэтажные. Остальные дома строились, как и дворцы, из камня или из кирпича-сырца. Строительная деятельность урартских правителей была очень обширна. От Менуа, сына Ишпуина (810—778 годы до нашей эры), внука Сардура, дошли до нас

---

[1] На уроке о религии славян можно вспомнить и повторить этот материал и провести беседу о зависимости религиозных верований от стадий общественного развития.

[2] См. текст о взятии Мусасира Саргоном Ассирийским в «Хрестоматии по Древней истории» В. В. Струве, Т. I, стр. 75. Этот текст содержит очень яркое описание природы страны, но он дан неполностью.

[3] Леман-Гаупт, руководивший совместно с Бельке экспедицией 1898—1899 года на Топрах-кале, считал, что урарты называли себя халдами, а свою страну—Халдией. Это утверждение прочно вошло в научный обиход в те годы, когда структура урартского языка не была достаточно изучена. Академик И. И. Мещанинов убедительно доказал неправильность этого утверждения. По данным современных исследователей урартского языка, нет ни одного факта, указывающего на то, что урарты называли себя халдами.

31 надпись о постройке и 19 надписей о прокладке каналов. Один из этих каналов, повидимому, самый большой (протяжением 70 километров), не только сохранился, но и функционирует в наши дни. У местного населения он известен под названием Шамирам-су, то есть вода Шамирам [1].

Мы уже говорили, что вода озера Ван для питья непригодна. Менуа соорудил канал, подающий и поныне воду к городу Ван из мощного родника, который в самое сухое время года дает 1500 литров воды в секунду. Канал на своем пути проходит через реку Хошаб, по мосту, сложенному из огромных стволов деревьев. Конечно, этот своеобразный акведук не раз перестраивался, но вряд ли его простая форма во многом изменилась со времени его основания. Канал извилист, течение его очень быстрое. Через глубокие овраги он проходит по акведуку циклопической кладки, достигающему 10—15 метров высоты. Стены акведука сложены из необработанных каменных глыб различной величины, без цемента. В каменных стенах высечены клинообразные надписи, свидетельствующие о сооружении этого канала при Менуа, сыне Ишпуина, который его назвал своим именем. В некоторых надписях содержатся проклятия по адресу тех, кто разрушит это сооружение или припишет себе его постройку (см. иллюстрацию № 8 в книге Б. Б. Пиотровского «Урарту»).

Совершенно очевидно, что в строительстве дворцов и в прокладке каналов главной рабочей силой были рабы. Но, вероятно, и в основной отрасли хозяйства Урарту — в скотоводстве — труд рабов играл значительную роль, так же как и в земледелии долин. К этому времени Урарту уже было рабовладельческим государством. Главным источником рабства была, конечно, война.

3

К IX веку до нашей эры Урарту уже успело окрепнуть и заняло главенствующее положение среди других общественных образований в районе Ванского озера, простирая свою власть и на Мусасир с его областью. Современник Салманасара III урартский правитель Сардур сумел, повидимому, дать отпор ассирийцам. На его главенство среди других племен указывает и его титул «царя Наири». Так титулует себя и его сын Ишпуин, и надписи свои он уже пишет не на ассирийском языке, как делали его предшественники, а на урартском [2].

Урарту уже не ограничивалось защитой своих границ; в конце IX века до нашей эры урартские войска впервые проникли на север, за реку Аракс, на территорию современной Армянской ССР.

Сын Сардура, Ишпуин, правил совместно со своим сыном Менуа, который упоминался уже нами в связи с каналом Шамирам-су. Четыре надписи этих царей говорят о походах на территорию нынешней Армянской ССР. Урарты проникли в Ереванскую равнину и подчинили себе несколько областей. В надписях есть сведения о численности урартского войска (66 колесниц, более тысячи всадников и 15 760 пехотинцев).

Изображения на Балаватских воротах знакомят нас с обликом воина-урарта: короткие, облегающие одежды, кожаная обувь с длинными носками, характерные круглые щиты. Оружие: лук (стрелы с железными или бронзовыми наконечниками хранились в колчанах), копье и бронзовый или железный меч. Вероятно, столкновения с ассирийцами научили урартов применять ассирийские военные приемы. Основная цель походов — захват скота. Одна из надписей указывает, что в результате одного такого грабительского похода урарты угнали 13 540 голов крупного и 20 785 голов мелкого скота. О захвате пленных не упоминается. Вероятно, он в ту пору не имел еще места.

Менуа строит крепость на правом берегу Аракса, у современного селения Ташбурун, на месте поселения-крепости покоренного врага. Он так об этом рассказывает в своей надписи у Ташбуруна: «Богу Халду, господину, этот храм мощный Менуа, сын Ишпуина, построил, крепость построил мощную, назвав ее Менуахинили...»

Крепость эта стала важным опорным пунктом урартов на севере. В ней, очевидно, жил наместник.

Раскопки 1893—1894 годов открыли в районе Ташбуруна остатки большого поселения и пять крепостей, его защищавших. Очевидно, это и были укрепления Менуахинили — опорного пункта урартов для экспансии на север.

На общественные образования Закавказья появление нового врага с юга, тех-

[1] Армянское произношение слова Семирамида. Ассирийская царица Шамирам действительно существовала и была современницей Менуа. Армянские легенды приписывают ей основание Вана и многих других сооружений, в том числе и канала.

[2] С 1848 года делались попытки расшифровки надписей на урартском языке, но понимание этого языка значительно продвинулось вперед только благодаря работам русских языковедов-академиков Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова.

нически лучше вооруженного и сплоченного, должно было подействовать так же, как на «страны Наири» появление ассирийцев. Процесс об'единения племен пошел интенсивнее, и вожди с их дружинами получили большее значение. Урарты, захватывая области Закавказья и включая их в состав своего государства, опирались на родовую знать местных племен и содействовали ее оформлению в господствующий класс. В руках этой знати сосредоточивалось большое количество скота. Процесс образования классов ускорился.

Менуа расширил свои владения одновременно на запад и на юг. Урарты появились в стране Мана (или манеев), у озера Урмии. Здесь они встретили сопротивление Ассирии, но стойко, повидимому, его выдерживали. Сын Менуа, Аргишти (778—750 годы до нашей эры), в своей летописи, вырезанной на Ванской скале, отмечает победу урартов над ассирийским царем. Первенствующее положение в Передней Азии перешло к Урарту.

Одновременно расширялись и владения урартов в Закавказье. Урартский наместник перенес свою резиденцию на левый берег Аракса в Аргиштихинили (современный Армавирский холм). Но урартский царь продолжал жить в Тушпе, которая попрежнему оставалась столицей государства.

Укрепившись на левом берегу Аракса, урарты могли теперь продвигаться дальше — к озеру Севан и на север, за Арагац.

Раскопки на Армавирском холме (Армянская ССР) обнаружили здесь стены «урартской кладки»: камни были тщательно обработаны у швов. Надписи (а их здесь найдено 15) говорят не только о сооружении крепости, но и о прокладке каналов и разведении виноградников и садов. Высокогорная долина среднего Аракса привлекала урартов своим плодородием, и они стремились, закрепившись здесь, расширить и улучшить старую ирригационную систему. К озеру Севан урарты шли долиной Занги — единственной реки, вытекающей из этого озера. Клинописные памятники, по выражению профессора М. В. Никольского, как придорожные столбы отмечают путь урартов к Севану.

Царь Аргишти увековечил свои победы над народами Закавказья и свою строительную деятельность в 12 надписях (все они находятся на нашей территории).

В 1916 году академик И. А. Орбели при раскопках ниши Ванской скалы обнаружил высеченную на камне правильной прямоугольной формы большую летопись урартского царя Сардура (750—730 годы до нашей эры), сына Аргишти. Летопись эта дает особенно много сведений о походах урартов в Закавказье, в частности в страну Эрах (см. карту), к северу от горы Арагац. Походы совершались весною и осенью, то есть в то время, когда скот возвращался с горных пастбищ или направлялся на них. Первый столбец летописи говорит об осеннем походе: «...направились войска в страну Эрах, страну они захватили, поселения сожгли и разрушили, страну опустошили, мужчин и женщин в Биайну угнали. Халду великому Сардур говорит: многих людей пленными там я сделал, 3225 мужчин там я взял, 4928 женщин, всего 8153 человека, некоторых я убил, некоторых живыми увел, 412 лошадей, 6665 голов крупного рогатого скота, 25 735 овец (я захватил)». Через год состоялся новый поход. В четвертом столбце летописи описывается поход в страну Эрах: «Страну захватил, поселения сжег и разрушил, страну опустошил, мужчин и женщин угнал в Биайну, крепости там построил, страну в свою страну включил», и опять упоминается, что в плен было взято 6436 юношей, 15 553 женщины и угнано 1613 лошадей, 115 верблюдов, 16 529 голов крупного скота и 37 685 голов мелкого скота.

Описаны и походы к озеру Севан, захват страны Уеликухи, разрушение 22 крепостей и покорение 4 правителей стран. Мы помним, конечно, о каких «странах» идет речь в Закавказье тех времен. Некоторые племенные вожди спешили сами из'явить покорность. «Пришел Мурини, царь Абилиаииха, обнял колени Сардура и пал ниц»,— отмечается в летописи.

Об этих победах говорят и наскальные надписи у озера Ван. Войска Сардура доходили до юговосточного побережья озера Севан.

Сардур расширял границы Урарту и на западе. Но Тиглатпаласар III (IV), царь ассирийский, положил конец блистательным победам Сардура, разбив его в стране Куммух (см. карту). Сардур бежал с поля битвы и заперся в Тушпе. Было это в середине VIII века. Тиглатпаласар двинулся к озеру Ван. «Сардура урарта в Турушпе (Тушпе), его главном городе, я запер, большую резню устроил перед городскими воротами...» Но цитадели Тушпы Тиглатпаласар взять не смог.

Царство Сардура распалось. Отпадали окраины, родоплеменные союзы которых подчинялись завоевателю лишь до тех пор, пока он был силен.

Преемнику Сардура, Русе, вступившему на престол в 30-х годах VIII века до нашей эры, пришлось вновь об'единить государство. По словам летописи Саргона

Ассирийского, в Мусасирском храме стояла литая бронзовая статуя Русы с гордою надписью: «С моими двумя конями и с моим возницей, мои руки завоевали царство Урарту».

Ассирийцы, очевидно, уничтожили город Тушпу и вырубили его сады. Поэтому Русе пришлось перенести столицу на гору, называемую теперь Топрах-кале.

Восстанавливая и укрепляя свою власть, Руса строил крепости в подчиненных областях. Две из них сохранились у озера Севан. Одна — на высокой скале над современным городом Нор-Баязетом. На камне в кладке стены имеется надпись: «Богу Халду величайшему. Руса, сын Сардура, говорит: царя страны Уеликухи я покорил, рабом взял в плен, страну во владение захватил, правителя сюда поставил, ворота бога Халда и крепость мощную построил, назвав (ее) городом бога Халда страны Биайны великой». Другая надпись, на скале над озером, у его нижнего берега (у села Цовинар) рассказывает о пленении в этом районе 23 правителей мелких областей и о постройке крепости, названной крепостью бога Тейшебы.

Руса укрепил свое влияние и на южной границе государства, водворив Урзану, правителя Мусасира, на мусасирском престоле.

4

В 722 году до нашей эры в Ассирии власть захватил Саргон (Шаррукин), усиливший ассирийское войско и пополнивший его наемниками. Саргон стремился расширить северные границы своего государства. Интересно, что при этом он прибегал к шпионажу. Саргон содержал всюду шпионов-разведчиков и, вероятно, щедро их оплачивал, так как «каждый выполняет свою работу, нет никакого упущения», сообщает царю, очевидно, один из организаторов шпионажа. Имя этого человека — Габбуанаамур, и письмо его, как и письма других разведчиков, дошло до нас на таблетках знаменитой библиотеки Ашурбанипала. Донесения эти так высоко расценивались Саргоном, что он поручил царевичу Синахерибу сделать по ним целую сводку. В письмах сообщается о войне урартов с киммерами, появившимися в Передней Азии в VIII веке до нашей эры, о восстаниях в отдельных областях Урарту, о мятеже против Русы, о потерях в его войске и т. д.

Эти донесения помогали царю Ассирии вести борьбу против своих врагов. Так например, получив, очевидно, сведения, что Урзана, правитель Мусасира, собирается вести переговоры с Русой о совместных действиях против Ассирии, Саргон потребовал, чтобы урартского царя и его отряды не впускали в пределы Мусасира. В ответ на это требование Урзана дипломатически писал: «Когда царь Ашура прибыл, мешал ли я ему? То, что он (т. е. ассирийский царь) сделал, этот (т. е. урартский царь) делает. Поэтому, как я могу ему помешать?»

Саргон счел нужным вооруженной рукой прекратить эти скрытые приготовления и двинул в бой свои войска «подобно урагану и ливню», разбивая стены городов «как глиняный горшок», вырубая сады так, что «гремел грохот железных топоров», топча нивы и запружая каналы.

Саргон описал очень образно свой поход на Мусасир: «На гору Арсиу, гору могучую, склоны которой, подобно отвесу острия не имеют под'ема, я заставил подняться мои войска. Между горами высокими, гребнями возвышенными, остриями трудных гор, которые отстраняют всякое описание, между которыми нет пути для прохода пехоты, внутри которых образуются могучие водопады и шум их падения на милю гремит, как гром, они подобно тростниковым зарослям покрыты всевозможными деревьями и всеми желаемыми плодовыми деревьями и виноградом, и они полны ужаса при приближении к их подступам, куда никакой царь еще не проходил, и властитель бывший до меня, не видел их пути; их большие стволы я срубил, и крутые острия их я вытесал медными кирками. Узкую дорогу, проход, тропинку, которую пехотинцы прошли боком между ними, я устроил для прохода моих войск. Колесницу ног моих я возложил на затылки (людей), а я верхом на лошади стал во главе моего войска» (см. хрестоматию Струве. Т. I, стр. 75—76). В результате этого похода (714 год до нашей эры) страна была опустошена, храм разграблен и разрушен, 6110 человек взято в плен (среди них семья бежавшего в горы Урзаны) и угнано 12 мулов, 380 ослов, 525 быков и 285 баранов.

Руса понял, что разгром Мусасира — начало конца Урарту, что рухнуло дело всей его жизни — собирание земель Урарту, — и покончил с собой. В летописи царя Саргона об этом говорится: «Руса, правитель Урарту, услыхал, что Мусасир разграблен и его бог Халд увезен, (то) собственной рукой, железным кинжалом своего пояса лишил себя жизни». Саргон говорит, что «все Урарту до его пределов поверг я в несчастье и заставил стонать и плакать».

Несомненно, ослаблению Урарту способствовало появление в конце VIII века до нашей эры в Передней Азии киммерийцев, вторгшихся в северозападные части Урар-

ту. Они нанесли поражение урартскому войску при том же Русе. После похода 714 года до нашей эры Урарту, потерявшее свое прежнее значение среди государств Передней Азии, прекратило борьбу с Ассирией и все свое внимание сосредоточило на упрочении государственной власти на севере. Последний период истории Урарту (весь VII и начало VI века до нашей эры) теснейшим образом связан с древнейшей историей Закавказья, о чем свидетельствуют археологические находки.

В 1939 году экспедиция Эрмитажа начала раскопки древней крепости Кармир-Блур, около Еревана, где была найдена урартская клинообразная надпись Русы, сына Аргишти (середина VII века до нашей эры). Раскопки открыли остатки грандиозного здания, сложенного из сырцового кирпича, на массивном каменном фундаменте. Помещения были очень высокими (стены комнат сохранились до высоты в 7 метров), а вся кладка отличалась чрезвычайной мощностью (внешняя стена достигала 3,5 метра толщины, а внутренние — 2,1 метра).

Внутри здания найдено большое количество древностей, среди которых наряду с местными закавказскими изделиями были найдены также урартские. Особенно интересны красные лощеные кувшины с урартскими клеймами под ручкой, а также бронзовые и железные изделия, вполне аналогичные тем, что найдены в центральной части Урарту. При раскопках на Кармир-Блуре в зернохранилищах и кувшинах было обнаружено большое количество зерна (просо, пшеница, ячмень, вика, кунжут и др.). Эта находка представляет исключительный интерес для уяснения истории земледелия Закавказья.

Крепость Кармир-Блур, по всей вероятности, была крепостью урартского наместника в Закавказье. В ней находился урартский гарнизон, в нее стекалась дань, собранная в окрестных районах. Раскопанное здание, возможно, и являлось дворцом этого урартского наместника.

Урартские цари, жившие в старой столице Тушпе, внимательно следили за всеми строительными работами в Закавказье: при раскопках на Топрах-кале, где был обнаружен дворец последних урартских царей, была найдена клинописная таблетка, содержавшая письмо местного закавказского правителя. Наместник сообщал о строительстве города, названного именем урартского царя.

В конце VII века до нашей эры в Передней Азии произошли события, приведшие древние могущественные государства к гибели: в 612 году до нашей эры под ударами об'единенных войск мидян, вавилонян и кочевников пала столица Ассирии Ниневия, а через несколько лет прекратила свое существование Ассирия. Урартское государство пережило своего исконного врага. Ученые полагают, что Урарту было окончательно разгромлено около 585 года до нашей эры, когда через него прошли мидийские войска. Но владычество Мидии в Передней Азии не было длительным, и уже в середине VI века до нашей эры территория бывшего Ванского царства была включена в состав Персидского государства. Последний раз термин Урарту (в вавилонской форме — Урашту) встречается в начале V века до нашей эры в надписях Ксеркса.

Значение истории урартов для истории Закавказья очень велико. Урарты принадлежали к той же древней переднеазиатской группе народов, что и предки многих современных народов Кавказа. Это подтверждается большим сходством строя кавказских языков с древним урартским. То, что Закавказье с древнейших времен входило в состав переднеазиатских культур, доказывают последние раскопки в Цалкинском районе (Грузинская ССР), где были найдены золотые и серебряные вещи местного изготовления, очень сходные с изделиями Древнего Востока (хеттским).

Сильное влияние культур Древнего Востока шло через Кавказ на север. Оно сказывается в целом ряде памятников, обнаруженных в курганах скифского времени в Предкавказье и в степях северного Причерноморья.

Итоги преподавания гражданской истории в 1939—1940 учебном году

Задачи дальнейшего развития культурной революции в нашей стране, выдвинутые XVIII с'ездом ВКП(б), и задачи третьей сталинской пятилетки, подготавливающей условия для уничтожения разницы между умственным и физическим трудом, придают решающее значение работе по коммунистическому воспитанию детей в школе.

Эта работа и была в центре внимания школы за истекший учебный год. Под руководством партии советская школа работала над выполнением директив XVIII с'езда ВКП(б) — ввести в третьей пятилетке 10-летнее всеобщее обязательное обучение в городе и 7-летнее всеобщее обязательное обучение в деревне и в национальных республиках, расширяя охват детей десятилеткой в деревне. Уже в истекшем учебном году во многих деревнях были созданы новые неполные средние школы. В связи с этим значительно расширилось и преподавание гражданской истории.

Крупнейшее значение в деле строительства советской школы имеет решение X пленума ЦК ВЛКСМ, которое повернуло комсомол к школе, поставив школьную комсомольскую работу в центр внимания ленинского комсомола. Значительно усилилось также и участие советской общественности в работе школ, в частности большое внимание было уделено развитию воспитательной работы с детьми в семье.

Все это способствовало тому, что в школах нашей страны в истекшем учебном году несомненно улучшилось качество работы в области образования и в особенности в области воспитания сознательной социалистической дисциплины у детей.

Итоги 1939—1940 учебного года показывают, что в преподавании гражданской истории также наметились значительные улучшения.

История древнего мира

История древнего мира в этом году впервые после перерыва проходилась по нормальному плану. К началу учебного года была выпущена программа по истории древнего мира, которой учителя и руководствовались в своей работе. Большим подспорьем в работе учителя по истории древнего мира явилось «Методическое пособие по истории. Вып. 1-й. Древняя история» под ред. проф. А. В. Мишулина, выпущенное Институтом школ Наркомпроса. В этом пособии учитель находил необходимый конкретный исторический материал, а также целый ряд указаний методического характера, сделанных на основе практики лучших преподавателей. В большинстве школ удалось выполнить программу, о чем свидетельствуют стенограммы уроков, поступившие с мест, материалы областных институтов усовершенствования учителей и сообщения научных корреспондентов кабинета истории Института школ Наркомпроса РСФСР. Однако часть учителей ограничивалась в своем преподавании лишь передачей материала из «Методического пособия», совершенно не раз'ясняя его. К сожалению, такие худосочные, неинтересные уроки имели место даже в Москве.

Преподавание древней истории в истекшем году значительно теснее связывалось с задачами коммунистического воспитания детей. Ведущее, руководящее значение для учителей имеет «Краткий курс истории ВКП(б)». Особенно много передовые учителя работали над развитием у учеников исторического подхода к явлениям общественной жизни. Так, при изучении культуры стран Востока лучшие учителя, останавливаясь на классовом характере этой культуры, в то же время раз'ясняли ее исторически прогрессивное значение в деле развития культуры человечества. Точно так же, рассказывая о рабстве, многие учителя не ограничивались только изложением основных признаков рабства, но, основываясь на указаниях «Краткого курса истории ВКП(б)» (стр. 104), раз'ясняли, что в условиях разлагающегося первобытно-общинного строя рабовладельческий строй являлся шагом вперед.

На конкретном историческом материале учитель далее показывал, как по мере дальнейшего роста производительных сил человеческого общества рабовладение становилось уже реакционной силой, мешавшей дальнейшему развитию человечества. В 5-м классе в качестве примера фигурировала история крушения афинской демократии, которую погубило рабовладение, как указывал Энгельс. В 6-м классе ученики, изучая историю возникновения рабства в Риме и гибели Западноримской империи в результате революции рабов, при-

учались исторически подходить к общественным явлениям.

Но правильный разбор и обобщение исторических событий даются, к сожалению, не всеми учителями. Что может, например, дать ученикам следующее об'яснение военной реформы Мария (курс 6-го класса): «Марий заявил, что армия из люмпен-пролетариата будет большой силой. Марий обещал люмпен-пролетариям по 25 десятин земли, если они будут хорошо сражаться».

Чрезвычайно бедно оборудование уроков по истории древнего мира. Многие учителя стараются восполнить пробел в наглядных пособиях путем изготовления самодельных наглядных пособий. В этом отношении особенно интересна работа тов. Филипповой (Москва), создавшей в своей школе ряд исторических выставок по древней истории.

Надо отметить, что уже существующие наглядные пособия ввиде диапозитивов используются не в полной мере. Улучшилось сравнительно с прежними годами использование карты на уроках.

Основное внимание преподаватели истории древнего мира уделяли в этом году рассказу. Лучшие учителя достигли в этом деле большого мастерства. Так, краткими фразами, образно и эмоционально, строит рассказ о реформах Гракхов учитель-орденоносец Бурнашев (Покровская НСШ, Сухиничского района). Для того чтобы добиться большей активности учеников и овладеть полностью их вниманием, тов. Бурнашев во время своего рассказа задает вопросы ученикам.

Инструктивное письмо Сталинградского института усовершенствования учителей от марта 1940 года отметило следующие недочеты рассказов учителей, являющиеся типичными.

Учителям не удается овладеть вниманием учеников и развить в них интерес к излагаемым событиям, так как рассказ ведется монотонно, скороговоркой, причем вместо освещения основных исторических событий рассказ загружается деталями. Поэтому на уменье построить хороший рассказ на уроках истории институты усовершенствования учителей обращают большое внимание.

Очень большое значение в деле закрепления знаний учеников имеет правильная организация спрашивания. Особенно вредной является еще встречающаяся на практике так называемая вопросо-ответная форма спрашивания, при которой дети ограничиваются односложными ответами на поставленные вопросы.

Вот пример неудачных вопросов и неудачных ответов:

«Вопрос. Что нового вводит Перикл?

Ответ. Перикл строит храмы, дворцы, статуи. Культура разрасталась.

Вопрос. Скажите: какой ученый что сказал по этому вопросу?

Ответ. Сказал, что не демократия погубила Афины, а рабство».

В связи с отсутствием учебника большое значение имеет вопрос о записях учащихся. Лучшие учителя выработали такой наиболее подходящий вид записи: учащиеся записывают развернутый план рассказа с включением в него всех необходимых дат, имен, названий. Попытки же давать конспект оказались явно негодными, так как ученики 5-х и 6-х классов еще не в состоянии его записать самостоятельно, и уроки поэтому часто сводились к диктовке.

Некоторые учителя, например тов. Филиппова (Москва), вели запись после своего рассказа, причем сами ученики принимали деятельное участие в составлении записи. Таким образом, запись в данном случае является закрепляющим моментом и вместе с тем будит самостоятельную мысль учащихся.

Результаты четвертных и годичных оценок показывают повышение уровня знаний учеников по древней истории и увеличение об'ема знаний (знание большего количества фактов). Значительно помогло четкому усвоению хронологии в истекшем учебном году то, что количество требуемых хронологических дат было точно установлено «Методическим пособием».

Какие же основные пробелы замечены в знаниях учащихся по истории древнего мира? Во-первых, учащиеся еще не достаточно усвоили исторический подход к прошлому, они его обычно осовременивают. Во-вторых, учащиеся не умеют отделить в исторических событиях главное от второстепенного. Это является результатом того, что преподаватели в своем рассказе часто не выделяют основного исторического события и не обращают на него особого внимания учащихся. В-третьих, учащиеся иногда не понимают особенностей исторических событий прошлого, их своеобразия. В-четвертых, школьники часто запутываются в летосчислении до нашей эры и нашей эры. В-пятых, в своих ответах ученики нередко ограничиваются только односложной фразой и не дают связного рассказа. Надо отметить, что вообще на культуру речи преподаватели не обращают должного внимания.

Помимо указанных выше причин (отсутствие учебника, недостаточное количество наглядных пособий, плохое качество записей учащихся) на знаниях учеников отражается также недостаточная подготовка самих преподавателей по исто-

рии. Поэтому Институты усовершенствования учителей должны обратить самое пристальное внимание на дело помощи учителям в углубленном овладении ими историей древнего мира.

История средних веков

В истекшем учебном году нормально изучали историю средних веков только учащиеся 6-х классов, которые начали этот курс с третьей четверти. Они должны были пройти первый период истории средних веков и часть второго периода, до темы «Франция в XII—XV веках».

К началу учебного года была уже выпущена программа курса истории средних веков. Бо́льшая часть школ выполнила эту программу (она не была выполнена только там, где не было преподавателя истории). Значительную помощь учителям оказало «Методическое пособие. Вып. 2-й. История средних веков», под ред. проф. С. Д. Сказкина. Как указывает отчет Института усовершенствования учителей Тамбовской области, выпуск «Методического пособия» «устранил пестроту и разнобой в об'еме, характере и освещении учебного материала».

Что же касается программы по истории средних веков для 7-х классов, то во многих школах программа эта не была выполнена полностью; в одних случаях остались непройденными последние темы курса, в других — был сокращенно пройден ряд тем. Это об'ясняется тем, что в 7-х классах в 1939—1940 учебном году изучался за один год полностью весь курс истории средних веков, рассчитанный на 1½ года. Многие учителя сняли вовсе тему «Польша, Швеция и Турция в XVI—XVII веках» и сократили темы «Тридцатилетняя война», «Германия XVI—XVII веков», «Развитие науки и техники в XVI—XVII веках». При таком сокращении программы большей части школ удалось закончить прохождение курса истории средних веков темой «Англия в XVII веке», и таким образом учащиеся были подготовлены к прохождению в 8-м классе первой части новой истории.

«Методическое пособие», вузовский учебник по истории средних веков и в особенности наличие программы значительно улучшили преподавание истории средних веков в школе. Многие учителя дали примеры хорошей работы, добиваясь знания учениками фактов и марксистского их понимания. Так, одна учительница в Москве (тов. Сидорова из средней 50-й школы) умелым рассказом и методически продуманными вопросами добилась от учеников развернутых, систематических рассказов, например по следующим вопросам: 1. Почему в Германии победила умеренная реформация. 2. О Кальвине и его учении. 3. Как была организована община кальвинистов.

В Свердловске преподавательница Ребе с большим успехом организует домашние письменные сочинения по истории. Темы выбираются такие, по которым есть художественная литература и которые своим содержанием эмоционально воздействуют на учеников. Так, учащиеся хорошо написали домашнее сочинение на тему «Борьба религии с наукой». Домашние сочинения вызвали у детей живой интерес. «Сочинения — любимая форма работы учащихся по истории», — отметила тов. Ребе в своем докладе на 1-й научно-педагогической конференции учителей Свердловской области на тему «Творческая работа учащихся по истории».

Практика лучших преподавателей привела к выводу, что наиболее целесообразной формой записи по истории средних веков при отсутствии учебника по истории является развернутый план, содержащий перечень важнейших исторических событий, имена исторических деятелей, географические названия и важнейшие даты. Такие развернутые планы дают ученику, во-первых, материал для закрепления знаний, во-вторых, канву, помогающую вспомнить рассказ учителя при приготовлении заданного урока, наконец, в-третьих, такая запись заставляет ученика рассказывать самостоятельно, а не заучивать записанное наизусть, что, к сожалению, часто имеет место. Как особую разновидность такого развернутого плана учителя применяли так называемую «хронологическую страницу», на которой рядом с датой дается сжатая характеристика события. Так, у преподавателя 8-й средней школы в Тамбове эта «хронологическая страница» дается в таком виде:

«V век. Германцы жили в условиях разлагающегося родового строя.

476 год. Германский полководец Одоакр сверг последнего западноримского императора и стал королем Рима» и т. д.

Однако несмотря на значительное качественное улучшение преподавания встречается еще ряд недочетов, на преодолении которых надо сосредоточить внимание в предстоящем, 1940—1941 учебном году.

Во-первых, учителя 6-х классов часто, вместо того чтобы дать конкретно историческую картину гибели рабовладельческого строя и смены рабовладения феодализмом, излагали процесс развития феодальных отношений в такой форме: «В Римской империи происходило падение промышленности, сокращается выпуск продуктов и стало не хватать продуктов» (урок в одной московской школе). Такая современная формулировка не способствует разви-

тию у учеников исторического подхода к прошлому. В других случаях вследствие отвлеченности и схематичности изложения для учащихся осталось неясным классовое содержание и значение исторических событий. Так, в одной школе в результате неумелого об'яснения преподавателя ученики никак не могли понять, почему английская буржуазия в XVII веке сперва боролась против королевской власти, затем, по мере развития революции, переменила свою позицию и восстановила королевскую власть, пригласив сына казненного короля на английский престол.

Это непонимание явилось результатом неуменья учителя показать, как в процессе революции начали выступать массы крестьян и ремесленников, что и побудило буржуазию отказаться от республики и восстановить монархию, которая лучше охраняла ее классовые интересы против подымавшихся низов.

Вторым крупным недочетом работы многих учителей является неуменье ставить учащимся вопросы. Наряду с прекрасно сформулированными вопросами довольно часто приходится наблюдать беспомощность учителя, не умеющего поставить ученику четко и ясно сформулированный вопрос. Вопросы бывают подчас слишком дробны, незначительны по содержанию, притом задаются в форме, подсказывающей уже заранее ответ. Вот примеры таких неудачных вопросов на уроке одной из школ Москвы: «Существует ли община?», «Германцы напали на империю?», «Где и когда напали?»

Большим недостатком является стремление некоторых преподавателей сделать свой рассказ доступным путем подробной продиктованной ими записи. Вследствие этого вместо рассказа получается диктант, и цель все равно не достигается.

Эти конкретные недочеты работы учителей по истории средних веков надо преодолеть при помощи институтов усовершенствования учителей.

Какова же успеваемость учащихся по истории средних веков? Обратимся к некоторым фактам. По городу Ростову на Дону, например, всего в 7-х классах было 6651 учащихся, из них плохую отметку по истории средних веков имеют 337 человек, или 5,1%; отличные и хорошие отметки по истории были у 3563 учеников, то есть свыше чем у 50% всех учащихся. Аналогичные данные имеются и по Таганрогу: всего семиклассников 2260, отметки по истории средних веков распределяются среди них таким образом: плохих — 135, посредственных — 950, а хороших и отличных — 1175, то есть около 50%. В сельских районах успеваемость, как правило, ниже. Так, в Тарасовском районе из 83 семиклассников плохие отметки были у 7, посредственные — у 42, а хорошие и отличные — только у 34.

При оценке успеваемости надо принять во внимание также и то, на что обращает внимание Сталинградский институт усовершенствования учителей, который отмечает боязнь многих учителей спрашивать учеников по материалу ранее проведенных уроков (месяц—два тому назад).

С усвоением учениками хронологических дат в истекшем учебном году дело обстоит лучше чем в предыдущие годы. На запоминание дат тратится много времени, и применяются различные приемы для облегчения работы памяти.

В заключение надо указать, что многие преподаватели (назовем только некоторых из них: тов. Ощерова, 28-я школа Ростова на Дону; тов. Безбах, Ленинград; тов. Фирсова, Москва) добились от учеников содержательных рассказов, свидетельствующих о прочных знаниях.

Учителя с нетерпением ожидают выхода в свет учебника по истории средних веков, что должно значительно повысить успеваемость учеников.

Новая история

К началу учебного года по новой истории были также выпущены программы и «Методическое пособие. Новая история. 1789—1870» под ред. проф. А. Ефимова (правда, Учпедгиз своевременно не выпустил из печати «Методическое пособие по второму периоду новой истории», хотя рукопись и была сдана еще летом 1939 года). Кроме того фактический материал учителя могли брать из вузовского курса по новой истории (2 тома).

В основу всей своей работы по преподаванию новой истории учителя кладут «Краткий курс истории ВКП(б)» и произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.

В большинстве случаев школы выполнили план изучения новой истории в 8-х и 9-х классах. В некоторых случаях все же программа не была выполнена. Причиной этого является иногда чрезмерное растягивание курса преподавателем. Так, в одной московской школе преподаватель, неумело пользуясь при подготовке к урокам вузовским учебником, не производя нужного отбора фактов, загружал свой рассказ ненужными подробностями. В результате курс был растянут на три учебных четверти и даже при таком запоздании не был пройден полностью. В другом случае причиной отставания была перегрузка цифровыми данными и неуменье использовать «Методическое пособие». У учителей, не выполнивших программу,

обычно наблюдается неуменье отделять главное, существенное от второстепенного, неосновного.

Растянув преподавание, ряд преподавателей решил выйти из положения путем произвольного сокращения программы. Сняв целый ряд тем, они достигли таким путем формального, мнимого выполнения плана. Так, из курса 7-го класса ряд преподавателей снял такие темы, как «Вторая империя во Франции», «I Интернационал», «Успехи техники и естествознания в 1789—1870 годах», «Социально-экономические итоги первого периода новой истории» (последняя тема особенно важна, так как она обобщает материал первого периода новой истории и служит введением во второй период новой истории, то есть к курсу 9-го класса).

Некоторые учителя изучение новой истории в 9-м классе заканчивают темой «Международные отношения начала XX века», мотивируя это тем, что историю первой мировой империалистической войны учащиеся будут изучать в 10-м классе на материале истории войны на русском (восточном) фронте. Но полностью история всей войны остается, таким образом, неизученной.

В этом самовольном снятии материала или переносе его в другие классы оказывается непонимание некоторыми учителями значения государственной программы по истории, которая является для них обязательной директивой.

Иногда невыполнение плана зависит от неуменья преподавателей правильно распределить материал урока. Некоторые преподаватели отказываются от использования на уроках наглядных пособий под тем предлогом, что у них не хватает времени для этого. Лучшие преподаватели используют наглядные пособия и систематически собирают необходимый для этого материал, привлекая к этой работе учащихся. Так работают тов. Ощепкова (Карачаевская школа, Карачаевского района, Молотовской области), тов. Каптерев (город Молотов) и ряд московских преподавателей (тт. Бенцианова, Каплинская и другие). Большую помощь учителям оказывают ученики — члены школьных исторических кружков (в Москве у тт. Бенциановой и Каплинской кружковцы приготовили щиты с подобранными иллюстрациями, снабженными необходимыми надписями и текстами).

Интересно провела уроки о французской буржуазной революции 1789 года тов. Весновская (617-я московская школа). Она умело использовала отрывки из произведений: Ф. Гра «Марсельцы», В. Гюго «93-й год», Эркман-Шатриана «История одного крестьянина», Анатоля Франса «Боги жаждут». Образный язык этих художественных произведений помог учащимся значительно лучше усвоить учебный материал.

Иногда (теперь сравнительно редко) еще встречаются преподаватели, очень плохо знающие предмет и потому допускающие ряд грубейших ошибок. Так, одна учительница в Тамбове в рассказе о решениях Венского конгресса сказала, что будто бы Ломбардию получили Саксония и Вестфалия, а вся территория Италии, по ее словам, была разделена на ряд мелких самостоятельных государств.

Перед учителем новой истории стоит ответственная задача — следить за правильным произношением учениками иностранных научных терминов и иностранных имен.

Недостаточная подготовка некоторых учителей к уроку сказывается и в неудачной формулировке вопросов, обращенных к ученикам. Многие учителя не задумываются над тем, как при помощи правильно поставленных вопросов подвести учеников к пониманию новой темы, а между тем это очень важно. Правильно и интересно подготовила переход к новой теме «Япония в начале XX века» тов. Каплинская (Москва). Поставив учащимся ряд вопросов из прошлых тем, она добилась того, что учащиеся путем повторения уже пройденного материала лучше поняли особенности японского империализма и уяснили себе причины русско-японской войны и отношение к ней других «великих» держав. Приводим вопросы, поставленные тов. Каплинской: 1. Значение революции и реформы Мейдзи. 2. Характеристика исторической обстановки в Европе и в Америке, способствовавшей освобождению Японии от опеки великих держав. 3. В чем заключалась агрессивная политика Японии в конце XIX века. Ее цели и итоги. 4. Показать по карте, что хотела получить Япония от Китая, что она получила по симоносекскому миру и что от нее было затем отобрано благодаря вмешательству России. 5. Показать на карте сферы влияния крупных капиталистических государств в Китае в конце XIX века.

Дополнительные вопросы, предлагаемые преподавателем, имеют еще одну очень важную цель — развить у ученика способность мыслить, научить его разбираться в исторических событиях и на основе разбора обобщать. А для этого надо привлекать не только пройденный на последнем уроке материал, а брать весь материал, относящийся к данному отрезку времени.

Большое место в деле коммунистического воспитания учащихся занимает изуче-

ние доступных им произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина под руководством преподавателя. Опыт показал, что учащиеся 8-го класса могут успешно изучать «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, главы I, II и IV; учащиеся 9-го класса — статьи Ленина «Памяти Коммуны», «Август Бебель», «Обнищание в капиталистическом обществе», «Цаберн». Сперва такую работу лучшие учителя ведут в классе, показывая, как надо изучать эти произведения и вести конспекты, а затем ученики изучают доступные им произведения классиков марксизма-ленинизма дома, причем преподаватель дает вопросы к рекомендованной статье и систематически руководит этой работой.

Лучшие учителя работают над постепенным развитием у учеников уменья конспектировать рассказ учителя. Однако есть учителя, которые продолжают неправильный метод диктовки рассказа ученикам. При таких записях господствует штамп, ученики вызубривают урок. Вот, например, ответы одного ученика о Жаке Ру, показывающие, что ученик совершенно не представляет себе, кто был Жак Ру и за кого он боролся. На вопрос учителя о борьбе внутри якобинского блока ученик ответил: «Первый заговор составил Жак Ру, второй заговор был против Дантона». Преподаватель ставит в утвердительной форме вопрос: «Началась борьба течений, борьба с Жаком Ру»,— на что последовал ответ: «Он занимался спекулянтством». Затем ученик поправился: «Он требовал террора против спекулянтов. Заговор был против Дантона». Из ответа совершенно ясно, что ученик абсолютно не представляет себе исторической роли Жака Ру.

Надо отметить, что такие ответы теперь единичны и что гораздо чаще встречаются толковые, сознательные ответы.

В особенности важно понимание учениками связи событий новой истории с событиями современности. Так, знание внешней политики Англии в XIX и в начале XX века много помогает пониманию учениками событий второй мировой империалистической войны. В этом также состоит громадное воспитательное значение изучения курса новой истории.

Основным недочетом в преподавании является отсутствие учебника, которое учителя вынуждены возместить своими рассказами.

Что нужно для дальнейшего развития и улучшения постановки преподавания новой истории? Во-первых, выпустить учебники по новой истории и соответствующие каждому курсу методические пособия. Затем необходимо выпустить хрестоматии (документы, мемуары, художественная литература) и наглядные пособия. А главное, институтам усовершенствования учителей надо работать над повышением знаний самих учителей по новой истории.

История СССР

Преподавание истории СССР в настоящем году велось в отличие от предшествовавших годов по программам. Эти программы на совещании Московского городского института усовершенствования учителей, а также в письмах с мест получили в общем положительную оценку как в смысле своей методологической направленности, так и в смысле отбора исторических событий, но была отмечена перегрузка программы материалом, особенно программы 10-го класса. Вместе с тем некоторые товарищи указывают, что в перегрузке повинны и сами преподаватели. «Учителя сами часто перегружают курс лишним материалом, и только учебник покажет точные рамки требований к теме урока»,— говорит учитель Шелковский (Московская область).

В основном, как показывают отчеты областных институтов усовершенствования учителей, сообщения научных корреспондентов Института школ НКП и выступления самих учителей истории на собраниях преподавателей истории, программы 8—10-х классов были выполнены полностью и в установленный Наркомпросом срок. Однако некоторые учителя добились этого путем сокращения ряда тем программы, причем большей частью сокращения приходились на темы по истории народов СССР. Новосибирский и Тульский институты усовершенствования учителей, сигнализируя об этом, справедливо указывали, что таким путем история СССР превращается в историю Великороссии. Однако в отдельных школах были сделаны сокращения и другого материала. Так, в одной калининской школе была снята такая важная тема, как «Народное восстание под предводительством Степана Разина». Подобные произвольные сокращения важнейших тем не могут об'ясняться отсутствием учебников: ведь в истекшем учебном году вышли два тома вузовского учебника по истории СССР, в которых учитель может найти материал по истории СССР от древнейших времен до 90-х годов XIX века включительно. В частности по теме «Народное восстание под предводительством Степана Разина» имеется и научная и художественная литература в достаточном количестве.

В чем же причины перегрузки ряда тем и наряду с этим сокращения курса за счет других тем? Эти причины

можно свести в основном к тому, что учителя не работают над тщательным отбором исторических событий для своего рассказа, а, наоборот, стремятся сообщить все, что они знают о данном периоде. Некоторые учителя затрачивают много времени на диктовку материала и на опрос учеников и поэтому не успевают уложиться в сроки, отведенные программой. Наконец, в 10-х классах в отдельных школах преподаватели в качестве учебника пользовались «Кратким курсом истории ВКП(б)» и вели, по сути дела, преподавание истории ВКП(б) вместо гражданской истории. В связи с неправильной постановкой преподавания истории СССР в некоторых школах нарком просвещения издал приказ от 11 декабря 1939 года «О нарушении установленного порядка преподавания истории СССР в средних школах».

Лучшие преподаватели очень разнообразят методы преподавания. Тт. Богданова (Сталинград), Защук (Тбилиси), Ефимов (город Орджоникидзе), Вербицкий (Кунцево) умело используют художественную литературу, в частности такие произведения, как «Война и мир» и «Севастопольские рассказы» Л. Толстого, «Петр I» и «Хлеб» Алексея Толстого и другие. Тт. Кузин (Угодско-заводской район, Московской области), Некрасов (Воронеж), Благоразумов (Сталинград) и Амагаев (город Калинин), занимаясь изучением местной истории, привлекают ее в качестве иллюстрации к курсу Истории СССР.

Что же касается наглядности в преподавании, то у некоторых преподавателей намечается определенная недооценка значения наглядных пособий в деле преподавания истории СССР в старших классах. Такая недооценка обнаружилась, например, в выступлениях некоторых учителей на совещании при Московском областном институте усовершенствования учителей по итогам преподавания истории в 8—10-х классах в 1939—1940 учебном году.

В старших классах лучшие учителя стремятся развить у учеников уменье конспектировать, а не записывать дословно рассказ учителя. Делается это с целью приучить учащихся к будущей записи лекций в вузе. Однако не все учителя овладели искусством изложения исторического материала, и у некоторых преподавателей это изложение все еще сводится к диктовке конспекта. Часто опрос учащихся ведется только по текущему материалу и не затрагивает ранее пройденных тем.

Недостаточная работа ведется по разбору и обобщению исторических событий. Однако и тут можно выделить лучших преподавателей, которые обращают на эту работу большое внимание. Так, тов. Анастасьева (Дмитровская средняя школа Московской области) требует от каждого отвечающего не только связного, продуманного рассказа, но и разбора рассказываемого исторического события и на основе этого разбора самостоятельных выводов и обобщений. Для достижения этого тов. Анастасьева задает учащимся такие вопросы, которые требуют от них уменья сравнить целый ряд исторических событий и на основании этого сравнения сделать определенные выводы. Тов. Анастасьева практикует домашние самостоятельные исторические работы учащихся. Так например по истории СССР в 10-м классе она задала письменную работу на тему «Экономическая политика советской власти от военного коммунизма до 1934 года». Для написания такой работы учащиеся произвели из пройденного материала отбор фактов, относящихся к экономической политике советской власти, а затем систематизировали их по определенным периодам.

Лучшие учителя теперь усиленно ставят вопрос об организации самостоятельной работы учащихся по истории. Почин этих учителей заслуживает поощрения и требует разработки. Они планомерно, не перегружая учеников, изучали с ними некоторые доступные для них произведения Ленина и Сталина и таким образом постепенно прививали ученикам культуру работы над научными произведениями по истории. Для будущего учебного года чрезвычайно важно дать точные указания, какие произведения Ленина и Сталина могут быть изучены учениками в течение всего учебного года.

Плохо шло преподавание истории СССР у тех преподавателей, которые сами недостаточно знакомы с историей СССР. У таких преподавателей ученики, например, путали «народничество» с «народным хозяйством», «сельскую общину» с «колхозом», и учителя не исправляли этих грубейших ошибок.

Уроки истории СССР имеют огромное значение для коммунистического воспитания детей. Изучение героического прошлого народов СССР, беззаветно боровшихся за свою независимость, изучение героической борьбы рабочих и крестьян против помещиков и капиталистов воспитывает в учениках чувство пламенного советского патриотизма. Из истории нашей страны ученики узнают, что все народы, ныне входящие в состав СССР, участвовали в строительстве новой культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию. Поэтому уроки по истории народов СССР воспитывают в учениках пролетар-

ский интернационализм, неразрывно связанный с советским патриотизмом.

Каковы же конкретные мероприятия, которые надо провести в преподавании истории СССР, чтобы достигнуть еще более высокого качества работы? Для этого надо, во-первых, ускорить издание учебника по истории СССР и методического пособия к нему. Надо тут же отметить, что методическое пособие по истории СССР было сдано Учпедгизу еще осенью прошлого, 1939 года. Однако Учпедгиз почему-то задержал его издание. Во-вторых, надо повысить уровень знаний массового учительства по истории СССР и в первую очередь вооружить учителей для рассказа на уроке описательным материалом ввиде хрестоматий с отрывками из документов, мемуаров и художественных произведений. В-третьих, надо ввести посильное для учеников изучение отдельных произведений Ленина и Сталина, всячески борясь против перегрузки учащихся работой над первоисточниками.

Есть ряд вопросов, которые касаются преподавания всех исторических курсов в средней школе. Это, во-первых,— издание методического руководства для учителей по преподаванию истории в средней школе и, во-вторых, собирание, описание и обобщение опыта лучших преподавателей истории. Для этого необходимо издание ряда монографий, знакомящих массовое учительство со всем об'емом работы лучших наших преподавателей истории.

Народный комиссар просвещения тов. В. П. Потемкин, выступая 14 июня 1940 года на собрании директоров и заведующих учебной частью школ Ленинграда с докладом «Предварительные итоги учебного года и задачи школы», сказал следующее: «Незачем доказывать, что к ее (истории) проблемам нужно подходить с известным уважением и осторожностью. Между тем нередко наш учитель с циферблатом в руках стремительно проносится вместе с учащимися мимо крупнейших явлений исторического прошлого. Конечно, в первую очередь в этом повинны наши программы. Они явно перегружены материалом. Повидимому, составители этих программ никак не могли освободиться от мысли, что многие из учащихся средней школы, покинув ее, больше уже не вернутся к истории... Одной из очередных наших задач в ближайшее время должен быть пересмотр школьных программ по истории. Необходимо их облегчить и вместе с тем углубить. Таким образом, внимание учителей и учащихся будет сосредоточено лишь на основных моментах исторического процесса.

Конечно, помимо перегруженности программы неудовлетворительная постановка преподавания истории об'ясняется еще отсутствием учебников по этому предмету... Имеется решение, обязывающее Наркомпрос к 15 июля сдать в производство представленные ему на рассмотрение учебники истории. Это учебники по истории древнего мира, по истории средних веков, по новой истории, по истории СССР. Большинство этих учебников уже проверено на школьном опыте. Почти все они просмотрены и одобрены Институтом школ и Институтом истории при Академии наук. За некоторыми незначительными поправками они могут быть даны в школе в качестве стабильных руководств» («Учительская газета» № 85 (2712) от 25 июня 1940 года).

Это выступление народного комиссара просвещения позволяет твердо рассчитывать, что с будущего года преподавание истории значительно улучшится благодаря тому, что школе будут даны учебники. Для будущего года надо подготовить сокращенные и углубленные программы и направить все внимание на выработку методики преподавания истории при наличии учебника.

За это важнейшее дело и должен взяться вплотную Институт школ Наркомпроса.

Кабинет истории Института школ Наркомпроса РСФСР

175-летие Государственного Эрмитажа

Юбилейная сессия Государственного Эрмитажа, длившаяся с 17 по 24 июня, имеет большое значение в истории нашей культуры. Внимание широких народных масс в эти дни было привлечено к Эрмитажу. Сессия показала, как сложна и многообразна работа Государственного Эрмитажа в области культуры и как надо ценить и поддерживать музеи нашей родины, памятуя высказывания товарищей Ленина, Сталина и Молотова о значении изучения истории культуры прошлого для построения культуры будущего.

Знаменателен сам по себе факт торжества в честь такого культурного учреждения, как музей, в то время когда в капиталистических странах, об'ятых пламенем войны, разрушаются и гибнут величайшие памятники человеческой культуры. Юбилей Эрмитажа — подлинная демонстрация спокойствия и уверенности Советского Союза в своем будущем; в то же время — это показ того, что наша культура первая из культур человечества стала достоянием всего народа.

* * *

Юбилейная выставка была открыта 17 июня. Самая интересная ее часть — показ широким народным массам научной работы отделов Эрмитажа за последние годы.

«Прежде всего считаю, что самая мысль о возложении на музей задачи открывать народным массам «источник эстетического наслаждения» не выдерживает критики»,—писал в 1914 году граф Д. И. Толстой, директор императорского Эрмитажа, в ответ на ходатайство с'езда художников об организации в стенах Музея просветительной работы.

Эти слова, показывающие контраст прошлого и настоящего, невольно вспомнились в первые дни работы сессии.

Умелый показ вещей, фотографий, чертежей, об'яснительных надписей раскрыл перед посетителями всю сложность работы по собиранию, хранению, реставрации и определению памятников материальной культуры и искусства. Изумительный рост Музея после победы Октябрьской социалистической революции, поставивший советский Эрмитаж на уровень двух самых больших музеев мира (Лувр, Британский музей), показан с предельной убедительностью.

Выставка продемонстрировала все виды многообразной работы, которую ведет Музей для приближения своих сокровищ к широким народным массам: экскурсии, лекции, консультации со взрослыми и детьми, а также отклики на эту работу — от небольших и выразительных отзывов до перепечатанных тетрадей с работами коллективов учащихся.

На торжественном заседании 19 июня советская общественность демонстрировала свою большую любовь к Музею. Ленинградские заводы, научные учреждения, Красная Армия, художники, пионеры выступали с горячими приветствиями по адресу юбиляра.

Эрмитаж получил приветствия из всех республик нашего Союза (более 80 писем и телеграмм) и сорок с лишним адресов. Совнарком Армянской ССР сообщил Эрмитажу свое специальное постановление о передаче юбиляру ряда ценных предметов искусства, ввиду большого участия Эрмитажа в культурном строительстве и, в частности, в создании Музея искусств в этой республике. Аналогичные подношения сделали и Музей Западного и Восточного искусства в Киеве и Русский Государственный музей.

Акад. И. А. Орбели, директор Государственного Эрмитажа, в своем выступлении подчеркнул огромную роль Красной Армии, обеспечивающей возможность мирной работы по культурному строительству. Благодаря Красной Армии Эрмитаж и в эту зиму, несмотря на то что он находился в прифронтовой полосе, мог спокойно и плодотворно работать. Акад. Орбели привел в конце своей речи пророческие слова В. Г. Белинского, сказанные ровно сто лет назад: «завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке, и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества». Это пророчество воплотилось в жизнь.

Среди приветствий, полученных Эрмитажем, есть телеграмма заместителя председателя Совнаркома СССР тов. Вышинского. Специальный номер (№ 25—26) органа

партбюро Всероссийской Академии художеств «За социалистический реализм» целиком посвящен Эрмитажу. Многочисленны письма колхозников, бойцов Красной Армии и советских интеллигентов, которые, даже находясь иногда за тысячи верст от Музея, вспоминают то впечатление, которое произвели на них его сокровища.

С 20 по 24 июня шли научные заседания. На пленарном заседании были заслушаны доклады: «Западноевропейское искусство в художественных собраниях Эрмитажа» проф. В. Ф. Левинсон-Лессинга, «Памятники античной культуры и искусства в Эрмитаже» проф. А. А. Передельской, «Памятники культуры и искусства Востока в Эрмитаже» проф. И. М. Лурье, «Нумизматические собрания и их научное исследование в Эрмитаже» члена-корреспондента Академии наук СССР проф. А. А. Ильина и «Собрания доклассового общества и их изучение в Эрмитаже» проф. А. А. Иессена.

Ряд докладов осветил историю Эрмитажа и его собраний. Затем происходили заседания секций: истории культуры и искусства доклассового общества и античного мира, истории культуры и искусства Востока, истории западноевропейского искусства и секции пропаганды.

Кроме того в дни юбилейной сессии шел, по заранее выработанному плану, осмотр под руководством научных работников выставок Эрмитажа.

Свыше 45 докладов было прочитано на секциях, посвященных подведению итогов научной работы и атрибуциям[1] отдельных вещей и их комплексов, экспозиционной работе и каталогизации. В целом доклады дали развернутое представление о работе Эрмитажа как научно-исследовательского и политико-просветительного учреждения.

Доклад акад. И. А. Орбели на секции истории культуры и искусства Востока «Восток и Запад в XII—XIII веках» вызвал такой большой интерес, что был повторен и на секции западноевропейского искусства. В своем докладе акад. И. А. Орбели показал, какое большое значение имели Кавказ и Малая Азия в развитии европейской культуры, и указал на необходимость знания истории и искусства Востока для уяснения и правильного понимания ряда фактов из истории и искусства Запада. Доклад иллюстрировался яркими примерами «загадочности» некоторых памятников искусства с точки зрения буржуазной науки, которые становились об'яснимыми, как только привлекался хронологически более ранний, восточный материал.

[1] Определение принадлежности анонимных произведений искусства тому или иному художнику.

Проф. К. В. Тревер в докладе «Проблема греко-бактрийского искусства» показала на конкретном материале взаимодействие культур Запада и Востока и осветила вопросы, имеющие огромное значение для правильного понимания истории и истории искусства Средней Азии. Доклад проф. Тревер явился итогом ее 15-летней работы над этими вопросами.

Небольшой доклад молодого ученого, старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа А. Я. Борисова, скромно озаглавленный «К проблеме согдийского искусства», был одним из интереснейших докладов. В этой работе А. Я. Борисов установил значение изображений на определенной группе согдийских оссуариев (погребальные урны) и разрешил научную проблему, которую не могли разрешить десятки лет наши ученые и без правильного разрешения которой немыслимо было достигнуть настоящего понимания целого ряда явлений в области культуры Согда. Докладчик сумел показать и метод своей научной работы, как бы ввести слушателей в лабораторию ученого.

Старший научный сотрудник Б. Б. Пиотровский дополнил свою напечатанную в 1939 году в издании Государственного Эрмитажа работу «Урарту» очень интересными данными о раскопках последнего года в Кармир-Блуре (близ Еревана), которые в будущем обещают чрезвычайно обогатить наши знания о государстве Урарту.

Огромный интерес вызвал доклад старшего научного сотрудника Е. Г. Пчелиной «Нартовский (богатырский) эпос в памятниках Северо-Осетинских могильников». Е. Г. Пчелина цитировала ряд мест из этого замечательного эпоса, содержащего мифы солярного[2] круга, сходные с хорошо известными мифами Греции и других народов. Это — новое доказательство того, что нельзя в основу об'яснений тожества сюжетов класть теорию заимствований, а нужно их выводить из определенной стадии развития человеческого общества. Памятники искусства, найденные в могильниках, позволили наконец датировать этот эпос, так долго хранившийся в памяти народа и записанный лишь совсем недавно.

Эрмитаж предполагает в дальнейшем продолжить работу по изучению этого эпоса и круга памятников материальной культуры, с ним связанных.

Старший научный работник В. Н. Казин в своем докладе «Взаимоотношения Золотой орды с Китаем и Монголией» привел ряд ценных фактов, до сих пор неизвестных ни из европейских, ни из арабских и персидских источников.

[2] Солярные мифы, связанные с почитанием планет и звезд.

Кроме того в секции были прочитаны доклады проф. А. Н. Зографом «Находки античных монет на Кавказе» и старшего научного сотрудника А. А. Быкова «Новый клад местных исторических монет из Таджикистана».

Работы секции привлекли очень большое количество гостей. В их числе были как крупные специалисты в области истории, филологии и искусства Востока, так и художники, педагоги и аспиранты вузов.

В секции истории культуры и искусства доклассового общества молодой ученый, старший научный сотрудник Б. З. Рабинович прочел доклад «Этапы развития звериного стиля в Северном Причерноморье», в котором он дал подробную схему развития так называемого скифского звериного стиля и установил определенные периоды в его развитии от VII до IV века до нашей эры.

Такая периодизация этого стиля дается впервые, и доклад вызвал большой интерес специалистов.

Проф. М. П. Грязнов подвел итог раскопкам кургана Пазырык (Алтай) и связанных с ним памятников, давших такой изумительный материал для выставки Государственного Эрмитажа. Он нарисовал яркую картину хозяйства, быта и социальных отношений кочевников Алтая.

Много нового, интересного материала дали доклады старшего научного сотрудника А. П. Манцевич «О датировке кургана Солоха», А. Н. Волкович «Шлем V—VI веков из окрестностей Канева», проф. А. А. Иессена «Новые данные о производстве бронзы на северозападном Кавказе», аспиранта В. М. Неклюдова «О слитках Нижне-Сблотинского клада» и сообщения работников реставрационной мастерской А. А. Анисовой и Д. И. Смирновой о работе над очисткой вещей.

Проф. А. А. Передольская в докладе «Основы изучения Северного Причерноморья в отделе античного мира» раскрыла общие установки по изучению античных колоний Причерноморья.

Доклады Г. Д. Белова («Некрополь Херсонеса классического и эллинистического времени как источник для изучения истории города»), М. М. Худяка и Л. Ф. Силантьевой осветили результаты современных археологических работ в Херсонесе и во время Нимфейской экспедиции 1939 года и планы дальнейших археологических работ.

В секции истории западноевропейского искусства проф. В. Ф. Левинсон-Лессинг осветил проблемы экспозиции западноевропейского искусства и подчеркнул значение комплексных экспозиций для изучения культуры прошлого. Наряду с комплексными выставками проф. Левинсон-Лессинг считает вполне допустимым существование выставок, об'единяющих однородный материал.

Доклады проф. М. И. Щербачевой и старшего научного сотрудника Е. Ю. Фехнер иллюстрировали доклад В. Ф. Левинсон-Лессинга на конкретном материале выставок итальянского и голландского искусства.

Очень большой интерес вызвали доклады проф. М. И. Щербачевой «Вновь опознанный женский портрет работы Рубенса», старшего научного сотрудника Е. Г. Ноттгафт «Салоны» Дидро и собрание французского искусства в Эрмитаже» и доклад проф. А. Н. Кубе «К истории собрания памятников художественной промышленности средних веков и эпохи Возрождения в Эрмитаже».

В этой же секции были прочитаны и другие доклады, осветившие школы и направления в искусстве, а также творчество отдельных художников.

На секции пропаганды были прочитаны доклады: А. П. Ильиной «Формы организации посещаемости Эрмитажа», А. Г. Николаевой «Методика пропагандистской работы в Эрмитаже» и Л. В. Антоновой «Работа Эрмитажа со школой». Особенно надо отметить огромную работу, проводимую Эрмитажем в помощь школе.

К юбилею вышел целый ряд изданий: «Труды отдела Востока», тт. I и II; «Труды отдела Западноевропейского искусства»; «Сообщения Государственного Эрмитажа», вып. I; И. А. Орбели «Синхронистические таблицы для перевода исторических дат по хиджре на европейское летосчисление»; А. Ю. Якубовский «Культура и искусство Средней Азии»; И. А. Гурвич «Тициан»; Е. Г. Лисенков «Офорты Шанга»; О. Э. Вольценбург «Эрмитажная библиотека»; С. Варшавский и Б. Рест «Эрмитаж»; Альбом «Государственный Эрмитаж», 32 репродукции; «Атлас по истории культуры и искусства древнего Востока»; К. Л. Круглов «Эрмитаж»; Доброклонский «Каталог рисунков итальянских мастеров»; А. Н. Кубе «Испано-мавританская керамика»; Л. Л. Раков «Краткий очерк военной истории нашей родины»; М. Э. Матье «Мифы древнего Египта».

В ближайшие дни выйдут: М. В. Доброклонский «Графика Рубенса и его школы»; «Общий путеводитель по Эрмитажу» в 2 выпусках; Ж. А. Мацулевич «Путеводитель по залам французского искусства»; А. А. Иессен и Б. Б. Пиотровский «Моздокский могильник»; К. В. Тревер «Памятники бактрийского искусства»; М. В. Доброклонский «Рисунки Рубенса».

К. П-Р.

Совещание по внеклассной работе

21 мая 1940 года состоялось совещание учителей истории московских школ, созванное редакцией «Исторического журнала» и кабинетом истории Государственного научно-исследовательского института школ НКП РСФСР. На совещании присутствовало 50 человек.

Совещание открыл редактор «Исторического журнала» Б. М. Волин, который в кратком вступительном слове указал на важность внеклассной работы по истории, на ее громадное политико-воспитательное значение.

С характеристикой задач и видов внеклассной работы по истории выступила заведующая отделом «История в школе» в «Историческом журнале» А. В. Фохт. Особенно она подчеркнула роль школьных организаций комсомола в организации внеклассной работы.

Преподаватель 114-й школы Москвы тов. Хмелев сделал доклад о состоянии внеклассной работы в московских школах на основе опыта лучших учителей. Докладчик прежде всего отметил отсутствие внимания к внеклассной работе со стороны отделов народного образования и значительной части преподавателей. Задачи этой работы он определил следующим образом:

«Во-первых, помочь учащимся расширить и углубить знания, полученные в классе.

Во-вторых, конкретизировать эти знания, знакомя учеников с историческими памятниками.

В-третьих, содействовать выработке навыков работы над книгой.

В-четвертых, развивать активность и навык к публичным выступлениям.

В-пятых, вести работу по коммунистическому воспитанию учеников».

Начальной формой внеклассной работы по истории тов. Хмелев считает чтение преподавателем отрывков из художественных произведений или популярных лекций на историческую тему, сюда же он относит и художественное рассказывание. В Москве имеется мастер художественного исторического рассказа Желобовский, который очень красочно рассказывает о Греции, Риме, Спартаке, эпохе Возрождения, Леонардо да Винчи. Такие рассказы увлекают ребят и вызывают в них живой интерес к описываемым событиям.

Из всех видов внеклассной работы тов. Хмелев особенно выделяет исторический кружок, пред'являя к нему следующие требования: планомерность и систематичность работы с определенным составом учащихся; обязательная активность всех участников; обмен полученными знаниями с товарищами по кружку.

Затем тов. Хмелев останавливается на тематике кружковой работы. Он выделяет три типа кружков: 1) кружок, работающий по некоторым темам программы; 2) кружок, работающий по темам, не связанным с курсом; 3) кружок свободной тематики, в котором каждый кружковец выбирает сам любую тему из любого курса. Последний вид кружковой работы возможен, конечно, только в старших классах, когда у ребят есть уже определенный запас знаний и развился интерес к истории.

Тов. Хмелев особенно решительно критикует установившуюся во многих кружках докладную систему работы. Доклады засушивают работу кружка, говорит тов. Хмелев. Обсуждения обычно не возникают, так как у кружковцев нет материала для выступления. Для самого докладчика, конечно, полезна работа над материалом доклада, но остальные кружковцы остаются неудовлетворенными.

Тов. Хмелев делит кружки на массовые — по постановке спектаклей или по подготовке исторических вечеров, конференций — и на кружки с небольшим числом участников — это либо кружки музейного характера либо кружки краеведческие, литературно-исторические.

Далее, тов. Хмелев дал очень критическую оценку школьных спектаклей на исторические темы: «Я видел сцены из «Аргонавтов». Ребята были одеты в греческие костюмы, рассказывали складно. Звучали стихи Эсхила, выходили актеры. Но выходили дети. Были некоторые элементы карикатурности. У меня есть опасение, что таким образом несколько вульгаризируется история».

Это утверждение тов. Хмелева не встретило одобрения присутствующих.

Достаточно обстоятельно остановился тов. Хмелев и на опыте собственной внеклассной работы (описанной им в статьях в «Историческом журнале»), которую он вел ряд лет в 114-й школе.

Тов. Хмелев рассказывает о любопытном факте, показывающем рост культуры кружковцев:

«Когда я кружковцу в 6-м классе поручил сделать доклад о феодальном замке, то он, прочитав статью в книге Тарасо-

ва и Моравского, поступил таким образом: на доске начертил замок и по чертежу сделал доклад».

В заключение своего содержательного доклада тов. Хмелев указывает на необходимость создания материальной базы для внеклассной работы.

По докладу тов. Хмелева развернулись оживленные прения, в которых выступавшие поделились своим опытом ведения внеклассной работы по истории.

Первой выступила научный сотрудник Третьяковской государственной картинной галлереи тов. Викторова, которая рассказала об интересном опыте работы с кружками учащихся при Третьяковской галлерее.

«Специфика наших кружков заключается в том, что наши занятия ведутся на очень ярком художественном и эмоционально воздействующем материале. Историческая выставка дала возможность оформить и разработать тематику исторических кружков 8, 9 и 10-го классов. Самое трудное в нашей работе,— указывает тов. Викторова,— это то, что мы не видим достаточного внимания к нашей работе ни со стороны школы, ни со стороны администрации самой Третьяковской галлереи. Школа нам мало помогает в организации кружков, в их ведении, а иногда занятия кружков даже срываются самой школой».

В заключение своего выступления тов. Викторова останавливается на отсутствии достаточной материальной базы для всей проводимой работы: «Комитет по делам искусств» не хочет понять всей важности работы Галлереи со школьниками. Работа эта очень слабо финансируется. В помещенной в «Историческом журнале» (№ 7 за 1940 год) статье тов. Викторова подробно описывает работу исторических кружков учащихся при Третьяковской галлерее.

Выступление учащегося 9-го класса 124-й школы Юры Сиротина показало значение внеклассной работы по истории. С большим удовлетворением Юра Сиротин рассказывает о кружковых занятиях в Третьяковской галлерее. «Мы считаем,— говорит Юра,— самым полезным для нас расширение нашего кругозора. Весь кружковые занятия открыли нам совершенно новую для многих область — именно искусство, область, очень интересную и дающую громадное поле для самостоятельной работы. Вырабатывалось критическое отношение к материалу, к книге, над которой работаешь».

Юра Сиротин говорит о чувстве подлинного, настоящего товарищества, которое развивается в работе кружка.

Вслед за Юрой Сиротиным выступила преподавательница 124-й школы тов. Авдыкович с рассказом об опыте внеклассной работы под ее руководством. Главное внимание в кружковой работе тов. Авдыкович уделила темам по истории культуры. Эти вопросы входят в учебную программу, но по недостатку времени преподаватели часто их пропускают. Учащиеся изучали выставку исторической живописи в Третьяковской галлерее. Работа проводилась совместно с научными сотрудниками Третьяковской галлереи.

«Без такого содружества,— говорит Авдыкович,— работа не могла бы идти. Почему? Потому что каждая тема кружка двусторонняя: с одной стороны — искусствоведческая, с другой — историческая. Соединение этих двух сторон в одно целое является задачей экскурсовода и преподавателя истории».

Результатами своей работы кружковцы поделились в выпущенном ими «Бюллетене исторического кружка 124-й школы».

Преподавательница 318-й школы тов. Андриевская рассказала, что в тематику кружковой работы она включила темы как по древней истории и истории средних веков, так и темы, относящиеся к современности.

Тов. Машевич об'единила в кружке учащихся двух школ разных районов Москвы: 47-ю Фрунзенского района и 277-ю Ростокинского района. В 8-м классе ею были организованы кружковые занятия в Историческом музее на темы «Борьба русского народа за свою независимость в XVII веке» и «Народные движения в русском государстве XVII века». Доклады свои после предварительной работы под руководством преподавательницы и работника Исторического музея тов. Константиновой кружковцы делали в самом Музее. Для девятиклассников были организованы занятия в Музее революции на темы «Развитие капитализма», «Критика народничества», «Начало революционной деятельности Ленина». В Музее революции ученики работали под руководством преподавательницы и научного работника Музея тов. Резцова. Доклады проводились также в Музее. Кроме того с учениками 8-го класса провели конференцию на тему «Жизнь и деятельность Маркса и Энгельса». В результате внеклассной работы повысилась успеваемость кружковцев по всем предметам в классе.

Старший научный сотрудник Института школ тов. Гельмонт в своем выступлении отметил, что некоторые учителя, директора школ и руководители органов народного образования еще недооценивают учебно-воспитательное значение внеклассной работы. Тов. Гельмонт подчеркнул, что внеклассная работа помогает учащимся при-

обрести глубокие, прочные знания. Известен ряд случаев, когда неуспевающие и недисциплинированные учащиеся, привлеченные учителем и своими товарищами к работе в кружке или к организации вечера-спектакля, через некоторое время становились примерными учениками и активистами школы.

В заключение тов. Гельмонт сообщил, что изучение форм внеклассной работы и обобщение опыта лучших учителей в этой области являются одной из основных задач Института школ. В конце 1940 года предполагается созвать Всероссийскую научно-педагогическую конференцию по этому вопросу. Московские учителя выступят на конференции с интересными сообщениями о своей работе и примут участие в специально подготовляемой выставке.

После выступления тов. Гельмонта преподавательница 124-й и 130-й школ Москвы тов. Айзенштадт поделилась своим опытом. Исторический кружок, руководимый ею, изучал документы, гравюры, образцы оружия, собранные в Историческом музее. По произведениям художников Бенуа, Лансере и Серова в Третьяковской галлерее учащиеся познакомились с историей строительства Петербурга. Кружковцы посетили несколько раз выставку «Война 1812 года» в Историческом музее. Затем в Третьяковской галлерее сопоставляли экспонаты выставки «Война 1812 года» с соответствующими картинами художника Верещагина и других.

Комбинированная работа кружка на материалах Исторического музея и Третьяковской галлереи вызвала большой интерес у ребят.

Тов. Айзенштадт считает, что важнейшим условием плодотворной работы кружка такого типа должно быть тесное сотрудничество руководящего состава: преподавателя, музейного работника и старосты кружка.

Кружок 142-й школы Москвы (преподаватель — тов. Круковский) отличается от большинства кружков своеобразной организацией. Тов. Круковский сообщил на совещании, что этот кружок, состоящий из 40 человек, разбит на 10 групп. Каждая группа работает по специальной теме или заданию. Руководит кружком преподаватель и президиум, состоящий из ответственных по каждой группе.

Кружковцы организовали две конференции учащихся 8 и 9-го классов по вопросам истории науки, техники и искусства. Были сделаны доклады на темы «История телеграфа в России», «История электрической лампочки» и другие. Кружковцам в работе над этими докладами оказывали помощь учителя физики и химии.

Силами кружка подготовлено большое количество наглядных пособий. Собран материал по истории книгопечатания в России, по истории школы с древнейших времен, по истории Москвы, по истории артиллерии и т. д. Все это, заявляет тов. Круковский, является для учителя ценнейшим подспорьем в преподавании.

В конце нынешнего учебного года в школе была организована историческая викторина, в ней приняло участие около 120 учащихся. Игра закончилась триумфом кружковцев: они заняли первые 6 мест, ответив правильно на все вопросы.

Учитель 70-й школы Москвы тов. Строганов, говоря о видах работы его школьного кружка, считает, что основным элементом кружковой работы должно быть творчество учащихся. По его мнению, в младших классах нужно поощрять развитие у учащихся элемента творчества чисто эмоционального характера, а в старших классах привлечь учащихся к научно-исследовательской работе.

«Образцом моей работы, — сообщил тов. Строганов, — была работа с учащимися 5-х классов по организации постановки египетского спектакля. Он был осуществлен 3 года тому назад. Этот спектакль превратился в довольно большое, яркое и красочное зрелище. В нем приняли участие 162 человека.

Приступив к работе над постановкой египетского спектакля, мы решили написать пьесу силами кружка, так как никаких художественных произведений драматического характера из египетской жизни нет. Был составлен сценарий на основе стихотворения Гейне. Авторы сценария использовали тексты из документов по истории Египта.

Работа над оформлением спектакля проводилась дружно и с энтузиазмом (спектакль, кстати сказать, школе не стоил ни копейки). Постепенно в спектакль вводились танцы, музыка и хор. Весь зал был превращен в египетский храм с золотыми буквами, с изображениями богов и т. п. Была организована выставка, где каждый экспонат двигался и можно было осмотреть его внутренний вид. В эту работу был вовлечен весь преподавательский коллектив школы и в первую очередь учительница рисования.

В настоящее время, — говорит тов. Строганов, — я веду работу с кружковцами старших классов, она протекает преимущественно над первоисточниками по «узким темам». По желанию учащихся старших классов была установлена следующая тематика работы кружка: «Военное искусство монголов при Чингис-хане», «Батый

в Центральной Европе», «Докторская диссертация Маркса», «Суворовская наука побеждать» и т. д. Каждый кружковец брал сравнительно узкую тему, иногда мало освещенную в исторической науке, и старался разработать ее. Он подбирал библиографию, составлял план будущей работы. В процессе подготовки доклада кружковцы делали сообщения на заседании кружка о содержании основных разделов темы. Окончательно подготовленный реферат заслушивался в кружке. Я думаю, что система докладов имеет большое значение для подготовки кадров будущих историков»,— говорит тов. Строганов.

Участники совещания задали тов. Строганову несколько вопросов о составе кружка старших классов и о принципах подбора участников кружка. Из ответов тов. Строганова выяснилось, что кружок охватывает незначительную группу учащихся, преимущественно отличников. Совещание отнеслось отрицательно к попыткам тов. Строганова превратить своих кружковцев в «скороспелых» ученых, видя в этом возврат к осужденному партией и правительством «лабораторному методу».

Интересным опытом работы поделилась преподавательница 586-й школы Москвы тов. Каплинская. Она в этом году организовала с учащимися 9 и 10-го классов ряд вечеров-конференций. В 9-м классе были проведены вечера на темы «Парижская Коммуна», «История царствования Петра I», «Положение крестьян при Екатерине II», в 10-м классе — конференция по теме «Государство и революция».

«Есть в школе способные ученики, — говорит тов. Каплинская,—которые сами находят возможность даже в об'еме своих знаний вести небольшую научно-исследовательскую работу. Но я главным образом работаю с ребятами, имеющими посредственные и плохие отметки, и они делают замечательные доклады. Например ученик Г., у него плохие отметки по дисциплине по всем четвертям, но он сделал прекрасную работу по истории русской культуры второй половины XVIII столетия. На конференции присутствовало 70 человек, и все они слушали с большим вниманием яркое и интересное сообщение ученика Г.

В этом году мы провели в школе интересную конференцию на тему о положении крестьян в царствовании Екатерины II. Я предложила одному ученику 9-го класса прочитать роман Юрезанского «Исчезнувшее село» и сделать сообщение о положении крестьян на Украине во второй половине XVIII века и об их борьбе с помещиками. И ученик живым, образным языком рассказал содержание романа. Конференция дала очень хорошие результаты, у учащихся сильно повысился интерес к исторической литературе. На конференции присутствовали все три 9-х класса, это около 100 человек. С 10-ми классами была проведена конференция по ленинской работе «Государство и революция». Над этой темой работало 15 учащихся. Они провели очень большую подготовительную работу, длившуюся около двух месяцев. Ребята читали рекомендованный материал, я консультировала. Конференция заняла два вечера, и я считаю, что она дала много полезного учащимся».

После тов. Каплинской выступил тов. Никифоров. По его мнению, надо начинать внеклассную работу в 5-х классах не с организации кружка, а с массовых мероприятий. Увлекательное чтение, увлекательный рассказ, демонстрация диапозитивов, экскурсия — вот что должно заинтересовать учащихся 13-летнего возраста. Эти формы внеклассной работы пробудят у учащихся влечение к истории. Такие же массовые мероприятия полезны и в 6-х и в 7-х классах. Путем организации вечеров и экскурсий в музеи можно подробно ознакомить учащихся с бытом и культурой средних веков, в частности с эпохой Возрождения.

Переход учащихся старших классов к работе с научной книгой и документом должен совершаться постепенно. Пусть учитель предварительно приучит учащихся читать исторические повести, романы и научно-популярную литературу. На известной ступени развития учащихся полезно применять простой пересказ прочитанного. Нельзя считать, как это делает тов. Строганов, что учащиеся уже на школьной скамье превращаются в исследователей, могущих двигать вперед науку при незаконченном среднем образовании.

Тов. Яхонтов, преподаватель 125-й школы Москвы, рассказал о работе кружка учащихся 9-х классов, возникшего еще в прошлом учебном году. Тематика кружка построена на материале истории СССР первой четверти XIX века. Были заслушаны доклады о политических настроениях русского дворянского общества в начале XIX века, о Сперанском и его плане государственного преобразования, о политических и общественных взглядах Карамзина, о русском народе во время Отечественной войны и другие.

Учащиеся для подготовки докладов знакомятся с журнальной и газетной литературой начала XIX века и изучают исторические памятники (проекты Сперанского и «Записка» Карамзина). Для характеристики быта русского общества того времени кружковцы изучали роман Льва Толстого

«Война и мир». Работа кружка в этом году была завершена выпуском бюллетеня, в котором кружковцы рассказывают о своем большом удовлетворении работой и выражают пожелания, чтобы занятия кружка продолжались и в будущем году.

На совещании, кроме учителей, выступили научные сотрудники Исторического музея (тов. Козлова), Музея изобразительных искусств имени Пушкина (тов. Волошина) и московского Дома пионеров (тов. Рунина).

Тт. Козлова и Волошина считают, что кружкам нужно продолжать ценный опыт работы этого года на комбинированной базе Музея и Картинной галлереи. Необходимо привлечь Музей изобразительных искусств. Крайне полезно учителям 5-х классов по темам истории Греции проводить занятия в Историческом музее и в Музее изобразительных искусств. Тов. Волошина в своем выступлении отметила, что большинство преподавателей истории Москвы, к сожалению, не знает тематики Музея изобразительных искусств и поэтому не может привлечь экспонаты Музея в помощь преподаванию истории в школе.

Тов. Рунина рассказала об интересной работе кружковцев — юных историков — Дома пионеров. Одиннадцать кружков различного типа и тематики охватывают пионеров начиная с 4-го и кончая 10-м классом.

Огромное воспитательное значение кружковых занятий проиллюстрировала тов. Рунина на интересном примере.

«В этом году, осенью, ко мне пришел записаться в кружок один мальчик,— рассказывает тов. Рунина. — В кружке уже были ребята из его класса, и они мне заявили, что если этот мальчик будет принят в кружок, они уйдут из кружка. Мальчик был на плохом счету в школе. Это заставило меня обратить на него особое внимание. Я заметила, что он неопрятно одет. Сказала ему, что мы перед ребятами ставим требование приходить в Дом пионеров чистыми и опрятно одетыми. В Исторический музей мальчик пришел аккуратно одетым. Он стал заниматься в кружке. Мы были к нему внимательны, поощряли его активность. В конце года его приняли в пионеры. Он сдружился с ребятами и был выбран единогласно на ученическую конференцию. У него не было больше плохих отметок. Сейчас он кончает год, не имея ни одной посредственной отметки».

Закрывая совещание, тов. Волин в заключительном слове отметил, что настоящее совещание подвело итоги очень интересного опыта работы учителей-историков и это, можно надеяться, вызовет отклики со стороны лучших преподавателей нашего Союза. Наркомпросу РСФСР нужно позаботиться о материальной помощи школам в деле организации внеклассной работы. Совещание, несомненно, будет способствовать дальнейшему улучшению состояния внеклассной работы в школе, как этого от нас требуют наша партия и наша страна.

В. ОРЛОВ, Ю. БЕР

Конкурс юных историков

Лучшие школьные учителя проводят в настоящее время с учащимися большую и интересную работу по истории. Многочисленные и разнообразные кружки, экскурсии в музеи, просмотр и обсуждение исторических пьес и кинофильмов, организация вечеров на исторические темы и прочее — вот наиболее распространенные формы работы по истории в наших передовых школах.

Московский Дом пионеров также имеет опыт успешной работы с учащимися по истории.

Но исторические факультеты вузов до сих пор всерьез со школьниками не работали, тогда как они могли бы оказать существенную помощь школе в деле коммунистического воспитания молодого поколения.

Почин в организации живой, увлекательной работы среди учащихся старших классов принадлежит историческому факультету ныне орденоносного Московского государственного университета имени Ломоносова. В 1939—1940 учебном году им был об'явлен и проведен конкурс на лучшее сочинение по истории среди школьников Москвы. Этот первый опыт оказался удачным. Он показал, что подобного рода конкурсы являются одной из лучших

форм работы исторических факультетов с учащимися старших классов.

В конкурсе приняли большое участие Московский городской комитет комсомола и редакция газеты «Вечерняя Москва». Последняя даже выделила в распоряжение жюри три премии.

Как же отнеслись к конкурсу сами школьники?

Всего было зарегистрировано 400 участников, но, кроме москвичей, еще 100 ребят из'явили свое горячее желание участвовать в конкурсе, прислав в МГУ письма со всех концов нашей необ'ятной страны.

Члены жюри: член-корреспондент Академии наук проф. С. В. Бахрушин, профессора М. С. Зоркий, Н. М. Дружинин, С. Н. Протасова и др. — проделали огромную работу. В консультировании школьников и в рецензировании сочинений принимали участие все поколения университета: студенты, аспиранты, доценты, профессора, академики. Ребятам помогали выбрать тему, подбирали литературу, давали необходимые методологические установки; школьников учили работать с книгой, с источником: документом, мемуарной литературой, летописью.

Работали юные историки с жаром, с увлечением, очень серьезно и добросовестно, но дело оказалось нелегким. Преодолеть все препятствия, т. е. достать необходимую литературу, изучить ее в сравнительно короткий срок, обдумать и сделать выводы из прочитанного и, наконец, написать сочинение сумели из 400 лишь 100 участников.

Что представляют собой эти первые серьезные работы школьников по истории? Каковы итоги конкурса?

Из 100 сочинений 70 получили положительный отзыв жюри. Это серьезные, основанные на сравнительно обширной литературе, исторически верные, подчас художественно изложенные работы. Большинство юных авторов было премировано. 14 первых премий получили школьники, написавшие выдающиеся сочинения. Среди них есть ученики 10, 9, 8, 7-го и даже 6-го классов как мальчики, так и девочки. Упомянем лишь о нескольких из этих работ.

Юра Брейтман, ученик 6-го класса 114-й школы, написал работу «Москва в 1812 году». Она основана на большой литературе, серьезных источниках (мемуарах, документах) и снабжена большим количеством иллюстраций.

Нина Гюрджан, ученица 10-го класса 43-й школы, выбрала тему по новой истории — «Маркс, Энгельс и Парижская коммуна». Это добросовестная, хорошая работа.

Ученик 8-го класса 175-й школы Юра Гец писал сочинение на тему «Москва в XII—XV веках». Он использовал обширную литературу (35 названий), среди которой имели место и летописи. Результатом его работы явилось вдумчивое изложение истории Москвы с XII по XV век.

Есть среди премированных работ сочинения и несколько иного рода.

Николай Евдокименков, ученик 9-го класса школы имени Шацкого, Московской области, работал над темой «Из истории пореформенных отношений в бывшей Калужской губернии». Под руководством своего учителя-энтузиаста тов. Кузина, воспитанника Московского университета, этот ученик, пользуясь местными архивными материалами, частично еще не опубликованными, написал небольшое научное исследование по истории своего края. Подобного же рода сочинения написало еще несколько учащихся этой школы. Безусловно, такой краеведческо-исторический метод работы нужно приветствовать.

Костя Гурвич, ученик 10-го класса 281-й школы, написал очень интересное сочинение на тему «Виновность английского империализма в убийстве 26 бакинских комиссаров».

Из работ по истории средних веков следует прежде всего отметить сочинение о Мюнстерской коммуне, написанное учениками 8-го класса Брушлинским и Дрюбиным, а из работ по истории древнего мира — сочинение ученика 7-го класса 312-й школы Немировского «Древнеегипетский фараон Эхнатон».

Из приведенных примеров видно, что темы брались участниками конкурса самые разнообразные. Однако вполне естественно, что наибольший интерес у школьников вызывали темы по истории родной страны, по истории народов СССР.

Особенностью работ юных историков является то, что «они написаны не только языком мысли, но и языком чудесного молодого сердца» (проф. Дружинин). Огромная любовь к истории чувствуется у юных авторов.

Характерно также отсутствие шаблона в изложении, отсутствие избитых, трафаретных выражений. Некоторые сочинения написаны настолько ярко, выразительно, что производят впечатление художественного произведения (например сочинение по истории Москвы Юры Якушева, ученика 9-го класса 645-й школы).

Типичным для юных авторов является творческое, исследовательское отношение к теме, особенно у десятиклассников.

Наиболее существенным недочетом юных историков является неумение правильно оценить роль той или другой исторической личности, например в сочинении ученика 7-го класса Любарского «Разгром третьей коалиции Наполеоном» наблюдается некритический подход к личности Наполеона I. Юный автор, написавший работу, свидетельствующую о прекрасном знании фактического материала, не учел, не понял до конца той характеристики, которую дал наполеоновскому правительству тов. Сталин. Другой автор — Минкова, ученица 9-го класса 58-й школы, — написавшая сочинение о Сен-Жюсте, также не могла дать достаточно верной оценки этого деятеля якобинской диктатуры. Работа получилась односторонней, некритической, сплошным восхвалением Сен-Жюста. Правда, тема у ученицы Минковой была сложная, однако если бы ей вовремя, на консультации в МГУ или в беседе с учителем, раз'яснили, в чем состоит величие Сен-Жюста и в чем его слабости, работа выглядела бы по-иному.

Нет еще у наших юных историков критического подхода к старой исторической литературе, которой они широко пользовались. Поэтому часто тот или иной автор попадал в плен то к Ключевскому, то к Соловьеву.

В будущем учебном году при историческом факультете МГУ будет создано силами профессоров, аспирантов и студентов старших курсов постоянное бюро консультаций для школьников. Учителя и учащиеся, серьезно занимающиеся историей (а таких, как показал опыт, в Москве немало), должны это иметь в виду. Уже в настоящем учебном году исторический факультет дал участникам конкурса более пятидесяти консультаций. Интересно отметить, что те учащиеся, которые сумели их надлежащим образом использовать, продолжают работать над своими темами и после конкурса. Они взялись серьезно за изучение иностранных языков. Некоторые из них предприняли поездки в Ленинград, в Гатчину и т. д., чтобы ближе познакомиться с теми историческими местами, о которых они много читали в книгах.

Кроме недостатков методологического порядка, в сочинениях школьников есть и другие недочеты, о которых умолчать нельзя. В целом ряде работ имеется большое количество орфографических и синтаксических ошибок. Жюри конкурса снижало оценку хорошим, но не достаточно грамотным сочинениям. Иногда можно было наблюдать у некоторых участников конкурса, правда, не у большинства, чрезмерную самоуверенность и переоценку своих сил, что приводило неизбежно к неумению правильно использовать консультации, к игнорированию указаний консультанта, а отсюда уже и к неумению правильно оценить ту или иную книгу, к неумению правильно сделать вывод. Однако есть все основания надеяться, что у юных авторов, получивших блестящие отзывы о своих работах, не закружится голова, что они будут настойчиво, последовательно, серьезно и скромно работать над изучением истории. Порукой этому слова ученика 8-го класса, получившего первую премию на конкурсе, Брушлинского. «Я думаю,—сказал он,—что участникам конкурса не следует зазнаваться, а необходимо признать наши сочинения за первые робкие шаги в деле изучения истории. В дальнейшем нужно еще очень много работать, чтобы наспех оформленные работы превратить в действительно полные и исчерпывающие».

Ясно, что по мере роста знаний у учащихся их требования к самим себе будут повышаться, и этому можно лишь радоваться.

Успех конкурса меньше всего можно считать случайным. Понятно, что без того внимания, которое уделяют историческому образованию в нашей стране партия, правительство и лично товарищ Сталин, такие успехи были бы невозможны. В результате разгрома антиленинской, антиисторической школы Покровского, в результате ряда указаний об историческом образовании со стороны партии и правительства, наконец, в результате той огромной роли, которую сыграл выпуск «Краткого курса истории ВКП(б)», неизмеримо вырос интерес к исторической науке в широких народных массах и в том числе, конечно, у школьников.

Успех этот об'ясняется также и тем, что участники конкурса — это ребята, которые не только любят историю, интересуются ею, но и серьезно, глубоко, «по-взрослому» стараются ее изучать.

Большую роль в работе школьников над сочинением сыграли и учителя. Авторы наилучших работ являются часто питомцами передовых учителей или активными кружковцами Московского Дома пионеров.

Следовательно, от того, насколько энергично будут участвовать в последующих конкурсах учителя, в значительной степени зависит успех учащихся. Немалую помощь участникам конкурса оказали также профессора МГУ своими советами, беседами, консультациями. Они с неослабевающим интересом следили и следят за первыми опытами серьезной работы школьников в изучении истории.

Наконец, филиал Публичной исторической библиотеки, единственной доступной библиотеки для школьников, тоже усердно помогал участникам конкурса в их трудном, но благодарном деле. Литературу доставать участникам было чрезвычайно трудно: ведь даже многие из десятиклассников не могут быть записаны в Библиотеку имени Ленина, а работа, в основном, строилась на источниках, иногда даже редких. Школьники были очень энергичны в этом вопросе: они использовали все имеющиеся в их распоряжении возможности. При помощи родителей, знакомых или по ходатайству МГУ ребята проникали даже в ИМЭЛ.

Филиалу Публичной исторической библиотеки надо иметь в виду, что в будущем учебном году наплыв школьников, жаждущих работать над историей, будет еще больше, а запросы шире и настойчивее. Что касается других библиотек, в первую очередь Библиотеки имени Ленина, то им надо серьезно подумать над тем, чем и как можно помочь участникам конкурса, глубоко и серьезно изучающим историю.

Конкурс, об'явленный историческим факультетом МГУ, обнаружил, что среди учащихся имеется немало молодых людей, которые собираются всецело посвятить себя исторической науке.

Работа среди школьников является, таким образом, кровным делом исторических факультетов. Не надо доказывать, что воспитывать советского историка, образованного, горячо любящего свою науку, глубоко преданного партии и правительству, следует со школьной скамьи. Исторические факультеты вузов должны развернуть среди учащихся старших классов большую и интересную работу по истории. Конкурсы, лектории, консультационные бюро, популярные брошюры для школьников и прочее — все это нетрудно создать людям, которые действительно любят свою науку и заботятся о ее будущем.

Передовые учителя-историки должны всеми силами содействовать такой работе среди учащихся и серьезно помогать своим питомцам в их первых опытах глубокого изучения истории.

О. КЕЛЬ

ДОКТОРСКИЕ И КАНДИДАТСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ В МОСКОВСКОМ ИНСТИТУТЕ ФИЛОСОФИИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ ИМЕНИ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО.

«Первый этап гражданской войны на юго-востоке России»

15 января 1940 года на заседании Ученого совета ИФЛИ имени Н. Г. Чернышевского состоялась защита диссертации тов. Н. М. Разгоном на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тема диссертации—«Первый этап гражданской войны на юговостоке России». Материалами для диссертации послужили фонды Архива Октябрьской революции в Москве, Всесоюзного архива Красной Армии, Всесоюзного военно-морского архива в Ленинграде, архивов Ростова на Дону, Краснодара, Пятигорска, городов Орджоникидзе и Ворошилова. Диссертант провел большую работу по записи воспоминаний участников гражданской войны. Было опрошено около 200 человек. Тов. Разгон пользовался также местной печатью периода гражданской войны.

Диссертация состоит из 3 частей: 1) «Борьба за установление власти советов на юго-востоке России»; 2) «Гражданская война на Кубани»; 3) Гражданская война на Тереке и в Ставрополе». Диссертация начинается с описания каледииіцины, которая была первой организованной попыткой борьбы с молодой Советской республикой. В сложной обстановке классовой борьбы происходило расслоение казачества на Дону и Кубани. Казачья беднота выступила против офицеров. На Дону это нашло свое выражение в Каменском с'езде в январе 1918 года, на Тереке и Кубани — в организации казачьих революционных отрядов. Контрреволюция поднимала голову. К трудностям на суше прибавились трудности на море. 18 июня 1918 года с вымпелом «Умираем, но не сдаемся!» пошли ко дну корабли Черноморского флота, чтобы не попасть в руки врага. В результате предательства Сорокина вся Кубань летом 1918 года была занята Деникиным. Летом же 1918 года на Тереке был поднят мятеж, которым руководил Георгий Бичерахов.

Мятеж был инспирирован английской миссией на Тереке, которая, по заданию Локкарта, печатала также фальшивые советские деньги. Энергия и решимость Серго Орджоникидзе, сплотившего силы революции на Северном Кавказе, позволили быстро ликвидировать этот мятеж и обезвредить происки англичан. Диссертант приводит новые факты, относящиеся к периоду борьбы с контрреволюцией на юге в 1918 году, по-новому их оценивает, освещает события. В заключение диссертант отмечает, что героическая борьба рабочих, крестьянской и казачьей бедноты и трудящихся на Северном Кавказе против русской буржуазно-помещичьей и местной контрреволюции имела колоссальное значение в ходе гражданской войны в СССР.

Официальный оппонент доктор исторических наук проф. Э. Б. Генкина высоко оценила актуальную и нужную работу тов. Разгона. Автор, по мнению проф. Генкиной, справился с трудностями и сумел хорошо проанализировать создавшуюся к началу 1918 года обстановку на Дону и Кубани. Хорошо показана деятельность тов. Орджоникидзе с лета 1918 по начало 1919 года. Как весьма положительную сторону диссертации проф. Генкина отметила, что автор показал ряд живых лиц, участников борьбы, воспроизвел порой полузабытые образы героев: командира Таманской дивизии Матвеева, Анисимова, Асланбекова и др. К недочетам диссертации, по мнению оппонента, относятся недостаточный показ причин краха калединщины, недостаточное освещение деятельности 11-й красной армии и ее героев.

Проф. Академии генерального штаба РККА генерал-майор Меликов охарактеризовал диссертацию тов. Разгона как оригинальную работу, в которой много свежих и новых фактов и которая верно передает атмосферу событий на юге в 1918—1919 годах. Недостатком ее является то, что тов. Разгон слабо разобрал военные операции. Нужно было больше уделить внимания чисто военной стороне событий, отмечает проф. Меликов.

Выступивший затем член-корреспондент Академии наук СССР проф. Минц отметил большую работу тов. Разгона по собиранию материалов для диссертации. Тов. Разгон за 7 лет об'ездил весь Северный Кавказ и познакомился там с архивами. В своей работе диссертант дал четкие ответы на вопросы, почему в 1918 году не удался поход Антанты, почему не удалось соединиться Деникину с Колчаком и пр. Тов. Разгон впервые дал полную картину героической деятельности за этот период соратников Ленина и Сталина—товарищей Орджоникидзе и Кирова. В заключение проф. Минц заявил, что невоенным историкам следует приобрести больше военных знаний, чтобы правильно исследовать стратегию и тактику войн, походов и т. д.

Ученый совет ИФЛИ единогласно присвоил тов. Разгону ученую степень доктора исторических наук.

«Развитие русской исторической науки»

15 мая на заседании Ученого совета ИФЛИ проф. Н. Л. Рубинштейн защищал диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. Тема диссертации — «Развитие русской исторической науки».

Диссертация тов. Рубинштейна, занимающая около 40 печатных листов, касается темы, имеющей для историков большое значение, заостряющей их внимание на принципиальных теоретических проблемах исторической науки.

Буржуазная наука не дала полного курса русской историографии (единственная значительная работа П. Н. Милюкова, доведенная до 30-х годов XIX века, страдает схематизмом и содержит ряд принципиально неверных положений). Тем больший интерес вызывает работа проф. Рубинштейна.

Диссертант в своей работе постарался прежде всего определить теоретические и методологические посылки марксистской историографии, обусловливающие ее отличие от буржуазной исторической науки. Об этой стороне своей работы говорил он в своем вступительном слове.

Затем проф. Рубинштейн перешел к разбору основных пороков буржуазной историографии. Последняя понимала историю самой исторической науки либо как процесс накопления знаний (историография превращалась в копилку исторических фактов, биографий и т. д.) либо как историю абстрактных идей, оторванных от конкретного содержания науки. И в том и в другом случае не раскрывалась закономерность развития исторической науки. Настоящая, научная историография появляется лишь с возникновением марксистской исторической науки.

Переходя к вопросу об этапах развития русской исторической науки, автор указывает, что они соответствуют периодам развития общественной жизни, отражая в то же время влияние западноевропейской исторической науки. Эти положения автор красной нитью проводит через свое исследование. Автор выделяет следующие основные этапы развития исторической науки в России: 1) период зарождения исторической науки, как исторического знания в феодальную эпоху (XI по XVII в.); 2) период превращения истории в науку (XVIII в.); этот этап определен Щербатовым как «приготовление припасов»;

3) XIX век — это период буржуазной исторической науки; 4) эпоха империализма и борьба за пролетарскую революцию с 90-х годов характеризуется, с одной стороны, загниванием буржуазной исторической науки и переходом ее на открыто реакционные позиции, с другой — утверждением марксистского понимания исторического процесса и задач исторической науки в работах Ленина и его усиливающимся отображением в исторической литературе эпохи.

С победой Октябрьской революции начинается завершающий этап в развитии русской марксистско-ленинской исторической науки — советский период. Дело, начатое в области исторической науки Лениным, поддержанное и продолженное Сталиным, получило твердую материальную базу.

Такова периодизация проф. Рубинштейна, в пределах которой он подробно останавливается на отдельных историках и частных вопросах русской историографии.

На первом этапе история существует лишь в форме разрозненных исторических знаний. Исторической науки как таковой еще нет. Лишь во второй половине этого периода появляются первые элементы прагматизма и интерпретаций и летопись заменяется исторической повестью. Такая эволюция, по мнению автора, отражает общую эволюцию общественных отношений от феодальной раздробленности к самодержавно-абсолютистскому периоду.

Развитие русской исторической мысли XVIII века протекало в условиях нарастания социальных противоречий, под сильным влиянием идеологически-философских и историографических теорий Западной Европы (рационализм, исторический прагматизм, философская история в духе Вольтера, Гердера и др.). В истории «мы встречаем теперь впервые многотомные компиляции по всемирной истории, еще без критики и совершенно без философии, но все-таки всеобщую историю вместо прежних исторических отрывков, ограниченных данным местом и временем» (Маркс и Энгельс. Т. II, стр. 349). Практический итог XVIII века в русской историографии состоял в разработке основ источниковедческого изучения (Татищев, Миллер, Шлецер), в создании первой концепции русского исторического процесса (Татищев, Щербатов), в создании систематизированного исторического свода (Татищев, Щербатов, Карамзин). Каждому из названных выше авторов посвящены в диссертации специальные главы.

XIX век, который породил «лучшее, что создало человечество в лице немецкой философии, английской политической экономии и французского социализма» (Ленин), положил начало буржуазной исторической науке в России.

Развитие буржуазной исторической науки, ее расцвет в середине XIX века, отразившийся в трудах Соловьева, и начало последующего кризиса буржуазной исторической мысли составляют содержание третьего периода в развитии исторической науки в России, охватившего весь XIX век. Кризис буржуазной исторической науки, впервые осознанный в исторических работах Чернышевского, Добролюбова и Щапова, которые первыми утвердили новые теоретические принципы, этот кризис не мог быть предотвращен даже последним кратковременным взлетом буржуазной исторической мысли, связанным с именем Ключевского.

Эпоха империализма и пролетарских революций, эпоха создания великой революционной теории марксизма-ленинизма, положила вместе с тем начало новому, четвертому этапу в развитии русской исторической науки. Октябрьская революция — поворотный момент в мировой истории — явилась исторической основой конечного торжества марксизма-ленинизма, марксистско-ленинской исторической науки.

Общие принципы изучения историографического процесса в его целом, изложению которых автор уделил большое внимание, определили и трактовку диссертантом отдельных русских историков.

Результатом применения этих положений явилась принципиальная переоценка ряда крупнейших историков. В этом отношении для XIX века наиболее существенными представляются автору выводы в отношении Погодина, Соловьева, «государственной школы», особенно Чичерина, Костомарова, Ключевского.

Официальный оппонент академик Ю. В. Готье определил большую работу, проделанную проф. Рубинштейном, как попытку осмыслить весь исторический процесс на фоне изучения исторической мысли. Академик Готье остановился на некоторых сторонах диссертации и отметил также ее недостатки. Автор слишком увлекся периодизацией, поставил перед собой грандиозную задачу — уяснить весь процесс развития исторической мысли в целом, и это отразилось на специальном вопросе его диссертации — вопросе о русской историографии. Некоторые историки вовсе не упомянуты автором. Мало сказано об Иловайском, о группе историков-генералов — Дубровине, Шильдере и др. Академик Готье считает неправильным исключать из российской историографии историографию братских народов. Так, опущены литовские летописи Киевской Руси, а также курс Грушевского. Историографию Украины не следует отры-

вать от русской историографии — таково второе возражение академика Готье. В диссертации подобающее место заняли Карамзин, Эверс, Соловьев, но автор недостаточно разобрал работы ряда менее крупных историков. Скептической школе, по мнению академика Ю. В. Готье, дана преувеличенная оценка, наиболее ярким представителем скептицизма в русской исторической мысли был Каченовский, пехотный офицер, занимавшийся историей. Под влиянием трудов Нибура он написал две—три статьи, в которых утверждал, что русские летописи и «Русская правда»—фальшивки. В заключение академик Готье остановился на некоторых частных сторонах диссертации.

Доктор исторических наук проф. М. Н. Тихомиров, положительно оценивая диссертацию, признал ценным качеством ее то, что историография рассматривается автором не отвлеченно, а в связи с общей историей XVIII—XX веков. Вместе с тем проф. Тихомиров отметил ряд недочетов диссертации. Автор относится к Карамзину довольно отрицательно, но надо помнить, что примечания Карамзина к тексту и самый текст «Истории государства российского»—не одно и то же. И это понятно: в тексте Карамзин был связан цензурой и положением историографа, а в примечаниях мог быть гораздо смелее. Очень мало говорится в диссертации о Шахматове.

На заседании Ученого совета был зачитан также отзыв официального оппонента, члена-корреспондента Академии наук СССР проф. А. М. Панкратовой, которая не смогла лично участвовать в диспуте. Основные замечания проф. Панкратовой касаются периодизации, данной в диссертации тов. Рубинштейна. Оппонент рекомендует построить курс историографии в соответствии с основными классами, действовавшими в русской истории, и разделить его на следующие периоды:

1. Феодально-дворянский. 2. Мелкобуржуазный демократический (разночинный). 3. Буржуазный. 4. Пролетарский (а) 90-е годы — 1917 год и б) советский). Историю буржуазной историографии проф. Панкратова предлагает разбить на ряд этапов: а) прогрессивный (Соловьев), б) переломный, эклектический (Ключевский), в) отражавший марксизм в буржуазной историографии (с 90-х годов до 1917 года), г) реакционный и активно-контрреволюционный (буржуазная историография в советский период).

Другое существенное замечание проф. Панкратовой касается желательности развернутой характеристики каждого выделяемого периода. На этой основе и характеристика отдельных историков была бы более отчетливой.

Проф. Панкратова возражает против характеристики, данной Рожкову и Покровскому, в которой, как ей кажется, слишком подчеркнута буржуазная природа их исторических взглядов.

В прениях выступили проф. Бахрушин и проф. Гагарин. Они отметили большую научную ценность диссертации тов. Рубинштейна. Одной из важных положительных сторон работы проф. Рубинштейна проф. Бахрушин считает его попытку дать периодизацию истории русской исторической мысли, а также то, что тов. Рубинштейн, как представитель советской историографии, пытливо ищет источники исторической науки в глубокой древности. Проф. Бахрушин возражает против того, что Соловьев должен считаться вершиной развития буржуазной исторической науки. По его мнению, Соловьев — лишь начало буржуазной науки, двумя последовательно прогрессивными этапами которой являются Ключевский и Павлов-Сильванский.

Признавая большое значение диссертации, проф. Гагарин считает, что ее наиболее уязвимым местом является тот раздел, в котором говорится о ленинском этапе русской исторической науки. Дело в том, что в эпоху империализма, когда выступил со своими историческими работами Ленин, существовали два лагеря историков: лагерь Ленина и Сталина и лагерь их врагов, буржуазных историков. Буржуазная историческая наука, дойдя до высшей точки своего развития, запуталась в неразрешимых противоречиях и перестала двигаться вперед. Нужно поэтому выделить ленинский этап как самостоятельный.

Все выступавшие подчеркнули огромное значение работы, проделанной тов. Рубинштейном, и единодушно высказались за присвоение ему ученой степени доктора исторических наук.

Ученый совет ИФЛИ единогласно присвоил тов. Рубинштейну ученую степень доктора исторических наук.

«О присоединении Крыма к России»

20 января с. г. защищал свою диссертацию тов. Вольфсон. В своей небольшой работе (три печатных листа) «Присоединение Крыма к России и эмиграция крымских татар в XVIII—XIX вв.» тов. Вольфсон, полемизируя с буржуазными историками, доказывает на основании изучения крымских архивов, что царизм не выгонял татар из Крыма, а лишь захватывал их земли, на которых потом и работали порабощенные татары. Из Крыма было выселено не более 200 семейств. Присоединение же Крыма к России было явлением прогрессивным. Официальные оппоненты проф. Новицкий и кандидат исторических

наук тов. Шекун, оценив в своих выступлениях работу тов. Вольфсона, заявила, что автор вполне достоин ученой степени кандидата исторических наук. Тов. Шекун сделала при этом ряд критических замечаний: в диссертации вопрос о причинах эмиграции татар оторван от борьбы России и Турции за Крым, не дан анализ причин выселения татар в XVIII веке, когда царизм в лице русских помещиков наступал на татар и выгонял их из Крыма, расхищая их земли. С последним указанием диссертант не согласился.

Ученый совет истфака единогласно присвоил тов. Вольфсону ученую степень кандидата исторических наук.

«История Путиловского завода»

20 февраля сего года на очередном заседании Ученого совета исторического факультета ИФЛИ защищал свою диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук тов. М. Л. Мительман, член ВКП(б) с 1930 года, в прошлом рабочий. Тема его диссертации — «История Путиловского завода (1880—1917 гг.)». Дать общую картину истории завода, показать рабочий коллектив, его развитие в конкретных исторических условиях, рост сознательности рабочих масс, показать роль партии — такая задача стояла перед авторами «Истории Путиловского завода», книги из серии «История заводов», основанной А. М. Горьким. Тов. Мительман, автор одной из частей этой книги, рассказал, как протекала работа над отдельными главами, представленными в диссертации. Литература по этому вопросу была невелика, архивные материалы разбросаны (архив Путиловского завода был уничтожен в результате наводнения в 1924 году). Одним из источников явились рассказы старых кадровых рабочих завода. Для одной только главы «1917 год» записаны воспоминания около 300 человек. В результате этого картина 1917 года на заводе получилась полная, яркая и многообразная. Эти же воспоминания рабочих дали возможность тов. Мительману доказать, что влияние экономизма на петербургских рабочих в 90-е годы XIX века было не таким большим, каким изображал его Тахтарев, писавший, что буквально весь рабочий Петербург был заполнен экономизмом. Пример путиловцев опровергает эту концепцию.

Официальные оппоненты доктор исторических наук проф. Генкина и проф. Разгон дали высокую оценку работе тов. Мительмана, выходящей за рамки кандидатской диссертации. Проф. Разгон, отметив, что автором проделана большая, кропотливая работа в архивах и напечатан хорошо подобранный и интересный материал, заявил, что эта книга может служить источником для изучения истории рабочего класса нашей страны. Книга не идеализирует действительность, а раскрывает ее во всей полноте, правдиво обрисовывает образы рабочих-революционеров, таких, как Иван Егоров и Кузьмин, — активных работников Военно-революционного комитета. В заключение проф. Разгон отметил, что на этой работе тов. Мительман вырос в крупного научного работника. Проф. Генкина в своем отзыве заявила, что «История Путиловского завода» — это волнующая и талантливая книга, большая историческая работа, написанная прекрасным литературным языком. В этой книге много новых, свежих фактов. Так, в главе V очень хорошо разобраны методы агитации Гапона. Эта книга, по мнению проф. Генкиной, — нечто большее чем кандидатская диссертация, это подлинный вклад в историческую науку. Свое выступление проф. Генкина закончила пожеланием тов. Мительману довести работу до конца, дописать историю Путиловского завода, закончив ее нашими днями.

Ученый совет исторического факультета ИФЛИ единогласно присвоил тов. Мительману ученую степень кандидата исторических наук.

«Дело царевича Алексея»

25 марта с. г. на очередном заседании Ученого совета исторического факультета ИФЛИ состоялась защита диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тов. А. А. Кункль выступил с диссертацией на тему «Дело царевича Алексея». Диссертация тов. Кункль является попыткой пересмотреть в свете современных научных данных жизнь и деятельность царевича Алексея Петровича, роль которого в боярской оппозиции Петру смазывалась буржуазной историографией. Официальные оппоненты проф. Кафенгауз и доцент Анпилогов отметили значение работы тов. Кункль, как работы, по-новому ставящей эту тему, но вместе с тем критиковали тов. Кункль за допущенные им ошибки. Автор мало использовал архивные материалы ГАФКЭ. Он голословно называет Алексея вождем реакционной оппозиции, приписывает возвращение царевича из-за границы исключительно заслугам П. А. Толстого и т. д. Несмотря на известные недостатки диссертации Ученый совет исторического факультета счел возможным присвоить тов. Кункль ученую степень кандидата исторических наук.

«Очерки источниковедения XIX века»

В задачу диссертации тов. Никитина «Очерки источниковедения XIX века» входило подвергнуть краткому разбору важнейшие типы исторических источников и представить их в наиболее характерных образцах. В диссертации даны общая характеристика архивного материала, разбор важнейших фондов, обзор статистики, описание дневников путешественников, мемуаров, периодики и т. д.

Официальные оппоненты академик Ю. В. Готье и доктор исторических наук профессор М. Н. Тихомиров высоко оценили работу тов. Никитина, определив ее как выдающуюся кандидатскую диссертацию. Академик Готье заявил, что он не имеет возражений по существу диссертации и хотел бы только остановиться на некоторых ее недостатках. Не совсем удачна, по мнению академика Готье, последняя глава, в которой собрано описание исторических источников различных народов СССР. Нужно было вспомнить, указывал далее академик Готье, о милютинском наследстве (воспоминания, записки, дневники Д. А. Милютина), из которого в 1919 году была в Томске опубликована лишь первая часть дневников, относящихся к 40-м годам. Также нужно было упомянуть подготовленную к печати переписку Победоносцева с сестрами Тютчевыми. Проф. Тихомиров заявил, что первым и большим достижением работы тов. Никитина является то, что он впервые разобрал весь громадный материал по источниковедению XIX века. Наряду с недоработанностью последней главы проф. Тихомиров отметил и другие недочеты: в первой главе упущены частные архивы, в главе о статистике выпал картографический отдел.

Ученый совет исторического факультета единогласно присвоил тов. Никитину ученую степень кандидата исторических наук.

«Борьба чешского народа за свою независимость»
«Русское войско в XVI—XVII веках»

На заседании Ученого совета исторического факультета 26 апреля с. г. с защитой диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук выступили товарищи Когоут («Борьба чешского народа за свою независимость во время первой мировой войны»[1]) и Зеленский («Русское войско в XVI—XVII веках»).

В своей диссертации тов. Когоут показывает, как массы чешского народа на разных этапах мировой войны боролись за свою независимость. Чешская буржуазная литература, игнорируя внутреннюю борьбу в Империи, утверждает, что Чехия получила независимость благодаря стараниям Антанты и заграничной деятельности Масарика и Бенеша. Использовав чешскую и немецкую литературу, газеты на чешском языке за 1912—1918 годы, автор сумел восстановить истинную историческую обстановку. Тов. Когоут показал в своей работе, что чешские буржуазные партии, а также и социал-демократы не ставили вопроса о независимости до конца 1917 года. Не ставили вопроса и младочехи, гордившиеся, что они требовали независимости еще до войны, и на самом деле не пошедшие дальше реорганизации Империи по принципу триолизма.

В диссертации нашли свое отражение внутренний кризис Империи, тактика буржуазных социалистических партий, влияние Октябрьской революции на события в Чехии. Особая глава посвящена Масарику. Автор раскрывает подлинное лицо Масарика, показывает его заграничную деятельность, направленную против национально-освободительного движения чешского народа. Выступившие официальные оппоненты проф. Л. И. Зубок и проф. С. Д. Сказкин отметили, что работа тов. Когоута стоит значительно выше обычной кандидатской диссертации. Проф. Зубок в качестве положительных черт диссертации отметил подробнейшее изложение хода борьбы чешских масс за независимость социал-демократии в этом движении. К недостаткам работы тов. Когоута относится громадное обилие цитат (недостаток, свойственный многим диссертантам, которые боятся упустить что-либо) и неточность некоторых формулировок.

«О русском войске XVI—XVII веков»

Защищая свою диссертацию, тов. Зеленский указал, что его задачей был пересмотр всей литературы по истории русского войска XVI—XVII веков и освещение по-новому этой темы. В процессе создания централизованного национального государства создается централизованное войско. В конце XV века появляется дворянская конница.

В отличие от Запада в России не получило распространение наемное войско. Централизованное войско было создано путем реорганизации старых, феодальных вооруженных сил Ивана IV. Военная реформа была вторым этапом создания и укрепления русского войска. Несмотря на реорганизацию дворянской конницы, образование стрелецких полков, укрепление южных границ и усиление артиллерии на русском войске лежала печать военной отсталости. 3-й этап истории русского

[1] Тема диссертации в печати была об'явлена иначе: «Распад Австро-Венгрии».

войска — попытка его европеизации с 20-х годов XVII века (появление рейтар, драгун, вытеснение стрельцов при Алексее Михайловиче солдатскими полками). Военная отсталость русского войска в XVI—XVII веках была следствием общей экономической отсталости страны.

Официальные оппоненты проф. Новицкий и доцент Анпилогов в своих выступлениях дали положительную оценку работы тов. Зеленского, но отметили ряд недостатков. Доцент Анпилогов, заметив, что в своей работе автор дает правильную характеристику состояния русского войска XVI—XVII веков, указал на отдельные недочеты: схематизм глав по XVII веку, приравнивание приказов XVI века к министерствам и др. Выступивший в прениях проф. Н. Л. Рубинштейн указал, что следовало бы несколько сузить тему диссертации и уделить больше внимания реорганизации войска. Проф. Рубинштейн отметил также ряд неточных формулировок в диссертации.

Ученый совет исторического факультета ИФЛИ присудил тт. Когоуту и Зеленскому ученую степень кандидата исторических наук.

«Крестьянский вопрос в комиссии 1767 года»

20 мая на Ученом совете исторического факультета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук тов. А. В. Шишовой на тему «Крестьянский вопрос в комиссии 1767 года». Диссертантка во вступительном слове рассказала о борьбе между купечеством и дворянством по вопросу о праве владения крепостными крестьянами. На большом архивном материале, изученном ею в Москве и Ленинграде, тов. Шишова дала стройную критику буржуазной историографии по этому вопросу. Официальные оппоненты акад. Готье и проф. Новицкий отметили как положительную сторону диссертации привлечение совершенно новых, неисследованных архивных материалов. К основным недочетам работы отнесено то, что тов. Шишова мало внимания уделяла классовой борьбе крепостных с помещиками, хотя и располагала для этого большим архивным материалом, а также то, что введение преобладает над основной темой. Ученый совет исторического факультета присвоил тов. Шишовой ученую степень кандидата исторических наук.

«Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 годов»

Следующим защищал кандидатскую диссертацию тов. Зайончковский. Тема его работы — «Кирилло-Мефодиевское общество 1846—1847 годов». Диссертант подробно разобрал возникновение и деятельность общества, борьбу двух течений в нем и его историческое значение. Официальный оппонент доцент Седов указал на то, что автор привлек достаточное количество архивных материалов и хорошо ознакомился с ними. В целом диссертация представляет большой интерес как самостоятельная разработка важной темы.

Тов. Седов не совсем согласен с автором в оценке кирилло-мефодиевцев как идеологов буржуазии. Ведь Ленин, говорил тов. Седов, характеризовал период до 50-х годов XIX века, от декабристов до Герцена, как период дворянской революционности. Автор неправильно оценивает разногласия и борьбу внутри общества, не дает анализа этой борьбы с учетом того, что в обществе имелись два течения: умеренное во главе с Костомаровым и революционное во главе с Шевченко. Диссертант, по мнению тов. Седова, преувеличивает значение крестьянских движений на Украине в тот период. Второй оппонент, проф. Рубинштейн, присоединяясь к мнению тов. Седова, добавил, что в работе не отражены идеологические корни украинского общественного движения.

Ученый совет исторического факультета ИФЛИ единогласно присвоил тов. Зайончковскому ученую степень кандидата исторических наук.

* * *

Кроме того Ученый совет истфака единогласно присвоил ученую степень кандидата исторических наук тов. Одрина (диссертация «Революционное движение в Харькове в период первой русской революции 1905—1907 годов»).

В конце прошедшего учебного года на историческом факультете ИФЛИ защищались и были одобрены Ученым советом факультета следующие диссертации:

1. А. Н. Михайловой — «Московско-донские отношения в XVII веке».
2. М. А. Полтавского — «Второе рабочее правительство в Англии».
3. Н. Х. Юдкиса — «Римский колонат ранней империи».
4. А. Х. Рафикова — «Внешняя и внутренняя политика младотурок накануне мировой войны 1914 года».
5. А. Л. Ефимовой — «Английская интервенция во Франции в период революции XVIII века».
6. Ч. А. Бекузарова — «Поместье и деревня эпохи Каролингов».

Ю. ШАРАПОВ.

БИБЛИОГРАФИЯ

«ИСТОРИЯ СССР». Том II. Россия в XIX веке. Под редакцией проф. М. В. Нечкиной. Допущено Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при СНК СССР в качестве учебника для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. Институт истории Академии наук СССР. Соцэкгиз. М. 1940. 762 стр.

Издание посвященного России XIX века II тома вузовского учебника по истории СССР является крупным событием на фронте нашей исторической науки. II том учебника является итогом критического пересмотра господствовавших одно время исторических взглядов на историю России XIX века. Эту большую критическую работу наши историки произвели на основе опубликованных в январе 1936 года «Замечаний по поводу конспекта учебника по истории СССР» товарищей И. В. Сталина, А. А. Жданова и С. М. Кирова. Эти «Замечания» и постановления Совета народных комиссаров СССР и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории оказали советским историкам огромную помощь в создании марксистско-ленинского курса истории нашей страны.

Коллектив историков в составе проф. С. Н. Валка, С. С. Дмитриева, проф. Н. М. Дружинина, Ш. М. Левина, проф. Е. А. Мороховца, проф. М. В. Нечкиной (бригадир), члена-корреспондента Академии наук СССР проф. В. И. Пичеты и проф. К. В. Сивкова собрал большой материал и критически его пересмотрел. Авторами отдельных глав или частей отдельных глав являются проф. Н. Н. Андреев, доц. С. К. Бушуев, проф. С. И. Драницын, Я. Я. Зутис, Б. М. Кочаков, С. А. Никитин, А. Л. Попов, проф. В. М. Хвостов, П. Н. Шарова. В составлении некоторых глав по истории народов СССР приняли участие Л. Н. Бычков, С. М. Ковалев, Е. А. Мороховец, К. В. Сивков, Ш. И. Типсев, проф. С. А. Токарев, доц. И. В. Устюгов, Л. В. Черепнин. Таким образом, этот учебник является результатом большой коллективной работы.

Первоначальный и последующий тексты учебника подвергались неоднократному обсуждению как внутри самого авторского коллектива, так и со стороны многочисленных рецензентов и консультантов. Большую помощь авторскому коллективу оказал организованный бюро первичной организации ВКП(б) Института истории просмотр учебника научными работниками Института перед сдачей его в печать. Такой коллективный метод работы заслуживает всяческого поощрения и подражания.

Основная заслуга авторов II тома «Истории СССР» в том, что они впервые дали историю России XIX века как историю народов СССР. Этим выполнено требование товарищей Сталина, Жданова и Кирова дать «такой учебник истории СССР, где бы история Великороссии не отрывалась от истории других народов СССР...»

Все интересующиеся историей СССР найдут в учебнике сведения о жизни и борьбе народов царской России в XIX веке: украинцев, белоруссов, евреев, поляков, финнов, латышей, народов Кавказа, башкиров, народов Поволжья, Сибири, Средней Азии. Авторы собрали и систематизировали очень большой и ценный, частью впервые попадающий на страницы сводного руководства материал по истории нашей страны.

Чтобы показать, какое место в разбираемом томе отведено истории народов СССР, достаточно привести следующие данные: 10 глав из 35 полностью посвящены изложению истории народов СССР (кроме русского народа). Кроме того в последней, XXXV главе уделено очень много места развитию национальных литератур и искусств во второй половине XIX века. История народов СССР занимает 247 страниц текста из 752, то есть почти одну треть. Удачными надо признать главы, посвященные истории народов Кавказа во второй четверти XIX века (глава XVI—автор доц. С. К. Бушуев) и истории польского восстания 1863 года (глава XXIV—автор проф. С. И. Драницын). Историю украинского и белорусского народов хорошо изложил проф. В. И. Пичета. Большим достоинством всех глав, рассказывающих об истории народов СССР, надо считать то, что авторы уделяют много внимания массовым народным движениям, в частности борьбе крестьян против помещиков.

Вместе с тем в изложении некоторых глав по истории народов СССР имеются недочеты, которые необходимо будет устранить во втором издании учебника.

Содержание разделов, посвященных истории народов СССР во второй половине XIX века, дублирует содержание предшествующих глав. Например данные об отмене крепостного права на Украине приведены на стр. 414, в главе XXII — «Крестьянская реформа 1861 года», а затем частично повторяются на стр. 617, в главе XXXII — «Народы царской России и на-

ционально-колониальная политика царизма в 60—80-е годы».

В изложении истории народов СССР во второй половине XIX века (глава XXXII) нарушена хронологическая последовательность событий. Перед этой главой изложение доводится до событий первой половины 90-х годов XIX века, а затем в главе XXXII снова говорится о 60—61 годах. Следовало бы сказать о крестьянской реформе на национальных окраинах сейчас же после главы о реформе 1861 года, выделив для этого особую главу. Принятое же в учебнике изложение не дает полного представления о политике царизма, так как националистическая, русификаторская политика царского правительства отделена в учебнике от общей политики самодержавия.

Наиболее существенным пробелом глав, посвященных истории народов СССР, является то, что в них не показан процесс оформления народов царской России в нации. И. В. Сталин писал об образовании грузинской нации: «...Грузия, как нация, появилась лишь во второй половине XIX века...» (И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 11. Госполитиздат. 1939). Это важнейшее явление в истории грузинского народа не показано с достаточной отчетливостью. В частности авторы главы не об'яснили классового различия между «первой группой» (Пирвели-даси) Ильи Чавчавадзе и «второй группой» (Меоре-даси) Георгия Церетели. В учебнике сказано, что «вторая группа»... была настроена более радикально, выступая против сохранения всяких сословных привилегий» (стр. 647). В этой оценке нет главного — нет указаний, что «первая группа» была феодально-прогрессивной, а «вторая группа» была буржуазно-прогрессивной, была представительницей нарождавшейся грузинской буржуазии, апологетом грузинского национального капитализма (см. Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 10. Госполитиздат. 1938). Неправильно трактуются национальные организации и у других народов. Четкой классовой характеристики национальных организаций в учебнике нет.

Методологическим достоинством учебника является то, что он впервые дает развернутое изложение гражданской истории нашей страны в XIX веке во всем ее многообразии. В учебнике уделено большое внимание экономическому развитию страны, борьбе различных способов производства в экономике,— борьбе, особенно обострившейся в середине XIX века, — роли отдельных классов, возникавших в ходе развития капитализма, и, наконец, классовой борьбе между отживившим старым и зарождавшимся новым. Вводится в оборот большой, свежий, малоизвестный материал по истории борьбы трудящихся против эксплоататоров, например крестьянские восстания на Дону в 1818—1820 годах, до последнего времени не привлекавшие внимания исследователей (стр. 114—115); волнения в 20-х годах на заводах Баташевых во Владимирской губернии, которые дают представление о первых попытках рабочих разных предприятий договориться между собой о совместных выступлениях (стр. 115). Подробно описываются восстание моряков в Севастополе в 1830 году и восстание в военных поселениях в 1831 году (стр. 192—193). На конкретных примерах показана классовая природа политики царского правительства, а также правительственная идеология — аракчеевщина, являвшаяся «закономерным проявлением самодержавного режима» (стр. 117); теория «официальной народности» (стр. 292—293). Подробно разобраны различные правительственные политические системы, например система взглядов и деятельность Победоносцева (стр. 600). Рассказано о реакционной печати (стр. 614). Особенно тщательно авторы анализируют конкретные проявления великодержавной политики царизма, сделавшей Российскую империю тюрьмой народов. Большое внимание уделено внешней политике царского правительства. Ценным нововведением для общего курса истории являются главы о литературе, искусстве и науке в первой половине XIX века (глава XX) и в 60—80-х годах XIX века (глава XXXV). Видное место уделено истории общественных и революционных движений в XIX веке, в частности очень подробно изложена история рабочего движения начиная с 70-х годов. Из этого перечня видно, что все разделы гражданской истории нашли место в учебнике, причем изложение отличается достаточной полнотой и глубиной.

Учебник стоит на уровне современного развития исторической науки. Исходя из высказываний классиков марксизма-ленинизма о ходе исторического процесса в России XIX века, авторы дают обстоятельное изложение исторических событий. Однако отдельные утверждения и термины в учебнике вызывают возражения. Например на стр. 7 говорится о к р е с т ь я н с к о й промышленности, на стр. 171 целый параграф назван «Мелкая крестьянская промышленность». Следовало бы сказать по Ленину: «крестьянские промыслы» (Соч. Т. III, стр. 423).

На стр. 173 встречается фраза, неудачная в методологическом отношении: «Таким образом, исторические факты подтверждают марксистско-ленинскую схему инду-

стриального развития». Ленин же в «Развитии капитализма в России» пишет: «Подведем теперь итоги тем основным выводам, к которым приводят данные о развитии капитализма в нашей промышленности» (Ленин. Т. III, стр. 423). Как мы видим, у Ленина ни о какой схеме нет и речи, а говорится о выводах на основе анализа конкретно-исторических фактов. В учебнике же говорится о «схеме», которая будто бы позднее была подтверждена историческими данными.

Нельзя согласиться с принятыми в учебнике названиями периодов истории России XIX века. Первый раздел книги озаглавлен «Начало разложения крепостного строя», что правильно, но следовало бы добавить еще: «и возникновение капитализма». Второй раздел назван только хронологически: «Россия во второй четверти XIX века», что, разумеется, совершенно недостаточно. Этот раздел следовало бы назвать примерно так: «Кризис крепостнической системы». Такое заглавие логически связало бы этот раздел с главами, относящимися ко второй половине XIX века, которая является периодом развития капитализма в России.

Хронологический принцип построения второго раздела учебника не выдержан. В этот раздел включена глава XIX, в которой изложены события 1853—1856 годов. Затем в учебнике идут разделы: «Буржуазные реформы в 60—70-х годах» и «Пореформенная Россия». Гораздо правильнее было бы выделить историю России во второй половине XIX века в особый раздел, назвав его «Развитие капитализма в России», и снять крайне неудачное название раздела «Пореформенная Россия».

В главе XXVI — «Развитие капитализма после крестьянской реформы (1861—1892 гг.)» — имеется целый ряд неправильных мест. Следует указать на недопустимый метод использования статистических данных, применяемый в учебнике: для характеристики положения сельского хозяйства и промышленности 60—70-х годов приводятся статистические данные Ленина, относящиеся к 1905 году. Так, на стр. 491 для характеристики помещичьего землевладения после отмены крепостного права приведены цифры, указанные Лениным для 1905 года. На стр. 544 приведена ленинская формулировка о противоречиях между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни. Эта формулировка относится к периоду первой русской революции, а авторы учебника применяют ее к 50-м годам XIX века. Такое «вольное» обращение с высказываниями классиков марксизма-ленинизма не выдерживает никакой критики.

На стр. 483 только мельком указывается, что крестьянская реформа «не могла ликвидировать противоречия между производительными силами, развивавшимися в недрах крепостнического строя, и производственными отношениями, препятствовавшими их развитию», но не об'ясняется, в чем это противоречие состояло.

На стр. 489 говорится о разложении крестьянства после 1861 года, но при этом ничего не говорится о середняцких хозяйствах. На стр. 496 нельзя было ограничиваться голой констатацией падения производительных сил в крестьянском хозяйстве, а надо было показать, какие именно крестьянские хозяйства при этом имеются в виду (кулацкие, середняцкие или бедняцкие). Без таких указаний непонятен рост продукции сельского хозяйства после отмены крепостного права.

В учебнике ничего не сказано о росте торгового земледелия, которому Ленин в «Развитии капитализма в России» отводит очень большое место.

Как показатель роста промышленности приводится увеличение численности городского населения. Это для царской России не вполне убедительно, так как при этом не учитываются как рабочие «домашней промышленности», многие из которых проживали в деревнях, так и рабочие фабрик и заводов, построенных в сельских местностях («в фабричных селах» — по терминологии Ленина). Достаточно указать, что очень долго Иваново-Вознесенск — этот русский Манчестер — был фабричным селом. Селами были такие центры металлической промышленности, как Павлово, Ворсма и др. Ленин в «Развитии капитализма в России» указывал, что «из всего числа ф.-заводских и горных рабочих Евр. России не менее (а, пожалуй, и более) половины размещено вне городов» (Ленин. Т. III, стр. 407). Еще в 1902 году вне городов было расположено 69,6% промышленности, причем большинство предприятий-гигантов с числом рабочих свыше тысячи было расположено в фабричных селах (68% таких предприятий с 70% рабочих), а не в городах (см. Погожев «Учет численности и состава рабочих в России». СПБ. 1906).

В главах о внешней политике России в первой половине XIX века хорошо показана роль царизма как жандарма Европы, как вдохновителя реакционной политики крупнейших европейских держав того времени. Живо написана глава об Отечественной войне 1812 года, но она несколько модернизирована: необходимо было сильнее подчеркнуть крепостнический характер страны, вследствие которого борьба крестьянства против крепостни-

ческого гнета продолжалась и в период войны с опаснейшим внешним врагом. Картина Отечественной войны 1812 года чересчур идеализирована, осовременена. Она напоминает, скорее, отечественную войну советского народа против иностранных интервентов в 1918 году. В главах о внешней политике царизма совершенно не показано превращение царизма из руководителя европейской внешней политики, каким он был в первой половине XIX века, в агентуру западноевропейского капитализма, в его цепного пса. В конце XXXIII главы рассказано о возникновении франко-русского союза, но совершенно не показана подчиненная роль царской России в этом союзе. Скорее, даже подчеркивается некоторая независимость царизма в этом союзе, когда говорится о том, что Александр III медлил с ратификацией военной конвенции. Во втором издании учебника следовало бы более резко оттенить, с одной стороны, традиционную враждебность Англии к России и, с другой стороны, стремление Англии превратить Россию в свою агентуру.

В «Замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» товарищи Сталин, Жданов и Киров указали, что «конспект не отражает роли и влияния западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России».

Авторы II тома «Истории СССР» учли это замечание. В главе о декабристах специально подчеркнуты два факта, имевшие большое значение для развития декабристского движения: влияние французской буржуазной революции и непосредственное знакомство будущих декабристов с Западной Европой во время заграничных походов русской армии в 1813—1815 годах. Влияние западноевропейских буржуазных революционных движений и передовых учений показано на примере Чаадаева и на кружке Станкевича (влияние философии Гегеля). Идеи кружка Герцена были отражением в России утопического социализма Сен-Симона. Западничество восприняло передовые буржуазно-демократические учения Западной Европы. Кружок петрашевцев пропагандировал в России утопический социализм Фурье.

Но влияние западноевропейской буржуазно-революционной идеологии на русское революционное движение во второй половине XIX века показано недостаточно. Например авторы указывают, что среди народников господствовали анархистские идеи Бакунина. Это правильно, но тут же следовало добавить, что Бакунин заимствовал свой анархизм от Прудона и что произведения самого Прудона были популярны среди народников. Следовало бы указать также на влияние якобинизма и бланкизма на некоторых руководителей народничества, среди которых достаточно назвать русских якобинцев Ткачева и Льва Тихомирова (впоследствии ренегата и ярого реакционера).

В истории народничества слишком много места уделено изложению неверной «доктрины» народничества и в то же время не об'яснено с достаточной четкостью, в чем состоял ее буржуазно-демократический характер. В главе XXIX приведены высказывания Ленина о том, что народники выражали интересы крестьянства, об'ективно боровшегося за «американский путь» развития капитализма в России, и что вырождение революционного народничества в мещанский радикализм произошло вследствие классового расслоения деревни, но ленинская характеристика народников не проиллюстрирована фактическим материалом. Буржуазные тенденции народничества можно было бы проследить на анализе идеологии «Народной воли», в частности на анализе письма Исполнительного комитета партии «Народной воли» Александру III.

«Народная воля» была пестрым конгломератом представителей различных классовых групп, имевших различную идеологию. В ней были и утописты-социалисты — народники — и либералы, «вооруженные бомбами» (как В. Фигнер правильно назвала Н. Морозова). Недаром же бывший шлиссельбуржец народоволец Караулов окончил свои дни кадетским депутатом III государственной думы.

Ошибки народников об'ясняются в учебнике их неправильным представлением о роли пролетариата в революции, но не об'яснено, почему же народники не понимали руководящей роли пролетариата как вождя общедемократической революции. Даже такие последовательные народники, лично знавшие западноевропейское рабочее движение, как например Кропоткин, очень отрицательно относились к рабочим, видя в них только испорченных городской цивилизацией крестьян. Эти народники тяготели к тем группам рабочих, которые еще не порвали связи с деревней. В этом отношении типичен рассказ Кропоткина в «Записках революционера» о его пропаганде среди петербургских ткачей.

Неправильно об'яснено возникновение террора. По мнению авторов, все дело в том, что народники «увлеклись» новыми террористическими планами (стр. 567), чему способствовала ошибочность и мелкобуржуазная ограниченность самих основ народнической теории (стр. 568). Следовало бы об'яснить народовольческий тер-

фор исторически, а не ограничиваться такими расплывчатыми об'яснениями, как «увлечение» и «мелкобуржуазная ограниченность».

В главе XXX неверно утверждение, что первые рабочие организации забыли про крестьян. В документах первых рабочих союзов говорится о работе среди крестьянства. Пропущено участие Виктора Обнорского в одесском «Южнороссийском союзе рабочих». Это создает у читателя ошибочное представление о том, что между двумя первыми рабочими организациями в России — «Южнороссийским союзом рабочих» и «Северным союзом русских рабочих» — не было преемственной связи.

Во II томе учебника отсутствуют историографические обзоры, которые были в I томе. Авторы ограничились почти исключительно критикой ошибок Покровского (стр. 95—96, 164—165, 422—423, 514, 580—581). В нескольких строках на стр. 164 дана историография декабристов (указаны Ключевский, Корф, Герцен, Огарев и Пыпин). В указателе литературы о декабристах упомянуты Семевский и Довнар-Запольский. Разумеется, этим ограничиться нельзя. В следующем издании необходимо дать в конце каждой главы критический обзор литературы.

В заключение несколько замечаний. Вряд ли можно признать правильным, что «соединенные славяне» были сторонниками народной массовой революции», как утверждают авторы (стр. 158—159). Никаких данных в пользу этого утверждения в учебнике не приводится. Ленин же, как известно, указывал, что декабристы как дворянские революционеры были «страшно далеки от народа». На стр. 159 указано, что «соединенные славяне» опирались на солдат Семеновского полка, расформированного после возмущения 1820 года. Однако в рассказе о восстании Черниговского полка не упомянуто, что в этом полку было много бывших семеновцев. В рассказе о 14 декабря 1825 года совершенно отсутствует историческое об'яснение пассивной тактики декабристов на Сенатской площади.

В главе о западниках и славянофилах следовало более резко подчеркнуть реакционные тенденции славянофилов. Нельзя согласиться с общей оценкой идеологии славянофилов как защитников — хотя бы и бессознательных — «прусского пути». Для России вопрос о двух путях стал только с 60-х годов.

На стр. 308 западные украинцы именуются совершенно неправильно русинскими крестьянами.

В главе XX нет характеристики романтизма (стр. 352), тогда как другие литературные течения (сентиментализм, «натуральная школа») охарактеризованы.

В главе XXII не указаны число «освобожденных» крестьян (помещичьих, удельных, государственных, посессионных), количество земли, оставленной у крестьян, количество земли, отрезанной у них, и средний уровень надела.

Многие отрицают, что Чернышевский был автором прокламации «К барским крестьянам», поэтому так категорически говорить об авторстве Чернышевского, как это делают авторы учебника, нельзя. (См. «Процесс Чернышевского», стр. 383—384, прим. Саратов. 1939).

Автор примечания Н. А. Алексеев на основании ряда доказательств утверждает, что прокламация «К барским крестьянам» не была написана Чернышевским.

В учебнике употребляется термин «имперские законы» (стр. 471), но такой термин в России никогда не употреблялся.

На стр. 480 преувеличиваются те «благодеяния», которые дало земство крестьянству, и не подчеркнуто, что земство защищало классовые интересы помещиков. Либерально трактуется цензурная реформа. Она «предоставляла все же, хотя и в очень ограниченных пределах, некоторую возможность выражения независимой мысли» (стр. 481). Как пример этой мнимой «возможности» можно привести закрытие «Современника» и «Русского слова» и полное запрещение не только переиздавать произведения Н. Г. Чернышевского, но даже и упоминать о нем.

Есть и фактические ошибки.

Записка Кавелина по крестьянскому вопросу отнесена на одной и той же странице (403) и к 1855 и к 1858 году.

Перед 1870 годом Австрия готовилась вместе с Францией к войне против Пруссии, а на стр. 520 утверждается, что Австрия готовилась вместе с Пруссией к войне против Франции.

На стр. 643 вместо Аджарии названа Абхазия.

На стр. 664 спутаны кабинетские земли (личная собственность императора) и удельные (собственность императорской фамилии).

В начале рецензии уже было указано, что над текстом учебника была проделана очень большая коллективная работа. Этой работе очень помогла критика, которой подвергся первоначальный текст книги. В журнале «Историк-марксист» (книга 2-я за 1939 год) был опубликован первоначальный текст главы о Крымской войне. Автор (проф. Дружинин) трактовал Крымскую войну как справедливую войну русского народа против иностранных захватчиков. Эта оценка вызвала резкую крити-

ку[1], в результате которой проф. Дружинин отказался от своих ошибочных взглядов и дал правильное, марксистско-ленинское освещение Крымской войны — как захватнической, грабительской войны с обеих сторон.

Учебник благодаря живому изложению читается легко, но он перегружен материалом. При дальнейших переизданиях следовало бы разгрузить книгу от второстепенных деталей.

II том «Истории СССР» — первый удачный опыт систематического изложения гражданской истории России в XIX веке.

Широкое обсуждение учебника советскими историками поможет обнаружить все имеющиеся в нем недочеты и создать, таким образом, образцовый, достойный нашей высшей школы учебник по истории СССР.

Проф. А. ПАНКРАТОВА, доц. А. ФОХТ.

«НОВАЯ ИСТОРИЯ». Ч. II. Академия наук СССР. Институт истории. Под редакцией академика Е. В. Тарле, члена-корреспондента АН СССР проф. А. В. Ефимова, проф. Ф. И. Нотовича и проф. В. М. Хвостова. М. Соцэкгиз. 1939. 602 стр. 75 000 экз. 9 р. 60 к.

«Новая история», ч. II, охватывает второй период новой истории — от франко-прусской войны и Парижской коммуны до Великой Октябрьской социалистической революции в России и окончания первой мировой империалистической войны, т. е. с 1870 по 1918 год. Это время является периодом «начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества» (И. Сталин, С. Киров, А. Жданов «Замечания о конспекте учебника новой истории»). Студенчество, учительство и все занимающиеся историей получили учебное пособие, в котором на основе марксистско-ленинской методологии изложена история большинства стран мира и отражены важнейшие особенности, этапы и события второго периода новой истории.

Книга состоит из четырех разделов.

В первом описаны франко-прусская война, Парижская коммуна и конец I Интернационала; во втором — период, переходный к империализму, от начала 70-х годов до конца XIX века, а также история II Интернационала и международных отношений в указанный отрезок времени. В третьем разделе дана история тех же стран в период довоенного империализма от начала XX века (приблизительно) до начала первой мировой империалистической войны.

Эта периодизация нарушается, однако, тем, что очерк о Японии (с 1868 по 1914 год) без каких-либо оговорок целиком перенесен в третий раздел, а конец XIV главы учебника, посвященной II Интернационалу, датирован 1904 годом, хотя изложение доведено до 1900 года.

Разделы второй и третий открываются содержательными, хорошо составленными главами об экономическом развитии в период возникновения империализма и в период довоенного империализма. Третий раздел кончается главой «Итоги социально-политического развития Западной Европы и США с 1870 по 1914 г.». Четвертый раздел отведен первой мировой империалистической войне и событиям, с нею связанным.

В учебнике нашлось место для истории малых стран, что является важным шагом вперед в сравнении с практиковавшейся у нас до сих пор трактовкой истории Западной Европы.

Вторая часть учебника выгодно отличается от первой тем, что в ней нет грубых ошибок, в немалом количестве встречавшихся в первой части.

К лучшим частям книги нужно отнести весь первый раздел, экономические очерки (главы IV и XVI), главы о международных отношениях и, с некоторыми оговорками, главы о мировой войне, о Германской империи и об Англии.

Однако в стремлении к «максимальной сжатости», нередко идущей в ущерб ясности и понятности изложения, авторы допустили существенные недочеты, которые должны быть устранены при переиздании книги. Следует также отметить диспропорцию между частями книги. Так, если первой мировой империалистической войне посвящено 148 страниц, то другим

---

[1] **См. Ем. Ярославский** «Невыполненные задачи исторического фронта». («Историк-марксист» № 4 за 1939 год, стр. 7). Обсуждение доклада члена-корреспондента Академии наук СССР А. А. Шестакова в Институте истории Академии наук СССР на тему «Историческая наука в свете «Краткого курса истории ВКП(б)» («Историк-марксист» № 3 за 1939 год, стр. 213).

важнейшим событиям уделено место, достаточное только для беглого упоминания об этих событиях.

Очень важным дефектом, которым страдает большинство очерков истории отдельных стран, является недостаточное внимание авторов к вопросам государственного строя.

Руководители партии и правительства в своих речах о Сталинской Конституции часто сравнивают Основной Закон социалистического государства с конституциями буржуазных стран для того, чтобы показать принципиальные преимущества советской демократии и коренное ее отличие от демократии буржуазной. Отсюда ясно, насколько важно основательно ознакомить учащихся с конституциями буржуазных стран. Это тем более необходимо, что значительно легче понять политическую жизнь каждого государства (условия и характер классовой борьбы, маневры и комбинации правительств и партий, способы образования и причины падения министерств и пр.) при более близком знакомстве с сущностью его государственного строя. Ознакомиться с государственным строем — это значит понять не только его механизм, но и то, как этот механизм приводится в действие, как он функционирует. Это необходимо для того, чтобы понять все хитросплетения буржуазных конституций, разобраться в существе буржуазного парламентаризма как средства одурачивания масс.

Вместе с тем для учащихся представляла бы большой интерес характеристика буржуазных партий, их состава, примыкающих к ним организаций, избирательных маневров, употребляемых ими для того, чтобы привлечь на свою сторону массы и оттеснить или подавить прогрессивные силы общества. Преступные приемы, употребляемые при этом буржуазными партиями, дали основание Энгельсу характеризовать обе буржуазные партии в США, как две больших шайки спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть.

В главах, посвященных США, ничего не говорится о государственном строе страны, об особенностях ее политической жизни. Очень мало подобных сведений дается и в главах об Англии. Дать такие сведения было тем более необходимо, что в I части «Новой истории» конституции США посвящено не более половины страницы в главе «Война за независимость». Здесь в самом кратком виде указаны основные политические органы, созданные конституцией. В I части курса, помимо краткого изложения избирательных реформ, почти нет никаких сведений о государственном строе Англии. Именно поэтому можно было ожидать, что во второй части «Новой истории» этим вопросам будет отведено надлежащее место. То немногое, что можно об этом найти в главе «Итоги социально-политического развития Западной Европы и США», ни в коем случае не может удовлетворить читателей.

После этих общих замечаний перейдем к рассмотрению отдельных очерков.

Главы V и XVII — «Германская империя в конце XIX в.» и «Германия в период довоенного империализма», как и главы об Англии, о которых будет сказано ниже, написаны ярко, живо, содержат ценный материал. Можно лишь пожелать, чтобы в них были исправлены следующие недочеты.

Начало V главы — «Социальный и политический строй Германской империи» — следовало бы дополнить более подробной характеристикой конституции Германской империи, которая дала бы возможность ярче иллюстрировать мысль Маркса, что эта конституция — «...обшитый парламентскими формами... бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм» (Маркс и Энгельс. Соч., т. XV, стр. 284). Следовало бы показать, что преобладание чиновничьего Союзного совета над рейхстагом выражалось, кроме того, что указано в книге, еще и в том, что рейхстаг мог быть досрочно распущен Союзным советом с согласия императора. Торговые договоры заключались императором с согласия Союзного совета, после чего они передавались на одобрение рейхстага. Если правительство отдельного государства желало внести законопроект на рассмотрение законодательных органов, оно могло это сделать только через Союзный совет. Кроме законодательных прав Союзный совет обладал еще определенными правами в областях исполнительной и судебной. Хотя Пруссия имела в Союзном совете всего 17 представителей из 58, но это обеспечивало ей право вето в вопросах, касающихся изменения конституции.

Роль Пруссии в Союзном совете усиливалась еще тем, что председательствовал в нем и заведывал его делами рейхсканцлер (назначавшийся, как известно, императором, т. е. прусским королем). Когда «общественному спокойствию угрожала опасность», император мог об'явить военное положение, т. е. приостановить действие конституции.

Крайнюю неравномерность избирательных округов для выборов в рейхстаг (преобладание сельскохозяйственных округов над индустриальными) следовало бы проиллюстрировать примерами. Вот один из них. Берлин, насчитывавший в 1910 году (без пригородов) 1899 тысяч жителей, по-

сылал в рейхстаг 6 депутатов (хотя, по конституции, от 100 тысяч человек полагался один депутат), а Познань, имевшая столько же населения,— 15 депутатов. Сельскохозяйственный Восток, политически наиболее отсталый, посылал пропорционально больше депутатов чем промышленный Запад.

Наиболее существенное из прав рейхстага — бюджетное право — ограничивалось утверждением на семь лет вперед военного бюджета (септеннат).

На стр. 76 под рубрикой «Культуркампф» читаем: «Бисмарк решил сломить силу партии «центра» и политическое влияние католической церкви, признатая их враждебными единству Германской империи». Такая формулировка может ввести в заблуждение читателя, так как действительная причина действий Бисмарка заключалась не только в этом, но также в том, что деятельность «центра» была направлена против господства протестантской Пруссии в об'единенной Германии.

Следовало бы изложить обстоятельства, непосредственно связанные с «культуркампфом»: провозглашение Пием IX догмата о непогрешимости, образование секты старокатоликов, отказавшихся признать этот догмат, запрещение последним преподавать в школах, отлучение их от католической церкви и пр. К этому надо прибавить отказ папы принять вновь назначенного германского посланника при Ватикане. Бисмарк таким образом получил формальный повод начать борьбу против католичества и католической партии.

Недостаточно полно дана в учебнике критика Готской программы. «Вожди эйзенахцев,— читаем мы на стр. 78, — сделали большие уступки лассальянству. В новой программе отсутствовала четкая формулировка неизбежности пролетарской революции, необходимости завоевания власти и установления диктатуры пролетариата для осуществления перехода к социализму». Во-первых, не только отсутствовала «четкая формулировка», но и намека не было на неизбежность пролетарской революции и установления диктатуры пролетариата; во-вторых, и в программе эйзенахцев такие формулировки тоже отсутствовали. Ничего не сказано в рецензируемой книге о тех пунктах программы, где говорится о принадлежности всего продукта общественного труда всем членам общества на равных началах, о справедливом распределении и пр. Автор не счел нужным рассказать читателю о том, как основоположники научного коммунизма понимали идею равенства в экономической области при социализме; в главе ничего не сказано о том, как отнеслись лидеры эйзенахцев, в частности Вильгельм Либкнехт, к марксовской «Критике Готской программы».

О дюрингианстве, о борьбе с Дюрингом и «Анти-Дюринге» сказано всего в пяти строках.

Крайней сжатостью в ущерб законченности и понятности изложения страдает, например, описание обстоятельств, относящихся к руководящей деятельности Маркса и Энгельса в германской социал-демократии в период исключительного закона. О «циркулярном письме» сказано слишком мало; нужно было рассказать подробнее, в чем заключалась сокрушительная критика правооппортунистических взглядов цюрихской «тройки». Если бы автор подробнее изложил указанные обстоятельства и позицию, занятую Марксом и Энгельсом в вопросе о редакторе для создаваемого нелегального органа, то на этом примере можно было бы увидеть, как Маркс и Энгельс боролись за выправление линии социал-демократической партии. Ультра-«левые» не только проповедывали немедленную революцию (стр. 81), но и террор. Ленин писал об их плане так: «Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, — один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору...» (Ленин. Т. IV, стр. 398), а Маркс в письме к Зорге выразился о Мосте и его пропаганде следующим образом: «Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» слишком революционна. Мы обвиняем его в том, что в ней нет никакого революционного содержания, а одни революционные фразы» (Маркс и Энгельс. Т. XXVII, стр. 63).

На стр. 82 читаем: «Владельцам прядильных фабрик пошлины (покровительственные.— **А. А.**) также были очень выгодны, ткацкой же промышленности они грозили убытками». Это обстоятельство следовало бы об'яснить.

Для своей шовинистической агитации Бисмарк в 1886—1887 годах использовал в качестве предлога буланжизм, о чем для большей ясности следовало упомянуть в параграфе о «Картели» с ссылкой на соответствующее место книги, где говорится о буланжизме.

При оценке Эрфуртской программы следовало более четко определить ее положительные и отрицательные стороны. На стр. 88 учебника читаем: «В своей теоретической части программа в общем исходила из марксистских установок. Но в практической части она содержала весьма серьезные уступки оппортунизму». Эта оценка может навести читателя на непра-

вильный вывод, будто вопрос о диктатуре пролетариата не имеет теоретического значения. Оценка Энгельса звучит иначе.

Приступая к критике Эрфуртской программы, Энгельс писал: «со стороны теоретической проект в целом стоит на почве современной науки, и на этой почве его можно обсуждать» (Маркс и Энгельс. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 103). Следовало бы также сказать о комментариях Каутского, в которых проявился уже его центризм. Ставя вопрос о революционном или мирном способе овладения властью, Каутский считает возможным мирный способ, мотивируя это следующим образом: «Нет никакой необходимости, чтобы такой переворот произошел с пролитием крови. Ведь бывали в истории случаи, когда представители господствующих классов проявляли особую проницательность или слабость и трусливость и сдавались добровольно перед неизбежным».

О Бернштейне и ревизионизме сказано слишком бегло, если не сказать, — поверхностно. Не говоря уже о том, что следовало бы несколько глубже охарактеризовать взгляды Бернштейна, подвергнув их соответствующей критике, надо было бы хотя бы вкратце изложить, как отнеслась к ревизионизму германская социал-демократия и как выступали по этому вопросу ее лидеры на партейтагах: штутгартском 1898 года, ганноверском 1899 года, дрезденском 1903 года. Это дало бы возможность читателю сопоставить позицию вождей германской социал-демократии по этому вопросу с последовательно марксистской оценкой ревизионизма, данной Лениным и Сталиным.

Каутский в «Анти-Бернштейне» (название этого сочинения почему-то не упомянуто) не «обошел» вопроса о диктатуре пролетариата, как утверждается на стр. 92 учебника, а сделал в этом вопросе уступку Бернштейну. «Решение вопроса о проблеме пролетарской диктатуры, — писал Каутский «против» Бернштейна, — мы вполне спокойно можем предоставить будущему» (цитируем по работе Ленина «Государство и революция»). По поводу этого Ленин писал: «Это не полемика против Бернштейна, а, в сущности, уступка ему, сдача позиции оппортунизму, ибо оппортунистам пока ничего большего и не надо, как «вполне спокойно предоставить будущему» все коренные вопросы о задачах пролетарской революции» (Ленин. Т. XXI, стр. 444).

В период империализма большое значение в рабочем движении получил вопрос об отношении между партией и профсоюзами, да и само по себе профдвижение играло большую роль в судьбах рабочего движения Германии. Следовало бы поэтому посвятить отдельный параграф германскому профдвижению, охарактеризовать его направления (свободные, гирш-дункеровские, христианские и другие союзы), организацию свободных союзов, их программу, функции, численный состав, прессу, материальные средства, руководство, профсоюзную бюрократию.

Нельзя считать вполне удовлетворительными страницы, посвященные характеристике трех течений в германской социал-демократии и борьбе этих течений по различным вопросам программы и тактики. Здесь можно пожелать больше цельности и последовательности в изложении. Почти все сказанное на стр. 264, поскольку оно связано с революцией 1905—1907 годов, следовало бы отнести к рубрике «Русская революция 1905 г. и германское рабочее движение»; и только после этого следовало изложить все относящееся к борьбе трех течений по вопросу о всеобщей стачке и об отношениях между партией и профсоюзами. Это сделало бы изложение более компактным, что в методическом отношении очень важно.

* * *

Главы VI и XVIII посвящены Англии 1868—1895 и 1895—1914 годов. Материал, который дан под заголовками «Политический и административный строй Англии» и «Начало вырождения буржуазной демократии и парламентаризма в Англии», совершенно недостаточен для характеристики ее государственного строя и показа и об'яснения традиционной политики одурачивания масс, поддерживаемой и культивируемой господствующими классами Англии.

Авторам следовало рассказать о мероприятиях первого министерства Гладстона по ирландскому вопросу. Эти мероприятия были определенным откликом на фенианское движение, возрождения которого Гладстон боялся и которое он стремился парализовать, привлекая на свою сторону духовенство и среднюю буржуазию.

Не совсем ясно выражение: «Закон 1871 г. полностью легализовал тред-юнионы». Что нужно подразумевать под словом «полностью»? Следовало указать на бывшие ограничения в отношении защиты тред-юнионами своих прав на суде (прав юридического лица) и в политической деятельности. Право сбора средств на политические цели в дальнейшем оспаривалось у тред-юнионов судами.

Раздел главы об Англии выиграл бы, если бы автор дал хотя бы небольшие характеристики крупных политических деятелей Англии, например характеристику Гладстона, развенчивающую этого кумира либеральной буржуазии; характеристику

авантюристической фигуры Дизраэли, родоначальника новой империалистической политики Англии, и др.

Следует отметить неудачное выражение: «Лидеры тред-юнионов вскоре снова связались с либералами, забыв конфликт из-за вопроса о пикетировании» (стр. 103). Дело не в «забвении», а в том, что в своих теоретических воззрениях тред-юнионисты в основном исходили из политико-экономических позиций манчестерства и теории гармонии интересов капитала и труда. Поэтому поддержка либералов являлась для тред-юнионистов постоянной линией поведения. Если они иногда отпадали от либералов, то это вытекало из их политической тактики, заключавшейся в том, чтобы путем поддержки той или другой партии выторговать себе законодательные уступки.

На стр. 110 сказано, что захваченная в Южной Африке огромная страна была названа в честь Родса—Родезией, без указания на то, кто такой был Родс и почему ему была воздана такая честь. Дальше, правда, сказано, что он стоял во главе какой-то компании, но этого совершенно недостаточно для обрисовки этого империалистического дельца. Деятельность Родса, единомышленника и сподвижника Джозефа Чемберлена, чрезвычайно характерна для английской захватнической политики.

Говоря о Генри Джордже, следовало бы привести характеристику его учения, данную Марксом.

Всему рабочему и социалистическому движению 80-х и начала 90-х годов отведены три страницы, что, даже при ограниченности места, нельзя считать достаточным.

Фабианство следовало бы охарактеризовать несколько глубже. Автор говорит о том, что в конце 90-х годов фабианцы стали чем-то вроде поставщиков идеологии для английских тред-юнионов, но о сущности этой самой идеологии сказано слишком мало.

О второй части раздела об Англии можно сделать только несколько замечаний.

На стр. 279 следовало об'яснить, в чем заключалось «бруклэндское соглашение».

Надо было также раз'яснить, почему понадобилось создание отдельной «рабочей партии» для проведения выборов в парламент, когда имелись «независимая рабочая партия» и «социал-демократическая федерация».

Ничего не сказано о том, что для консерваторов разрешение аграрного вопроса в Ирландии (выкуп земель у лэндлордов) было средством борьбы против гомруля. Кстати, полезно было бы сообщить подробнее о возникновении партии гомруля.

Очерки истории Франции, данные в главах VII и XIX, сильно испорчены стремлением к чрезмерной краткости.

Анализу конституции 1875 года отведена в учебнике всего одна страница. Не сказано, что право быть избранными в депутаты предоставлялось лицам, достигшим 25 лет.

Не совсем правильно указан состав коллегии для выборов в сенат. Сказано, что сенат избирался коллегиями, состоявшими из депутатов и делегатов от департаментских и окружных советов; в действительности коллегии состояли из трех категорий выборщиков: из депутатов данного департамента, членов генеральных и окружных советов и делегатов, специально избираемых муниципальными советами. Не мешало бы указать, что в сенат могли быть избираемы лица, достигшие 40-летнего возраста, и что сенат избирался на 9 лет, а состав его обновлялся по третям.

Правильно указано, что генеральные и окружные советы, от которых главным образом зависели выборы в сенат, состояли преимущественно из представителей имущих классов. Нужно было добавить, что это, несмотря на всеобщие выборы, об'ясняется в значительной степени тем, что должность муниципального советника не оплачивалась. При учреждении сената сельским округам был дан перевес над городскими (а из городов, по закону 1884 года, отдавалось предпочтение небольшим). Это нужно было иллюстрировать примерами.

Не только монархисты, но и республиканцы были удовлетворены такой организацией сената. Как показывают факты, сенат всегда являлся твердыней консервативно-реакционной политики, фактически задерживая или отвергая все законы более или менее прогрессивного характера, в особенности законы, дававшие какое-нибудь облегчение рабочим (фабричные законы, законы о страховании рабочих, закон об отмене контор найма, закон против засилия церкви, об амнистии коммунарам и пр.).

Такова была физиономия французского сената. В изложении автора нет фактов, иллюстрирующих роль сената, и характеристика его поэтому недостаточно убедительна.

Стоило бы отвести хотя бы полстраницы вопросу об образовании и смене кабинетов, о бюрократии и централизации и в связи с этим об особенностях местного самоуправления во Франции. В дальнейшем только вскользь говорится о неустойчивости французских кабинетов. Правильно указывается, что частая смена министерств (министерская чехарда) являлась результатом борьбы течений среди республиканцев, но

это последнее обстоятельство не об'ясняется.

Более углубленный анализ конституции 1875 года показал бы, почему французский государственный строй являлся республикой с монархическими учреждениями.

В воззрениях поссибилистов автор находит идеи утопического социализма, не указывая, в чем они заключались.

Автор также не указывает, что послужило ближайшим поводом раскола в Рабочей партии.

Упомянув о биржах труда, автор в скобках об'ясняет, что это были местные об'единения синдикатов (профсоюзов) различных отраслей промышленности. Верно, что биржи труда вскоре после своего возникновения превратились в подобные об'единения; но это не об'ясняет читателю, откуда произошло название «биржа труда»; к тому же это — не историческое об'яснение.

В 1886 году произошла стачка в Деказвилле, принявшая бурный характер. Так приблизительно сказано в учебнике. Описание самой стачки, ее причины и ход совершенно обойдены. То же самое нужно сказать и о стачке в Кармо 1892 года. О причинах ее сказано, что она произошла «по политическим мотивам». Такое слишком общее указание не удовлетворит студента, который вправе требовать более точного об'яснения.

Говоря о схватках гедистов с лидерами нарождавшегося анархо-синдикализма, нужно было упомянуть и о марсельском с'езде 1892 года. Говоря о нантском с'езде, следовало бы отметить, что с защитой всеобщей стачки выступил оказавшийся впоследствии ренегатом Аристид Бриан. Гед выступил против Бриана, Жирара и др. (проповедывавших всеобщую стачку как средство — и притом мирное — социальной революции) и в тот момент стоял на правильной позиции.

В рассматриваемых главах чувствуется тенденция умалить положительные стороны гедизма. Например о «деле Мильерана» автор пишет так: «Гедисты заняли более правильную позицию» (стр. 142). Его, впрочем, поправляет автор главы о II Интернационале. По тому же поводу он пишет: «Надо сказать, что и Гед и Р. Люксембург стояли тогда на правильной точке зрения» (стр. 223).

Известно, что ВКТ и федерация бирж некоторое время враждовали между собой, отстаивая свое преобладание в синдикальном движении; нужно было бы упомянуть о том, что в 1902 году произошло об'единение федерации бирж с ВКТ под фирмой последней.

Противопоставляя прежнюю демократическую позицию Клемансо его реакционному повороту после прихода к власти в 1906 году, автор пишет: «Однако теперь Клемансо был уже не тот» (стр. 306). Дело не в том, что Клемансо был уже не тот, а в том, что радикалы, придя к власти, становились самыми обычными защитниками капитализма. В выборе между защитой интересов народных масс или господствующей верхушки они, приходя к власти, без колебания принимали сторону последней. Таков был Гамбетта; таковы были Клемансо, Бриан и др. Эта характерная черта радикалов с особенной рельефностью должна была проявиться в период империализма, в период империалистических войн и пролетарских революций.

Этот реакционный характер политики радикалов нужно было показать на конкретных примерах их политической деятельности. Следовало показать, что радикалы и не затрагивали вопроса об обещанной демократизации государственного строя и местного самоуправления, не приложили никаких усилий для проведения закона о подоходном налоге, не произвели даже выкупа железных дорог. Особенно следовало подчеркнуть, что радикалы не поднимали вопроса о 8-часовом рабочем дне, легко мирились с тем, что законопроекты, обещавшие некоторое улучшение положения масс и принятые палатой депутатов, проваливались или искажались сенатом. В то же время они всю свою энергию обратили на борьбу с рабочим движением.

* * *

Главы о США написаны крайне схематично, сухо, поверхностно и нуждаются в значительной переработке. Недостаточно использованы высказывания Ленина о США.

Очерк экономического развития США в 70—90-х годах слабо иллюстрирован конкретными данными.

Вместо того чтобы сосредоточить внимание на об'яснении американских темпов развития промышленности, автор посвящает в том же параграфе около страницы росту богатства спекулянтов, возникновению семейств миллиардеров. В то же время не даны основные цифровые показатели, характеризующие состояние естественных богатств страны, не показаны экономические преимущества США перед другими странами. Нужно было подчеркнуть громадное значение исключительного американского протекционизма для развития американской промышленности, с чем связан опять-таки исключительный по своим размерам ввоз иностранных (в особенности английских) капиталов. Иммиграция,

сыгравшая немаловажную роль в развитии американской хозяйственной жизни, приблизительно до конца XIX века поставляла не только неквалифицированную, но и более или менее квалифицированную рабочую силу. Следует также помнить о том, что осваиваемые громадные земельные пространства долгое время были свободны от платежа земельной ренты, что содействовало увеличению капиталов, направлявшихся по каналам промышленности. Все эти важнейшие особенности экономического развития США не отражены в учебнике.

В состоящем из 17 строк параграфе, посвященном развитию техники, сообщается, сколько было выдано патентов на изобретения в 70-х годах, без всяких указаний на то, какие это были изобретения. В последнем абзаце этого же параграфа (6 строк) без всякой связи с предыдущим говорится об обстоятельствах, задерживавших рабочее движение.

О государственном строе США, как уже отмечено, ничего не сказано.

Характеризуя борьбу обеих буржуазных партий в США, Ленин писал: «После освобождения негров разница между той и другой партией становилась все меньше. Борьба этих партий велась преимущественно из-за вопроса о большей или меньшей высоте таможенных пошлин. Никакого с е р ь е з н о г о значения для массы народа эта борьба н е и м е л а. Народ обманывали, отвлекали от его насущных интересов посредством эффектных и бессодержательных д у э л е й двух буржуазных партий» (Л е н и н. Т. XVI, стр. 190).

Автор VIII главы не показал на конкретном историческом материале борьбу этих «двух шаек политических спекулянтов».

То, что автор сообщает нам о президентах начиная с 1872 года, не лишено, быть может, некоторого интереса, но совершенно не характеризует борьбы обеих партий, не показывает, как этот метод политической спекуляции прикрывался конституцией. Более того, на стр. 147—148 автор сбивается на такую трактовку поведения демократической партии, при которой эта партия выступает выразительницей народных интересов. А через полстраницы неожиданно приводится указание Энгельса, что обе партии—это «две больших шайки политических спекулянтов, которые попеременно забирают в свои руки государственную власть и эксплоатируют ее самым грязным образом и для самых грязных целей».

В параграфе «Рабочее и фермерское движение» (стр. 148) ни слова не говорится о фермерском движении; о рабочем движении тоже сказано очень мало, а говорится о положении рабочего класса в конце XIX века. Здесь автор вкратце упоминает об иммиграции, посвящая ей пять строк. Между тем характеристика иммиграции — чрезвычайно важный момент для понимания состава и положения рабочего класса, для понимания сущности рабочего движения в США. Автор мог бы здесь с большей выгодой для своего очерка использовать материал, данный Лениным в статье «Капитализм и иммиграция рабочих» (Л е н и н. Т. XVII, стр. 40—42).

Следующий параграф — «Борьба за 8-часовой рабочий день. События в Чикаго в 1886 г.»—тоже вызывает крайнее недоумение. Неужели эта борьба велась, как изображает автор, без участия каких-либо рабочих организаций? Ведь известно, что стачка 1 мая 1886 года была подготовлена в значительной степени Американской федерацией труда, что значительная часть «рыцарей труда» принимала в ней участие, несмотря на то что головка организации была против этого, что в Чикаго в 1885 году было основано «Общество 8-часового рабочего дня». В дальнейшем на сцене появляются анархисты, но ни об обстоятельствах, содействовавших зарождению анархизма в США, ни об организации анархистов автор ничего не сообщает.

Очень схематично и вследствие этого малопонятно изложены такие важные вопросы рабочего движения США, как история «Ордена рыцарей труда», организация, теоретические взгляды и деятельность АФТ, борьба между «Орденом» и АФТ и борьба между АФТ и Социалистической рабочей партией.

Об «Ордене рыцарей труда» читатель может получить по учебнику представление как о никчемной, в лучшем случае бесполезной, если не вредной организации. Можно подумать, что «Орден» стоял в стороне от стачек, занимаясь кооперативными утопиями. Между тем известно, что «Орден» в той или иной степени руководил почти всеми крупнейшими, в особенности железнодорожными стачками 80-х годов, что при подавлении стачек одним из главных требований предпринимателей, пред'являемых рабочим, был отказ от участия в «Ордене». Одной из причин падения «Ордена» была свирепая атака на него буржуазии, которая для своих об'единений одно время выдвинула лозунг: «Смерть рыцарям труда!»

При отсутствии анализа программы и состава «Ордена рыцарей труда» и характера его деятельности непонятной остается, хотя и кратковременная, но широкая его популярность. Поэтому совершенно неубедительно неожиданное утверждение

автора, что несмотря на свои слабые стороны «Орден рыцарей труда» оставил заметный след в рабочем движении, об'единив огромные массы неквалифицированных рабочих».

Автор не использовал гомстедской стачки 1892 года для иллюстрации специфических условий стачечной борьбы в США (выписка владельцем предприятия 300 сыщиков из пинкертоновского агентства, бой между рабочими и сыщиками, кончившийся, кстати сказать, печально для последних. Тут кстати надо было сказать о частных сыщицких конторах, о поставке конторами штрейкбрехеров и пр.). Но автор ограничился шаблонным упоминанием о посылке правительством войск для подавления стачки, т. е. об обстоятельстве, наблюдаемом нами во всех буржуазных странах.

Причина, ход и результаты испано-американской войны изложены в учебнике слишком упрощенно. До взрыва крейсера «Мэйн» шли продолжительные переговоры между США и Испанией по поводу восстания на Кубе, причем американская плутократия стремилась изобразить себя защитницей угнетаемых Испанией кубинцев. Обо всем этом нужно было сказать, чтобы дать представление о методах американской захватнической политики. Следовало также сказать об отношениях, установившихся между США и Кубой, об'явленной независимым государством с некоторой оговоркой. Эта оговорка, известная под названием поправки Плэтта, превращала Кубу в протекторат. На Филиппинских островах США стимулировали восстание, обещав повстанцам свободу. После войны острова были формально уступлены Испанией Соединенным Штатам за 20 миллионов долларов. Обманутые туземцы подняли восстание, которое с чрезвычайной жестокостью было подавлено. Так выглядело «освобождение», полученное Кубой и Филиппинами из рук американской господствующей верхушки. Но в очерке мы ничего почти об этом не находим.

По временам изложение событий превращается в хронологический перечень. Так, о забастовках на стр. 321—322 говорится так: «Бастовали... грузчики и возчики в Чикаго — в 1905 г.; лесорубы Запада — в 1908 г.; металлисты штата Пенсильвания — в 1910—11 гг.; текстильщики в городе Лоренсе штата Массачузетс — в 1912 г.» Этот список названий и дат ничего не дает читателю.

* * *

Малосодержательны очерки «Испанская монархия в последней четверти XIX в.» и «Кризис испанской монархии в начале XX в.» (главы XI и XXIII). Следовало дать хотя бы краткое изображение экономического состояния Испании в последней четверти XIX века. Не следует забывать, что это был период развития промышленного капитализма в Испании. Недостаточно было указать на громадную роль иностранного капитала в испанской промышленности, следовало это иллюстрировать фактами. Нужно было основательно охарактеризовать аграрные отношения, тем более, что они имели в различных частях страны свои особенности. Аграрный вопрос играл (и играет до сих пор) очень большую роль в жизни Испании. Сам автор в дальнейшем неоднократно упоминает об аграрных волнениях.

В главах об Испании нет ничего об областничестве, о национальном вопросе, об отношениях между окраинами и центром, о касикизме, особенно развитом в Валенсии и Мурсии. Вскользь сказано о засилии церкви. Для характеристики испанских нравов не мешало бы сказать несколько слов о таурофилии и связанных с ней промыслах.

На стр. 178 сказано: «Гнилость испанской монархии обнаружилась особенно наглядно... во время войны с Соединенными Штатами Америки». Но в чем проявилась эта гнилость, не видно из изложения, в котором Испания выглядит почти одинаково со всеми другими европейскими странами.

Слабо охарактеризованы буржуазные партии Испании. Не упомянуты республиканские заговоры и восстания 1883 г., 1886 г. и др. Не отмечен политический под'ем, начавшийся под влиянием разгрома 1898 г. (усиление республиканской партии, рабочего движения, рост рабочих организаций). Немного лучше показано рабочее и социалистическое движение. Об анархо-синдикализме сказано слишком мало. Неубедительно об'яснено отсталостью земледелия то обстоятельство, что в Испании 48% земель оставалось необработанными.

Главы «Италия после национального воссоединения (1871—1900 гг.)» и «Италия 1900—1914 гг.» (главы X и XXII) сделаны значительно лучше чем главы об Испании, но и они в некоторой степени пострадали от упрощенности и сжатости изложения. Очень скупо и не совсем ясно сказано о буржуазных партиях, в частности о трансформизме буржуазных деятелей, о коррупции; мало уделено внимания вопросу о финансах, игравшему такую большую роль в первые десятилетия после воссоединения. Не мешало бы для иллюстрации коррупции сказать о «панаме», имевшей место в 1892—1893 годах.

Говоря о внешней политике, следовало бы указать на существование двух направлений: антифранцузского и французского. Не отмечено празднование 1 Мая в 1891 году. Полезно было бы сказать о таких характерных для Италии организациях, как маффия и камора, игравших немаловажную роль в подавлении оппозиционного и революционного движений.

* * *

Главы «Австро-Венгрия 1867—1900 гг.» (IX) и «Австро-Венгрия 1914 г.» (XXI), «Международные отношения 1871—1900 гг. и борьба за раздел мира» (XV) и «Международные отношения 1900—1914 гг.» (XXIX) написаны хорошо. Автор сумел сочетать известную степень сжатости с полнотой изложения.

Раздел IV — «Первая мировая империалистическая война» — написан содержательно и интересно, но не соответствует своему методическому назначению. Он представляет по своим размерам и трактовке вопроса, скорее, монографию на указанную тему чем раздел учебника.

Из 148 страниц раздела около 60 посвящено изложению хода военных действий по годам и кампаниям. Около 50 страниц отведено характеристике дипломатической борьбы и внутриполитического положения отдельных стран, в особенности в 1917 году, причем и здесь немало говорится о положении на фронтах. Обстоятельно рассказано о борьбе Ленина за создание III Интернационала.

Если многие из глав, относящихся к предыдущему разделу, страдают крайней сжатостью и схематичностью, то этот раздел, наоборот, непропорционально велик и до того перегружен фактами и деталями, что усвоение их становится крайне затруднительным, читатель теряется среди множества подробностей, часто об'единенных только хронологической связью.

В таком виде этот раздел не может быть перенесен в следующее издание; он должен быть сокращен, по крайней мере, наполовину, а материал следует более тщательно сгруппировать по подтемам.

При всей подробности изложения недостаточное внимание уделено рабочему движению во время войны. Более или менее подробно говорится о рабочем движении в 1917 году, о предыдущих годах говорится очень бегло. Например, говоря о стачках 1915—1916 годов в Англии, автор не упоминает о второй стачке на Клайде, о выдвинутом стачечниками требовании рабочего контроля над угольной промышленностью; еще до этого требование контроля было выдвинуто на конгрессе тред-юнионов в Бристоле в 1915 году. Во время второй стачки на Клайде было выдвинуто требование национализации шахт; железнодорожный союз в 1917 году выдвинул требование национализации железных дорог.

В параграфе о Германии не упомянуто о том, что Либкнехт на первомайской демонстрации 1916 года выступил с лозунгом «Долой войну!», «Долой правительство!», за что был арестован и предан суду. Слишком поверхностно сказано об образовании союза «Спартак» (не упомянуто о «Письмах Спартака»).

Бледно изложен ход военных действий в 1918 году. Ничего или почти ничего не сказано о военной организации промышленности, получившей особенно широкое развитие в Германии.

Большим недостатком, снижающим научную ценность всей книги, является полное отсутствие историографии и указателя литературы к каждому разделу.

Есть пробелы в Указателе имен. Имени Эрве мы на стр. 308 не нашли; в указателе нет ссылки на имеющееся на стр. 60 имя Томаса.

Подводя итог, следует указать, что книга, составленная и редактированная коллективом специалистов, имеет много положительных сторон. Указанные нами недочеты отдельных глав можно легко исправить при повторном издании книги. Только очерки о двух странах (Соединенных Штатах Америки и Испании) нуждаются в коренной переработке.

Проф. А. АНЕКШТЕЙН (Арк. А-н).

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Ярославский Е. Биография В. И. Ленина. М. Госполитиздат. 1940. 212 стр. В перепл. 4 р. 25 к. 100 000 экз.

Книга освещает основные моменты жизни и деятельности В. И. Ленина.

Последние две главы говорят о товарище Сталине, великом соратнике великого Ленина.

И. Сталин. К 60-летию со дня рождения. М. Изд-во «Правда». 1940. 392 стр. и 25 вкл. л., портр. и илл. В перепл. 8 руб. 300 000 экз.

Книга является наиболее полным и прекрасно изданным сборником статей и приветствий, появившихся в связи с 60-летием И. В. Сталина. В ней помещены приветствие ЦК ВКП(б) «Великому продолжателю дела Ленина — товарищу Сталину», Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении товарищу Сталину звания Героя социалистического труда, постановления Совнаркома СССР об учреждении премий и стипендий имени товарища Сталина, статьи товарищей Молотова, Ворошилова, Кагановича, Калинина, Микояна, Андреева, Хрущева, Берия, Шверника, Маленкова, Димитрова, Шкирятова, Поскребышева и Двинского, Щербакова, Ярославского и других, многочисленные приветствия великому вождю и другу трудящихся и благодарность товарища Сталина всем приветствовавшим его в день 60-летия.

Бухникашвили Г. Гори. Исторический очерк. Тбилиси. Изд-во «Заря Востока». 1939. 104 стр. с илл. и портр. В перепл. 4 р. 50 к. 10 100 экз.

В 12 главах автор описывает историю города Гори — места рождения товарища Сталина — с VII века до наших дней, использовав для этого исторические летописи, мемуары путешественников, архивные документы и воспоминания современников.

Девятая глава книги говорит о жизни в Гори товарища Сталина в детские и юношеские годы.

Исторические места Тбилиси. Краткий путеводитель по местам, связанным с жизнью и деятельностью товарища Сталина. Тбилиси. Гос. изд-во Грузинской ССР. 1940. 106 стр. с илл. и портр. В перепл. 5 руб. 5000 экз. (Тбилисский филиал Института Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б).

В книге описано 12 мест, связанных с пребыванием в Тбилиси товарища Сталина (здание бывшей Тифлисской духовной семинарии, бывшая Тифлисская физическая обсерватория, главные мастерские Закавказских железных дорог, отдельные фабрики, Авлабарская большевистская подпольная типография и др.). О каждом пункте даны краткие сведения наряду с рассказом о революционной деятельности товарища Сталина, связанной с этим местом.

Сухой Л. И. Большевистские организации Украины в революции 1905—1907 годов. Сборник материалов и документов. Киев. Госполитиздат УССР. 1940. 128 стр. с илл. и портр. В перепл. 1 р. 60 к. 15 000 экз., на украинском языке (Институт истории партии при ЦК КП(б) Украины).

В книге помещено 67 документов, характеризующих деятельность большевистских организаций Украины в период первой русской революции. Документы расположены в хронологическом порядке и распределены по 6 отделам: 1) «Русско-японская война и начало революции»; 2) «Политические стачки и демонстрации на Украине. Восстание на броненосце «Потемкин»; 3) «Расхождения между большевиками и меньшевиками. Борьба за III с'езд партии»; 4) «Всеобщая Октябрьская политическая забастовка. Первые советы рабочих депутатов»; 5) «В период I государственной думы до IV с'езда партии»; 6) «В период II государственной думы до V с'езда партии».

В начале книги помещена статья В. И. Ленина «Доклад о революции 1905 года». В конце книги даны даты важнейших событий революции 1905—1907 годов на Украине.

Шариков К. и Шидловский Г. Ленин в Петербурге. Места пребывания и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге (Петрограде). 1890—1920. 2-е, исправл. и дополн. изд. под ред. В. А. Быстрянского. Лениздат. 1940. 200 стр. с илл. и портр. и 5 вкл. л. илл. и портр. В перепл. 6 р. 50 к. 10 000 экз. (Ленинградский институт истории ВКП(б).

В книге приведены в хронологическом порядке все известные даты, места и факты жизни и революционной деятельности В. И. Ленина в Петербурге (Петрограде) за 1890—1891, 1893—1897, 1900, 1905—1907 и 1917—1920 годы. К каждой дате и факту даны довольно подробные комментарии. В начале книги помещена вводная статья В. Быстрянского «Ленин и питерские рабочие». Заканчивается книга указателем всех адресов предприятий, учреждений и общественных зданий, в которых бывал Ленин в Петербурге (Петрограде).

Во 2-м издании книга значительно расширена, увеличен текст комментариев.

Меликов В. А., комдив. Героическая оборона Царицына (1918 г.). 2-е, исправл. и дополн. изд. М. Воениздат. 1940. 256 стр. с карт., 2 вкл. л. портр. и 26 отд. брошир. листов схем. В перепл. 6 р. 50 к.

Книга посвящена великому трехмесячному походу армий тов. Ворошилова из Украины к Царицыну и исторической шестимесячной защите Царицына под руководством товарища Сталина. Книга состоит из 4 частей: I. Разгром кайзеровских оккупантов на Украине в 1918 г. и героический поход тов. Ворошилова. II. Операции групп войск тов. Ворошилова (5 и 3-я украинские армии в Донской области). III. Героическая оборона Царицына (в августе 1918 года). IV. Второе окружение Царицына (октябрь 1918 года).

Главное внимание автор обращает на организацию управления и командования вооруженными силами революции в этот период.

Померанцева А. В. Борцы пролетарской революции. Новосибирск — Красноярск. Обл. гос. изд-во. 1940. 44 стр., с портр. 55 коп. 13 000 экз.

Очерки из истории гражданской войны 1918—1919 годов в городе Красноярске и бывшей Енисейской губернии. Большое место отводится в книге биографиям виднейших участников и жертв гражданской войны в Красноярье (И. П. Белопольский, Я. Ф. Дубровинский, Г. С. Вейнбаум, Я. Е. Боград и др.). Первая глава книги дает общую характеристику рабочего движения в крае.

Раенко Я. Н. Из истории большевистских организаций Кубано-Черноморья. 1914—1920 годы (хронологический очерк). Краснодар. Краевое книгоиздательство. 1940. 172 стр., с илл. и портр. В перепл. 5 руб. 10 000 экз. (Ростовский областной истпарт).

Книга состоит из 18 отдельных очерков. Три первые очерка рассказывают о большевистских организациях Кубано-Черноморья в период империалистической войны, о состоянии Кубано-Черноморья перед Февральской буржуазно-демократической революцией 1917 года и о ходе Февральской революции. Три следующие очерка описывают Октябрьскую социалистическую революцию на Кубани. В семи очерках излагаются отдельные эпизоды борьбы за укрепление советской власти на Кубани и в Черноморье. Пять последних очерков посвящены работе подпольных большевистских организаций в период деникинщины.

Сломаха Н. Г. Красные партизаны станицы Попутной. Краснодар. Краевое книгоиздательство. 1940. 60 стр., с илл. и портр. 2 руб. 5000 экз.

Автор обработал для книги свои личные воспоминания и рассказы товарищей — участников событий — о некоторых эпизодах гражданской войны на Кубани в 1918—1919 годах. В начале книги дан ряд биографий красных партизан — уроженцев станицы Попутной, ныне знатных людей Страны советов.

Революционное движение в Крыму (1880—1904, 1905—1907 годы). Сборник документов и материалов. Составлен Крымистпартом ОК ВКП(б). Под ред. М. М. Щербакова. Симферополь. Крымгиз. 1940. 188 стр. В перепл. 3 руб. 5000 экз. (В помощь пропагандистам и агитаторам.)

В сборнике собраны статьи из «Искры» и «Пролетария», прокламации, выдержки из местных легальных газет и журналов, материалы земских изданий и извлечения из архивов местных царских властей. Материал распределен по 6 отделам: 1) Сельское хозяйство Крыма, положение крестьян и сельскохозяйственных рабочих. 2) Промышленность Крыма и положение рабочего класса. 3) Революционное движение в Крыму и возникновение социал-демократических организаций (эти отделы освещают период 1880—1904 годов). 4) Под'ем революционного движения в Крыму в период революции 1905—1907 годов. 5) Движение крестьян и сельскохозяйственных рабочих в тот же период. 6) Революционное движение 1905—1907 годов в армии и флоте (в пределах Крыма и омывающих его вод Черного моря).

Самарин А. Борьба за Мадрид. М. Воениздат. 1940. 112 стр. со схемами и 2 вкл. л. схем и карт. В перепл. 2 р. 50 к.

Книга охватывает первый период гражданской войны в Испании (сентябрь 1936—март 1937 года), когда основным об'ектом борьбы являлся Мадрид — столица республиканской Испании. На фоне боевых операций этого периода книга показывает, как из отдельных, плохо вооруженных и недостаточно организованных отрядов революционных рабочих и крестьян складывалась, росла и развивалась народная армия Испанской республики; как эта армия, вынужденная сначала отходить под напором регулярных частей мятежников и иностранных интервентов, вооруженных современной техникой, к марту 1935 года выросла настолько, что оказалась способной с меньшими силами в маневренном бою разгромить наголову итальянский экспедиционный корпус под Гвадалахарой.

Книга предназначена для начальствующего состава РККА, но с интересом может быть прочитана и подготовленным гражданским читателем.

Бонч-Осмоловский Г. А. Грот Киик-Коба. М. и Л. Изд. Академии наук СССР. 1940. 226 стр. с илл. и схем. В переплете 12 руб. 1000 экз. (Комиссия по изучению четвер-

тичного периода. «Палеолит Крыма». Вып. 1-й).

Книга посвящена древнейшему в Советском Союзе памятнику человеческой культуры — недавно открытой (в 1924 году) стоянке человека четвертичного периода. В книге изложены история открытия и исследования грота Киик-Коба, методы раскопок и обработки материалов, физико-географические условия грота (географическое положение, стратиграфия, образование грота, флора и фауна) и археологические материалы, найденные в гроте (кремневые и костяные орудия и др.).

В конце книги даны 22 таблицы с изображениями найденных предметов и приложена библиография литературы, посвященной гроту Киик-Коба (195 названий).

Древние авторы о Средней Азии (VI век до нашей эры — III век нашей эры). Хрестоматия. Под ред. Л. В. Баженова. Ташкент. Гос. изд-во научно-технич. и социально-экономич. литературы Узбекской ССР. 1940. 172 стр. В перепл. 10 руб. 5000 экз.

В книге даны мелкие отрывки из работ античных и китайских авторов, посвященные истории Средней Азии, подобранные в хронологическом порядке по таким разделам: 1) «Средняя Азия в эпоху Ахеменидов»; 2) «Походы Александра Македонского»; 3) «Географические описания Средней Азии после македонской эпохи»; 4) «Политические события в Средней Азии от IV века до нашей эры по III век нашей эры»; 5) «Социально-экономические отношения в Средней Азии после македонской эпохи»; 6) «Религия в Средней Азии до арабов».

В начале книги дан краткий исторический очерк Средней Азии за рассматриваемый период, а в конце книги приводятся хронологические таблицы.

Пахомов Е. А. Обзор источников по истории Азербайджанской ССР. Вып. 1-й. Источники клинописные, греческие, римские (латиноязычные), византийские. Баку. Изд. Азербайджанского филиала Академии наук СССР. 1940. 52 стр. 1 р. 50 к. 1000 экз. (Институт истории, археологии и этнографии).

Книга дает краткие сведения о всех известных источниках, освещающих историю территории и народов Азербайджана с древнейших времен до XIII века. В работе сообщается о 21 греческом авторе, 18 римских авторах и 24 византийских, причем приводится перечень лучших изданий книг и переводов отдельных работ на русский язык.

Манандян Я. А., акад. Тигран II и Рим. В новом освещении по первоисточникам. Ереван. Изд. Армянского филиала Академии наук СССР. 1940. 252 стр. с илл. и схем. и 3 вкл. л. и портр. В перепл. 20 руб. 300 экз. (Институт истории и археологии).

Римские авторы и базирующиеся на них историки (Моммзен, Рейнак, Ферреро и др.) смотрели до сих пор на римские походы в пределы Грузии и Армении пристрастными глазами римлян, искажали историческую действительность, идеализировали римскую политику и культуру и принижали уровень культуры народов Закавказья. Я. А. Манандян дал совершенно новое освещение проблемы, показав разгром рабовладельческим Римом относительно высокой культуры древней Армении.

Книга написана на армянском языке, и лишь небольшое послесловие к ней (стр. 243—248), выясняющее значение и тематику работы, дано на русском языке.

Инфессура С. и Бурхард И. Дневники. Документы по истории папства, XV—XVI века. Вводная статья, примечания и редакция С. Г. Лозинского. М. Гаиз. 1939. 244 стр. и 10 вкл. л. илл. В перепл. 5 р. 40 к. 5000 экз.

Книга содержит сокращенный перевод дневников секретаря римского сената Инфессуры и церемониймейстера папского двора Бурхарда, описывающих современные им события в Папской области (1483—1506 годы). Книга дает много материала для характеристики пап, папской политики и политической жизни вообще в XV и начале XVI века.

Тер-Аветисян С. Походы Надир-шаха. (В описании Акопа Шамяхеци). Ереван. Изд. Армянского филиала Академии наук СССР. 1940. 60 стр. 1 р. 50 к. 1000 экз. (Институт истории и археологии).

Книга является одним из первоисточников армянской истории. Она изображает освобождение Армении и Грузии в первой четверти XVIII века от захвативших их афганцев и турок. Книга написана очевидцем событий — эчмиадзинским монахом. Текст книги дан на армянском языке (русский текст был издан в Тбилиси в 1932 году), предисловие к ней написано на русском языке.

ОПЕЧАТКА

В части тиража настоящего номера, на стр. 33, по вине корректуры допущена опечатка в фамилии автора. Напечатано: «В. Гарлиза»; следует читать: «В. Гармиза».

РЕДАКЦИЯ.

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес редакции: ул. „Правды", 24, комната 809, тел. Д 3-30-48, Д 3-36-50

Ответственный редактор — **Б. М. ВОЛИН**
Зам. редактора — **С. И. Гопнер**
Отв. секр.— **О. С. Вейланд**

А—30981 Изд. № 734 Зак. 2267 Тираж 50000
Материал сдан в набор 2/VII 1940 г. Подписан к печ. 10/VIII 1940 г. 10 печатн. л. 70000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты „Правда" имени Сталина, Москва, ул. „Правды", 24.

Цена 1 р. 50 к.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСКОЙ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Б. М. ВОЛИН
ЗАМ. ОТВЕТСТВ. РЕДАКТОРА
С. И. ГОПНЕР
ОТВЕТСТВ. СЕКРЕТАРЬ
О. С. ВЕЙЛАНД

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

освещает события, факты и проблемы гражданской истории СССР, всемирной истории (древней, средней, новой и новейшей), истории освободительной борьбы народов; уделяет особое внимание истории ВКП(б), истории свержения царизма, свержения власти помещиков и капиталистов, истории разгрома иностранной вооруженной интервенции во время гражданской войны, истории построения Советского государства и социалистического общества в СССР;
освещает исторические факты, события и проблемы международного революционного движения вообще, международного коммунистического движения в особенности.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

освещает все эти вопросы на основе учения марксизма-ленинизма — диалектического и исторического материализма — на основе положений «Краткого курса истории ВКП(б)», утвержденного ЦК ВКП(б), директив товарища Сталина, ЦК ВКП(б) и СНК СССР по вопросам изучения и преподавания истории.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

уделяет особое место вопросам преподавания истории в школе, рассчитан на советскую интеллигенцию, особенно на преподавателей истории, пропагандистов, партактив, советское студенчество и дает на страницах журнала консультацию по вопросам, поставленным читателями.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА"